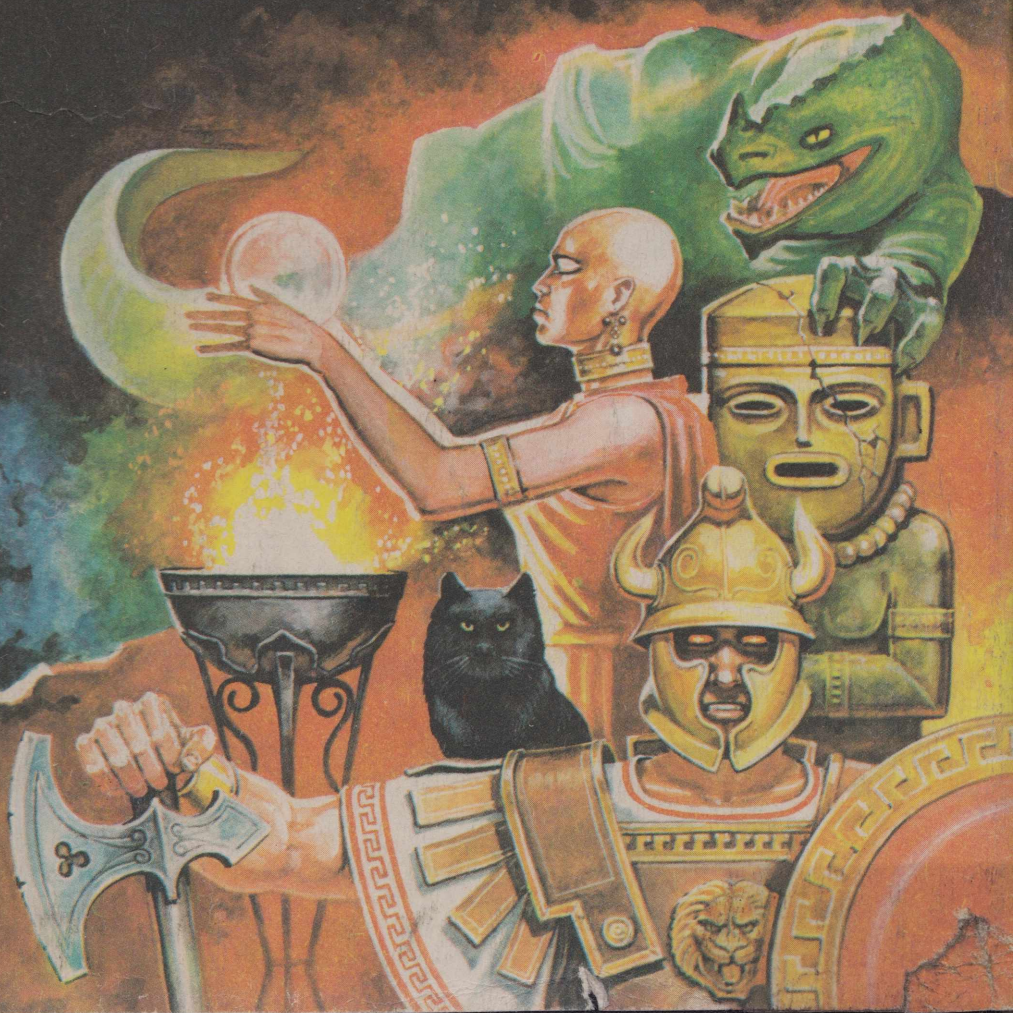

6

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК № 6

ЩИТ

**Санкт-Петербург
БИБЛИОТЕКА «ЗВЕЗДЫ»
1992**

Издание осуществлено совместно с АО «ЭГОС»

Составитель
А.Лютиков

Оформление художника
Н.Зубкова

А 4703010100-0048 без объявл
7183-92

ISBN 5-7183-0048-8

© Н. Зубков. Оформление. 1992.
© Агентство «Сфинкс СПб».
Макет. 1992.
© АО «ЭГОС». 1992.

ЩИТ

ГЛАВА, 1

Одно мгновение, когда он смотрел на мегаполис, ужас пронизал его. Что же теперь делать?

Багровое солнце опускалось за Центр, черным силуэтом вырисовывающийся на темнеющем небе. Казалось, вся линия горизонта состоит из ломаной линии небоскребов и башен субгородов. Однако Коскинен знал, что это только иллюзия. На самом деле огромные здания находились на большом расстоянии друг от друга, а пространство между ними было заполнено домами поменьше, где размещались магазины, квартиры людей низших классов и еще бог весть что. И все это было связано между собой трубами, сверкавшими в свете последних солнечных лучей. Там, внизу, на земле, находилась самая прозаическая сеть улиц, движущихся тротуаров и монорельсов. В окнах уже вспыхнули огни — темнота там наступает раньше, включились уличные фонари, зажглись фары машин и автобусов. Здесь, на высоте в сотни этажей, стояла тишина, и город внизу казался чем-то нереальным. Как будто Коскинен видел какую-то чужую планету.

Коскинен резко выключил обзорный экран, и пейзаж на стене превратился в беспорядочные переливы пастельных тонов. Коскинен не стал проигрывать записи, которые предлагались в роскошно оформленном списке. Он даже не захотел слушать гавайскую гитару или музыку парижских кабаре, а ведь утром это так понравились ему: «Я хочу чего-то, что можно осязать физически, попробовать на вкус, понюхать, в конце концов».

Что же именно?

При отеле были свои бары, рестораны, бассейн, гимнастический зал, сад, театр — все, что можно купить или нанять на время. Он мог потребовать обслуживание по первому классу и уплатить за это на пять лет вперед. Кроме того, есть еще и сам город. А можно заказать стратокорабль и улететь в какой-нибудь западный город, нанять местный флайер или флиттер, чтобы перенестись

на окраину национального парка, провести ночь на берегу лесного озера. Или...

— Чего же я хочу? — спросил он себя. — Я могу заплатить за все, что хочу. Только мне не купить друзей. Целых 24 часа я совершенно один! Я уже понял, как скучно платить за все!

Он подошел к телефону. «Звони, — сказал ему Дэйв Абрамс. — Центр Кондоминиум на Лонг Айленд. Вот номер. У нас всегда найдется для тебя место. Да и Манхеттен рядом — прекрасное место для развлечения. По крайней мере, так было пять лет назад. И, кроме того, я могу гарантировать самые вкусные в мире мамины булочки».

Коскинен опустил руку, так и не взяв трубку. Еще нельзя. Семье Абрамсов тоже нужно время, чтобы узнать сына. Он за пять лет здорово изменился. Представители правительства, встречавшие команду в Годдар Филд, отметили, как они стали спокойны, как будто спокойствие Марса вошло в них, стало частью их. Нет, звонить он не будет. Он слишком горд для того, чтобы напрашиваться в гости: «Эй, примите меня. Мне плохо одному. Ведь у меня нет друзей». И это после того как он наговорил, что будет делать, как будет веселиться после возвращения на Землю.

Все его товарищи по экипажу имели преимущества перед ним. Они были старше, и у них было место, куда они возвращались, где их ждали. На корабле было даже двое женатых. А у Пита Коскинена не было никого. Кошмары прошлой войны не затронули маленький городок в северной Миннесоте, но эпидемии его не обошли. И вот выжившего восьмилетнего ребенка, сироту, вырастили вместе с несколькими тысячами других, имевших такой же ИК*, как у него. Было так трудно! Не потому, что в школе к ним относились сурово, нет, страна делала все, чтобы заменить сиротам родителей. Но страна нуждалась в большом количестве тренированных мозгов. Коскинен получил степень магистра в восемнадцать лет. В том же году Общество Астронавтов приняло его предложение и включило в состав Девятой Экспедиции на Марс. Он был одним из тех, кто должен был остаться на Марсе надолго и узнать побольше о марсианах. И Коскинен покинул Землю.

Он выпрямился. «Нечего жалеть себя, — подумал он. — Мне 23 года, у меня прекрасное здоровье, внушительный счет в банке».

* ИК — интеллектуальный коэффициент

— Нужно начинать с чего-то, парень,— сказал он вслух и пошел в ванную, чтобы посмотреть, как он выглядит. Красная блуза с высоким воротником, обтекающие ноги легкие голубые брюки, мягкие сапожки — все это он купил сегодня в самом шикарном магазине. Он подумал, не сбрить ли ему светлую бородку, но затем решил, что лицо без нее будет слишком детским — курносый нос, высокие скулы, голубые глаза. Тело его было мускулистым, сильным. Не зря капитан Твен настаивал на ежедневных упражнениях, да и постоянно таскать на себе сто земных фунтов снаряжения — тоже не прогулка на пикник. Коскинен удивился, как быстро он приспособился к земной силе тяжести, но пыльный влажный воздух и температура позднего лета угнетали его больше, чем вес.

«Через несколько дней, когда я сделаю свое официальное заявление, мое имя войдет в анналы истории. А пока нет ничего удивительного, что я на Земле никому не нужен. Нельзя же провести большую часть жизни в другом мире, так отличном от этого, что кажется сном, а по возвращении мгновенно стать таким же, как эти шесть миллиардов землян».

Раздался звонок.

В первое мгновение удивленный Коскинен не двинулся с места. «Кто?... Кто-нибудь с корабля,— с надеждой подумал он.— Такой же одинокий, как я сам». Он вспомнил про сканер, включил его, но экран был пуст.

Дверь открылась, и вошли два человека. Один из них нажал кнопку возле двери, и та закрылась. Затем он переключил что-то в маленькой плоской коробочке, которую держал в руке. Сканер ожил, и на экране появился пустой коридор. Человек опустил приборчик в карман голубой блузы. Его вапарник двинулся вдоль стены до тех пор, пока в поле его зрения не попала ванная комната.

Коскинен стоял не двигаясь и ничего не понимая. Это были мощные мужчины, лица их были лишены всяческого выражения.

— Эй,— начал он.— В чем дело?

Голос его прозвучал довольно слабо и беспомощно, как будто звукоизоляция стен и пола заглушила его.

— Ты Пит Дж. Коскинен с Бонса?

— Да. Но...

— Мы из Службы Безопасности.

Один из вошедших достал из кармана бумажник, раскрыл его. Коскинен посмотрел на идентификационную карту, сравнил лицо владельца с фотографией, и живот у него сжался.

— В чем дело? — спросил он мгновенно охрипшим голосом, так как даже новички на Земле знали, что СБ не разменивается на простые преступления.

Человек захлопнул бумажник. Коскинен успел заметить имя — Сойер. Второй пока оставался анонимом.

— Наше бюро получило сообщение о тебе и твоей работе на Марсе, — сказал Сойер. Его глаза пристально смотрели на Коскинена. — Сначала скажи, у тебя назначены какие-нибудь встречи на этот вечер?

— Нет, нет, я...

— Отлично. Помни, что мы проверим все твои слова, даже с помощью психовмешательства. Лучше не лги нам.

Коскинен отступил на шаг. Его руки вспотели.

— В чем дело? Я арестован? За что?

— Назовем это просто предохранительной мерой, — сказал Сойер чуть более дружеским тоном. — Технический арест, но технический только до тех пор, пока ты не откажешься помогать нам.

— Но что я сделал? — внезапный гнев охватил его. — Вы не можете пичкать меня наркотиками, я знаю свои права!

— Верховный Суд три года назад постановил, что в случаях, касающихся национальной безопасности, допустимы методы психического вмешательства. Разумеется, эти свидетельства не могут быть использованы в суде — пока. Но это и не важно, — Сойер наклонился к Коскинену. — Где эта штука?

— Какая? — Коскинена охватила дрожь.

— Экранирующее устройство. Ты взял его с корабля со своим багажом. Где оно?

«Это почти единственный мой багаж», — пронеслось у него в голове.

— Что вам нужно, — услышал он свой срывающийся голос. — Я... никогда не воровал. Я только хотел иметь его при себе... пока не сделаю официального сообщения.

— Никто не считает тебя вором, — сказал человек у двери. — Просто Служба Безопасности считает гаджет опасной штукой. Кто еще знает о нем кроме других членов экспедиции?

— Никто, — Коскинен облизнул губы. Страх понемногу начал оставлять его. — Он у меня здесь... в этой комнате.

— Отлично. Давай его сюда.

Коскинен прошел в кабинет и нажал кнопку. Стена скользнула в сторону, и появились кое-какая одежда, плащ и сверток размером два на один фут. Он был завернут во вчерашнюю газету и перевязан шнурком.

— Вот, — сказал Коскинен.

— И это все? — подозрительно спросил Сойер.

— Устройство небольшое. Я покажу вам,— Коскинен наклонился, но Сойер положил руку ему на плечо и оттянул назад.

— Не надо. Держись подальше от него.

Коскинен постарался подавить гнев, вновь завладевший им. Он свободный американский гражданин, который хорошо поработал для своей страны. Кто они такие, эти плоскостопные, чтобы так обращаться с ним!

Служба Безопасности — вот кто. Это заставило его содрогнуться. Конечно, он мало знал о них, никогда не слышал, чтобы они хватал~~и~~ людей без вины, но о Службе Безопасности всегда говорили только приглушенным тоном.

Сойер быстро осмотрел комнату.

— Больше ничего,— кивнул он.— О'кей, Коскинен, расплатись здесь — и мы уходим.

Коскинен сложил вещи в чемодан, подошел к телефону, набрал номер и невразумительно пробормотал, что чрезвычайные обстоятельства вынуждают его срочно уехать. Затем он подписал чек, и клерк, принявший внизу его факсимиле, спросил, не нужен ли ему носильщик.

— Нет, благодарю,— Коскинен отключил связь и посмотрел в лицо агента, имени которого он так и не узнал: — Я надолго? — спросил он.

— Это решаю не я,— агент пожал плечами.— Идем.

Коскинен сам понес свой чемодан, а Сойер взял сверток. Второй человек стоял возле стены, недвусмысленно держа руку в кармане. Скользящая дорожка понесла их вдоль коридора. На третьем перекрестке они сели в лифт и стали подниматься вверх. Напротив промелькнули девушка и юноша, спускающиеся вниз. Ее полупрозрачная легкая туника переливалась нежными цветами, волосы были уложены в высокую прическу и опрыснуты михалятом, ее смех показался Коскинену серебряными колокольчиками, звеневшими откуда-то издалека. Он почувствовал себя таким же одиноким, как в ту ночь, когда умерла его мать.

«Чепуха,— сказал он себе.— Все должно быть под контролем. Именно этого и хочет Протекторат — контролировать все, сохранить города от радиоактивного дыма. И Служба Безопасности не более чем служба разведки Протектората. Все понятно. Ведь этот потенциальный барьер открывает возможности войн. Хотя и не откровенно агрессивных. Или я ошибаюсь? Может быть, Служба Безопасности — или сам Маркус — хочет иметь твердую уверенность в этом?»

А пока Сойер крепко держит его за локоть, у второго агента в кармане наверняка оружие, и они ведут его куда-то, где

проникнут в его мозг с помощью психонаркотиков... И внезапно ему до боли захотелось снова очутиться на Марсе...

На окраине Тривиум Сароятис, где начиналась Элезианская пустыня, которую заливало светом маленькое солнце, сверкающее с неба, похожего на пурпурное стекло, и по которой перекачивались темно-красные и коричневатые песчаные дюны, а на горизонте вздымался песчаный вихрь, увенчанный ледяными кристаллами, возвышалась каменная башня. Она стояла здесь еще в те времена, когда жители Земли охотились на мамонтов.

Из-за башни появилась огромная фигура Элькора. Его шагов не было слышно в разреженном воздухе. Приблизившись, он положил могучую руку на шею Коскинена, и Коскинен почувствовал ее даже через термокостюм, но в то же время касание было мягким и нежным, как прикосновение женской руки. Коскинен ощутил кодированную вибрацию, пронизывающую все его существо, он понимал этот код так же просто, как английский язык.

— Когда я прошлой ночью растворился в звездном свете, у меня появилась идея о новом аспекте реальности, которая поможет решить проблему и порадует нас.

Лифт остановился. Они вышли из кабины на крышу. Чуть в стороне от других припаркованных машин стоял ничем не выделяющийся воздушный кар. Соьер кивнул сторожу и открыл дверь:

— Заходи.

Коскинен сел на переднее сиденье. Агенты заняли места слева и справа от него. Все застегнули ремни безопасности. На радарном посту вспыхнул зеленый сигнал, Соьер передвинул рычаг, и кар взмыл в небо.

ГЛАВА 2

Солнце уже село, и малоэтажные мегаполисы погрузились в темноту. По стране протянулись цепочки электрических огней. Они тянулись, как смутно припоминал Коскинен, к Бостону, Норфолку, Питсбургу. Но над погруженной в темноту землей возвышались небоскребы, Центры. Они были такими высокими,

что солнце еще освещало их верхушки. Над янтаре́м солнечного заката небо окрасилось в темно-зеленый свет, и на нем вспыхнули яркие звезды.

Венера, вспомнил Коскинен. А эти маленькие движущиеся точки — спутники связи. В небе парило множество воздушных каров — гораздо больше, чем он помнил с детства. Значит, благосостояние людей возросло, подумал он. Огромный транс-континентальный лайнер перечеркнул небосвод, идя на посадку на морской аэродром возле мыса Код.

Сойер взял курс на Вашингтон и, включив автопилот, достал пачку сигарет.

— Куришь? — предложил он Коскинену.

— Нет, благодарю, — тишина в кабине кара давила на Коскинена, и, чтобы нарушить ее, он объяснил: — Мы, на Марсе, не можем курить.

— О, конечно. Ведь приходится все время восстанавливать кислород.

— Нет. Кислород здесь ни при чем. Главное — сила тяжести. Вместе с марсианами мы разработали восстановитель воздуха размером с кулак. Он способен снабдить воздухом двух человек, даже при максимальном потреблении кислорода. Я вмонтировал такой восстановитель в экранирующее устройство. Естественно, когда я путешествовал по Марсу, используя вместо термोकостюма и шлема потенциальное поле...

Сойер напрягся.

— Заткнись! — рявкнул он. — Я не желаю этого слышать.

— Но ты же из Службы Безопасности, — сказал удивленный Коскинен.

— Я не босс. И я не хочу подвергнуться промыванию мозгов, чтобы забыть то, чего не должен знать.

— Заткнись, — присоединился его напарник.

Сойер поджал губы. Коскинен откинулся на спинку сиденья: «Неужели они сотрут мою память?»

Второй агент повернулся и посмотрел в заднее окно.

— Что-то долго этот кар летит за нами, — сообщил он.

Сойер тоже посмотрел. И Коскинен не мог удержаться, но не увидел ничего, кроме ничем не примечательного кара, летящего за ними. В небе было много таких же машин.

— Мы не одни, кто летит в Вашингтон, — заметил Сойер.

Агент достал из отделения для перчаток бинокль и посмотрел на кар.

— Да, — пробормотал он. — Тот же, что шел за нами от самого Джерси. Я обратил внимание.

— Таких голубых каров много, — ответил Сойер.

— Я запомнил номер,— фыркнул агент.— Бери курс на Академию.

— Но...— пот каплями стекал по щекам Сойера.

— Слишком много совпадений. Он летел за нами из Эклина, затем потерялся над городом и появился над отелем точно в тот момент, когда взлетели мы. И к тому же он тоже летит в Вашингтон. А у нас даже нет связи со Штаб-квартирой. У любого здесь возникнут сомнения.

— Если у них было время выделить эскорт, то они могли бы подобрать нам вооруженный кар с закрытой связью. Это кто-то чужой. Что нам с ним делать?

Сойер взял микрофон.

— Вызвать регулярную полицию,— предложил он.— Или Штаб-квартиру?

— И тогда полконтинента узнает, что здесь происходит? Нет, подождем, пока нас не вынудят обстоятельства.— Агент наклонился к пультам и нажал кнопку. На экране вспыхнула надпись: «Просим разрешить максимальную скорость».

— Что случилось? — спросил Коскинен

— Не беспокойся, парень,— ответил агент.— Когда Служба Контроля выведет нас на верхний уровень, этим птицам при такой плотности движения придется ждать следующего разрешения на смену полосы не меньше трех минут. А это тридцать миль и множество каров между нами.

— Но... но...

Сойер взял себя в руки.

— Мы стараемся уберечь тебя,— сказал он дружелюбно.— Как ты думаешь, сколько времени ты проживешь, если китайцы не набросят на тебя петлю?

— О, он проживет немного, да и вряд ли такая жизнь понравится ему,— сказал второй агент.

Где-то внизу система контроля вычислила маршрут, по которому кар мог подняться вверх с максимальной скоростью. Прозвучал сигнал предупреждения. Коскинена вдавило в подушки сиденья. Мелькающие огни слились в сплошные линии и унеслись далеко вниз. Через прозрачный потолок кабины Коскинен видел только темное небо, яркие звезды на нем, и ни следа человеческой деятельности, за исключением нескольких спутников да одинокого лайнера.

Кар выровнялся. Сойер вытер лоб тыльной стороной ладони:

— Должен сказать, что здесь мне совсем не нравится.

— Но что теперь они могут сделать? — спросил Коскинен.— Если, конечно, они не решатся незаконно превысить скорость.

— Вряд ли они пойдут на это, — хмыкнул агент. — Ведь тогда здесь через две минуты будут полицейские. Однако эти мальчики не играют вхолостую. Наверняка у них есть еще что-нибудь в запасе.

Сойер немного расслабился.

— При такой скорости мы быстро будем над Вашингтоном, но вполне возможно, что нам придется долго ждать разрешения на посадку. Они успеют оказаться там. Как нам устроить срочную посадку? Хм. Я...

Коскинен, глядя на звезды и размышляя о том, увидит ли он их снова, первым заметил стратокорабль.

— Смотрите! Что это? — спросил он. Оба агента вздрогнули.

Корабль быстро снижался — большая черная капля, неосвещенная, почти невидимая. Уши Коскинена, привыкшие к разреженному воздуху, уловили рев его двигателей.

— Военный! — ахнул Сойер. Он рванулся к панели управления и что-то включил. Коскинен замер — уход с курса, установленного Службой Контроля. И увеличение дозволенной скорости...

Бронированный корпус корабля завис над каром и начал прижимать его к земле. Снова вокруг замелькали огни дорожного движения. Система Контроля пыталась справиться с неожиданным нарушением ее установок. Сквозь туман в глазах Коскинен видел, что она не справляется: красные и зеленые огни беспорядочно мелькали, иногда они загорались одновременно.

Но вот ремень безопасности крепко сдавил его живот. Рывок был таким сильным, что он чуть не ударился головой о приборную доску. Двигатели кара смолкли.

— Черт возьми! — крикнул Сойер. — Они использовали против нас систему захвата спутников.

Через потолок кабины Коскинен увидел туго натянутые тросы. Кар накренился. Огни снова остались внизу. Они были в ловушке.

Сойер нажал кнопку связи. Никакого ответа.

— Они блокировали связь, — прохрипел он и попытался включить двигатели, но все было бесполезно. — Нам не разорвать эту сеть. Есть надежда, что вмешаются копы?

— Никакой, — процедил сквозь зубы его напарник. — Даже зацепив нас этот корабль спокойно уйдет от любого полицейского кара. Но если вмешаются Воздушные Силы, то они смогут перехватить его.

— Кар, который следил за нами, имел постоянную связь с этим кораблем, а корабль постоянно находился на такой высоте, чтобы Служба Континентальной Защиты не засекала его. Вот почему кар так открыто следил за нами. В каре знали, что мы

будем делать, когда заметим слежку: полетим наверх, прямо в ловушку. Значит, это китайцы. Никто кроме них не смог бы разработать такой дьявольский план.

Сквозь скрипы и скрежет Коскинен услышал низкий свист. Их глазам открылась пронзительная голубизна неба и стало видно солнце, повисшее над западным горизонтом. Вероятно, они вышли в стратосферу, и воздух покидал кабину через неплотно пригнанные стены и двери. По звону в ушах Коскинен догадался, что давление падает.

У обоих агентов в руках уже были пистолеты.

— Ч-что мы будем делать? — запинаясь спросил Коскинен. Ему уже не хватало воздуха. Дрожь била его тело.

— Драться,— сказал Сойер.— У нас есть еще шансы. Чтобы освободить нас из сети, им нужно спуститься. Копы наверняка предупредили Воздушные Силы, и их радары засекли нас. Эскадра преследования перехватит нас минут через двадцать.

— Вероятно, они тоже знают это,— сказал другой агент. Он неотрывно смотрел вверх, где над ними нависло стальное брюхо корабля.

Кар тряхнуло. В дне стратокорабля открылся люк, и оттуда сверкнул свет.

— Они поднимают нас на борт! — ахнул Сойер.

Его компаньон сидел неподвижно. Кровь текла из его носа.

— Да,— сказал он.— Этого я и боялся.

Его пистолет повернулся и уперся в Коскинена.

— Прости, парень,— пробормотал агент.

— Что ты делаешь? — вырвался крик у Коскинена.

— Мы не можем позволить им взять тебя. Ты слишком важен для безопасности страны.

— Нет!!!

— Прощай, парень.

Коскинен действовал интуитивно. Никакая реакция не спасла бы его, если бы он полагался только на разум. На Марсе он часто занимался дзю-до ради развлечения. И его животные инстинкты наложились на отточенную технику.

Он резко повернулся на сиденьи, одновременно выбив левой рукой пистолет из руки агента. Правый кулак его, словно ракета, нанес удар в лицо, которое превратилось в сплошное кровавое пятно.

Одновременно Коскинен резко дернул головой назад. Удар припелся прямо в подбородок Сойера. Тот хрякнул. Руки Коскинена сдавили шею Сойера, и он, уже и без того страдающий от недостатка кислорода, тяжело обмяк.

Коскинен отстегнул ремень безопасности и выпрямился. Космическая чернота окружала его. Вибрация кара пробудила сознание. Люк уже был над самой крышей кара, как разинутая пасть. Коскинен заметил человека на краю люка — в термостюле, шлеме и с винтовкой. Кар через минуту будет внутри корабля, и тогда корабль свободно улетит туда, откуда прилетел.

Сойер и другой агент шевельнулись. Коскинен в смятении подумал: «Боже, что я наделал! Напал на двух сотрудников Службы Безопасности... И оставляю их тут, чтобы их захватили в плен... Но они хотели убить меня. А у меня нет времени, чтобы помочь им». Он перебрался на заднее сиденье и, взяв сверток с гаджетом, открыл дверцу кара. Воздух с шипением устремился наружу.

Кар стукнулся о край люка. Коскинен открыл дверь. Шпаги вонзились в его барабанные перепонки, когда они приняли на себя полную разность давления. Человек в костюме направил на него винтовку.

Коскинен прыгнул в открытую дверь и начал падать...

ГЛАВА 3

Самое главное — защитить глаза. Они могут заledenеть.

Коскинен спрятал лицо в изгиб левой руки. Тьма сомкнулась вокруг него. Тьма, невесомость и жгучий холод. Боль стиснула голову. Та порция воздуха, которую он вдохнул в каре, была еще в его легких, но неудержимо рвалась наружу, и он знал, что если поддастся этому желанию, инстинкт заставит его сделать новый вдох, и хотя на такой высоте воздуха почти не было, зато холода было вполне достаточно, чтобы заморозить его легкие.

Ослепший, почти потерявший сознание, он почти неповинуяющимися руками сорвал обертку свертка, подтянул его к себе. Так... а где же лямка для правого плеча? Паника охватила его. Он с трудом справился с ней и попробовал разобраться в амуниции.

Просунул руки в лямки. Панель управления улеглась ему на грудь. Пальцы, которые уже ничего не чувствовали, нащупали тумблер включения...

Он сильно выдохнул воздух и открыл глаза.

Холод ударил, как нож.

Он чуть не вскрикнул, но у него хватило здравого смысла не делать вдох.

«Еще рано... рано... — думал он в мгновения проблесков ускользающего сознания. — Нужно спуститься ниже. Сколько это займет времени? Квадратный корень из двойного расстояния, поделенного на «же». Элькор... когда ты по ночам растворялся в звездах, учитывал ли ты силу притяжения голубой звезды по имени Земля?»

В последний момент он успел включить тумблер...

Тело было как будто чужим и он не мог понять, тепло вокруг или холодно. Однако уже снова можно дышать! К счастью, его положение во время падения было таким, что встречный поток воздуха не попадал в открытый рот и не мог разорвать легкие. Жадно вдохнув несколько раз, он продолжал падать и видел ночное небо над собой, так похожее на небо Марса, если бы не огни стратопланов, рассекающие его вдоль и поперек. Погони он не заметил. Естественно, такой прыжок для людей на корабле наверняка означал его гибель.

Внезапно он осознал, что падает в густо населенную область страны, а при такой скорости падения он был настоящей бомбой.

— О Боже, или кто ты там есть, сделай так, чтобы я не убил кого-нибудь при падении!

Город летел ему навстречу. Вот уже ничего не видно, кроме домов... И удар...

Для него все выглядело так, словно он ударился о туго натянутую сеть. Энергетический щит гаджета образовал вокруг него плотную оболочку, поглощающую кинетическую энергию удара. Ничто, даже звук, не могло проникнуть сквозь него.

Он приземлился, поднялся на ноги и посмотрел на облако пыли, образовавшееся при падении.

Вскоре пыль улеглась, и у него вырвался вздох облегчения: вокруг не было пятен крови — только кратер на бетонной мостовой и трещины, разбегающиеся во все стороны. Неоновые фонари бросали ровный свет на невзрачные кирпичные стены домов и запыленные окна. Его внимание привлекла люминесцентная вывеска перед закрытой дверью: «Лавка дядюшки Кона».

— Я спасся, — вслух сказал Коскинен, с трудом веря в случившееся. Голос его дрожал. — Я жив. Я свободен.

Из-за угла вышли два человека: плохо одетые, тощие, изможденные. Видимо, эти кварталы населяла беднота. Они остановились и, раскрыв рты, смотрели на Коскинена и на разрушенную мостовую. Полоса искусственного безжизненного света освещала лицо одного из них. Коскинен видел, что человек отчаянно жестикулирует, но не мог услышать, что тот говорит.

«Вероятно шум от моего падения был подобен взрыву бомбы,— подумал он.— Что мне теперь делать? Бежать отсюда! Пока не поздно!»

Он отключил экран. И первым ощущением было тепло. И воздух. Ведь тот воздух, которым он дышал внутри щита, был захвачен им на высоте 20000 футов. Здесь же воздух был спертым, загрязненным. Дикая боль пронзила голову. Коскинен сглотнул, судорожно пытаясь уравнять давление. Звуки оглушили: гул машин, рев пронесившегося где-то рядом поезда, топот ног, крики людей...

— ...Эй, какого дьявола? Кто ты?...

К мужским голосам присоединился женский. Коскинен повернулся и увидел, как из боковых улочек, из окрестных домов прибывают все новые и новые жители этого района — возбужденные, взволнованные, кричащие: еще бы, такое событие в их тусклой жизни! Понятно, он для них не больше чем любопытное зрелище. И не потому, что грохнулся вниз с такой силой, что разворотил бетон. А потому, что был одет так, как одеваются те, кто живет наверху, в роскошных квартирах, номерах отелей, кто ведет прекрасную загадочную жизнь. Блестящий цилиндр на спине, на груди панель управления с ручками, тумблерами, загадочными приборами — да, он был похож на героя научно-фантастических фильмов. Коскинен подумал, не объяснить ли им, что он участвует в съемках нового фильма или проводит эксперимент... Но нет... Он бросился бежать.

Кто-то схватил его, но он вырвался и побежал дальше. Позади раздавались крики. Десять фунтов аппаратуры давили ему на плечи. Он оглянулся. Столбы фонарей стояли, как скелеты великанов с горящими головами, но они находились на большом расстоянии друг от друга, так что пространство между ними заполняла тьма. По обеим сторонам улицы возвышались стены. Все небо над улицей казалось натянутым сетью силовых линий и трубопроводов. Где-то за углом проревел поезд. Коскинен успел заметить своих преследователей и услышать их вопли.

Он прижал локти к ребрам и прибавил скорость. Разумеется, он был в лучшей спортивной форме, чем эти недоедающие. Тем более, что у него была надежда на будущее, а это тоже нужно учитывать. А на что можно было надеяться им, чьи рабочие места давно заняли машины, а потребление ограничивалось ростом населения? Люди, которые редко ели досыта, не могли хорошо драться и хорошо бегать.

Улицу, по которой бежал Коскинен, пересекал монорельс. Послышался шум приближающегося поезда. Спрятавшись за

колонной вблизи монорельса, Коскинен увидел, как поезд надвигается на него, ослепляя светом прожектора. Он бросился вперед и проскочил перед самым носом поезда. Вибрация пронизала все его тело. Боль жгла мозг. Коскинен прислонился к стене и только тут вспомнил, что мог сделать себя неуязвимым, включив защитный экран. Он смотрел на состав: мимо проносились товарные вагоны, а затем появились пассажирские. Через грязные стекла Коскинен видел бледные усталые лица.

«Нужно поскорее убираться,— подумал он,— пока поезд отрезал меня от преследователей». Коскинен соскочил с платформы и снова оказался на улице. Пробегая по ней, он заметил боковую аллею и свернул в нее.

Поезд прошел. Коскинен спрятался в темноте и прислушался. Шума толпы не было слышно. Видимо, охота закончилась.

Аллея привела его на небольшую площадь, по сторонам которой стояли старые дома — низкие, дряхлые. Коскинен притаился в тени. Он видел небо, беззвездное, огромное, багровое. Сбоку вырисовывался величественный силуэт Центра. До него было примерно полмили. Вокруг слышался шум проезжающих поездов, машин, но здесь, на площади, возле этих домов, не было никаких признаков жизни. Кроме старого тощего кота.

«Интересно, где я? Вероятно, где-то между Бостоном и Вашингтоном, судя по направлению полета корабля».

Коскинен дождался, пока его пульс и дыхание не выровнялись. Ноги болели от напряжения, но мозг был ясным. Скорее всего, он находился в районе, подвергнутом атомной бомбардировке. После войны такие районы наскоро отстраивались, и потом уже в них не вкладывали ни цента. Однако эти соображения ничем не помогли ему. Таких районов по стране было множество.

Что же делать?

Позвонить в полицию? Но скорее всего Служба Безопасности уже предупредила полицию. А агенты СБ хотели убить его.

Дрожь охватила Коскинена. Но этого просто не может быть! Только не в США! Конечно, страна должна охранять себя в этом жестоком мире, и тот, кто заботится о безопасности страны, должен быть человеком крепким, безжалостным, но нельзя же допускать, чтобы агенты были убийцами!

Впрочем, может быть, ситуация слишком серьезна, хотя он и не мог себе этого представить. Безопасность США зависит от того, попадет ли Пит Коскинен в руки врагов? Если так, то надо связаться с СБ. Они позаботятся о нем и освободят его, когда...

Когда?

Отец и мать мертвы, подумал он. Марс же спрятался где-то в грязном небе. К кому обратиться?

Он вспомнил Дэйва Абрамса. Дэйв был его ближайшим другом. Он и сейчас ему друг. И у него холодный уравновешенный ум. Отец Дэйва входит в Совет Директоров Атомного Центра, и его положение сравнимо с положением сенатора. Да, это выход. Позвонить Дэйву. Назначить где-нибудь встречу. Разработать план действий и выполнять его при поддержке могущественных друзей.

Немного успокоившись, он вдруг осознал, что голоден. И ему хочется пить. Его мучит жажда, как тогда, когда он путешествовал по Церебрус Кекаку и у него отказал аппарат для увлажнения воздуха... Тогда они с Элькором ходили к философам, которых уже много лет никто не видел, и все забыли, как они выглядят... Кажется, это было во Втором Земном Году. Да. На Третьем Году произошло слияние земной и марсианской наук и была разработана новая концепция энергетических явлений, новая для обеих планет. На Четвертом Году все теоретические разработки воплотились в практические решения и был сконструирован портативный аппарат для создания энергетического щита. Такие приборы были изготовлены для всех членов экипажа. Но из-за ограничения веса на Землю был доставлен лишь один... И тут Коскинен понял, как он был легкомыслен.

Впрочем, нужно чего-нибудь поесть. К счастью, в его кармане находится туго набитый кошелек...

ГЛАВА 4

Коскинен пересек площадь и вышел на более или менее приличную улицу. Судя по состоянию мостовой, здесь редко ездили машины. Кирпичные и бетонные дома теснились друг к другу, все как один похожие на коробки и все не выше пяти этажей. Кое-где на балконах сидели люди, наслаждаясь свежим воздухом. Другие бродили по тротуарам: старики, шаркающие ногами, подростки хулиганского вида с кепочками, надвинутыми на самые глаза, и сигаретами в углу рта, девочки в ультрамодных платьях. Они выглядели бы ничего, если бы надели такие платья через несколько лет, когда их фигуры приобретут женственные очертания. В окнах квартир виднелись люди, прильнувшие к синеватым экранам телевизоров.

Коскинен шел быстро, игнорируя взгляды людей и их перешептывание. Надо поесть, поесть... И вот за углом вспыхнул неон супермаркета.

В этот час там было мало народу. Он удивился обилию продуктов и сравнительно низким ценам, прошел мимо отделов одежды, лекарств, игрушек и, наконец, увидел надпись: «Ресторан». На неоновой рекламе разбитная девица, одетая только в коротенький передник, под которым не было ничего, проворно сновала между столиками, вместе с едой предлагая свои прелести.

Робот-швейцар не мог идентифицировать прибор на спине Коскинена.

— Один момент, пожалуйста,— раздался голос из репродуктора. Прозвучал зуммер, включился сканер и послышался человеческий голос:

— О'кей, проходите. Я не знаю, что это такое, но вы можете с ним пройти.

Коскинен ухмыльнулся и вошел в ресторан.

С удивлением он отметил, что здесь обслуживали не автоматы. Прекрасно, значит, в беднейших кварталах, где хоть какая-нибудь плата лучше чем ничего, еще сохранились люди, специальностью которых было приготовление пищи.

Огромный мужчина с печальными глазами стоял за кассовым аппаратом. Его живот буквально висел над кассой. Два человека в дальнем конце зала пили кофе. По внешнему виду они совсем не походили даже на обитателей этого квартала: блузы грязные, в пятнах, на лицах щетина недельной давности. Один из них, огромный, волосатый, смотрел телевизор — какую-то идиотскую историю времен последней войны. Другой сидел, зажав сигарету в пальцах и, казалось, был погружен в собственные мысли.

— Что вы желаете? — спросил кассир и нажал кнопку.

На экране появилось меню. Коскинен заказал гамбургер с жареным картофелем.

— И самую большую бутылку пива для начала,— добавил он.

— Смешанного? — спросил кассир.

— Что? — Коскинен посмотрел на мясистое лицо.— Вы имеете в виду, смешанного с водкой?

— О чем вы говорите? Я имею в виду возбуждающее. Пескалиноид, снiggio, песин... Что вы желаете?

— Ничего. Просто пиво. Сегодня вечером мне нужна ясная голова.

— Хм. Вы сверху, не так ли? Одежда, солнечный загар и все такое... Вам не слишком повезло, что вы попали сюда,— кассир достал из холодильника бутылку, открыл ее и поставил перед Коскиненом.— Послушайте моего совета: садитесь на первый поезд же и отправляйтесь обратно. А еще лучше, вызовите такси.

Пальцы Коскинена стиснули бутылку.

— Неужели это такой опасный район?

— Да нет. Разве что напоретесь на банду подростков. Но мы живем недалеко от Кратера, и их люди иногда забредают сюда.

Кассир тайком показал на тех двоих, что пили кофе в дальнем конце зала. Один из них отвернулся от телевизора и открыто, со злобой посмотрел на пришельца.

Кассир подтолкнул не слишком чистый стакан к Коскинену и тут же прошептал:

— Здесь, в зале есть охранники, так что у нас редко бывают неприятности, но вам лучше не выходить одному на улицу. Этот тип заподозрил, что у вас есть деньги.

Коскинен пожал плечами. Почему бы ему не воспользоваться такси?

— Благодарю за предупреждение,— сказал он. Он снял прибор со спины и сунул его под стул.

— Что это? — спросил кассир.

— Эксперимент.— Вопросов больше не последовало. Люди низших классов не совали нос в чужие дела. Коскинен выпил пива. Ему сразу стало легче, и он набросился на пищу. К нему вернулась уверенность.

Один из мужчин встал из-за столика и подошел к видеотелефону. Его абонент не пожелал включить экран. Переговорив, человек вернулся на свое место и толкнул соседа, вернув того к действительности. Они о чем-то пошептались. Коскинен не обратил на это внимания. Он покончил с едой, подошел к телефону и набрал номер Абрамса. На экране вспыхнула надпись: «Пожалуйста, заплатите один доллар за три минуты разговора и два доллара за видеосвязь».

Коскинен бросил две монеты и повернулся к кассиру.

— Где я?

— Что?!

— Я заблудился. Что это за район?

— Бренко,— кассир закатил глаза к потолку, и те двое ухмыльнулись. Коскинен закрыл дверь кабинки. Засветился экран. Полная пожилая женщина смотрела на него. Глаза у нее были красные, припухшие, и она нервно вертела обручальное кольцо на пальце.

— Миссис Абрамс? — спросил Коскинен.

Женщина кивнула.

— Попросите к телефону вашего сына Дэвида, пожалуйста.

— Его нет,— она говорила совсем тихо.

— А вы не скажете, как мне связаться с ним? Это очень срочно.

— Нет... нет... Кто вы?

— Пит Коскинен, друг Дэвида...

Она буквально подскочила на месте.

— Я не знаю вас! — крикнула она. — И ничего не хочу знать!

— Но, мадам, — Коскинен похолодел и лихорадочно попытался сохранить спокойствие. — Что-нибудь случилось? Дэйв должен был рассказать обо мне. Если вы не знаете, где он сейчас, попросите его позвонить мне, когда он вернется. — Он замолчал, размышляя. — Я сниму комнату в отеле, а затем позвоню и сообщу номер...

— Нет! — закричала она. — Его арестовали. Разве вы не знаете? Они пришли и увели его!

Коскинен замер.

Женщина сообщила, что сказала слишком много.

— Вам лучше самому связаться с полицией, — проговорила она. — Здесь какое-то ужасное недоразумение. Я уверена, что это недоразумение. Может, вы можете его рассеять. Отец Дэвида весь день сидел на телефоне, обзвонил всех членов Конгресса, но не смог узнать ничего. Может, вы сможете помочь... — она зарыдала.

Прослушивается ли линия, — подумал Коскинен и отключился. Ему хотелось бежать. Но куда? Некуда! Если Директор Атомного Центра не смог выручить сына... Я должен попытаться связаться с капитаном Твенном.

Капитан жил где-то в Орегоне. Коскинен знал это. Он вызвал Службу Информации.

— Немного терпения, сэр, — ответил голос. — Сейчас на одну минуту связь прервалась.

Какого черта? Но он вспомнил, что теперь вся связь осуществляется через систему спутников.

— Я подожду, — сказал он.

— Если человека нет дома, вы хотите, чтобы был проведен специальный розыск?

— О, нет. Только найдите, где он остановился. Я буду говорить с любым, кто подойдет к телефону.

Экран погас. Коскинен стоял и слушал идиотскую музыку, передающуюся во время пауз. Он переминался с ноги на ногу, теребил бороду, ударял кулаком по ладони. Пот тек по его спине.

Послышался стук в дверь. Коскинен повернулся. Человек с квадратным подбородком, ранее сидевший за дальним столиком, стоял возле двери. Коскинен в приливе ярости высунулся из кабинки:

— В чем дело? — рявкнул он.

— Ты еще долго, парень? — тон не был вызывающим, но могучие плечи угрожающе ссутулились.

— Еще несколько минут. Если ты торопишься, то здесь наверняка есть и другие телефоны.

— Нет, нет, все о'кей. Я только интересуюсь. Мы здесь редко видим людей сверху. Я подумал, может, ты ищешь развлечений? — изуродованное шрамами лицо исказилось в подобии улыбки.

— Нет, благодарю.

— Я знаю неплохие местечки. Таких не найдешь наверху.

— Нет. Я собираюсь только позвонить и убраться отсюда, ясно?

Человек выпрямился. Улыбка стерлась с его лица.

— Не кипятись. Я ведь по-дружески.

Коскинен захлопнул дверь. Человек прошел к своему столику и заговорил с партнером. Оба выглядят очень довольными, подумал Коскинен.

Прошло немало времени, и телефон, наконец, зазвонил. Коскинен повернулся к нему столь поспешно, что ударился коленом. Боль помогла ему овладеть собой.

— Мы нашли ваш номер, сэр, — сказал оператор. — Зуджен, Орегон.

Коскинен написал номер на листке бумаги, набрал код, и на экране появилось неизвестное лицо.

— Капитан Силас Твен дома? — спросил он.

— Кто вы? — спросил человек повелительно, но осторожно.

— А кто вы такой, чтобы интересоваться?

Человек помолчал, потом принял решение:

— Служба Безопасности. Капитан Твен убит, сопротивляясь, когда его пытались похитить. А кто вы такой?

Коскинен замотал головой, стараясь сделать разум ясным.

— Это правда? — спросил он.

— Включите службу Новостей. Кто вы? Быстро!

— Я... только старый друг... Джим Лонгворт... — пробормотал Коскинен, выудив из бесконечно далекого прошлого имя школьного товарища. — Я слышал, что с Марса вернулась экспедиция, и решил... — видя, что агент удовлетворился объяснением, он поспешно отключил связь.

С минуту он постоял, стараясь привести в норму дыхание, и выглянул из кабинки. Огромный человек, подходивший к нему, разговаривал с кассиром, отвратительно гримасничая. Кассир ежился, постоянно зевая, и, наконец, ушел в дальний угол, делая вид, что очень занят. Огромный человек вышел, но костлявый остался. Он уже не курил и не обращал внимания на Коскинена, хотя вид у него был настороженный.

Твен мертв. Большой, добродушный Твен — труп. Как могло это случиться?

Может, его убили агенты Службы Безопасности?

Коскинен поспешно бросил монеты в щель, набрал номер. Он даже не рассмотрел девушку.

— Включите мне сообщение о капитане Твене! — почти выкрикнул он. — Экспедиция на Марс. Мне сказали, что он убит.

— Да, сэр. Сообщение пришло совсем недавно, — девушка нажала кнопки, на экране появился мужчина.

— Служба Новостей. Зуджен, Орегон. 12 сентября. Капитан Силас Дж. Твен, 44 года, начальник экспедиции на Марс, сегодня был найден убитым в комнате отеля. Труп обнаружила служанка в 16.30. В номере явственно видны многочисленные следы борьбы. Возле тела капитана Твена, который был застрелен, лежал труп человека, по всем приметам — китайца. Его череп был пробит тяжелой пепельницей, которая все еще находилась в руке Твена. Видимо, несколько человек проникли в номер, расположенный на девятом этаже, с подвижной платформы и попытались похитить капитана. Но Твен, сопротивляясь, убил одного из них. Поняв, что им с ним не справиться, преступники застрелили его и скрылись. Полицейский инспектор Джон Флаинг Игл заявил, что смерть капитана Твена наступила не раньше 16.00. Этим делом занялись агенты безопасности, и из официальных источников больше никаких сведений не поступало. Мотивы разыгравшейся трагедии не выяснены. Капитан Твен был...

Далее последовали основные факты биографии капитана, сопровождаемые кадрами из фильмов. Коскинен отключил аппарат. Забыть все!

Забыть Службу Безопасности, забыть китайцев... У него защипало в глазах. «Неужели я заплачу?»

Теперь бессмысленно звонить членам экспедиции. Вероятно, я один остался в живых, и это только потому, что у меня есть гаджет. Нужно поскорее убираться отсюда, пока меня не схватили.

Убираться? Но куда? Пока я только знаю, что нужно убираться. И поскорее.

Дрожащими пальцами он набрал номер вызова такси.

— Да, это супермаркет в Старом Орле. Откуда я знаю адрес? У вас же есть справочник! Вот и загляните туда, — он отключил аппарат и вышел из кабинки.

Кассир отшатнулся от него. Ужас искажил его лицо.

Коскинен расплатился, накинул прибор на плечи и вышел.

Какой-то человек с пистолетом в кобуре остановил его.

— Простите, мистер. Я охранник. Я наблюдал за вами по монитору. Вы знаете того, кто говорил с вами, когда вы звонили?

— Нет, — ответил Коскинен не слишком дружелюбно. — Дайте мне пройти.

— Он и тот, другой тип, — из Кратера. Я видел их и раньше. От них нельзя ожидать ничего хорошего. Мне не понравилось, как он говорил с Гусом. Ясно, как день, что он потребовал от Гуса, чтобы тот ни о чем не предупреждал вас. А потом он оставил своего товарища и ушел один.

Костлявый человек поднялся и направился к двери. Охранник посмотрел ему вслед.

— Я не могу ничего сделать, пока они не предпринимают ничего незаконного, — сказал он. — Но если бы я был на вашем месте, мистер, я бы оставался здесь и ждал такси. Или бы вызвал полицию.

— Полицию? Службу Безопасности? Благодарю, нет!

Охранник хмыкнул.

— Ты хочешь со всеми справиться сам, сынок? Но ты не похож на людей такого сорта. Что у тебя за спиной?

— Не твое дело! — рывкнул Коскинен и выбежал на улицу. Охранник пожал плечами.

На улице Коскинен остановился. Улица была пустыня и тускло освещена. Где-то вдали слышался шум поездов.

Может, мне остаться пока в ресторане, подумал он. А потом куда? В отель? Не очень дешевый, чтобы он не был притоном грабителей, но и не очень дорогой, чтобы не привлечь внимания Службы Безопасности. Или китайцев. Какой-нибудь отель среднего класса для коммивояжеров. Он слишком возбужден, чтобы уснуть, но можно принять таблетку снотворного. А утром он решит, что делать дальше.

Помятое зеленое такси приземлилось рядом с ним. Из кабины вышел водитель. На нем был стальной шлем, из кобуры торчал игольчатый пистолет. На борту машины виднелась надпись: «Комитет Такфиков Компани».

— Вы заказывали такси?

— Да, — Коскинен последовал за водителем. Когда задняя дверца захлопнулась за ним, кто-то завернул его руку за спину, а кто-то другой сдал ему горло.

— Не двигайся — и тебе не сделают ничего плохого, — прозвучал голос человека, с которым он говорил возле телефонной кабинки.

Водитель хмыкнул и, сев на переднее сиденье, включил двигатель. Машина взмыла в воздух. Коскинен с трудом перевел дыхание.

Идиот, обругал он себя, тупоголовый идиот. Совершенно очевидно, что это планировалось с самого начала. И дураку ясно, что он заказывал такси. Потом только нужно было вызвать сообщника с машиной, а третий — в ресторане — следил за ним, готовый предупредить своих сообщников, если что-то сорвется или случится что-то непредвиденное. Но ничего не случилось, и он, Пит Коскинен, попал в руки бандитов.

— Вот и хорошо,— сказал грабитель. Он рассмеялся.— Успокойся. Мы отвезем тебя не дальше чем на милю. Достань свой кошелек и брось его на пол.

Коскинен повиновался: «Но теперь я нищий,— подумал он.— У меня мелочи не наберется и двадцати долларов. А в банк обращаться нельзя...»

— О'кей,— хмыкнул бандит.— Он послушный, Тим. Так что высадим его где-нибудь возле станции. Тогда у него будет шанс остаться живым.

Водитель что-то пробурчал. Машина пошла на снижение. Они приземлились возле высокой стены: вероятно, автоматический завод. Мрак здесь был еще плотнее.

— О, да,— спохватился бандит.— Ты сними эту штуку тоже. Да-да, то, что у тебя на спине. Не знаю, что это такое, но старый Зигтер или его девчонка разберутся. Может, ты скажешь сам?

— Но... пожалуйста...— прохрипел Коскинен.

— Заткнись. Скидывай ремни!

Удушающий захват ослабился настолько, чтобы он мог расстегнуть ремни. Водитель повернулся и направил на него игольчатый пистолет, который зловеще поблескивал в темноте.

— Только без фокусов,— предупредил водитель.

Что мне терять? — подумал Коскинен.

В темноте он сбросил ботинки, делая вид, что отстегивает ремни. Ступнями нащупал кошелек и подтянул к себе.

— Пошевеливайся,— нетерпеливо сказал тот, что держал его за горло.

Коскинен нащупал тумблер.

Распирающееся цилиндрическое силовое поле оторвало его от сиденья, и он повис в воздухе. Бандитов отбросило к противоположной стене. Должно быть, оба орали, ругались, но сейчас они были для него только безмолвными тенями.

Коскинен сунул кошелек в карман и ждал. Теперь он был неуязвим. Даже газ не мог проникнуть к нему сквозь невидимый барьер, а воздухогенератор гарантировал ему кислород для дыхания. Он видел, как их кулаки барабанили по барьеру. Водитель стрелял в него...

— Давайте, давайте,— говорил Коскинен, хотя они и не слышали его.— Вы не сможете мне ничего сделать. К тому же здесь наверняка есть полицейские патрули. Вытолкните меня за дверь и убирайтесь. Вы мне надоели.

Бандит двинулся, нащупывая границу барьера. Он надавил на невидимый барьер плечом и убедился, что Коскинен, заключенный в оболочку, неподвижен.

— Вытолкните меня отсюда и убирайтесь, идиоты,— прокричал Коскинен.

Двое посовещались. Водитель повернулся к панели управления, и машина взмыла в воздух.

«О Боже!» — подумал Коскинен, поняв, что бандиты решили взять его с собой.

Наверху было достаточно света, который пробивался сквозь грязный воздух. Коскинен смог даже рассмотреть грабителя. Тот прислонился к стене, не сводя взгляда с Коскинена. В обеих руках он держал по пистолету — игольчатый и излучатель вибрации. Глаза у него блестели, как у безумного, грудь ходила ходуном, капли пота стекали по лицу, и все же Коскинен не смог отказать этим людям в мужестве. Впервые увидев такое, они все же нашли в себе силы забрать его с собой для исследований.

Что же делать?

Можно отключить поле, открыть дверь и выпрыгнуть... Нет, не годится. Это займет не меньше секунды — вполне достаточно, чтобы игольник успел поразить его.

Можно просто сдаться.

Нет. Пока нет. Это всегда можно будет сделать, когда положение станет безвыходным. Надо подождать и посмотреть, что будет дальше. Может быть, даже удастся сговориться с ними. Может быть, может быть. Силы оставляли его. Он устроился поудобнее и стал тупо ждать, что будет дальше.

ГЛАВА 5

До Кратера оказалось недалеко. Машина вышла из луча Службы Контроля и стала спускаться на ручном управлении. Коскинен увидел впереди черный круг, четко вырисовывающийся на фоне освещенной паутины улиц. Ему показалось, что внутри круга виднеются темные силуэты домов, в некоторых из них даже светились окна. Но все остальное было темным. В нескольких милях впереди виднелся Центр, сверкающим фонтаном устре-

мившийся в черное небо. Виднелись и другие небоскребы — владения богатейших фирм и компаний. Но все это было как будто на другой планете.

Но это же не Марс, в отчаянии подумал Коскинен. Марс тоже убивал людей своим холодом, отсутствием воды, воздуха. Но в его пустынях и движущихся лесах была красота, а самое главное — великий разум марсиан, который соединился с земным разумом, чтобы постичь еще неизведанное.

«Когда я был на Марсе, мне очень не хватало Земли. Я вспоминал зеленую траву, деревья, солнечное тепло на обнаженной руке, ветерок над озером. Лето, зиму, людей, которых я знал, когда был ребенком... Но это не Земля. О, Элькор, верни меня обратно на Марс...»

Машина кружила вблизи темного круга. Водитель что-то говорил в микрофон. Идентифицирует себя? Говорили, что вожди Кратеров сбивают тех, кто без разрешения подлетает к их владениям. Очень немногие имели надежную информацию о Кратерах. И Коскинен знал, что во время послевоенного восстановления в городах, подвергнувшихся ядерным ударам, был слишком высокий уровень радиоактивности. Когда он уменьшился, в эти города устремились беднейшие элементы, так как земля там была очень дешева или совсем не занята. Самые смелые спустились даже в кратеры. Устроили там себе убежища, собрали людей и время от времени устраивали нападения на города. Полиция, которой было здесь достаточно, старалась не вмешиваться в дела жителей кратеров, если, конечно, дело не было совсем худо. Все-таки любой социальный порядок лучше, чем никакой, а главари кратеров четко установили структуру общества в своих владениях.

Водитель включил микрофон. На панели вспыхнула лампочка. Радиомаяк, догадался Коскинен. Машина приземлилась, к ней подошли какие-то тени. Водитель вышел из машины, поговорил с ними. Открылась дверца, и Коскинена вытащили на улицу.

Он осмотрелся. Оказалось, что посадочной площадкой послужила плоская крыша бетонного здания на самом краю кратера. Дно кратера терялось во тьме. Невдалеке на фоне неба вырисовывались сторожевые башни.

В чьей-то руке вспыхнул фонарь и высветил дюжину мрачных людей, смотревших на Коскинена. Все они были одеты в кожаные куртки и шлемы и вооружены. Двое подхватили Коскинена и понесли, а остальные окружили их плотным кольцом. Грабитель и водитель пошли впереди. Кому-то приказали отвести машину.

Коскинен пассивно лежал внутри оболочки, страдая от усталости. Его внесли в дверь, спустили по лестнице в

облицованный пластиком и освещенный туннель. Здесь его положили на тележку, куда сели и все сопровождающие. Тележка быстро покатила и вскоре свернула в более широкий туннель. «Тут, наверное, есть своя система энергоснабжения, вентиляция, обогрев... И, разумеется, запасы пищи, оружия, всего необходимого для того, чтобы выдержать длительный штурм». Тележка ехала мимо людей, видимо рабочих, которые с почтением смотрели на проезжающих. Наконец, они въехали в стальные ворота, где в стены были вмонтированы пулеметы, и остановились. Дальше все пошло пешком.

Теперь они проходили через огромные, роскошно и с большим вкусом отделанные холлы. Коскинен с изумлением озирался вокруг. Но вот перед ними открылись стальные двери и они очутились в комнате, стены которой представляли собой бетонные блоки. Охранники опустили Коскинена на пол, и он встал на ноги.

Это было просто: достаточно сместить центр тяжести оболочки, чтобы она прочно встала на широкое плоское основание.

Охранники распределились вдоль стен направив на него пистолеты. На широких столах стояла обычная лабораторная аппаратура, телефон, монитор для видеосвязи. Вероятно, здесь их исследовательская лаборатория, решил Коскинен.

Ему показалось, что прошла целая вечность, пока открылись двери и в комнату вошли двое. Охранники приветствовали их. Коскинен постарался стряхнуть с себя тупую усталость и внимательно посмотрел на вошедших.

Первым оказался мужчина огромного роста, с большим животом и совершенно лысый. У него не было даже ресниц. На пухлом розовом лице выделялись глыба носа и щель рта. Несмотря на жир, двигался он так, что в нем чувствовалась большая сила. Он был одет во что-то голубое, на пальцах сверкали перстни. Возле бедра висел пистолет.

На женщину было приятнее смотреть, чем на него. Ей было около тридцати. Высокая, с прекрасной фигурой и гибкой талией. Черно-голубые волосы падали до самых плеч. У нее были лучистые коричневые глаза, широкий нос, полные, капризно изогнутые губы. Кожа цвета кофе с молоком резко контрастировала с ослепительно белым халатом, надетым поверх роскошной красной туники.

«О'кей,— подумал Коскинен, почувствовав, как холодок прошел по его спине.— Здесь сам босс. Как же бандиты называли его? Зиггер?»

Человек медленно обошел вокруг него, с любопытством ощупывая границы барьера, затем толкнул Коскинена и наблю-

дал, как тот падает и как затем поднимается. Махнув рукой всем, чтобы отодвинулись подальше, он достал пистолет и стал всаживать пулю за пулей в барьер. Пули падали прямо на пол, погасив энергию об экран. Женщина внимательно смотрела на происходящее. Затем достала блокнот, написала там несколько строчек и показала Коскинену.

«Похоже, это именно то, что нам нужно,— прочел он.— Ты не хочешь продать его нам?»

Он покачал головой.

— Отпустите меня,— прокричал он.

Она нахмурилась и написала:

— Делай знаки руками на языке глухонемых. Вот так,— и она показала несколько знаков.

Ну конечно! Это прекрасный способ общения в данном случае. Коскинен отчаянно задвигал пальцами: «Вам до меня не добраться, а полиция охотится за мной. Лучше отпустите меня».

Женщина посоветовалась с Зиггером. Казалось, он был в некотором замешательстве, но все же отдал приказ охранникам, и те вышли. Женщина обратилась к Коскинену:

— Очевидно, у тебя есть аппарат для регенерации воздуха, но я не вижу других запасов. Мы запрем тебя, и ты умрешь от голода. Лучше выходи и договорись с нами. Зиггер держит слово, если ему это выгодно,— босс ухмыльнулся, покраснел, но не произнес ничего.— Однако его опасно иметь врагом.

— Не надо меня пугать,— ответил Коскинен.— Если вы так поступите, я буду расширять силовое поле, разрушу эти стены, и, быть может, мне удастся бежать.

— О'кей. Голодание — это слишком долго,— лаконично согласилась она и сделала какой-то знак.

Вошел охранник с каким-то длинновольным оружием. Женщина написала:

— Ты знаешь, что это?

Коскинен покачал головой. Он не мог хорошенько рассмотреть предмет.

— Лазерный пистолет. Стреляет мощным сконцентрированным пучком света.

«Да»,— подумал Коскинен. Он внезапно вспотел: — Я слышал о таких.

— Твой экран пропускает свет в обе стороны, значит, он прозрачен и для луча лазера,— написала женщина.— Первый выстрел будет тебе в ноги.

Охранник навел пистолет. Коскинен отключил поле и рухнул на четвереньки.

ГЛАВА 6

Телефон разбудил его. Он повернулся, поднял голову от подушки и попытался прийти в себя. Телефон продолжал звонить. Коскинен выругался, протянул руку и включил экран.

На него смотрела темноволосая женщина. Он ахнул, еще не окончательно вспомнив, где он и что с ним.

— Доброе утро, — сказала она, улыбнувшись. — Вернее, добрый день. Думаю, ты спал достаточно долго.

— Да? — к нему медленно приходило понимание действительности, возвращались воспоминания. Он чуть не потерял сознание, когда щит отключился. Они забрали гаджет, привели его сюда, дали транквилизатор... Он осмотрелся: маленькая уютная комнатка с ванной, одна дверь, окон нет, вентиляционная решетка... Под землей? В подземном замке Зигтера?

Снова вспыхнул экран.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала женщина. — Я заказала обед. — На ее лице появилась широкая улыбка. — Для тебя — завтрак. Охранник придет за тобой через 15 минут. Вставай, соня!

Коскинен выбрался из постели. Его одежда исчезла, но в стеклянном шкафу висели несколько дорогих костюмов. По правде говоря, он не думал, что ему подойдут зеленая блуза и серые брюки. Но к тому времени, когда вооруженный охранник открыл дверь, он уже был готов и ужасно голоден.

Они вступили на подвижную дорожку и вскоре очутились в той части подземного замка, которая так поразила Коскинена роскошью. Охранник открыл дверь, Коскинен вошел, и та закрылась за ним. Стоя на мягком ковре, Коскинен осматривал покоев. На стенах висели хорошие картины. А сами стены переливались разными цветами, что пришлось не по вкусу Коскинену. Но он обрадовался, услышав мягкую приглушенную музыку Моцарта. Вся мебель была на низких ножках. На небольшом задрапированном пьедестале лежал сверкающий кристалл лунного камня. «Сколько же все же это стоит?» — подумал он.

За столом сидела женщина. Белая туника очень хорошо сочеталась со светло-коричневой кожей. Она махнула рукой, в которой держала сигарету, и отпила коктейль из бокала.

— Садись, Пит, — голос был чуть хриловатый, с легким южным акцентом. Вероятно, в ней была легкая примесь креольской крови, подумал он.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он и сразу сообразил: «Идиот, у них же все мои документы».

— И проверка через Службу Информации,— кивнула она.— Тебе понравилось наше жилье?

Он сел за стол. К ним подкатил робот и спросил, что он хочет. Коскинен понял, что кроме него и женщины здесь нет никого. Однако охранник наверняка стоит за дверью, а у нее под рукой кнопка вызова или в браслете вмонтирован микрофон.

— Я... я не знаю,— сказал он.— Я помню, что когда-то пил коктейль Том Коллиза...

Она сделала гримасу.

— О, тебе нужно пообтесаться. Ты куришь?

— Нет, благодарю,— он облизнул губы.— Что говорят обо мне в новостях?

— Ничего,— ответила она, глядя ему прямо в глаза.— Эти идиоты считают, что ты все еще блаженствуешь в отеле Дон Браун в Филли. Однако мы не смогли связаться ни с кем из твоих друзей.

— Я знаю,— грустно кивнул он.— Надеюсь, что они живы. Ты знаешь, что китайцы убили капитана Твена?

— Что?

— Это было в новостях,— ответил он.— Вчера вечером.

— Сегодня уже этого не было. Сегодня сказали, что он погиб по случайности, а то, что говорили вчера, было ошибкой истеричного диктора. — Ее чувственный рот внезапно стал жестким, злым...— Где правда?

— Откуда я знаю,— разозлился Коскинен.

Выражение ее лица снова смягчилось.

— Послушай, Пит,— проговорила она тихо и быстро.— Ты попал в какую-то неприятную историю. Я весь день экспериментировала с твоим прибором и кое-что выяснила, поняла, что он может делать. Одного этого достаточно, чтобы Зигтер сошел с ума от радости. Здесь у нас нет наркотиков, развязывающих языки, но у нас есть кое-что другое. Нет...— он подняла тонкую руку.— Я не угрожаю тебе. И никогда не мучаю людей. Но предупреждаю тебя, Пит, что Зигтер не остановится перед этим. У тебя нет другого выхода, как сотрудничать со мной...

— Если я пойду на это, Служба Безопасности не поблагодарит меня.

— Мы сможем тебя спрятать от ее агентов, если ты думаешь, что они тебя не простят. Кратер щедро расплачивается с теми, кто делает ему добро. Ну, так что произошло с Твеном?

Робот принес коктейль. Коскинен жадно выпил его. Все окружающее перестало быть реальным.

Она кивала, слушая его, закурила новую сигарету, выпустила клуб душистого дыма, глаза ее сузились. Выслушав все, она задумалась и наконец проговорила.

— Очевидно, первое сообщение было правильным, и теперь Служба Безопасности пытается скрыть правду. Теперь я понимаю, в чем дело. Ваша экспедиция привезла с Марса этот прибор, совершенно не подозревая, к чему это приведет. Люди разъехались по домам. Их домашние и друзья узнали о приборе, и Служба Безопасности, у которой полно осведомителей, также узнала о нем. Она-то поняла, какие последствия могут возникнуть и решила забрать прибор и изолировать всех, знающих о нем до тех пор, пока не будет ясно, что делать. Поэтому-то все твои товарищи сейчас в заключении.

Но у китайцев также полно своих шпионов и агентов. Они давно знали о научных достижениях на Марсе, и когда экспедиция вернулась с Марса, все ее члены оказались в кольце шпионов. Вполне возможно, что китайцы узнали о приборе через своих агентов быстрее, чем Служба Безопасности. И тут началась охота за членами экспедиции.

Коскинен слушал ее, забыв о своем нервном истощении и усталости. Сейчас на него не действовали ни выпивка, ни еда.

— Но я единственный, у кого есть прибор и кто знает о нем почти все. Ведь я разрабатывал его. Разумеется, в сотрудничестве с марсианами. Остальные занимались другими работами.

Она откинулась на подушки, как кошка, чуть ли не мурлыкая.

— А почему Служба Безопасности не схватила тебя раньше всех?

— Может быть, они не имели всей информации. А кроме того, им было трудно меня найти. Я сказал, что собираюсь в Миннеаполис, но в последний момент изменил решение, захотел пожить в Супертауне. Однако они пришли быстро. И китайцы за ними.

— Значит, ты бежал от китайцев, когда наши ребята вышли на тебя?

— И от Службы Безопасности,— Коскинен допил бокал.— Агенты пытались меня убить.— Она широко раскрыла глаза, и их блеск чуть не ослепил его. Он понял, что должен сказать ей всю правду, и начал рассказывать.

— Ясно,— пробормотала она.— Но они делали то, что требовал от них долг.

Она потянулась через стол и погладила его руку:

— Поешь.

Робот принес суп. Женщина смотрела, как он ест, и не мешала ему. Затем она сказала:

— Кстати, я забыла, что ты не знаешь моего имени. Меня зовут Вивьен Кордиеро.

— Очень приятно,— пробормотал он. В голове у него прояснилось, силы вернулись к нему. Он был благодарен Вивьен, что та растолковала ему всю ситуацию, которая казалась кошмарным сном.— Ты физик? — спросил он.

— Да, немного,— она кивнула.— Я, как и ты, дитя института.— Лицо ее омрачилось.— Но я не пошла на службу государству. Боссы Кратера тоже нуждаются в тех, кто кое-что понимает в энергетике и теории информации.

— Ты понимаешь, что этот прибор — всего лишь первый экспериментальный образец? Нужна большая лаборатория и годы работы, чтобы понять все его возможности.

— Понимаю. Но Зиггер будет доволен и тем, что есть. Поговорим о приборе. Разумеется, не в подробностях — я не пойму сложной математики, а в общем.

Коскинен колебался.

— Я и так уже много узнала,— напомнила она.

— О'кей,— он вздохнул.

— Во-первых, это марсианская машина?

— Не совсем. Я же говорил, что изобрел ее вместе с марсианами. Они прекрасно понимают теорию поля, но мало знают о физике твердого тела.

— Хм. Значит, Служба Безопасности не может просто послать корабль на Марс и потребовать всю информацию о приборе. Известно, что марсиане не общаются с теми, кто им не симпатичен. И притвориться другим невозможно, потому что марсиане ЗНАЮТ. Разумеется, сейчас, когда космические корабли есть только в Америке, никто другой не может полететь на Марс. Значит, вся игра должна вестись только на Земле. Так что же представляет собой этот невидимый щит? Энергетический экран?

Он удивился и кивнул:

— Как ты могла узнать это?

— Но это же очевидно. Двухмерный энергетический барьер, отгораживающий его владельца от остального мира. Я определила, что он возрастает от нуля до максимума на расстоянии нескольких сантиметров. И ничто, не обладающее высокой скоростью, не может проникнуть сквозь него. Так что пуля ударяется о барьер, теряет свою энергию и падает. Но куда девается кинетическая энергия пули?

— Поле поглощает ее. И запасает в аккумуляторе, откуда берет энергию при формировании барьера. По моим расчетам, скорость пули, чтобы она проникла через барьер, должна быть не менее пятнадцати миль в секунду.

— Это предел? — она присвистнула.

— Нет. Можно поднять барьер на более высокий уровень, но тогда потребуются большие запасы энергии. При тех запасах, которыми обладает этот образец, я могу расширить поле и окружить барьером целый дом. Но тогда он будет тонким. Его пробьет пуля, обладающая скоростью в одну милю в секунду.

— Мили в секунду тоже неплохо,— сказала она.— А как запасается энергия?

— Квантовая дегенерация. Молекулы аккумулятора перемещаются в низкие состояния. Для этого используется внутреннее поле меньшей мощности.

— Ты только что изложил концепцию запасаения энергии,— заметила она.— Если бы это стало известно людям, то многие фирмы прогорели бы, закрылись бы десятки заводов, не возникли бы сотни других. А это поле, экран, щит — или как ты его называешь — что это? Сгущенное пространство?

— Можешь называть его и так, хотя это бессмысленное словосочетание. Я могу показать тебе формулы...— Коскинен замолчал. Нет, нельзя. Только не этой банде преступников.

Но она сняла груз с его души.

— Не надо. То немного, что я знала о танзерах и прочей белиберде, я давно забыла. Будем говорить только с чисто практической стороны. Я заметила в приборе встроенный термостатический аппарат и прибор для регенерации воздуха. Я понимаю, что это тебе необходимо, так как пространство внутри экрана совершенно изолировано. Но таких аппаратов я еще никогда не видела.

— Это полностью изобретение марсиан. Выдыхаемый углекислый газ и водяные пары вступают в реакцию с металлическим пористым материалом. Для реакции нужно некоторое количество энергии, которую получают из аккумулятора. При этом образуются твердый гидрокарбонат и свободный кислород. Вредные примеси, выделяемые человеком, тоже связываются гидрокарбонатом. Под защитой таких барьеров мы многие недели путешествовали по Марсу, имея при себе лишь минимальный запас пищи.

— Ясно. Но как можно работать в таком барьере, если ты так неподвижен?

— Мы путешествовали на тележках, которые тащили электрические тракторы. А все работы выполнялись роботами. И, потом, наши инженеры разработали машину на одного человека с манипуляторами, которыми тот мог управлять. Однако можно создать поле такой формы, чтобы оно облегло человека, как герметический костюм. Система генераторов будет менять форму

поля в зависимости от того, что требуется человеку в данный момент. Поле ведь не что иное, как алгебраическая сумма нескольких сил. Правда, требуются значительные инженерные усилия, чтобы создать такую систему.

Вивьен пришла в возбуждение.

— Это только начало! Ведь создав изменяемое поле, можно заставить летать корабли со скоростью, близкой к скорости света! А возможности в энергетике? Если ты научился поддерживать атомы в состоянии низшей энергии, значит, ты научился управлять ядерной реакцией! Значит, ты можешь превращать любое вещество в энергию! О, Пит, этот щит только начало!

Он тут же вспомнил, где находится, стал мрачным и заметил:

— Это может быть и концом, раз столько разных людей и организаций охотятся за прибором.

Возбуждение в ней погасло. Она откинулась на спинку кресла.

— Да. Это вполне возможно. Неуязвимость... люди убивали друг друга и за меньшее. Ты знаешь это.

Робот принес кофе с пирожными. Вивьен обхватила себя руками, как будто ей стало холодно, и улыбнулась Питу.

— Прости, что я говорю с тобой только о деле. Давай пока забудем о приборе. Мне бы хотелось узнать тебя как человека.— Ее голос дрогнул.— Такие люди, как ты, большая редкость в наше время. Не только здесь, но и во всем мире.

Они проговорили до самой ночи.

ГЛАВА 7

Охранник привел и втолкнул Коскинена в дверь лаборатории. Гулкое эхо бетонных стен вновь заставило его почувствовать себя совершенно одиноким. Однако Зигтер и Вивьен уже были здесь.

— Ты уверена, что он тебе ничего не скажет? Может, стоит ему показать, что он здесь ничто и что ему следует помнить об этом?

Губы Вивьен искривились:

— Не будь большим идиотом, чем ты есть, Зигтер. Такой пустоголовый тип, как Бенес, не может делать ничего кроме глупостей.

— Он не пустоголовый.

— Но он пользуется стимуляторами мозговой деятельности.

— Это не наркотики.

— Еще хуже.

Зигтер поднял руку, как бы собираясь ударить ее. Она смотрела ему прямо в лицо.

— Как ты собираешься найти Бенеса? — спросила Вивьен.

Он опустил руку, издав что-то вроде глухого рычания, отвернулся и увидел Коскинена.

— А, вот и ты! — глаза на безбровом лице сверкнули. — Подержи его, Бак!

Один из трех охранников схватил его руки сзади. Боль в завернутых за спину руках была очень сильна. Коскинен мог бы вырваться, но у остальных охранников и босса были пистолеты.

Зигтер взял со стола щипцы.

— Я хочу, чтобы ты все понял, Пит, — сказал он почти дружеским тоном. — Ты в плену. Никто вне Кратера не имеет понятия где ты. Я могу делать с тобой все, что захочу. — Щипцы приблизились к носу Коскинена. — Я могу вырвать твой нос прямо сейчас, если захочу. — Щипцы сдавили нос, и от боли слезы выступили на глазах Коскинена. Зигтер злобно ухмыльнулся. — А у тебя есть более чувствительные места, чем нос. Если же я не захочу наносить тебе физические увечья, я посажу тебя в машину, воздействующую на нервную систему. Там мучения гораздо сильнее. Я видел парней, которые прошли через это. А потом я пропущу тебя через мясорубку. У меня много кошек, а ты знаешь, сколько сейчас стоит свежее мясо.

С видимым усилием босс опустил щипцы. Пот стекал по его лицу, он с трудом владел собой.

— Вот что я могу сделать со своей собственностью. Ви, сделай то, что я просил.

На лице Вивьен не было никакого выражения. Она взяла стальной трехдюймовый диск на цепочке и повесила его на шею Коскинена, затем подложила под цепь лист асбеста и с помощью небольшого аппарата заварила ее. Он даже через асбест почувствовал горячий металл.

Теперь Коскинен не мог снять с себя металлический диск, не разрезав звенья цепи.

Пока Вивьен работала, Зигтер объяснял:

— Это гарантирует твоё хорошее поведение. Ты будешь помогать леди-ученой разбираться с твоим экраном. Покажешь, как он работает, поможешь улучшить его и сделать несколько. Во время работы тебе может придти в голову идея накинуть на себя эту штуку и убежать туда, где тебя не достанет луч лазера. Так забудь об этом. Теперь на тебе фильгуритовая капсула с детонатором. Если я узнаю, что ты ведешь себя неразумно, я нажму на кнопку, и тебе оторвет голову.

— Позаботься, чтобы эта штука не сработала от случайных сигналов,— рявкнул Коскинен.

— Не беспокойся,— сказала Вивьен.— Детонатор срабатывает от специального кодированного сигнала.

— Отпусти его, Бак,— скомандовал Зигтер.

Коскинен потер нос, который немного распух и болел.

Зигтер сиял.

— Не держи зла на меня, Пит. Я показал тебе плохое. Теперь покажу хорошее. Курить хочешь? Или таблетки для счастья? У меня их полный карман.

— Нет.

— Пока ты пленник, ты моя собственность. Но эти мальчики — не собственность. Они здесь потому, что знают, где им хорошо. Мне бы хотелось, чтобы ты присоединился к ним, Пит. Разумеется, по своей доброй воле. О, не пугайся. Я не преступник. Ты должен понять это. Здесь я — правительство. Да, да. Я создаю законы, собираю налоги, забочусь о своих людях. Разве я не правительство? Что может для тебя сделать Вашингтон, чего не мог бы сделать я? И сделать лучше. Тебе нужны деньги, хорошая пища, хороший дом, развлечения? Ты все это будешь иметь, если захочешь. К тому же тебе совсем не обязательно все время жить здесь, в Кратере. Пластическая операция — и ты можешь идти куда угодно. У меня по всему миру есть прекрасные дома, виллы, охотничьи домики, яхты... И мы будем иметь гораздо больше. Напряги свое воображение, мальчик, и подумай, что у нас будет уже в следующем году. Хочешь принять участие в игре?

Коскинен молчал. Зигтер хлопнул его по спине.

— Подумай над моим предложением, Пит,— сказал он игриво.— А пока работай и веди себя хорошо.

Он вышел в сопровождении охранников.

Вивьен достала сигарету, уселась в кресло и, затянувшись, выпустила дым. А Коскинен осмотрел комнату. В углу он увидел экран монитора, и с экрана на него смотрело чье-то лицо. Значит, за ним следят. Он с трудом удержался, чтобы не сделать неприличный жест шпиону. На столе лежал его прибор. Коскинен пробежал пальцами по ручкам управления.

Немного погодя Вивьен шевельнулась.

— Ну как?

Он не ответил.

— Мне жаль, что так получилось,— сказала она.— Но я получила приказ от босса.

— Разумеется.

— А что касается остального... того что он делал... думаю, что Зигтер ничем не хуже других главарей банд. Быть может даже не хуже любого правительства. А ведь он прав относительно того, что он здесь — власть.

— В Вашингтоне не пытаются,— пробормотал он.

— Я не уверена в этом,— горько заметила она.

Он удивленно посмотрел на нее. Во время их беседы она мало говорила о своем прошлом. Он выяснил, что родители Вивьен были довольно состоятельны и она училась в частной школе. Но война все разрушила. Она пережила несколько трудных лет среди беженцев, жила в рабских у партизан, но затем ее освободили и взяли в институт. Там ее лечили, а затем она получила образование.

— Мне кажется, ты имеешь все основания ненавидеть анархизм,— сказал он.

— И правительство тоже,— ответила она.— А что касается Зигтера, то он сейчас в очень плохом настроении. Беспокоится об исчезновении Бенеса.

— Кто это?

— Напарник Неффа. Помнишь двух парней в ресторане? Нефф вышел, чтобы вызвать машину и похитить тебя, а Бенес за тобой следил.

— О, да. Наркоман. Помню.

— Предполагалось, что он вернется к ночи с докладом, у Зигтера есть для него поручение. Но он не вернулся, и никто не может найти никаких его следов.

— Убийство?

— Может быть. Хотя люди Зигтера больше привыкли сами убивать. Бенес мог попасть в руки банды подростков, или даже его могли захватить люди из Нью-Хайвенского Кратера. Мы ведь ведем войну между собой за право контролировать эту территорию. О, черт с ними,— она выбросила сигарету.— Все так плохо. Почему правительство не хочет потратить деньги и покончить с этими гангстерами?

— Полагаю, со временем это случится. Пока что есть много более важных дел. Поддержка Протектората требует много денег и энергии...

— Не говори мне о Протекторате,— вырвалось у нее.

Коскинен разинул рот. Ее буквально трясло. Глаза, полные слез, смотрели куда-то мимо него, ногти впились в ладони.

— Что случилось? — он сделал шаг к ней.

— Если бы Бог был,— сказала она сквозь зубы,— я уверена, что он ненавидел бы нас, нашу страну, весь наш народ. Он

заставил бы нас придерживаться Доктрины Корриса, чтобы мы сами уничтожили себя и спасли его от неприятностей.

— Но, Ви, что ты хочешь? Третьей термоядерной войны?

В голове у него всплыли строки, которые он изучал еще в институте:

«...безопасность США. Следовательно, с этого момента ни одно государство не имеет права иметь вооруженные силы в большем количестве, чем это нужно для выполнения внутренних полицейских функций. Любая попытка производить, накапливать оружие, подготавливать армию, способную к агрессивным действиям, будет рассматриваться как действие против США, и каждый, кто несет ответственность за такое действие, будет арестован и судим американским военным судом, как военный преступник. Для того, чтобы предотвратить тайное накопление оружия США берут на себя функции неограниченного контроля. В остальном национальный суверенитет будет неукоснительно соблюдаться, и США гарантируют целостность государственных границ с момента опубликования этой Доктрины. США признают, что государства могут изменить эти границы по взаимному соглашению, а население государств может изменять форму правления в своей стране — как законным путем, так и путем вооруженного переворота. Однако США оставляют за собой право судить, не являются ли такие изменения угрозой безопасности США, и, в случае если такие изменения несут угрозу его будущему и будущему всего мира, не допускать их».

Конгресс, Верховный Суд, Президенты непрерывно усложнили, дополнили Доктрину Корриса, пока она не стала раем для юристов. Но практически все было просто для тех, кто понимает. Американцы держали в Европе вооруженные силы, которые вмешивались во внутренние дела любых государств, если Президент считал, что необходимо сделать это. Постепенно вся система контроля, разведывательные операции, сбор и оценка информации перешли в руки Службы Безопасности.

Вивьен молчала.

— Разумеется, мы не совершенны,— начал он.— И не очень-то приятно быть мировым полицейским. Это сделало нас непопулярными во всем мире. Но что можно сделать?

Она посмотрела на него долгим взглядом, а затем сказала:

— Агенты Службы Безопасности пытались убить тебя.

— Да... конечно. Но я предпочел бы быть застреленным, чем попасть в камеру пыток к китайцам... или сюда!

— Они убили моего мужа!

Он замер.

— Хочешь послушать? — Она снова отвела от него взгляд.— После института я получила работу за границей как научный советник при посольстве в Бразилии. Джанио был там инженером. Нежный, немного сумасшедший и такой молодой... очень молодой. Правда, он не был моложе меня. Но Бразилия почти не пострадала во время войны и ничего не знала о ее последствиях. Он не был отравлен, как я, и с ним я снова почувствовала себя чистой. Мы часто ходили на реку слушать пение птиц...

В то время Служба Безопасности наложила вето на план разработки урановых месторождений в Сьерра Дурадс, так как у нее не было достаточного количества инспекторов, чтобы держать все под контролем. Шеф Службы Безопасности боялся, что некоторое количество урана может утаиваться для создания атомных бомб...

Она замолчала.

Коскинен видел ее состояние и хотел перевести разговор в более спокойное русло:

— Контроль должны осуществлять высококвалифицированные люди. А ведь контролем должна быть охвачена не одна страна, а весь мир! Почему, как ты думаешь, китайцы держат целую сеть агентов, опутывающую всю землю? Правительство Китая официально не признает их своей собственностью, но каждый знает, что оно содержит эту сеть. И мы не можем ничего сделать, так как у нас нет людей, чтобы контролировать все предприятия.

— Да, да,— сказала она.— Но по крайней мере китайцы не скрывают своего отношения к нам. А многие ненавидят нас, хотя и скрывают эту ненависть под сладкими улыбками. В некоторых странах мы можем себе позволить не предпринимать ничего, так как знаем, что они ничего не предпримут против нас... но мы не думаем о том, что жители этих стран живут на грани нищеты... О, да, мы постоянно говорим о невмешательстве во внутренние дела других стран... но я была на дипломатической службе... я знаю...

— Прости, я не хотел перебивать тебя,— вздохнул он.

— Благодарю за извинение, Пит. Ты напомнил мне Джанио... Эти шахты могли бы дать работу и средства к жизни тысячам голодных людей. Некоторые отчаянные головы решили свергнуть нынешнее бразильское правительство и создать новое, которое не было бы марионетками янки... Но заговор провалился. Они были дилетантами. Службы Безопасности США и Бразилии хватала всех подряд. Они схватили и Джанио, хотя он не участвовал в заговоре. Я это знаю точно. Но он был гордый человек, ему не

правилось все это дело с Рудниками, он хотел, чтобы Бразилия была независима, и многие его друзья участвовали в заговоре.

Их повезли в Вашингтон для суда. Я тоже поехала с ними. Меня, конечно, не арестовали, я ехала сама. На них воздействовали наркотиками. Я была уверена, что это докажет невиновность Джанио, но кто-то, кого я никогда раньше не видела, заявил под присягой, что Джанио участвовал во встречах заговорщиков. Я на суде назвала его лжецом. Я точно знала, что Джанио был все это время со мной.

И все же его признали виновным. И убили его. Меня обвинили в соучастии. Но мне дали испытательный срок. Все-таки стране нужны были ученые. Примерно через год на одной вечеринке в Манхеттене я встретила одного из членов суда. Он был пьян и рассказал мне, почему убили Джанио. Психические исследования показали, что он относится к типу людей, весьма склонных к мятежу. Поэтому когда-нибудь он может предпринять какие-либо действия против правительства, и от него лучше избавиться сейчас. Пока он не сделал бомбу или не нашел какую-нибудь из старых ракет, которые еще сохранились в стране и о которых нет никаких сведений в официальных кругах. Он может убить миллион американцев, сказал мне этот член суда. Мой Джанио!

И на следующий же день я ушла сюда. Мне хотелось исчезнуть, умереть... Но вместо этого я пошла к Зигтеру. Ну что же, по крайней мере я могу мстить им.

Она долго сидела неподвижно, затем взяла сигарету и закурила ее, но, сделав несколько затяжек, забыла о ней.

— Прости меня,— прошептал Коскинен.

— Благодарю,— глухо ответила она.— Но теперь я должна извиниться. Мне бы не следовало выплескивать на тебя все свои горести.

— Я думаю, что когда люди имеют власть, они всегда действуют жестоко, если видят угрозу ей.

— Да, без сомнения. Особенно, если эта власть не имеет ограничений.

— А действия Службы Безопасности ограничить нельзя. Хотя защитный экран может сделать ее ненужной. Если сделать большой экран, то он будет надежной защитой от атомных бомб.

Она шевельнулась, как будто вышла из состояния прострации.

— Вряд ли это практически осуществимо,— сказала она. Голос ее был неуверенным, она прикусила губы, но нашла в себе силы говорить.— Особенно, если бомбу тайно собрать и взорвать внутри области, защищенной экраном. К тому же есть и другие виды оружия — химическое, бактериологическое... Не пытайся меня обмануть, Пит. Я ненавижу Маркуса и его Службу Безопасности,

но я отдаю себе отчет, что другие страны вряд ли смогли бы поддерживать мир лучше вернее, по-другому. Так или иначе, не это нужно делать, так как любое правительство — монстр без морали и разума. Оно способно истребить половину человечества, лишь бы обеспечить хорошую жизнь себе и своей стране.

— Интернациональная организация...

— Слишком поздно, — вздохнула она. — Кому сейчас можно довериться? Мы создали общество, какое сами хотели создать. Так же как и Бразилия, и Китай. Мы совсем не хотим быть мировыми жандармами, но нам ничего не остается. И я не вижу, как могут быть созданы эффективные мировые полицейские силы без всемирного объединения.

Он посмотрел на свой прибор и вспомнил, как Элькор благословил его в день отправления корабля. Марсиане страдали тогда от задержки замораживания, и Коскинен постарался сократить прощание...

— А мой прибор, — запротестовал он. — Ведь это путь к спасению. Многие из тех, кто умерли в атомную войну, погибли не от непосредственного воздействия взрыва, а от его последствий. Защитный экран спасет людей от радиоактивных осадков, ядовитых газов...

— Да, — сказала Вивьен. — Именно поэтому Зигтер хочет заполучить этот экран. Тогда его ничто не остановит. Через десять лет он будет властителем всего преступного и большей части остального мира.

— И мы должны работать на него? — спросил Пит.

— Да. И усовершенствовать прибор. Если этого не сможем мы, то он наймет других инженеров. Кажется, работа эта не очень сложная.

— Нет... я не могу. Я передам все это полиции!

— Это значит Службе Безопасности, — медленно сказала она.

— Да... конечно.

— И директору Маркусу. Хью Маркусу. Представляешь, что он тогда сделает? Ты вспомни Джанио.

Коскинен стоял, не двигаясь. Она безжалостно продолжала, и Коскинен понимал, что она говорит это не потому, что знает о мониторе, о том, что за ними наблюдают.

— Если не Маркусу, то кому-нибудь еще. Ты просто не хочешь подумать о последствиях! Неуязвимость! Дай ее любому от Маркуса до Зигтера или диктатора Китая... Дай любому, кто имеет власть над людьми, неуязвимость, и эта власть станет свободной от всех сдерживающих факторов, она станет неограниченной. И тогда... Я бы предпочла отдать неуязвимость Зигтеру, — закончила она.

Губы ее были плотно сжаты. Она взяла еще сигарету и махнула рукой.

— Все, что он хочет, это возможность грабить. Ему не нужны души людей.

ГЛАВА 8

Коскинен проснулся. Что это было?

Может быть, ничего. Сон, из которого он бежал прежде, чем тот стал слишком зловещим, пугающим. Вечером он выпил снотворное, но его действие, наверное, кончилось. Часы показывали 4.15. Он лежал в полной темноте и тишине, если не считать легкого шума вентиляторов. Эти толстые стены были эффективными звукоизоляторами. И если они пропускали звук, значит, он действительно был громким.

Он повернулся на бок и попытался уснуть снова, но сон уже не шел к нему. Все, что сказала ему Вивьен, ее тон, ее состояние, действовали на него больше, нежели он думал.

«Я многого не знал. Мое детство прошло в стенах закрытой школы. Я никогда не встречался лицом к лицу с реальностью. Конечно, наши учителя не обманывали нас. Они предупреждали нас, что жизнь трудна, что на свете существуют бедность, невежество, алчность, тирания и ненависть... Но теперь я понимаю, что они сами лишь по-детски разбирались в хитросплетениях жизни. Свои политические взгляды они получили готовыми из официальных источников. Они были так загружены работой, что не могли отвлекаться ни на что другое.

Мне следовало выйти в мир вместе с остальными школьными товарищами, и тогда я мог бы многое узнать о реальной жизни. Но я предпочел сразу улететь на Марс. А теперь я вернулся, и суровая правда встала передо мной. Не постепенно, чтобы я мог привыкнуть, приспособиться, а внезапно и неизбежно. В полный рост. Мне бы хотелось не знать всего этого».

«Но где же правда? — тревожно подумал он. — Кто прав? Где выход, если он есть?»

Весь день он находился в подавленном состоянии, работая с Вивьен над прибором. Но работа была далека от завершения. Требовалось еще много времени. У него, казалось, не было иного выбора, кроме как подчиниться Зиггеру. Он лежал в постели и, сжимая кулаки, думал: «Мне слишком часто приходится подчиняться обстоятельствам. Не пора ли действовать самому?»

Но цепь и диск со взрывчаткой на шее держали его, словно якорь. Может, со временем ему удастся сделать что-нибудь такое, что послужит экраном для команды взрыва диска. Может быть. Но не скоро. А пока ему придется подчиняться, ждать своего шанса...

Раздался глухой грохот. Пол отозвался резонирующими колебаниями.

Он соскочил с постели. Сердце едва не выпрыгивало из груди. Может, это сирена? Нашупав выключатель, он включил свет и бросился к двери. Разумеется, закрыта. Он приложил ухо к двери: крики, топот ног... Да, это сирена, воющая где-то в подzemелье.

Коскинен включил телефон. Никто не отозвался. Отключены вспомогательные аппараты или повреждена центральная сеть? Каменные стены вновь потряс грохот.

Нападение? Но чье?

Зиггер! Коскинен покрылся холодным потом. Если Зиггер в отчаянии нажмет кнопку... Невольно он стал срывать с себя цепь. Он бегал по пустой комнате, тщетно пытаясь найти, чем можно перерезать стальную цепь. Ничего.

Он оделся, почистил зубы и стал в ожидании расхаживать по комнате.

Шум нарастал. Еще один взрыв. Но голосов людей не было слышно. Вероятно, битва велась где-то в другом месте. Ему ничего не оставалось, как ждать. Он пытался вспомнить родителей, Элькора, но был слишком возбужден, чтобы отключиться от реальности. «Идиот,— ругал он себя.— Если сюда упадет бомба, ты и не узнаешь об этом». Это немного успокоило его.

Еще один взрыв. Огонь мигнул и погас. Вентилятор перестал вращаться.

Во рту у него пересохло, захотелось пить. Дверь открылась. Он повернулся и отшатнулся.

В комнату вошла Вивьен и закрыла за собой дверь. На ней был плащ, в руке пистолет, а на спине какой-то узел, прикрытый плащом. Глаза ее горели, ноздри раздувались, на губах играла жесткая улыбка.

— Вот! — выдохнула она. — Возьми это, — она скинула ношу с плеч. Ткань соскользнула с узла, и он увидел свой прибор. — Он слишком тяжел для меня.

— Что... что? — Коскинен шагнул к ней.

— Возьми его, идиот! Нам очень повезет, если удастся сбежать с ним!

— Что случилось?

— Нападение. Большие силы и прекрасное вооружение. Судя по сообщениям наблюдателей, это китайцы. Они нанесли удар

ракетами, а потом высадили десант. Сейчас они пробиваются через наши последние рубежи обороны. Мы вооружены в достаточной мере, чтобы отразить нападение любой другой банды или полицейских отрядов, но только не таких сил.— Она снова прикрыла прибор тканью.— Тебе нужно изменить внешность.

— Что?

Она схватила его за руку.

— Каждый знает, как ты выглядишь. Но если сбрить бороду, то у тебя есть шанс проскользнуть незамеченным. Быстро! — она протянула ему флакон с аэрозолем.

Через несколько секунд он уже ощупывал свой гладкий подбородок с неожиданным любопытством, с давно забытым чувством. Судя по тому, с какой скоростью у него росла борода, подбородок будет гладким еще по меньшей мере неделю.

Вивьен продолжала говорить:

— Я могу предположить, как все произошло. Китайцы приблизительно знали, где ты приземлился, и послали в этот район всех своих агентов. Возможно, они узнали Бенеса, в окрестностях все знают людей из Кратера. Они схватили его,— Вивьен вздохнула, вероятно предположив, каким жутким мучениям подвергся бедняга Бенес.— Они заставили его рассказать все — и о тебе, и о плане укреплений. Наверняка, потом его убили. После этого они собрали сюда все оружие, которое тайно накапливалось годами. Игра стояла свеч. Китайцы, заимев экран, смогли бы спокойно создавать свой ядерный арсенал и шантажировать нас.

Коскинен пожал плечами.

— Я не могу исключить возможности, что китайцы добьются успеха,— сказала Вивьен.— Но я не хочу еще одной войны. Поэтому я пришла в лабораторию, и все наши записи превратились в пепел.

— Подожди,— вспомнил Коскинен, показав на свое горло.

Она издала короткий беззаботный смешок. — Я об этом подумала. Между моими покоями и покоями Зиггера есть проход. Он думает, что ключ только у него, но я уже давно сделала дубликат. И я знаю, где у него хранится взрывное устройство. Когда он ушел руководить обороной, я выкрала его,— она достала из кармана маленькую плоскую коробочку с кнопкой.— Вот детонатор.

Коскинен протянул руку, но она отстранила его.

— Нет, нельзя. Идем. У нас мало времени,— она открыла дверь и выскользнула в холл.— О'кей, все чисто.

Они прошли через холл. Возле двери лежал часовой с простреленной головой. Коскинен посмотрел на Вивьен. Та кивнула:

— Да. Иначе было не войти.

Они втащили тело в холл и закрыли дверь ключом Вивьен.

— Сжигаешь мосты? — спросил он.

В здании слышались взрывы, выстрелы, пулеметный лай.

— Нет, — ответила она. — Они сожжены много лет назад. В тот день, когда убили Джанни. Идем сюда.

Они пересекли несколько неподвижных транспортеров и прошли по длинному коридору. Пахнуло свежим воздухом. Звук боя стали слабее. Сердце Коскинена замерло, когда он увидел отряд охранников, направляющийся к ним. Правда, они особенно не торопились. Вивьен свернула в боковой коридор, вдоль которого находились двери.

— В основном это кладовые, — сказала она. — Держи руку на тумблере и приготовься включить экран, когда я скажу.

Следующая дверь вывела их на лестницу, ведущую наверх. Он устал. Дыхание гулко раздавалось между пустых стен. Лямки сильно давили на плечи. Коскинен ощущал острый запах своего пота. Коридор был тускло освещен редкими лампами.

Повернув, они совершенно неожиданно оказались перед бронированной дверью, перегораживающей коридор. Возле двери стоял пулемет, а при нем двое охранников в шлемах и масках, что делало их похожими на инопланетян.

— Стой! — скомандовал один из них. Дуло пулемета нацелилось на Коскинена.

— Щит! — прошипела Вивьен. Он включил тумблер и тут же оказался в тишине. Женщина, укрывшись за ним, открыла беглый огонь из автоматического пистолета. Первый охранник упал, а второй продолжал всаживать пулю за пулей в Коскинена, но все они, попадая в экран, падали, не принося вреда. Наконец, Вивьен удалось застрелить охранника.

Она подбежала к двери, посмотрела на трупы и махнула рукой. Коскинен выключил экран и поспешил к ней. Невыносимо яркая кровь текла по каменному полу. Ему стало нехорошо.

— Это было необходимо? — спросил он Вивьен.

— Они бы не дали нам пройти без пропуска. Не жалея этих громил. Они достаточно поубивали в своей жизни, — она включила двигатель. — Нам нужно торопиться: вдруг кто-то из них успел поднять тревогу.

Дверь медленно повернулась. За ней зияла темнота, но фонарик, который Вивьен прихватила у мертвого охранника, рассеял ее, и они пошли по туннелю. Выход из туннеля

маскировал огромный камень. Коскинен осторожно выглянул из-за камня.

Три огромных самолета барражировали в багровом от взрывов небе. Чуть дальше, над главным входом, кружились еще несколько. Отсюда они казались всего лишь серебристыми искрами на фоне мрачного неба. Коскинена оглушили звуки боя — взрывы, пулеметные очереди, пистолетные выстрелы... настоящий бой, где используются все виды оружия.

— Китайцы сделали все, чтобы создать у полиции впечатление, что здесь сражаются две банды грабителей, — сказала Вивьен. — Если полицейские попытаются вмешаться, они будут просто перебиты. У них не хватит оружия, чтобы на равных сражаться с китайцами. Следовательно, сюда будут вызваны части Службы Безопасности и Армии... но это будет позже. Китайцы надеются, что они достигнут своей цели — захватят прибор и тебя до того, как это случится.

— Куда мы бежим? — спросил он, оглушенный происходящим вокруг.

— Идем, — она повела его по еле заметной тропинке. Он шел за ней, спотыкаясь и падая, его руки были исцарапаны, он сильно ушиб колено, но был слишком напуган возможностью попасть в плен к китайцам, и поэтому не обращал ни на что внимания. Вскоре они перевалили через жерло кратера и пошли вниз через лабиринт развалин старых домов, где жили люди низшего класса.

ГЛАВА 9

Они остановились на узкой улице, между глухих кирпичных стен, едва проступающих сквозь окружающий мрак. Впереди и сзади виднелись серые прямоугольники света — там начинались главные улицы, пустынные в этот час, только ветер гнал по ним пыль да обрывки бумаги. Они находились уже далеко от Кратера, и шума битвы, если она еще продолжалась, не было слышно. Ночь висела над городом, громыхающая, ревущая: автоматические заводы, автоматические пути сообщения — все это создавало равномерный гул, мешающий услышать отдаленные звуки. В холодном воздухе стоял запах сернистых соединений.

Коскинен присел рядом с Вивьен. Усталость навалилась на него. Долгое время он молчал, присматриваясь к ней в темноте, и наконец спросил:

— Что дальше?

— Не знаю,— глухо ответила она.

— В полицию...

— Нет, нет! — резкость, с которой она отклонила предложение, как будто пробудила их обоих.— Дай мне подумать,— сказала она, доставая сигарету, и вскоре в темноте вспыхнуло красное пятнышко.

— К кому еще мы можем обратиться? — возразил он.— Снова к какому-нибудь боссу из другой банды? Нет, спасибо.

— Разумеется, нет,— сказала она.— Особенно теперь. Слухи о том, что произошло в Кратере, уже докатились до Службы Безопасности, и там поняли, в чем причина. Так что ни один босс не только не рискнет скрывать нас, но и сразу выдаст, если обнаружит.

— Тогда пойдем в полицию сами.

— Сколько раз ты должен получить копытом по зубам, прежде чем научишься не подходить к лошади сзади?

— О чем ты? Да, конечно, я признаю, они убивают, но...

— Ты хочешь провести остаток жизни в тюрьме?

— Что?

— О, они могут просто стереть твою память, и при этом существует возможность, что ты исчезнешь как личность. Мнемотехника еще не очень точная наука. Всякое может случиться. Лично я предпочту просидеть всю жизнь в тюрьме, чем позволить им лезть своими зондами в мой мозг,— заключенный всегда может найти способ покончить с собой.

— Но почему? Я же не тип, склонный к мятежу?

— Дело не в этом. Сейчас ты единственный за Земле, кто знает, как работает генератор. Маркус, способный хладнокровно убить человека из-за того, что тот может когда-нибудь причинить ему неприятности... Неужели ты думаешь, что такой человек, как Маркус, допустит, чтобы тайна пита вышла из-под его контроля? Я не хочу сказать, что Маркус точно планирует стать военным диктатором США, но шаг за шагом он идет к этому. Разве можно воспрепятствовать ему в этом, если он обладает властью, силой и неуязвимостью?

— Ты преувеличиваешь.

— Заткнись. Дай мне подумать.

Поднялся ветер. Где-то прогремел поезд. Красноватый огонек сигареты погас.

— Я знаю одно местечко, где мы можем скрыться,— решила она.— У Зигтера есть убежище, которое он нанял под чужим именем. Там есть запасы продовольствия, оружие. Кроме того, оно снабжено специальной телефонной системой, которую нельзя обнаружить и засечь. Мы можем там пожить некоторое время и

попытаться связаться с друзьями, например в Бразилии. А потом можно будет выбраться из страны.

— А дальше что? — с вызовом спросил он.

— Не знаю. Может, выбросить прибор в море и спрятаться в лесах на всю оставшуюся жизнь? А может, мы придумаем что-нибудь получше. Не дергай меня, Пит. Пока я не вижу ничего лучше.

— Нет, — сказал Коскинен.

— Что? — переспросила Вивьен.

— Прости. Возможно, я чересчур доверчив, или ты слишком недоверчива. Но когда я отправлялся на Марс, я подписал клятву, что буду всегда поддерживать Конституцию, — он встал. — Я сам пойду в Безопасность.

— Ты никуда не пойдешь, — поднялась она.

Коскинен положил палец на тумблер.

— Не доставай пистолет, — сказал он, — я закроюсь экраном раньше, чем ты нажмешь курок.

Она отступила на шаг и достала из кармана плоскую коробочку:

— А как насчет этого?

Он ахнул и рванулся к ней.

— Стой! — крикнула она. Коскинен услышал щелчок предохранителя и замер на месте.

— Я убью тебя, если ты захочешь передать прибор властям.

— Ты действительно сможешь меня убить? — Коскинен не двинулся с места.

— Да... это действительно очень важно, Пит. Ты говорил о клятве. Неужели ты не видишь, что Маркус последовательно уничтожает те жалкие остатки, что у нас еще называются Конституцией, — она всхлипнула. Коскинен явственно слышал это, но знал, что ее пальцы сжимают детонатор.

— Ты ошибаешься, — заговорил он. — Почему ты думаешь, что Маркус действует именно так. Ведь если бы он даже и захотел, ему бы не позволили. Ведь он в правительстве не один. Конгресс, Верховный Суд, Президент, наконец. Я не могу поставить себя вне закона только потому, что у тебя есть предубеждение против правительства, Ви.

Снова между ними легла тишина. Он ждал, размышляя о том, как ему поступить. Наконец, она тихо вздохнула и сказала:

— Может быть. Я не имею прямых доказательств. Но твой экран... и твоя жизнь... их нужно спрятать. Я хочу, чтобы ты убедился в этом до того, как попадешь к ним в пасть. Иначе будет поздно. А ты не так глуп, чтобы желать попасть к ним в лапы.

«Дэйв», — вспомнил он. Плечи его опустились и сердце заныло, когда он подумал о Дэвиде Абрамсе.

«Я был слишком пассивен, — понял он. — Необходимо действовать».

И принятое решение вернуло ему физические силы. Он заговорил более уверенно:

— О'кей, Ви. Я сделаю как ты скажешь. Мне кажется, я кое-что понял.

Она сунула детонатор в карман и пошла за ним по темной улице. Они прошли несколько кварталов, завернули за угол и увидели витрину магазина и телефонную будку. Вивьен протянула ему несколько монет — у Коскинена в этом костюме все карманы были девственно пусты — и встала в дверях будки. Ее веки в мертвенно-бледном свете ламп казались зелеными, губы сжались в твердую линию. Она вновь обрела уверенность в себе.

Сначала Коскинен вызвал такси, а затем набрал номер местного отделения Службы Безопасности. Вспыхнула красная лампочка — сигнал записи на ленту. Коскинен не включил экран: зачем им знать, как он теперь выглядит.

— Бюро Службы Безопасности, — ответил женский голос.

Коскинен напрягся.

— Послушайте, — сказал он. — Это очень срочно. Сразу же передайте ленту с записью своему начальству. Говорит Пит Коскинен. Я знаю, вы меня ищете. Мне удалось избавиться от крупных неприятностей. Аппарат со мной. Но я не уверен, что могу доверять вам. Я пытался созвониться со своим товарищем Дэйвом Абрамсом и понял, что вы схватили его. Мне все это кажется очень подозрительным. Может, я и ошибаюсь. Но то, что у меня есть, слишком важно, поэтому я не могу действовать вслепую.

Сейчас я исчезаю и позвоню из другого места примерно через полтора часа. А пока вы мне подготовите все, что касается Абрамса. Понятно? Я хочу видеть его воочию и убедиться, что с ним все о'кей и его не содержат в тюрьме.

Он отключился и вышел из будки. Такси, как он и надеялся, уже прибыло. Вивьен спрятала пистолет под плащом: таксист не приблизится, если увидит оружие. Как и друг Неффа, таксист был в шлеме, и тоже вооружен игольчатым пистолетом. Господи, и это было всего два дня назад!

— Куда? — от пассажиров кабину отделяла прозрачная панель, видимо, пуленепробиваемая.

Коскинен был захвачен врасплох, но Вивьен быстро ответила:

— В Бруклин. И поживее.

— Придется облетать Кратер, мадам. Гораздо дальше, чем обычно. Там какая-то заварушка, и Служба Управления перекрыла все маршруты.

— О'кей,— сказал Коскинен. Он откинулся на спинку, насколько позволил ему аппарат. Такси взмыло вверх. Служба Безопасности будет здесь через несколько минут, но к этому времени они окажутся далеко отсюда. Служба Безопасности, конечно, может проверить Службу Управления, но компьютер уже сотрет из памяти информацию, что такси останавливалось на этом углу. А работа со Службой Такси займет очень много времени. «Значит, пока мы управляем ситуацией»,— подумал он.

— Бруклин,— немного погодя произнес водитель.— Куда именно?

— К станции Флатбуш,— ответила Вивьен.

— Эй, на такие расстояния не стоит брать такси. Можно доехать на метро.

— Ты слышал леди,— сказал Коскинен. Водитель пробормотал что-то не очень любезное, но повиновался. Вивьен щедро расплатилась с ним.

— Он был так зол, что мог бы заявить в полицию, надеясь, что нас разыскивают копы,— сказала она, когда они вступили на эскалатор.

Турникет проглотил монеты и впустил их. Они вошли в вагон и уселись на свободное место. Пассажиров было мало: рабочие, священник, несколько людей восточного типа, которые смотрели вокруг сонными глазами. Видимо, город еще не проснулся.

Вивьен посмотрела на Коскинена.

— Ты выглядишь гораздо лучше,— заметила она.

— Я и чувствую себя лучше,— признался он, снимая со спины аппарат и ставя его возле ног.

— Хотела бы я сказать то же самое,— вздохнула Вивьен. Вокруг покрасневших глаз ее были черные круги.— Устала донельзя. И не только из-за сегодняшнего бегства. Все эти годы навалились на меня. Неужели я когда-то была маленькой девочкой, беззаботной, веселой, которую звали Виви? Сейчас мне кажется, что я читала об этом в старой книге.

Он молча взял ее за руку, а другой рукой отважился обнять за плечи. Темная голова опустилась ему на плечо.

— Прости, Пит,— сказала она.— Я совсем не хочу жаловаться тебе. Но ты не будешь возражать, если я немного поплачу? И тихо...

Он прижал ее к себе. Никто не обращал на них внимания. Да, самое ужасное, что он нашел на Земле, это полная изоляция людей друг от друга. Но чего еще можно ожидать, если каждый

человек всего лишь глухой, слепой, немой придаток автоматической машины, называемой государством?

Они ехали без всякой цели, пока снова не пришло время звонить в Службу Безопасности. Вивьен поспала несколько минут и выглядела посвежевшей. Она шла рядом с ним пружинистой походкой.

Сойдя с эскалатора, они огляделись. Кругом расстился богатый район. Дома вокруг были новые, с панелями, отделанными пластиком, с широкими окнами и балконами. Вдоль улицы тянулся высокий забор, служивший границей парка, окружающего Центр. Сам Центр возвышался вдали подобно горе, но он не обратил на него внимания. Его поразила свежая зелень травы, пышное величие цветочных клумб, красота устремленных в наступающее утро деревьев...

«Я совсем забыл, что Земля такая красивая планета», — подумал он.

Охранник в форме со скучающим видом смотрел на них из-за забора. Ранние или, может быть, поздние машины пронеслись по улице. Тут было запрещено движение поездов. Возле тротуара стояло такси. Значит, можно было не вызывать машину для немедленного бегства после звонка.

«Почему бегства? — подумал он. — Почему бы просто не отправиться в ближайшее бюро Службы Безопасности?»

Сжав губы, он заставил себя успокоиться и вошел в будку. Вивьен осталась на улице, чтобы охранять прибор, но в то же время не спускала глаз с Коскинена. Он набрал номер.

— Бюро...

— Коскинен, — хрипло произнес он. — Вы готовы говорить со мной?

— О! Один момент, — щелчок. Включился мужской голос: — Полковник Осленд. Если вы включите канал визуальной связи, Коскинен, я соединю вас прямо с директором Маркусом.

— О'кей, — он бросил еще одну монету. — Но прошу учесть, что у меня с собой нет аппарата. Если вы выследите и схватите меня, мой товарищ уничтожит машину. И никто, даже я, не сможет воспроизвести ее. Даже я, повторяю.

На экране появилось мужское лицо с густыми бровями, которое тут же сменилось другим, с тяжелым взглядом. Хью Маркус из Вашингтона. Коскинен много раз видел фотографии этого лица, так что сразу узнал его.

— Хэлло, — мягко сказал Маркус, — в чем дело? Чего ты боишься, сынок?

— Вас, — ответил Коскинен.

— Вероятно у тебя есть основания, но...

— Стоп! Я знаю, что у меня совсем немного времени. Ваши агенты уже наверняка мчатся сюда. Послушайте, Маркус, мне нужны гарантии человека, которого я хорошо знаю. Готов Дэйв Абрамс говорить со мной?

— Минуту, минуту,— Маркус поднял руку с накрашенными ногтями.— Не нужно давать волю предубеждению против нас. Да, мы содержим Абрамса в тюрьме. Но для его же собственной безопасности. И, кстати, единственное, что мы хотим, это обезопасить тебя тоже. Абрамс в полном порядке...

— Дайте мне переговорить с ним, и побыстрее!

Маркус вспыхнул, но продолжал вполне миролюбиво:

— Почему именно Абрамс? К сожалению, мы не можем так быстро привезти его. Он содержится в Рокки Маунтенс, и мы не видим причин нарушать его покой зря беспокоить охранников. А условия связи сейчас очень плохие, так что мы не можем подключить его к этой линии.

— Я считаю, что вы вкатили ему такую дозу наркотиков, что сейчас не можете привести его в себя. Все ясно, Маркус.— Коскинен протянул руку к выключателю.

— Подожди,— крикнул Маркус.— Хочешь поговорить с Карлом Хомби? Он здесь в полной безопасности.

Механик, подумал Коскинен. Его колени внезапно стали ватными.

— Хорошо,— прохрипел он.— Подключите его.

— Хэлло, Карл,— мягко сказал Пит.

— О, Пит,— Хомби искоса посмотрел в сторону. Значит, где-то рядом находится охранник с пистолетом.— Что это нашло на тебя?

— Пока не знаю,— ответил Пит.— Как они обращаются с тобой?

— Прекрасно,— ответил Карл.— У меня все прекрасно.

— По твоему виду этого не скажешь.

— Пит...— Хомби запылся.— Возвращайся домой, Пит. Я не знаю, в чем дело, но мне велено передать тебе, что Служба Безопасности не сделает тебе ничего плохого. Так оно и есть.

Коскинен промолчал. В трубке слышалось гудение. В окно будки он видел бледные звезды, которые уже почти совсем растаяли на посветлевшем небе. Вивьен не сдвинулась со своего места.

Он напряг мышцы гортани, чтобы говорить на языке, с помощью которого общались ближайшие друзья на Марсе.

— Карл, есть ли правда в том, что ты говоришь?

Хомби замер. Лицо его побледнело.

— Не говори со мной так!

— Почему? Ведь мы говорили с тобой на этом языке в ту ночь, когда были в святилище вместе с марсианами! Я приду к тебе, если ты скажешь мне на этом языке, что против меня не замышляется ничего дурного.

Хомби пытался заговорить, но не смог.

— Послушай. Я сам знаю, что мне угрожает опасность,— продолжал Коскинен.— И если бы она угрожала только мне, я бы пришел. Но я уверен, что эта опасность всемирна...

— Уходи. Побystрее и подальше,— сказал Хомби на языке марсиан.

Затем он наклонился к экрану и заговорил по-английски:

— Брось все это, Пит. На тебя нашло затмение. Если ты хочешь, чтобы я дал марсианскую клятву, что ты будешь здесь в безопасности, о'кей, я клянусь. Так что кончай всю эту мороку.

— Ясно. Я приду,— согласился Коскинен.— Но мне нужно забрать аппарат у помощника. А потом я явлюсь в ближайшее бюро Службы Безопасности,— он перевел дыхание. В горле у него пересохло.— Благодарю, Карл,— сказал он.

— Ладно. Увидимся.

«Надеюсь»,— подумал Коскинен.

Он выключил экран. Может, ему удалось выиграть немного времени... чтобы сделать еще кое-что.

Он вышел из будки, и Вивьен схватила его за руку.

— Ну что, Пит?

Он поднял аппарат.

— Нужно убираться отсюда, пока есть время,— коротко ответил он.

ГЛАВА 10

Она некоторое время стояла молча. Солнца еще не было видно, но оно уже позолотило верхушки здания Центра и наполнило улицы светом. Уличное движение пока не увеличилось: обитатели этого района не встают так рано. Не было слышно утробного рева фабрик и заводов, который никогда не прерывался в бедных кварталах. Здесь звуки городской жизни напоминали мягкое дыхание спящего. Он посмотрел на Вивьен, и она показалась ему похожей на падшего ангела, прислонившегося к воротам рая, из которого его выгнали.

— Куда? — спросила она.— В убежище Зиггера?

— Не знаю. Мне не хотелось бы... но нужно бежать. Нам нужна помощь.

Смех ее прозвучал саркастически.

— Кто предоставит ее тебе? — она взяла его за руку. — Идем, Пит. Служба Безопасности проследит этот звонок. Она скоро будет здесь.

— Я сказал, что иду к ним.

— Они все равно проверят. Идем!

В огромном здании на противоположной стороне вспыхнул свет. Коскинен зажмурился. Как будто само солнце подало ему сигнал.

— Да! — почти выкрикнул он.

— Что? — ее широкие глаза с блестящими золотинками пылливо смотрели на него. — Ты что-то придумал?

— Да, — он быстро пошел к стоянке такси.

Машины здесь были новые, блестящие, водители не вооружены.

— Отсюда не возят в трущобы, — предупредила Вивьен.

— Мы и не собираемся в трущобы.

— Но лететь на верхние уровни опасно, Пит. Все вызовы такси здесь фиксируются. Как только Служба Безопасности поднимет тревогу, все таксисты будут запоминать пассажиров и...

— Но у нас нет выбора. Метро слишком медленный вид транспорта. К тому же его могут остановить. А я вовсе не желаю сидеть в туннеле и ждать, когда за нами придут.

— Значит, ты хочешь куда-нибудь на верхний уровень, да?

Он кивнул.

— Хорошо. Будем считать, что ты знаешь, тем более что времени для споров у нас нет. Но мы будем действовать так, чтобы не привлекать внимания, чтобы нас не запомнили по необычности поведения. Дай мне прибор, — она легко взяла прибор одной рукой. — Я понесу его. Я девушка, которую ты зацепил в трущобах. Я как раз подхожу на эту роль. А ты все еще выглядишь вполне респектабельно. На твоем темном костюме грязь не бросается в глаза.

— Что ты имеешь в виду? — в замешательстве спросил он.

Небо уже совсем просветлело и он ясно видел ее лицо. Она негромко сказала:

— Ты подцепил меня в таверне нижнего уровня. — А затем громко: — Эй, ты, дурачок, беспутный сынок мультимиллионера! Иди за мной.

Они пошли к такси. Коскинен еще ничего не понимал, но когда Вивьен схватила его за волосы и подтянула его рот к своему, ему все стало ясно.

Обнимая друг друга — даже в этот момент Коскинен удивился искусству, с которым Вивьен прикрывала его лицо от таксиста, — они забрались в машину. Вивьен кинула прибор в угол.

— Том, мне нужно вернуться на работу. Босс снимет с меня шкуру, если эта штука не будет стоять в его кабинете утром.

Коскинен не мог сразу придумать ответ, и Вивьен ушипнула его.

— О, не беспокойся об этом, крошка. Я позабочусь, чтобы босс был удовлетворен.

— Как, наверное, приятно иметь много денег, — мурлыкала она. Дверь закрылась. Такси взлетело, сразу набрав полную скорость. Инерция еще крепче прижала их друг к другу.

Коскинен сильно сжал ее в объятиях.

— Полегче, медведь, — прошептала она.

А он, закрыв глаза, вдыхал теплый аромат. Ее волосы пахли солнечным восходом, а кожа... он не мог найти подходящего сравнения. Сердце билось у него в груди, он задыхался от желания обладать ею.

Уголкем глаза, без особого интереса он увидел восходящее солнце. В его свете мегаполис казался какой-то романтической крепостью. Две реки и залив Лонг-Айленд блестели, как расплавленное серебро. В воздухе не было видно других машин. Они быстро летели на восток — гораздо быстрее, чем ему хотелось. Сейчас они летели над районами, где могли себе позволить жить только очень богатые. Здесь было запрещено строить промышленные предприятия.

Громада Центра появилась на горизонте.

— Куда, сэр? — спросил водитель.

Ему пришлось дважды повторить вопрос, так как Коскинен замер в объятиях Вивьен. Затем он спохватился и пробормотал:

— Вест-сайд. Двадцать третья, пожалуйста.

— Хорошо, сэр, — водитель запросил разрешения на поворот, получил его и направил машину вниз. Вскоре колеса зашуршали по земле.

Вивьен сунула деньги в карман Коскинена.

— Заплати побольше, — выдохнула она ему в ухо и вышла из кабины. Все еще находясь в полном смятении от ее близости, он кивнул.

— Боже, — рассмеялась она. — Я такая растрепанная!

— Ты выглядишь прекрасно, — не солгал он.

Вивьен взяла прибор и пошла. Коскинен расплатился с таксистом, который, не обращая на него никакого внимания, не спускал глаз с Вивьен, удалявшейся, отчаянно виляя задом.

— Вам повезло, сэр,— сказал таксист, и вскоре такси взмыло в воздух, направляясь в сторону Манхеттена.

Они стояли перед прекрасным садом и смотрели на свежую траву, где блестели росинки, на прекрасные цветочные клумбы, вдыхали запах роз... Коскинен обнял Вивьен за талию. Она вздохнула и положила ему голову на плечо.

— Я почти забыла, что Земля так прекрасна,— прошептала она.

— А я это только что узнал... благодаря тебе...— он сам удивился своему ответу.

Она хмыкнула:

— Должна сказать, ты способный ученик, Пит.

По дорожке, усыпанной гравием, послышались шаги.

Насторожившись, они обернулись. Хотя на площадке для приземления не было служащих, но их, вероятно, заметили, и теперь охранник шел, чтобы узнать, кто они и что им надо.

Этот человек не был одет в униформу. Он шел лениво, и улыбка играла на его губах, но Коскинен отметил прекрасно тренированные мускулы и микропередатчик на запястье.

— Доброе утро, сэр,— поздоровался человек.— Чем могу служить?

— Мне бы хотелось увидеть м-ра Абрамса,— сказал Коскинен. Охранник поднял брови.

— Мое имя Коскинен. У меня есть некоторые новости, которые заинтересуют его.

Профессиональная невозмутимость уступила место возбуждению.

— О, конечно, мистер Коскинен! Сейчас. Я думаю, он еще спит, но... идите за мной!

Коскинен взял у Вивьен прибор и накинул ремень на одно плечо. Она схватила его за руку, придерживая, пока охранник уйдет вперед. Он заметил, что Вивьен очень напряжена.

— Послушай, Пит,— прошептала она.— Я слышала о Натане Абрамсе. Он большой человек в «Дженерал Атомик». Зачем ты пришел к нему?

— Ты забыла, что Служба Безопасности схватила его сына? Я думаю, он будет рад помочь нам.

— Идиот! — взорвалась она.— Ты думаешь, Служба Безопасности не следит за ним?

— О, несомненно. Риск, разумеется, есть, но не очень большой. Сейчас они заняты тем, что разбираются с этой историей у Кратера. Они вынуждены подключить туда всех местных агентов, так что я уверен: здесь пока чисто.

— Если СБ не имеет агентов внутри дома.

— Сомневаюсь в этом. Дэвид говорил мне, что его отец очень тщательно подбирает слуг, и он уверен в их преданности себе. Так делают все большие люди. В нашем волчьем мире это необходимо.

— Хм... ну хорошо... то, что нас пока еще не схватили, доказывает, что ты, может, и прав.

Она испытующе посмотрела на него.

— Неплохо. Даже профессионал не смог бы так быстро оправиться после той передрыги, в которую ты попал. Ты так быстро все схватываешь, что это даже пугает меня. Но идем, охранник ждет нас.

Они вошли через стеклянные двери в дом. В центре солиариума на высоту в 20 футов бил фонтан. Коскинен увидел, что бассейн, в середине которого находился фонтан, отделан плитками из метеоритов. Блещущая вода, утреннее солнце, запах лилий — все было чудесно, но внимание Коскинена было привлечено к другому — к человеку, который спешил им навстречу.

Это был не Абрамс, а незнакомый плотный человек в голубом костюме. Охранник что-то тихо сказал ему, человек повернулся и исчез. Вошел другой. У него было лицо старика, что совершенно не сочеталось с атлетической фигурой. Кожа туго обтягивала его высокие скулы, вокруг глаз и рта залегли морщинки. Коскинен редко встречал людей с таким пронзительным взглядом. Его рукопожатие было крепким. Коскинен представил себя и Вивьен.

— Я Ян Трембицкий, личный секретарь мистера Абрамса. Он будет через несколько минут. Присядьте, пожалуйста.— Его английский был правильным, но слова он произносил с акцентом.

— Благодарю,— Коскинен осознал, как устал. Он почти упал в кресло и с наслаждением утонул в его мягкой глубине.

Вивьен опустилась в кресло небрежно, но было видно, что она тоже очень устала.

Трембицкий смотрел на них.

— Как насчет завтрака? — спросил он, нажал кнопку внутренней связи и, услышав ответ, сделал заказ. Затем предложил сигареты.

Вивьен взяла сигарету, прикурила и с наслаждением затянулась, с неохотой выпуская дым из легких. Трембицкий тоже сел и закурил.

— Как я понял, вам удалось убежать от агентов СБ,— сказал он. Когда Коскинен кивнул, он продолжал.— Ну что же, мы можем спрятать вас, но зачем? У нас и так достаточно неприятностей.

— Я могу оказать вам помощь,— сказал Коскинен и показал на прибор.— Вот из-за чего весь этот шум.

— Так вот он какой,— Трембицкий остался невозмутим.— Мы уже кое-что знаем о нем из своих источников.

— Вы думаете... с Дэйвом все в порядке?

— Сомневаюсь, что ему причинили какой-либо вред. Несомненно, его подвергали психологическим тестам, но если он ничего особенного не знает... а ведь он действительно ничего не знает?

Вопрос прозвучал, как пуля. Коскинен не успел ответить, даже покачать головой, как Трембицкий продолжал:

— Хорошо. В этом случае Дэйв содержится в роли заложника. Правда, это связывает нам руки.

— А что вы пытались сделать? Мистер Абрамс ведь мог бы сообщить обо всем президенту?

— Разумеется, он это сделает. Но нужно время. Не следует забывать, что все сотрудники и помощники президента запуганы Службой Безопасности. Они понимают, что в любой момент могут потерять работу.

— Но сам президент...

— Да, здесь нам повезло. Он по убеждениям либерал. Но ему приходится думать и о безопасности США, которая, в свою очередь, является гарантией стабильности Протектората. И в этом большую роль играет СБ.

— Но президент может избавиться от Маркуса!

— Не так все просто, мой друг. Нужно уважать целостность государственных организаций, иначе само государство рухнет. Каждый государственный деятель должен идти на компромисс. В противном случае он окружит себя врагами и ничего не сможет совершить. Почитай историю. Вспомни Линкольна, который был окружен дубинами-генералами и осликами-чиновниками. Нет, президент не может отстранить Маркуса, если не сумеет доказать перед конгрессом, что действия шефа СБ причиняют вред государству.

— Может, мы сумеем убедить его,— сказал Коскинен.

— Может быть. Хотя через легальные каналы это очень трудно сделать. А если мы сами будем поступать незаконным образом, то как мы сможем говорить и обвинять Маркуса в беззаконии?

Коскинен почувствовал, как все его мышцы напряглись. Воцарилась тишина, нарушаемая только журчанием фонтана.

— А вот и освежающее.

Коскинен открыл глаза. Он с удивлением обнаружил, что уснул. Слуга накрывал стол. Коскинен посмотрел на кофе, апельсиновый сок, хлеб, масло, икру, запотевшую от холода бутылку водки. Трембицкий предложил ему и Вивьен таблетки.

— Они возбуждают аппетит,— пояснил он.— Их полезно принимать перед обедом.

— Нам нужно сохранить мозги свежими,— угрюмо заметила Вивьен.

Они только-только принялись за еду, когда в холле появились два человека.

— К сожалению,— сказал, вставая, Трембицкий,— завтрак придется отложить: пришел босс.

ГЛАВА 11

Натан Абрамс не был высоким человеком. Скорее, наоборот, пухлым и лысым. Из-под халата виднелись ноги в пижамных брюках. Хрипло дыша, Абрамс сел в кресло и произнес сквозь зубы:

— О, Боже. Я всегда знал, что вокруг много гнили. Но когда эта гниль выступила открыто, с ней уже поздно вступать в борьбу. Но необходимо.

— С каким оружием? — спросил Трембицкий.

Рука Абрамса показала на прибор:

— Для начала с этим.

— Но нужно время, чтобы организовать производство и создать боевые группы.

— А тем временем Дэйв...— голос Абрамса дрогнул, и, стараясь скрыть это, он стал накладывать себе пищу в тарелку.— Прошу простить меня,— сказал он.— Вы, должно быть, голодны.

Коскинен не мог удержаться, чтобы не рассмотреть девушку, пришедшую вместе с Абрамсом. Естественно, он знал о существовании сестры Дэйва, но когда экспедиция улетала на Марс, ей было всего пятнадцать лет. Он не ожидал увидеть ее такой: взрослой, стройной, гибкой, с серыми глазами, затуманенными печалью, с мягкими волосами цвета меди, волнами спадавшими на плечи. Хотя Абрамс не сказал о встрече жене, потому что не знал, как она перенесет это, но его дочь была сейчас с ним.

Как вовремя Абрамс вспомнил о завтраке! Коскинен действительно проголодался. Однако он колебался. Девушка как бы прочла его мысли:

— Садитесь, ешьте. Не могли же все ваши злоключения лишить вас аппетита. Я, пожалуй, тоже что-нибудь съем.

Вивьен улыбнулась.

— Благодарю, мисс Абрамс, хотя заботясь о нас, вы не забываете и о себе.

— О, теперь мы в одной команде.

— Не так уж я в этом уверен,— сказал Трембицкий.

— Что ты имеешь в виду, Ян? — спросил Абрамс.

— Но...

— Ты же знаешь, я не предлагаю ничего экстраординарного. Самое главное, выручить Дэйва и всех остальных участников экспедиции. Мы будем действовать осторожно, но, вполне возможно, настанет момент, когда...— Абрамс замолчал.

Трембицкий закончил за него фразу:

— ...когда нам придется вступить в войну с собственным правительством.

— Да... по крайней мере с Маркусом. Я говорю тебе, что у него мания величия, и его нужно остановить.

— Не будем бросаться словами, Нат. То, что мы имеем сейчас, это не неофашизм, это цезаризм. Да, да, цезаризм, слегка модифицированный, так как появился в республике, более сложной по структуре, чем Рим тех времен. Но цезаризм появился как веление времени, как средство выживания в ядерном веке. Не захочешь же ты свергнуть Цезаря, обресть страну на гражданскую войну, ослабить ее, окруженную варварами.

— Я о такой чепухе даже не думаю!

— И тем не менее это так. Такое выступление вызовет расслоение социальных сил в стране и, как следствие, экономический хаос. А когда это произойдет, общество не сможет производить достаточно, чтобы удовлетворить собственные нужды, и тогда откроется прямой путь к открытому диктаторству. Народ потребует сильного правителя. Лучше пожертвовать свободой, чем видеть, как голодают твои дети,— так считает большинство.

У Маркуса миллионы сторонников именно потому, что вы не смогли разрешить многие проблемы образования, равномерного распределения благ цивилизации, социального вакуума. Если же сейчас высшие классы Америки передерутся между собой, положение будет еще хуже. Быть может, Маркуса можно будет уничтожить, но его сторонники сразу покончат с нами. А если даже забыть о практических трудностях всего предприятия, то нельзя забывать, что на нас лежит громадная ответственность перед обществом, которая не позволит нам пускаться в опасные авантюры.

Ли нагнулась к Коскинену и прошептала:

— Он из Центральной Европы. Папа нашел его в каком-то польском городке и уговорил приехать в Штаты.

Коскинен с почтением посмотрел на Трембицкого. Война и послевоенные годы были трудными и в США, но сюда, по крайней мере, не вторгались иностранные войска, сеявшие хаос и

разрушения в стране, которая подверглась удару ракет с ядерными головками. И если, несмотря на голод, этот человек нашел время, чтобы получить образование...

— Только пойми меня правильно,— продолжал Трембицкий.— Я не предлагаю покорно подчиняться Маркусу и не сопротивляться ему. Ты мужественный человек, Нат. Думаю, я тоже не из трусов. Но «Дженерал Атомик» — не наша личная империя. Это военная мощь страны и она должна оставаться ею. Кроме того, ты слишком на виду и потому не можешь предпринять ничего, что не было бы замечено обществом. Следовательно, ты и не должен организовывать заговор.

— О, ты признаешь, что нужен заговор? — сказал Абрамс.

— Не знаю. Может быть, да, а может, и нет. Все произошло слишком быстро, и у меня не было времени подумать.

— Но времени и так слишком мало,— напомнила Вивьен.

— Когда Маркус идет по следу... да. Но я не вижу, как мы можем спрятать вас на длительное время. Разумеется, у нас большой штат, но это не организация. А вам нужна организация, со службой разведки, с тайными убежищами... с людьми, которым можно верить...

Абрамс щелкнул пальцами:

— Эгалитарианцы!

Трембицкий удивленно посмотрел на него:

— Ты имеешь в виду Ганновея?

— Не знаю. Но мы можем проверить.

— Я не знаю, что вы имеете в виду,— вступила в разговор Ли,— но что касается эгалитарианцев — это звучит обнадеживающе. Я была на их митингах, говорила со многими. Отец, это действительно хорошие люди.

— Возможно,— хмыкнул Трембицкий,— но насколько они эффективны?

— Сам Ганновой — круто сваренный тип. Мы можем связаться с ним, хотя это слишком рискованно... но где нет риска?

Трембицкий кивнул:

— Я запущу машину, чтобы колеса начали вертеться. Для начала соберем информацию, оценим ее и тогда решим, как поступить. Некоторое время мы сможем укрывать наших друзей здесь, но чем скорее нам удастся пристроить их в безопасном месте, тем лучше.

— Хорошо. Тогда начнем,— Абрамс повернулся к Коскинену и Вивьен.— Мне жаль так скоро расставаться с вами, но у меня много дел. Поговорим о деталях позже. А пока Ли позаботится о вас.

Трембицкий подошел к генератору, и Коскинен на слабой мощности продемонстрировал его действие. Секретарь осторожно потрогал прибор, осмотрел со всех сторон и удалился. Абрамс последовал за ним.

— Заканчивайте завтракать,— сказала Ли,— а я распоряжусь насчет комнат. Я скоро вернусь.

Коскинен был счастлив. Пища, кров, могущество хозяев этого дома благотворно подействовали на него.

— Я думаю,— произнес он, набив рот пищей,— что мы в безопасности.

— Да? — спросила Вивьен, которая едва притронулась к еде. Коскинен видел, что тревога все еще владеет ею и хотел было рассеять ее, но язык его заплетался.

— Прости,— сказала Вивьен немного погодя,— но меня столько раз били и пытали, что я уже не могу поверить в Санта-Клауса.

— Даже если папа Абрамс наденет белую бороду и войдет сюда? — рассмеялся он.

Она хмуро улыбнулась и потрепала его по руке:

— Пит, ты замечательный человек.

Послышались легкие шаги Ли. Коскинен поднялся и посмотрел на приближающуюся девушку. Он подумал, что она необыкновенно красива и в нее, несомненно, можно влюбиться...

— Позавтракали? — спросила она.— Хорошо. Тогда идемте со мною. Вы ведь, признайтесь, хотите вымыться и лечь спать.

— Только не спать,— резво возразил Коскинен,— ведь мы приняли возбуждающее.

— О, я забыла. Тогда я покажу вам наш дом и предложу какие-нибудь развлечения.

— Ты так добра к нам.

Глаза Ли стали серьезными:

— Ты же друг Дэйва, Пит. Он много рассказывал нам о тебе. И ты уже успел сделать на Земле много хорошего.

— Я? Когда же я успел?

— Благодаря тебе уничтожен этот проклятый Кратер... И, конечно, китайцы, проникшие туда...— Она потрянула головой, и волосы ее растрепались.— Я до сих пор не могу поверить, что это произошло.

— Всего лишь случайность. Я спасался от агентов и...

— Идем.— Она взяла его за руку и повела. Вивьен молча пошла за ними.

Эскалатор поднял их наверх, и Ли отвела каждого в предназначенные им комнаты. Коскинен считал, что его номер в отеле и апартаменты Вивьен в Кратере — это верх роскоши, но

то, что было здесь, повергло его в изумление. Минут пять он осматривался вокруг, стараясь придти в себя. Раздеваясь, Пит заметил цепь на своей шее.— Нужно снять ее,— подумал он, но тут же забыл об этом.

Переодевшись в свежий костюм, он вышел в солариум, где его ждала Ли.

— Идем на улицу, подождем Вивьен,— предложила она.— Сегодня такой чудесный день.

Они прошли через террасу и вышли наружу. Ли облокотилась на парапет и молча смотрела на залив. Легкий ветерок шевелил ее волосы. Ви останавливалась на этом же самом месте, вспомнил он.

Коскинен полной грудью вдохнул чистый воздух.

— Ты права,— сказал он.— На улице хорошо. Пожалуй, на Марсе нам больше всего не доставало этого — земного воздуха, солнца, ветра.

— Но разве там все не такое же?

— Ничего подобного. Днем воздух такой прозрачный, что кажется, будто между тобой и горизонтом ничего нет. Вакуум. А ночь опускается внезапно. Никаких сумерек. Звезды загораются, как яркие фонари. И тишина такая, что слышен скрип камней, сжимающихся от холода. Или пыльные бури, поднимающие облака пыли в древних долинах. Или весна, когда в лучах жаркого солнца тают полярные снега, и потоки воды вновь оживляют леса — странные маленькие корявые деревья, тянущие к солнцу свои сучья-щупальцы, на каждом из которых сидит лист длиной в целый ярд. И эти листья окрашены в самые разнообразные цвета: зеленые, золотые, красные, голубые... и все они танцуют на ветру, как будто от радости...— он очнулся от воспоминаний.— Прости, мне показалось, я снова на Марсе.

— Ты хочешь туда вернуться? — спросила Ли.

— Да. Со временем. У меня там много друзей среди марсиан.

— Дэйв тоже говорил об этом. А ты уверен, что слово «друзья» подходит к этому случаю?

— Мне трудно объяснить, но между нами и марсианами было что-то, хотя теперь, когда прошло столько времени, я уже сам не очень понимаю, что же связывало нас.

— Я постараюсь понять,— сказала она.— Расскажи.

— Хорошо,— согласился он, внезапно охваченный энтузиазмом.— В следующей экспедиции обязательно должны быть женщины. Мы не могли провести все необходимые исследования, так как представляли Землю только частично. Чтобы установить полные отношения с марсианами, нужна целая ячейка человеческого общества: мужчина, женщина, ребенок. Видишь ли, они

общаются между собой не только при помощи слов. У нас на Земле тоже есть много способов общения помимо слов, но все они не систематизированы, не развиты. Для марсиан общение — это функция всего организма. У них развит язык прикосновений, музыкальный язык, язык хореографии и еще много других. И они не являются эквивалентами друг друга, как наши устный и письменный языки. Они используются в разных областях описания объекта, и поэтому, если они применяются одновременно, можешь себе представить, насколько полно можно выразить объект.

Мы далеко продвинулись в изучении марсиан за пять лет. Но если мы хотим продвинуться дальше в следующей экспедиции, там должны быть люди разного пола, возраста, разных рас, культуры...

— Теперь я начинаю понимать, почему тебя любил Дэйв, — сказала она, — ты неисправимый идеалист.

Он с удивлением взглянул на нее.

— Я бы не хотел, чтобы ты так думала.

— Я очень хочу узнать все о Марсе, о том, что ты там делал, что изучал, что открыл. Дэйв так мало был дома, что я не успела расспросить его. А мне хочется все это знать. И когда-нибудь самой оказаться на Марсе. Ты так живо описал мне его. Теперь я смотрю на небо, вижу красную точку и знаю, что это МИР, и дрожь охватывает меня. Как будто передо мной раздвигаются границы вселенной. Спасибо тебе за это, Пит.

Его озадачило, что они так быстро подружились, более того, в их отношениях появилось нечто интимное.

«Вероятно, это произошло потому, что мы находимся в стрессовой ситуации и наши защитные барьеры рухнули, когда мы почувствовали, что находимся среди друзей. И мы оба любим Дэйва, которого я знаю, как себя», — промелькнуло у него в голове.

Внезапно Ли рассмеялась:

— Ты должен извинить меня, Пит. Но я вхожу в состав Комитета Защиты Мира, и мы собираемся возобновить Ралли Освобождения, если тебе это что-то говорит. Сегодня у нас встреча, и я не рискну именно теперь вызвать к себе внимание тем, что не буду на ней присутствовать.

Он согласился с нею, хотя и с большим сожалением. После того как она ушла, он вернулся, чтобы осмотреть дом. В конце концов он забрел в грандиозный зал, который служил библиотекой. «Хорошо, — подумал он, — здесь, по крайней мере, я смогу убить время».

Здесь была Вивьен. Она сидела и читала, одетая в белое платье и это напомнило ему тот вечер, когда они впервые встретились с ней. Ему стало стыдно, что он забыл о ней.

— О,— сказала она небрежным тоном,— и ты здесь?

— Почему же ты не пришла к нам? — спросил он.— Мы уж подумали что ты отправилась спать...

— Нет, я выходила на террасу, но вы так оживленно беседовали, что я решила не мешать вам.

— Ви! Мы же не обсуждали никаких секретов! Мы просто болтали!

Ее губы соплились в улыбке:

— Разумеется, я знаю. Какие у вас тайны?

— Тогда почему же?

Улыбка погасла на лице Вивьен. Она отвернулась:

— Я знаю, что вышвырнута из своего класса, а у меня достаточно гордости, чтобы не делать вид, что ничего не произошло.

— О чем ты говоришь, Ви? — воскликнул он.— Ты же видишь, что тут об этом никто не думает, все относится к тебе, как к другу!

— Возможно. Хотя я имела в виду совсем не это.— Ее тон резко изменился.— Послушай, Пит. Я совсем не сержусь на тебя, но не мог бы ты оставить меня здесь одну? Закрой дверь, когда будешь выходить.

ГЛАВА 12

Когда Коскинен вернулся в свою комнату после игры в мяч с Ли, слуга сообщил, что в 16.00 его ждут на совещание в кабинете Абрамса. До назначенного часа у него хватило времени привести себя в порядок и переодеться. По пути он встретил Ли. Когда они вошли в кабинет, Абрамс, Трембицкий и Вивьен уже были там.

Абрамс недовольно посмотрел на дочь.

— Только без тебя, дорогая,— сказал он.

— Не будь глупым, отец,— запротестовала она.— Я ведь тоже участвую в этом деле.

— Да, но я этого не хочу. Мы тут не в куклы играем.

— Я уже давно понял, что чем меньше людей посвящено в планы организации, тем лучше,— заметил Трембицкий.

— Я не буду болтать,— негодующе ответила девушка.

— Конечно. Но есть такие вещи, как психологические исследования, наркотики.

— Ты боишься, что меня могут похитить?

— Нет. Но они могут просто арестовать тебя, как это сделали с Дэйвом.

— О,— она прикусила губу.— Но что же тогда мне делать, чтобы быть полезной?

— Самое трудное: сидеть тихо и ни во что не вмешиваться.

— Хорошо...— Она выпрямилась.— Мы увидимся позже, Пит. Я имею в виду это.— Ли коснулась плеча Пита, и дверь закрылась за ней.

— По этой же причине,— сказал Трембицкий,— мы должны оставить бомбу у тебя на шее.

Вивьен беспокойно шевельнулась и потянулась рукой к небольшому кошельку на поясе. Затем она медленно расслабилась.

— Может быть,— ровным голосом произнесла Вивьен.

— Ты вполне подходящий человек, обладающий логикой и здравым смыслом, чтобы хранить подрывное устройство у себя,— обратился к ней Трембицкий.— Но ведь ты сама не знаешь, как сделан генератор?

— Нет. Мы исследовали его в Кратере, но без фундаментального изучения теории, и все, что я помню,— лишь бессмысленное соединение электронных устройств.

— Значит, Пит, ты единственный, кто знает генератор,— Абрамс встревоженно посмотрел на него.— Ты должен согласиться, что если произойдет худшее, у нас должна быть возможность заставить тебя замолчать. Правда, не совсем приятно чувствовать себя пленником.

— Конечно,— Коскинен взял себя в руки.

— Но, надеюсь, к этому не придется прибегать,— сказал Абрамс уже менее угрюмо.— Садись и давай обсудим наш следующий шаг.— Он сел за стол, стиснул пальцы рук и медленно оглядел кабинет, прежде чем начать.— Наша проблема, как я ее вижу, в следующем. Мы должны сохранить гаджет, чтобы он не попал во враждебные руки, и использовать его как средство шантажа, чтобы выволить наших друзей из тюрьмы и, если возможно, выманить Маркуса из его убежища. Действовать лучше всего через президента. Если мы сможем его убедить, он все сделает. Ведь совершенно ясно, что если США будут владеть щитом, они смогут закрыть им самые уязвимые точки городов. И тогда не будет необходимости в строгом контроле всего остального мира, а функции СБ можно будет в значительной степени ограничить. Таким образом, Конгресс получит возмож-

ность действовать более свободно, не оглядываясь на тех, кто сделал национальную безопасность своим фетишем.

Но нужно время, чтобы устроить встречу с президентом. Да и один разговор мало что даст. Единственное, на что можно надеяться при первой встрече, так это что президент заинтересуется и согласится, чтобы ему продемонстрировали действие прибора. Но сделать это надо в тайне от Маркуса. Если Маркус узнает о встрече, то тебя придется убить, а генератор уничтожить. Ты это понимаешь? Значит, встреча должна быть проведена в глубокой тайне. А затем снова потребуется время, чтобы президент мог подготовить общественность, политическую арену к выступлению против Маркуса. На это время вам нужно подыскать надежное убежище.

Раньше Ян легко бы справился с этим, но сейчас, к сожалению, мы живем на виду и не имеем нужных контактов. Я во всем доверяю своим служащим, но не уверен, что они способны выиграть в игре с копами. Если бы у нас была хотя бы неделя, мы бы напши вам убежище, но у нас нет даже нескольких дней. Вы не должны оставаться здесь даже на час дольше, чем необходимо. Твои предположения, Пит, относительно СБ оправдались. Я получил сведения из Вашингтона. Сейчас они бросили все свои силы на борьбу с китайским подпольем, однако как только спадет напряжение, они тут же вернутся к тебе и прибору. И я думаю, это произойдет скоро.

Так вот, проанализировав ситуацию, считаю, что нам следует обратиться к эгалитарианцам. Это тоже риск, но наименьший из всех возможных.

— Кто они? — спросил Коскинен. — Я слышал это название, но не более того.

— Буду краток. Это идеалистическое движение, члены которого хотят, чтобы Протекторат превратился в справедливое мировое правительство. Идея сама по себе не противоречит закону, хотя Маркус объявил их мягкотелыми идиотами, состоящими на службе у иностранных государств. Правда, никаких мер против них не было принято, да это и не требовалось. Эгалитарианцы организуют клубы, митинги, дискуссии и рекламируют своих кандидатов в правительство. И они таки имеют какое-то значение в общественной жизни, но только потому, что многие интеллектуалы разделяют их убеждения.

— Все это звучит малообещающе для нас, — заметила Вивьен. — Все те эгалитарианцы, с которыми я встречалась в прошлом, были всего лишь милые старые леди... обоих полов.

Абрамс рассмеялся.

— Верно. Но не совсем. Есть и такие, кто требует немедленных действий. И они не говорят милым старым леди о своих планах.

— Каких действий?

— Если бы я мог рассказать, это означало бы, что их группа состоит из одних болтунов. Во всяком случае, в стране ходит много запрещенных книг и памфлетов, призывающих к уничтожению СБ. И еще: некоторые из тех, кто выступает против Протектората и подвергается опасности ареста, иногда исчезают. Помните случай с Яманитой несколько лет назад? Он пытался расшевелить японцев, если слово «расшевелить» правильно. Он призывал их к пассивному сопротивлению. Его арестовали, но затем он исчез, и его до сих пор не могут найти, хотя он появляется в городах, произносит речи и исчезает до того, как придут агенты. Мне известно несколько подобных случаев. А о скольких я еще не знаю? Да, такие вещи требуют организации. Кто-то действует из подполья, но не нацистского, а всемирного. Я сильно подозреваю, что здесь замешаны эгалитарианцы.

— Мне все это очень не нравится,— пробормотал Трембицкий.— Я думаю, что эта организация замешана и в убийствах.

— Может быть. Но эти убийства были необходимы. Помнишь генерала Фридмана, который подавил марш протеста в Риме?

— Хм. Да, пожалуй, я не тот человек, чтобы осуждать это. Кроме того, у меня нет лучшего предложения. Продолжай, Нат.

— Итак,— продолжал Абрамс.— Здесь есть Карс Ганновой, исполнительный секретарь местного филиала ИБМ. И эгалитарианец. Я имел с ним дело несколько раз, а сейчас направил детективов, чтобы они изучили его жизнь. Разумеется, он открыто не связан с подпольем, но у меня есть такие подозрения. Например, кое-где возникают незаконные забастовки. И Ганновой, как и остальные члены Комитета ИБМ, публично осуждает забастовщиков, уговаривает их вернуться на работу и утверждает, что он беспомощен воспрепятствовать спонтанным действиям забастовщиков. Однако кое-кто считает, что Ганновой способствует организации забастовок, хотя это никогда не было доказано. Теперь я точно знаю, что Ганновой мог бы предотвратить забастовки, если бы захотел. У него есть такие возможности. А это заставляет предположить, что за ним кто-то стоит. Время от времени он берет отпуск, и это подозрительно совпадает по времени с некоторыми событиями. Например, с забастовкой в Торонто, где забастовщики применили оружие против полиции.

— СБ обратила на него внимание? — спросила Вивьен.

— Нет, я уверен в этом. Благодарю Бога, что они не могут следить за всеми нами. Ганновей не такая уж выдающаяся фигура. Я только потому заметил его связи с подпольем, что долгие годы наблюдал за ним. Я не собираюсь связываться с ним. До последнего времени я не был ярким антимаркусистом, хотя никогда не любил СБ. Почему люди, подобные Яманите, не должны напоминать своим соотечественникам, что когда-то они были гражданами самостоятельного государства? Поэтому я держал свои наблюдения при себе. Подполье никогда не причиняло мне вреда. Но теперь оно может помочь нам.

— Вы думаете, Ганновей может... — Коскинен задохнулся от возбуждения.

— Мы попытаемся поговорить с ним, — сказал Абрамс. — Я связался с ним по телефону и попросил встречи, чтобы обсудить кое-какие деловые вопросы. Вы оба поедете к нему. Если он сможет спрятать вас — прекрасно. Если нет — я уверен, он будет держать рот закрытым. Тогда мы организуем для вас другое убежище, хотя это не лучший вариант.

— Если он предложит убежище, но мы почувствуем, что здесь что-то не так, мы должны иметь путь к отступлению, — заявил Трембицкий.

— Мы? — спросила Вивьен. — Значит, вы будете с нами?

Абрамс кивнул:

— Что касается меня, то я все еще недурно обращаюсь с пистолетом, — и он похлопал себя по бедру, где под туникой вырисовывался игольник. — Что касается Ви, то здесь я не беспокоюсь, потому что она может быть настоящей тигрицей. А вот Пит кажется мне несколько наивным, хотя, возможно, пребывание в преступном мире его кое-чему научило.

ГЛАВА 13¹

В доме Ганновей в Квин жили также его жена и четверо детей. Но у него был собственный кабинет, и хозяин заверил посетителей, что помещение абсолютно звуконепроницаемо, в нем нет подслушивающих устройств, а вся его семья сегодня вечером отсутствует.

Высокий, угловатый, чем-то напоминающий Эндрю Джексона, Ганновей закрыл дверь и осмотрел своих гостей. Коскинен переминался с ноги на ногу под этим взглядом, посматривая в окно на сияние ночного города, на Вивьен, стоящую рядом с ним,

не зная, что сказать. Тогда Ганновой нарушил тишину, обращаясь к Трембицкому:

— У вас должны быть веские основания, чтобы привести ко мне этих преступников. Вы не тот тип, чтобы провоцировать людей. Но я лучше пойму вас, если вы объясните мне все и развеете мои подозрения.

— Преступников? — воскликнула Вивьен. — Уже объявлен розыск?

— Да. Час назад, — кивнул Ганновой. — В вечерних новостях. Имена, фото, выдержки из записи переговоров мистера Коскинена с Бюро. Теперь вы опасные агенты иностранных держав.

— Проклятье! Я надеялся, что у нас еще есть время, — воскликнул Трембицкий. — Видимо, дело с китайцами кончилось. Теперь они все силы бросят на нас, Пит.

— Что от вас хочет СБ? — спросил Ганновой.

— Это длинная история, — ответил Трембицкий, — вы услышите ее, если...

— Я знаю, что все члены Экспедиции на Маркс изолированы, и терялся в догадках, почему. Мне очень жаль сына Ната.

— Если вы спрячете этих молодых людей, то поможете освободить заключенных, — сказал Трембицкий. — Нам нужно спрятать их на некоторое время — может, на месяц. Вы знаете, что в связи с арестом Дэйва все убежища Ната просматриваются агентами. Можете вы позаботиться об этих молодых людях?

— Где я их спрячу? Здесь? Это смешно. Я, разумеется, сочувствую им, так как они в тяжелом положении, но почему я должен жертвовать собой, своей семьей и своим благополучием?

— Разве вы не хотели бы избавиться от Маркуса? — спросил Трембицкий. — У Пита есть кое-то, что можно использовать в борьбе против него.

Выражение лица Ганновея не изменилось, но он казался явно взволнованным.

— Садитесь и расскажите мне.

— Вы, наверное, не очень верите мне, — начал Трембицкий. — Все-таки вы и мы с Натом во многом расходимся во взглядах, но вы отлично знаете, что мы не провокаторы.

Ганновой покачал головой:

— Да, мы расходимся во взглядах. И, кроме того, я действую не один. Мои союзники не знают вас лично. Их нужно убедить, что риск оправдан.

— Значит, окончательное решение примут они?

— Да... Но если у вас есть нечто, что поможет сбросить Маркуса и не допустить появления нового шефа СБ... — Ганновой

показал кивком на генератор у ног Коскинена,— ...то иногда возможны и исключения.

— Возможности прибора очень большие,— сказал Трембицкий.— Мы бы не отдали его в ваши руки, если бы не были в безвыходном положении. Послушайте, Карс, только не обижайтесь, насколько можно верить вашим друзьям?

— Полностью — до тех пор, пока вы хотите того же, что и они.

— Какие же у них цель?

— Почитайте Карлеса, и вы все поймете. Мы просто его последователи.

— Так вы утверждаете. Но он же не первый пророк в истории, чье учение извращается его последователями.

— Он еще жив и руководит нами. Профессор в Колумбии. Я часто вежусь с ним.— Ганновой сел, нахмурился и обратился к Коскинену: — Послушай, если ты являешься тем, из-за кого весь этот шум, то тебе принадлежит решающий голос. Что ты думаешь? Ты можешь довериться мне без всякой гарантии или уйдешь отсюда и забудешь обо мне навсегда. В последнем случае я ничего никому не скажу, хотя меня самого могут постигнуть крупные неприятности, если тебя схватят и подвергнут психологическому исследованию. Но я надеюсь, что ты доверишься мне.

— Я...— Коскинен облизнул губы.— Я не... я так мало знаю о Земле... я не могу...

Вивьен положила руку ему на колено.

— У него не было времени разобраться в земных делах. Откуда ему знать, кто его друзья?

— Мы не можем долго сидеть и спорить,— сказал Ганновой.— Но подождите... у меня есть предложение. Почему бы нам не пригласить Карлеса? Он изложит вам свои доктрины, доктрины эгалитаризма. И тогда вы сможете решить, будете ли вы их поддерживать.

— О, мы не хотим, чтобы еще кто-нибудь узнал, что эти люди с нами,— сказал Трембицкий.

— Это не проблема,— сказал Ганновой.— Он уже много лет слеп. И мы представим вас под вымышленными именами.

— И он явится сюда? — спросил Коскинен.

— Он часто приходит ко мне вечером, чтобы поболтать, потому что очень одинок на этом свете.

— Значит, нам придется прослушать лекцию по социологии,— пробормотал Трембицкий.

— Я думаю, мистер Ганновой прав,— сказал Коскинен.— Вам, наверно, трудно меня понять, но когда мы были на Марсе, мы старались выяснить, что же необходимо прежде всего для

понимания любой ситуации. И решили, что одно из первых мест принадлежит эмоциям. Это именно то, чего нельзя вычитать в учебниках логики. Это то, что человек ощущает подсознательно.

— Я позвоню ему,— встал Ганновей и вышел.

Трембизкий покачал головой:

— Мне бы хотелось побольше знать об эгалитарианцах, прочувствовать их убеждения. Пока я могу только предполагать. Может быть, будет неплохо поговорить со стариком. Скорее всего, он не догадывается о существовании подполья, но иногда по корням можно судить о дереве.— Он прикурил сигарету, а затем добавил: — Иногда.

Вернулся Ганновей.

— Все прекрасно. Он сейчас выезжает. Я сказал ему, что у меня присутствуют люди, которые долгое время были за границей и хотели бы встретиться с ним.— Он хмыкнул.— Оран Карлес святой, но не лишен тщеславия.

Некоторое время они ждали, а когда вскоре прибыл Карлес, все перешли в гостиную.

Философ был маленьким человеком, но держался он прямо, с большим достоинством, так что его маленький рост не бросался в глаза. В гриве седых волос прятался искусственный глаз — излучатель инфракрасных лучей, позволяющий слепому ходить, не наткнувшись на препятствия. Он сердечно пожал руку Ганновейу, чопорно покосился в сторону Вивьен и принял стакан шерри. Некоторое время шел обмен обычными любезностями, но Карлес довольно быстро оседлал своего конька.

— Если быть честным,— взял он инициативу в свои руки,— мне не нравится термин эгалитаризм. Во-первых, он не точный, а во-вторых,— это ярлык. Люди очень уважают ярлыки. Их даже не смущает то, что под одним и тем же ярлыком могут скрываться самые разные вещи. Посмотрите, что произошло с такими концепциями, как христианство и демократия. Последняя особенно резко выродилась. Демократию всегда идентифицировали со свободой. Однако оказалось, что это совсем не так, и это понял еще де Теквиль, а за ним Ювенци. Приобретая мнимую свободу выбирать правительство, народ теряет множество подлинных, более важных свобод. Ни для кого не секрет, что в выборах участвует незначительный процент населения. И это не результат бедности, плохого образования и прочего. Нет, просто народ понимает, что правительство постепенно превращается в инструмент для тех людей, которые достаточно сильны и умны, чтобы взять контроль над правительством в свои руки. Яркий пример этому СБ. Но не было бы ее, на арену вышла бы какая-нибудь другая организация. Если вы захотите что-нибудь сделать в

индустрии, образовании, экономике, вы не пойдете обсуждать эти вопросы к сенатору или конгрессмену. Нет, вы пойдете в ближайшее агентство СБ. И постараетесь заручиться поддержкой какого-нибудь высокопоставленного лица.

— Значит, Конгресс — это всего лишь пешка? — удивился Коскинен.

— Пока еще нет. Все-таки окончательное решение принимает он. Все Отцы-Основатели страны понимали, что воля народа на самом деле означает волю отдельных групп, наиболее активных и эффективных. И поэтому в Конституцию страны были внесены оговорки, не позволяющие правительству совершать некоторые действия, даже если большинство населения требует их. В действительности, наша страна начиналась как республика, а не чистая демократия. Но с течением времени многие из гарантий, которые предоставлялись людям, были уничтожены. Например, правительства штатов не могут управлять своей территорией, отдельные лица не имеют права иметь оружие... Разумеется, все это делалось из лучших побуждений, но в результате получилась какая-то смесь между демократической республикой и олигархией. Эволюция происходит и сейчас, причем элемент олигархии начинает превалировать над элементами демократии.

— Я думала, вы призываете к мировой демократии, а оказывается, вы вовсе не считаете ее оптимальной формой общества,— сказала Вивьен.

— О, напротив, дорогая. Я всегда считал и считаю, что свобода это единственное, что ценно для человека. Но она вовсе не идентична демократии, которая только форма правления.

Вся проблема в том, как добиться свободы и как гарантировать ее. Человек не может существовать отдельно от общества. Он часть его, со всеми правами и обязанностями по отношению к нему. Однако мы, сторонники свободы, считаем, что его степень принадлежности к обществу должна определяться самим человеком. Он не должен давать обществу больше, чем отмеряет сам, но и не должен брать от общества больше, чем вкладывает в него. И, кроме того, не следует забывать, что в обществе всегда будут бедные, слабые и несчастные, и общество должно заботиться о них, иначе его поразит тяжелая болезнь, единственным лекарством от которой будет вмешательство хирургического ножа диктатора.

При всех своих слабостях демократическая республика — лучшая форма, чтобы разрешить эти проблемы. Все-таки народное голосование каким-то образом контролирует правительство, ведь народ выражает свою волю. И, тем не менее, демократическая республика самым решительным образом ограничивает права

личности. К тому же, общество постепенно меняется. Средства сообщения развились так, что человек перестал быть оседлым существом. В считанные минуты он может переселиться куда угодно. У него пропал местный патриотизм. Штаты теперь всего лишь анахронизм. В руках правительства штатов остались только функции управления местными службами. И, наконец, атомная война причинила не только материальный ущерб, но и разрушила моральные устои. Мы создали международный Протекторат, в котором играем роль метрополии.

Но иногда вместе со злом приходит и добро. Я считаю, что в истории наступил момент, когда можно восстановить демократическую республику на твердой основе во всем мире.

— Прошу прощения,— перебил Трембицкий,— я побывал во многих странах Земли и должен сказать, что азиаты, африканцы, даже большинство европейцев и латиноамериканцев — не янки. Они вряд ли считают, что вы правы в своих убеждениях. Не забывайте, что Протекторат ненавидят многие, вы не сможете сделать из них хороших демократов, так как они хорошие мусульмане, индусы...

Карлес улыбнулся:

— В национальном характере могут произойти перемены, но я не рассчитываю на них. Кроме того, я даже не хочу американизации мира. Это обеднит человеческую культуру.

— Но я думаю, это единственный способ создать единое правительство, — сказал Коскинен.— Единая мировая культура, где все народы исповедуют одни идеалы.

— Нет, нет,— возразил Карлес,— если такое случится, произойдет то, что произошло в нашей стране, только в мировом масштабе. Нет, в мире должны существовать разные сообщества, достаточно сильные, чтобы существовать наравне с остальными. И достаточно отличающиеся друг от друга, чтобы не смешиваться с остальными. Так сказать, мировая Федерация.

— А какое правительство будет в такой Федерации? — спросила Вивьен.

— В первую очередь, должны быть образованы международные силы поддержки мира на планете, которые будут находится под контролем президента, избранного двухпалатным парламентом: один сенатор от каждой страны, а количество членов конгресса пропорционально населению сообщества.

— Во-первых,— вмешался Трембицкий,— нельзя каждой стране давать одинаковое представительство. Вспомните печальный пример с ООН. И пропорциональность тоже нехороша. Это будет означать полную китаизацию.

— Сейчас я разрабатываю систему выборов,— сказал Карлес.— Число представителей от отдельного сообщества будет зависеть не

только от населения, но и от уровня образования, общей культуры развития промышленности и так далее. Разумеется, внутри собственных границ каждое сообщество может проводить выборы представителей в мировой парламент по своему усмотрению.

— Что же будет делать мировое правительство? — спросил Коскинен.

— Оно будет работать в областях, политически безопасных: в здравоохранении, образовании, экономике. И принципы внутреннего суверенитета будут свято соблюдаться. Но, разумеется, нельзя позволять, чтобы богатые страны богатели, а бедные беднели. Необходимо поровну разделить все экономические тяготы. Я прикинул, что наши нынешние расходы на поддержание Протектората вполне достаточны, чтобы выделить их в качестве помощи бедным странам. Таким образом, мы избавимся от нынешних врагов и приобретем новых друзей. А лет через десять другие страны разбогатеют до такой степени, что смогут разделить с нами расходы.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — вздохнул Трембицкий. — Не забывайте, что война закончилась совсем недавно. И еще никогда в истории не случилось, чтобы все участники войны считали ее исход справедливым.

— Нынешние границы могут быть изменены по общему согласию, — сказал Карлес. — А что касается диктаторских режимов, я считаю, что мировое правительство сможет защищать права людей. Можно будет издать закон, согласно которому любой человек, не обвиненный в уголовных преступлениях, может покинуть страну по политическим мотивам.

— А другая страна примет его?

— Я уверен, что да, если будет ясно, что он действительно бежит от тирании. Это эффективный метод подрыва репутации тирана. Он явно не захочет терять авторитет в глазах своих подданных и изменит политику.

Вы должны понять — это не утопическое государство. Жизнь в нем долгое время будет трудной и суровой. Вот почему мне не нравится ярлык эгалитаризма. Он означает панацею от всех болезней общества. Но, с другой стороны, это наша цель, наша организация должна работать во имя всеобщего равенства. Я думаю, мы должны работать уже сейчас, бороться против несправедливости, бороться за то, чтобы снова стать свободными людьми.

Разговор продолжался несколько часов, а потом Карлес распрощался и ушел.

— Ну? — спросил Ганновей, проводив гостя.

— О Боже! — воскликнул Коскинен. — Конечно, да!

ГЛАВА 14

Зодиак, выбранный для штаб-квартиры местной организации эгалитарянцев в Манхеттене, казался странным местом. Это было очень модное и дорогое место. Толпы людей посещали его, поэтому сюда можно было прийти в любое время, не привлекая внимания. Кроме того, многие входили сюда в масках, а обилие помещений давало возможность проводить тайные встречи.

Коскинен шел вместе с сопровождающими по гулким коридорам, погруженным в полумрак. Генератор давил на плечи. Коридор привел их к окованной двери, которая открылась после того, как Ганновой всунул в щель сканера какую-то карточку. Они вошли в небольшую комнату, где не было ничего, кроме стульев и небольшого стола.

Здесь уже находились человек пять или шесть. Все они как будто чего-то настороженно выжидали, хотя совершенно не походили на заговорщиков, которых показывали в ТВ-передачах. Младшему из них было около тридцати, старшему — не более шестидесяти, и все они, если верить одежде, казались людьми среднего достатка. Их представили Коскинену просто, без лишних формальностей, но он чувствовал, что все эти люди были напряжены, а кое у кого на лбу виднелись откровенные капельки пота.

— Наш Совет собрался здесь потому, что каждый из присутствующих имеет возможность выбраться сюда в случае надобности, — объяснил Ганновой.

— Однако слишком часто мы не можем этого делать, — резко заявил Брерсен. — Надеюсь, что сегодня нас собрала действительно важная причина.

— Да, конечно, — согласился Ганновой и коротко изложил факты, потребовавшие столь экстренного совещания.

После этого говорил Коскинен. Когда он закончил и ответил на вопросы, которых задали немало, он почти задыхался, в горле у него пересохло. Сев, он жадно выпил кофе, предложенный Трембицким, который так и не сел и почти не принимал участия в разговоре. Члены совета по очереди осматривали генератор и возвращались на места. От сигаретного дыма слезились глаза.

Ганновой нарушил тишину:

— Как можно использовать этот прибор — ясно, — подвел он итоги, — особенно если проделать кое-какую предварительную работу. Если сделать, чтобы прибор создавал экран, непроницаемый для лучей лазера, это будет нечто потрясающее. Достаточно

будет небольшой армии в тысячу человек, чтобы контролировать всю страну.

— Подождите,— вмешался Трембицкий.— Мы с Питом еще ни на что не согласились. Особенно на революцию.

— А что вы хотите делать? — с вызовом спросил Рораубр.

Трембицкий изложил план Абрамса.

— Прекрасно,— фыркнул Лайфер,— а теперь расскажите мне что-нибудь более реальное.

— А что, этот план разве не реален?

— Начать с того, что он очень рискованный. Даже если предположить полное сотрудничество с вами президента, неужели вы думаете, что Маркус будет спокойно сидеть и ждать своей участи? У него в Вашингтоне много сторонников и своя пропагандистская машина. Он будет говорить, что тайну прибора невозможно сохранить и что в других странах этот прибор рано или поздно будет создан. Следовательно, скажет он, СБ нуждается в подкреплении, а не в ослаблении.

— Но ему придется иметь дело с национальным героем, Питом Коскиным, который передал прибор правительству США.

— Ха! Героев легко свергнуть с пьедестала.

— Но против СБ могут быть выдвинуты обвинения в похищениях, незаконных арестах, даже в попытке убийства.

— На эти обвинения вам скажут, что мистер Коскин просто лжец или что он неправильно понял ситуацию и впал в панику. И что его товарищи из экспедиции были изолированы для их же блага — чтобы защитить их от китайцев, кстати, частично это так и есть, если вспомнить капитана Твена. А психологические исследования были необходимы, потому что возникла чрезвычайная ситуация и СБ должна была быстро получить необходимую информацию.

Лайфер пожал плечами:

— В конце концов Маркус может пожертвовать несколькими незначительными агентами, обвинив их в том, что они превысили полномочия и действовали по собственной инициативе. Во всяком случае, сам он выйдет сухим из воды.

— Даже если президент будет против него?

— Даже и тогда. Вы недооцениваете роль, которую играет СБ в формировании общественного мнения. Американский народ уверен, что доктрина Корриса — это единственная альтернатива ядерной войне. И эта доктрина автоматически требует существования СБ.

— Теперь вы видите,— сказал Ганновой,— что даже если ваш план сработает, он ничего не изменит в структуре Протектората.

— Пожалуй,— признал Трембицкий.— Но при всех обстоятельствах США долгое время будут единственными обладателями прибора. Ведь в его основе лежат взвешенные идеи, которые трудно осознать человеческому разуму. Пройдут долгие годы, прежде чем человек разработает второй такой прибор без помощи марсиан. И, значит, долгие годы наша страна будет в полной безопасности. Страх покинет людей. Он уступит место разуму и здравому смыслу. Идеи эгалитаризма проникнут в сердца людей. Я могу обещать, что мой босс бросит все силы на поддержку вашей организации. И это будет гораздо действеннее, чем просто огромные деньги. Многие влиятельные люди прислушиваются к мнению Натана Абрамса.

— Если вспомнить, сколько вы видели за свою жизнь,— мягко обратился к нему Ганновой,— просто удивительно, как высоко вы цените здравый смысл.

Трембицкий печально улыбнулся:

— Я ценю его ниже, чем вы. Но все же надеюсь, что события будут протекать так, хотя никто ничего не может гарантировать в этой жизни.

Члены совета переглянулись. Наконец Ганновой закурил сигарету, медленно выпустил дым и ответил:

— Вы правы, любые действия рискованны. Проблема в том, как уменьшить риск. Как вы должны знать, Ян, единственный способ уменьшить число неизвестных факторов, это ознакомиться с ними. Я прекрасно понимаю себя, своих друзей, вас двоих и Ната. Но я не знаю президента и не могу предсказать его действия. Да и вы тоже. Кроме того, существуют еще многочисленные чиновники его аппарата, бизнесмены, военные, все те, кто составляет структуру общества. Как будут реагировать они — мы тоже не знаем. А вспомните о миллионах простых американцев! С их страхами, надеждами, убеждениями и привязанностями! Все они живут в условиях существующего общества. Как поступят они? Все это неизвестные силы, которые действуют помимо нас, и поэтому результат совершенно непредсказуем. Значит, вы предлагаете надеяться на лучшее?

Трембицкий прищурился:

— А вы считаете, что единственный предсказуемый фактор — это сила?

— Да,— ответил Ганновой.— Разве не так? Когда я прошу незнакомого человека сделать что-то, он либо делает, либо нет, но если я наставляю на него пистолет, он обязательно сделает.

— Хм. Я бы мог привести несколько примеров исключений. Но оставим это. Как вы предлагаете поступить нам?

— Подробнее не могу сказать, нет времени. Но ясно одно: аппарат должен быть в наших руках, и мы должны научиться работать с ним. Кроме того, следует начать разработку более усовершенствованной модели.

— Минутку,— возразил Коскинен.— Это потребует много времени. А что будет с моими товарищами?

— Верно,— согласился Ганновой.— И Нат не пойдет на то, чтобы его сын долго томился в тюрьме. Кроме того, его следует убедить, чтобы он не ходил к президенту... О'кей. Сделаем несколько аппаратов существующей модели — это можно сделать быстро, и тогда мы сможем освободить ваших друзей. И несколько наших товарищей, которые тоже сидят в тюрьме.

— Прямое нападение? — Рембурн сжал кулаки.— Наконец! Экран прикроет небольшой флайер. Мы захватим нескольких агентов СБ, психологическими исследованиями узнаем от них, где содержатся пленники, а затем ударим.

— А когда мы сделаем усовершенствованные аппараты, мы проведем следующую стадию — нейтрализацию СБ,— присоединился Ганновой.

— Будете убивать агентов? — спросил Трембицкий.

— Ни в коем случае. В основном мы будем просто изолировать их, чтобы они не мешали.

— СБ — орган государственной власти. Значит, вы покушаетесь на основы государства.

— Да.

— А вы думали над тем, что в дело вмешается армия? Полагаете ли вы, что Конгресс и президент одобряют все это?

— Нет.

— А как отнесется народ к вашим действиям?

— Разумеется, мы проведем большую пропагандистскую кампанию.

— Этого мало, если вы решили поднять оружие против государства. Согласно Конституции, это измена.

— Джорджа Вашингтона тоже называли изменником, когда он делал революцию.

— Я не говорю просто так. Если вы сказали «А», вам придется говорить и «Б», — Трембицкий обвел взглядом всех сидящих за столом.— Вам придется признать, что ваша цель — свержение правительства США.

— Пусть так,— свирепо заметил Риконсти,— другого пути нет.

— Значит, какая-то полувоенная хунта захватит власть и будет править силой оружия. Мир исчезнет с Земли. Что тогда произойдет?

— Ничего особенного,— ответил Ганиной.— Мы детально изучили эту проблему. Не забывайте, что мы не замшелые анархисты, изобретающие бомбы в подвалах. Мы изучали теорию игр, стратегический анализ, политическую антропологию не хуже, чем в Вест-Пойнте. Мы долгие годы разрабатывали свой план.

— Нельзя забывать о зарубежных гарнизонах. Даже когда не будет СБ, они могут долгое время контролировать территорию страны. Обширное восстание нельзя подготовить за короткое время. На нашей стороне преимущества, которые всегда на стороне тех, кто совершает переворот,— быстрота и решительность. Как только порядок в стране будет восстановлен, мы созовем всеобщую конференцию. Мы уже знаем делегатов, которые там будут присутствовать. Мы ознакомим их с планом Карлеса, ратифицируем его, а затем отзовем домой американские войска. После этого люди будут наслаждаться жизнью на новой планете, на которой никогда не возникнет угроза войны!

ГЛАВА 15

Было уже раннее утро, когда Коскинен и Трембицкий вернулись. Но ни тот, ни другой не могли спать.

Коскинен положил генератор на пол, уселся на стул, затем вскочил, выпил воды и подошел к окну. Темная громада города раскинулась перед ним. Коскинен ударил себя по ладони и выругался. Трембицкий закурил. Его лицо не выражало ничего.

— Что же делать, Ян? — спросил Коскинен.

— Бежать отсюда,— сразу отозвался Трембицкий.— Правда, я не знаю куда. Вероятно, СБ уже взяла под контроль все убежища Натана.

— Так куда же? — Коскинен повернулся к нему.

— Если мы пойдем с эгалитарианцами, нам придется идти с ними до конца, а я не вижу способа уговорить их придерживаться умеренного курса.

— Они... может, они правы?

Трембицкий хмыкнул:

— Я имею в виду, что они вполне искренни, а искренность не самое лучшее качество...

— Не знаю... Когда я отправлялся в экспедицию, я подписал клятву, что всегда буду поддерживать Конституцию. Может, это звучит по-детски, но я все еще серьезно отношусь к своей клятве. А эгалитарианцы призывают меня нарушить ее.

— Да.

— Но с другой стороны, ведь все революции в прошлом были справедливыми.

— В этом я сомневаюсь.

— А наша революция?

— Это совсем другое дело. Вспомни, она началась с того, что Англия решила превратить Америку в свою колонию только потому, что большинство колонистов — выходцы из Англии. Но они уже давно перестали быть англичанами. Восстание против иностранного вторжения легко назвать справедливым.

— А восстание против внутреннего притеснения? Например, Французская Революция.

— Тебе нужно почитать историю. Французская революция не была основана на насилии. Она даже не упразднила монархию. Революционеры просто использовали политическое давление для проведения нескольких реформ. Но затем экстремисты привели Францию к утверждению террора и к Наполеону. Первая Русская революция проходила точно так же: сначала Дума упразднила царя, а затем большевики силой захватили власть. Я мог бы привести тебе еще дюжину примеров.

— Но должны же быть...

— Да, конечно. В некоторых случаях народы избавлялись от тиранов. Но это ненадолго. Очень скоро оно попадали под власть нового деспота, часто более жестокого, чем прежний. Иногда, правда, диктатор оказывался добрым, но от этого он не переставал быть диктатором, хотя он давал народу кое-какие свободы. Наиболее известный пример этому — Кемаль Ататюрк.

— Оставь историю,— сказал Коскинен.— Мы живем сегодня. Разве есть другой путь создания мировой Федерации, чем тот, что избрали эгалитарианцы?

— Вполне возможно. У нас нет времени глубоко проникнуть в проблему. Правда я сомневаюсь, что ее можно разрешить приказом свыше. Такая проблема не решается быстро, она должна созреть.

— А ей дадут время созреть? Ян, я не верю в сияющие вершины всемирного рая и прочую чепуху. Но я пытаюсь понять где правда. Ты не можешь не согласиться с тем, что говорил Карлес о Конституции: она уже сейчас превратилась в мертвую бумагу. Разве не является единственным выходом из создавшегося положения радикальные изменения?

Огонек сигареты Трембицкого мерно вспыхивал и затухал:

— Может и правда,— наконец сказал он.— Вполне возможно. Но есть разные виды радикализма. Такой радикализм, в котором

народ силой заставляют принять изменения, мне не по душе. Я думаю, и тебе тоже.

Послушай, Пит, мы же еще не исчерпали все имеющиеся возможности. Мы еще не зажаты в угол. Маркус вовсе не такой всезвездный демон, как его изображают. Да и президент совсем не слабая пешка в его руках. Они говорят о поддержке народом СБ, но это не отменяет тот факт, что существует и оппозиция, хотя они сами являются частью ее. Они фанатики, и совершенно не хотят видеть того, что не входит в их схему. К примеру, Маркус: он совсем не так уж жаждет личной власти, хотя элемент этого присутствует в его действиях. Нет, он просто убежден до мозга костей, что все зло идет от иностранцев, и что он единственный, кто знает, как спасти цивилизацию. Ты хочешь сменить одного Маркуса на другого?

— Но Ганновой сказал, что хунта отойдет от власти, как только порядок будет установлен.

— Мир уже слышал такие песенки, мой мальчик. Если эгалитаряны ухватятся за руль, то они будут держаться за него так крепко, как держались за них другие революционные группы в прошлом. Они будут оставаться у власти, чтобы убедиться, что порядок в мире устанавливается таким, каким его хотят видеть они. И если что-либо будет идти не по их плану — снова аресты, снова убийства, снова СБ, снова диктатура. Нет, если ты попытаешься весь народ втиснуть в рамки своей идеологии, ты обязательно будешь тираном. Другого пути нет.

— Карлес не позволит им!

— Что он может сделать? Он всего лишь теоретик. Если он увидит правду и выскажет протест — снова разыграется сцена, какая уже была в истории — снова инквизиция.

Впрочем, что я говорю абстрактно. Тебе нужно спросить себя только о том, можно ли доверять людям, которые хотят добиться цели таким образом.

Молчание воцарилось в комнате. Коскинен сидел и смотрел на генератор. «Зачем я привез его на Землю? — в отчаянии думал он. — Зачем я вообще родился?»

Звук шагов вернул его к действительности. Дверь в спальню Вивьен открылась, и она вышла к ним. Блики света играли в ее волосах.

— Мне показалось, что вы разговариваете, — сказала она.

— Ты все слышала? — спросил Трембицкий.

— Многое. Но сейчас я расскажу о том, что узнала я. — Она взяла сигарету, закурила и заговорила безразличным тоном. — Я ходила в город. Я ходила под видом босса банды, вернее, помощника босса, и делала вид, что хочу завязать деловые

контакты со здешними гангстерами. Вы не знаете, что вся страна поделена между разными гангстерскими бандами. А когда погиб Зиггер, естественно, что на его территорию всегда найдутся охотники. Я подружилась с несколькими девушками, которые уже давно здесь и много знают. Они вывели меня на одного типа, с которым я немного пофлиртовала, чтобы выведать обстановку. И я узнала, кому принадлежит Зодиак.

— Ну?

— Одной незарегистрированной корпорации, где главным держателем акций является под вымышленным именем Ганновой.

— Что? — Коскинен вскочил.

Трембицкий не удивился.

— Я думал об этом, — сказал он. — Это место слишком открыто и не очень удобно для эгалитарянцев. Я думаю, что они выбрали его не для того, чтобы устроить здесь штаб-квартиру, а в основном из-за того, что это богатый источник денег. Для каждой революционной организации финансирование одна из самых серьезных проблем.

— О, нет, нет, — содрогнулся Коскинен. Он снова стал решительным и холодным. — Одевайся, Ви, — сказал он, — мы уходим.

— Тебя этот так встревожило? — спросила Вивьен.

— Нет, теперь ему просто стало многое ясно, — ответил за него Трембицкий, — Собирайтесь...

Коскинен ходил по холлу взад-вперед. Ладони у него вспотели. «Что делать? Куда уходить? Можно ли оставаться в доме Абрамса? Трембицкий говорит, что нельзя, а он знает. Кроме того, подвергнуть опасности Ли... Нет, нет. А что говорила Ви об убежище Зиггера?»

Да, теперь он вспомнил и сказал об этом Трембицкому. Возможности там у них будут небольшие, но появится небольшая передышка, когда они могут обдумать следующие действия. Трембицкий согласился.

— Возможно, мы даже можем взять такси. У нас есть шанс пробраться туда. Ты готова, Ви?

— Сейчас. — Она вышла из комнаты уже в платье. Кошелек был пристегнут к поясу. — Может нам надеть маски?

— Только когда будем на улице. Иначе это вызовет подозрение. Куда же я дел свою маску?

Внезапно дверь распахнулась, Трембицкий резко повернулся и схватился за пистолет, но было уже слишком поздно.

— Стоять! — рявкнул Ганновой. Пистолет в его руке был направлен на них. За ним стояли вооруженные члены совета. — Неужели вы думаете, что я мог оставить вас без присмотра и не подслушать ваши разговоры? — сказал он.

ГЛАВА 16

— Пит! Генератор! — раздался крик Вивьен.

Генератор был у Коскинена на спине. Он включил его и отчаянно попробовал расширить поле, чтобы закрыть Вивьен и Трембицкого. И тут выстрелил пистолет.

Черт, поздно! Тишина сомкнулась вокруг него. Пуля упала перед ним на пол. Двое держали за руки Вивьен, а еще двое схватили Трембицкого. Ганновой взял пистолет у Яна и бросил его на софу. Затем он запер дверь. Все происходящее напоминало кошмар.

Ганновой заговорил с Вивьен, она что-то презрительно ответила. Советники переговаривались между собой. Ганновой повелительным жестом заставил их замолчать, подошел к экрану и долго смотрел на Коскинена. Пит смог только выругаться.

Ганновой щелкнул пальцами. Открыв шкаф, он достал переговорное устройство с парой наушников, затем написал что-то на листке бумаги и показал Коскинену. Тот прочел:

«Такой способ общения слишком утомителен. Если ты отключишь экран на короткое время, то сможешь взять наушник. На это время я положу пистолет в другой конец комнаты и не смогу выстрелить в тебя. Остальные поднимут руки вверх. Хорошо?»

Коскинен кивнул. Он хотел кое-что сказать Вивьен, пока экран был отключен, но времени было мало.

Снова включив экран, он надел наушник на кисть. Ганновой положил второй наушник на стол, так чтобы его могли слышать все.

— Теперь мы можем разговаривать, — сказал Ганновой.

— Разговаривать не о чем, — ответил Коскинен.

— Напротив. У вас фантастически неверное мнение о нас и наших целях.

— Ваш способ действий все время укрепляет меня в моем мнении.

— Ты слушал нас, когда мы говорили в кабинете, а теперь Ян Трембицкий отравил твой разум.

— Он только разъяснил, к чему вы стремитесь. Я не собираюсь принимать участие в убийствах своих сограждан.

— За исключением некоторых, — сказал Трембицкий.

Ринелати ударил его по лицу.

— Прекратить! — приказал Ганновой.

— Неужели революционер не может позволить себе немного грубости? — ехидно спросила Вивьен.

— Мы хотим быть вашими друзьями, — заявил Ганновой.

— Начните с того, что предоставьте нас самим себе.

— Это сумасшествие. Вы не пробудете на свободе и неделю. Я не могу допустить, чтобы генератор попал в руки Маркуса.

— Тогда помогите, чтобы он попал в руки президента.

— Я уже объяснял вам...

— Такое объяснение нас не удовлетворяет,— прервал его Коскинен.— Я хочу передать прибор властям, которые смогут воспользоваться им так, как необходимо. Ты, Ганновей, не входишь в число таких людей.

— Все это бесполезно, Карс,— прорычал Томсон.— Они фанатики.

— Трембицкий — да,— сказал Ганновей,— Но Пит кажется вполне разумным. Ты можешь посмотреть с нашей стороны точки зрения?

— Могу. В этом-то все дело.

— Мне не хотелось бы быть жестоким, но ты не сможешь выйти отсюда и умереть от голода через несколько дней.

Коскинен удивился, что не испытывает страха. Он хотел жить, как и любое другое существо, очень хотел. Но страха в нем не было. Только ярость.

— Пусть так,— сказал он.— Но тогда мое тело навсегда останется внутри экрана. Разве что вы разрежете генератор лазером, но это не поможет вам создать новый.

— Когда-нибудь построим.

— Вряд ли скоро. Не раньше, чем люди снова пошлют экспедицию на Марс — может, кстати, сам Абрамс профинансирует ее. И только в том случае, если марсиане помогут землянам создать новый прибор.

— Может быть,— Ганновей повернулся к своим пленникам, и глаза его сузились.— Может, ты и не боишься смерти, но не захочешь же ты, чтобы из-за твоего упрямства погибли твои друзья?

Трембицкий с негодованием сплюнул:

— Ну, разве он не мошенник?

— Слишком большая ставка,— сказал Ганновей,— я пойду на все.

Коскинена бросало то в жар, то в холод.

— Если ты убьешь их,— крикнул он,— ты убьешь последний атом надежды, который еще остается у тебя.

— Я не имею в виду немедленную их смерть. Ты можешь подумать три-четыре дня.

Краска схлынула с лица Вивьен, она с трудом проговорила:

— Не слушай его, Пит. Пусть будет что будет.

— Ты еще не знаешь, что будет.— Ганновой повернулся и сказал: — Ребята, вы знаете, где находится аппаратура. Принесите ее сюда.

Советники вышли. Ганновой сел, закурил.

— Можете поговорить друг с другом,— разрешил он.

— Ви,— с трудом выговорил Коскинен.

Она сделала несколько коротких вздохов, чтобы придти в себя.

— Не думай обо мне, Пит. Мне не нужна жизнь, если за нее мы должны помогать этим вырождакам.

— Эй! — крикнул Томсон.— Неужели вы думаете, нам приятно заниматься этим?

— Конечно,— сказал Трембицкий.

— Я понимаю вас,— сказал Ганновой, и в его голосе послышалось отчаяние.— Вы даже не можете представить, как я хотел бы, чтобы мы были друзьями. Мы могли бы столько сделать для планеты. Неужели я выгляжу преступником?

Трембицкий обратился к Коскинену:

— Они, скорее всего, пристрелят меня, но...— в его глазах стояли слезы,— если я вдруг сломаюсь, не выдержу и попрошу тебя открыть экран, не слушай меня, Пит.

Коскинен почти не слышал его, охваченный ужасом. Как сквозь туман, он видел только лицо Вивьен, и только к ней он обращался:

— Решение за тобой. Ты единственная, кто имеет право решать.

— Я уже решила. Будь твердым.

— Послушай, что для тебя все эти политические бредни! Ведь больше всего ты хочешь отомстить Маркусу, а эгалитаряны могут тебе в этом помочь. Ви, я хочу, чтобы ты сделала выбор.

Она слабо улыбнулась.

— Ты трус, Пит,— сказала она,— Ты хочешь переложить ответственность на меня.

— Но я не могу взять на себя ответственность,— взмолился он.

— О'кей, возьму я. Будь твердым, Пит. Моя жизнь мало что значит для меня, потеря невелика.

— Не говори так!

— А как насчет того, о чем вы сами знаете? — внезапно спросил Трембицкий.

«Детонатор!» — вспомнил Коскинен. Безумная надежда вспыхнула в нем.

— Хорошо, я выйду,— сказал он.— Только сначала отпустите ее. И тогда я выключу щит.

— Сначала выходи,— ответил Ганновой.— А то я боюсь какой-нибудь шутки с твоей стороны.

— Нельзя, Пит,— сказала Вивьен.— Слишком шикарный подарок для них.

— Но если у тебя будет шанс, пока я...— продолжал он. — Лучше умереть так, чем от голода и жажды, да еще если придется видеть твой мучения.

— Нет,— дрожащим голосом возразила она.— Я не могу.

— В чем дело? — спросил Брерсен.

И тут вернулись Хилл и Ринолетти. Они принесли тяжелый ящик с ручкой и рулон пластика.

— Где его поставить? — спросил Хилл.

Ганновой осмотрелся.

— Вот сюда, возле двери в спальню. Силовое поле занимает большое пространство,— распорядился он.

Ринолетти расстелил пластик и ухмыльнулся:

— Чтобы не пачкать ковер.

Хилл открыл ящик, достал веревки и бросил их Вэнбурну.

— Свяжи этого парня,— велел он.

Трембицкий глубоко вздохнул и что-то пробормотал польски. Он не стал сопротивляться, когда его привязали к креслу, но позвал Коскинена:

— Пит!

Коскинен услышал его только с третьего раза.

— Да, да.

— Пит, взгляни на меня.— Трембицкий внимательно смотрел в глаза Пита. — Слушай, я уже мертвец.

— Нет, нет,— сказал Ганновой.— Отдайте генератор, и вы проживете еще долгие годы.

Трембицкий проигнорировал его:

— Слушай внимательно, Пит. Не думай обо мне. Я люблю жизнь, но уже давно не боюсь смерти. Я много повидал смертей за свою жизнь. Жена моя мертва, дети выросли, никто от меня не зависит. Я умру с легким сердцем, если буду знать, что хоть немного помог делу свободы. Быть рабом я не желаю. Ты понимаешь?

Коскинен кивнул. Он чувствовал, что Трембицкий что-то хочет сказать ему.

— Если у тебя появится шанс, не думай обо мне,— продолжал Трембицкий.— Я уже прожил жизнь. Ви еще молода. И ты тоже. К тому же ты единственный, кто может передать миру секрет генератора. Когда-то давно, еще в Европе, я приказал уничтожить город, где в тюрьме находились мои друзья. Они погибли. Но я никогда не чувствовал угрызений совести. Ты тоже не думай обо мне.

Ганновой что-то заподозрил:

— Эй, заткнись, Ян.

— О'кей,— сказал Трембицкий.— Гуд бай.

— Пока еще рано,— сказал Ганновой и подошел к Коскинену.— Пит, ты понимаешь, что все это означает? Скоро она перестанет быть собой. А в конце концов она даже не будет человеком.

— Значит, тебе уже приходилось делать это,— Вивьен надменно подняла голову.

Ганновой прикусил губу.

— Начнем с воздействия на нервы,— сказал он.— Это не причинит вреда, если особенно не затягивать процедуру. Как только ты захочешь прекратить это, скажи нам. Но если будешь упорствовать...— Он показал рукой на Риколетти, который готовил аппаратуру.

Хидл поставил кресло в открытом проеме двери спальни. Риколетти подключил возбудитель нервов. Они подвели Вивьен к креслу, усадили ее и привязали.

— Ол райт, теперь отойдите,— приказал Ганновой.

С Вивьен остался один Риколетти. Остальные вошли в комнату, где под защитой экрана находился Коскинен. Трембицкий сидел возле стены позади него.

— Ну, Пит? — спросил Ганновой.

— Нет,— ответила за него Вивьен,— пошли их к черту, Пит.

Риколетти начал подключать электроды к рукам и ногам Вивьены. Его похотливые руки были заняты не только электродами, особенно когда он касался ног девушки.

— Пит! — крикнул Трембицкий.— Расширяй поле!

Руки Коскинена действовали помимо его сознания. Они повернули ручку до максимума. Вся запасенная в аккумуляторе энергия рванулась наружу, и силовое поле как будто взорвалось изнутри. И только тогда он понял, что сделал.

Он увидел Ганнова, раздавленного на стене, как насекомое. А остальные члены совета... нет, один был зажат в углу. Стены трескались, на потолке пошли трещины. Расширяющееся поле выдавило оконное стекло, и оно вылетело на улицу, за ним стол.

Вивьен и Риколетти просто выдавило в спальню. Коскинен выключил поле и бросился к ним. Риколетти, как безумный шарил по тунике и, наконец, поднял руку с пистолетом. Коскинен схватил нож, замеченный им в груди обломков. Выстрел... В второе от ноги Коскинена взорвалось облачко пыли. Одним прыжком Коскинен достал Риколетти и ударил ножом. Лезвие легко вошло в горло. Риколетти опустился на пол, обливаясь кровью, а Коскинен перескочил через него в спальню.

— Ви! Ты не ранена?

— Нет,— выдохнула она.— Разрежь ремни. Нам нужно выбираться отсюда, сейчас весь дом будет на ногах.

Разрезав ремни, он бросил нож на пол. Вивьен встала. Чувствовалось, что она лучше владеет собой, чем он.

— Идем.

Коскинен не мог заставить себя посмотреть туда, где сидел Трембицкий. Но он поднял руку в прощальном жесте.

Где-то в коридоре вскрикнула девушка. Вивьен на ходу подняла пистолет и сунула его в сумку. Открыв дверь, они оказались в коридоре. Вивьен повела Коскинена в направлении противоположном тому, где раздался крик. Из бокового прохода показался слугитель.

— Что случилось? — спросил он.

— Кажется, что-то взорвалось,— ответила Вивьен.— Мы идем за помощью.

Ее рука была готова нырнуть в сумку за пистолетом. Однако слугитель, не обратив на них внимания, бросился к месту взрыва. Выйдя из холла, они направились вниз по лестнице, наталкиваясь на суетящихся возбужденных людей. На беглецов никто не обратил внимание. Двумя этажами ниже Вивьен снова свернула в коридор. Завернув еще за один угол и не видя никого вокруг, они остановились отдышаться.

— Мы свободны, свободны,— как во сне, повторял Коскинен.— Мы сбежали.

Она оперлась о стену, закрыв лицо руками.

— Ян не сбежал,— сказала она сквозь слезы.

Коскинен обнял ее за талию. Так они простояли, поддерживая друг друга несколько минут.

Наконец она подняла голову и сказала почти спокойно:

— Нам лучше уйти отсюда, пока они не спохватились и не связали нас с тем, что произошло. И из города тоже нужно уехать. Дай мне подумать... Наша квартира находилась на южной стороне. Давай уйдем через северный проход. Сними генератор со спины и неси его в руке, Пит. Это менее заметно.

Они шли нормальным шагом. Вивьен достала гребенку и попыталась придать себе более или менее приличный вид.

— Какой человек погиб,— сказала она со вздохом.

Ему было странно, что он ничего не ощущал по отношению к тем, кого убил. Ему, конечно, было жаль Трембицкого, но тот сам освободил Пита от чувства вины. А что касается остальных — так не было в нем ни жалости, ни облегчения. Их гибель была чем-то таким, что его не касалось, что уже исчезло из его памяти, вытесненное более сильными эмоциями и необходимостью бегства.

ГЛАВА 17

Было утро, когда они очутились на пустынной улице. В западной части неба еще вдруг вспыхивали редкие звезды, но в восточной уже набирал силу рвущийся из-за горизонта свет — скоро взойдет солнце. Воздух был неправдоподобно свежим и холодным. Где-то вдали промелькнуло наземное такси.

— Полагаю, мы идем в убежище Зиптера? — спросил Коскинен.

— А куда еще нам идти?

— А оттуда мы можем попытаться связаться с Абрамсом?

— Можем попытаться, но черт меня побери, если его телефоны не прослушиваются. А знаешь, есть одна верная мысль в рассуждениях эгалитарианцев. Мне разъяснил ее Трембицкий. Передать генератор Протекторату и надеяться на улучшение условий жизни — это все равно что дать наркоману аспирин и думать, что он излечится.

— Кому же еще можно передать генератор?

— Не знаю... не знаю... Такси!

Водитель распахнул дверь, и они уселись.

— Сиракузы, — сказала Вивьен, — а точный адрес получите когда будем на месте.

Это была только первая их остановка. Они пересаживались с машины на машину, постоянно меняя направление. Солнце уже взошло.

Очередной водитель нажал кнопку, и панель, отделяющая кабину от пассажирского салона, стала закрываться.

— Нет, — сказала Вивьен, — пусть будет открыта.

Водитель удивился, но повиновался.

— Я... я люблю смотреть вперед, — капризно заявила она.

Вивьен наклонилась вперед к водителю, чтобы назвать место назначения, и Коскинен внезапно подумал, какая красивая у нее талия. И вдруг... Он обхватил руками талию Вивьен и отстегнул кошелек со взрывным устройством.

— Какого черта! — воскликнула она и попыталась отобрать его, но Пит крепко держал девушку, и только сунув детонатор в карман, он отпустил ее. Вивьен отпрянула от него, наполовину рассерженная, наполовину испуганная:

— Что с тобой, Пит?

— Прости, Ви. Не думай ничего такого, но ситуация изменилась. Теперь я сам хочу принимать решения.

— Ты мог бы попросить его у меня.

— Да, но ведь ты могла отказать, несмотря на то что раньше уже отказывалась использовать его. Я благодарен тебе, Ви, но я был слишком пассивен. Пора мне стать хозяином самому себе.

Она глубоко вздохнула. Мышцы ее постепенно расслабились, и на лице медленно проявилась теплая улыбка.

— Ты быстро становишься мужчиной.

Он вспыхнул. Затем с беспокойством отметил, что водитель смотрит на них через зеркальце. Почему Ви не позволила опустить панель?

Экран вызова объяснил Коскинену, почему. На нем вспыхнула надпись: «Внимание всем машинам! Внимание всем машинам! Сообщение Бюро СБ! Два преступника, два иностранных агента разыскиваются для немедленного ареста. Они могут передвигаться в...»

Пистолет Вивьен уже был направлен в голову водителя.

— Не двигайся, парень,— приказала она,— и держи руки подальше от передатчика.

— «...Очень опасны»,— закончил хриплый голос. И на экране Коскинен увидел себя — свое лицо, сфотографированное, вероятно, когда он звонил в СБ. А вот и фотография Вивьен, интересно, откуда она у них? И затем: «...Если вы увидите этих людей, то ваш долг...»

— То-то же мне сразу показались ваши лица знакомыми,— пробормотал водитель.— Что вы сделаете со мной? Чего вы хотите?

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, если ты поможешь нам,— сказала Вивьен.

— Пожалуйста... у меня жена, дети...

Коскинен выглянул из окна. Они уже вылетели из центра города и теперь внизу были видны крыши маленьких домов.

— Вам не скрыться на каре,— сказал водитель.— Ни на каком каре. Если они считают, что вы где-нибудь в машине, то служба контроля перекроет все пути.

— Вряд ли,— возразил Коскинен,— почему же они до сих пор не сделали этого?

Вивьен бросила на него косой взгляд. Значит, они еще не перебрали другие нити. Раньше или позже, но они возьмутся за тотальную проверку каров. Как только им станет известно о том, что произошло в Зодиаке, а это произойдет быстро, они мгновенно сложат два и два. И тогда самое логичное с их стороны — перекрыть пути бегства на каре. Водитель прав. Нужно выбирать — отсюда, пока не поздно.

— Но... как...

— Не знаю, не знаю. Подожди. Да, опускайся здесь.

Они скользнули вниз, и колеса коснулись старого потрескавшегося асфальта улицы. Вокруг стояли тихие дома с острыми крышами, узкими окнами. В этот час город еще спал. Вивьен предложила связать водителя и заткнуть ему рот кляпом.

— Я поменяюсь с ним одеждой,— решил Коскинен.— Ведь теперь, после Зодиака, известно, как я одет.

— Прекрасно. Ты становишься настоящим преступником.

Коскинен быстро переоделся, затем нашел в машине кусок провода, связал водителя и оставил его в салоне для пассажиров.

— Кто-нибудь наверняка скоро освободит тебя,— заверил он водителя,— ты прости, но тебе придется подождать несколько часов.

— О,— прошептала Вивьен,— кто-то идет.

Коскинен вышел и запер дверь. Огромный человек в комбинезоне механика шел по улице. Он приблизился к такси и сказал:

— Поломка, приятель? Может, я могу помочь?

— Благодарю,— улыбнулся Коскинен,— но компания запрещает пользоваться услугами чужих механиков. Необходимо анализировать каждый случай поломки. Где здесь ближайшее метро? Мне нужно отправить даму.

Механик подозрительно взглянул на него:

— Здесь нет поблизости метро.

— О,— рассмеялся Коскинен.— Я недавно из Лос-Анжелеса. Никак не привыкну. А станция монорельсовой дороги?

— Я сам туда иду.

Коскинен по пути подробно отвечал на вопросы о жизни на западном побережье, хотя никогда сам там не был. Во всяком случае, это отвлекало внимание механика от генератора, который, как он мог предположить, принадлежал леди. Сам механик сообщил, что зарабатывает мало и не имеет возможности путешествовать. Благодарение богу, что есть хоть такая работа...

Он еще долго распространялся о том, как трудно жить.

Плохо, подумал Коскинен, а ведь американцы были когда-то свободными людьми.

К счастью, возле станции не было такси. Если, конечно, это нищее предместье обслуживается ими. Коскинен зашел в телефонную будку и сделал вид, будто звонит по поводу Вивьен. Механик вошел в вагон подошедшего поезда, Вивьен схватила Коскинена за руку и бегом потащила в другой вагон, подальше.

— Не нужно, чтобы наш друг долго видел нас,— сказала она.— Прямо чудо, что он не узнал нас по объявлению. Но когда он в следующий раз увидит объявление, то обязательно вспомнит нас.

Коскинен кивнул. Они сели. В вагоне было всего несколько сонных, плохо одетых пассажиров. Вряд ли когда-нибудь этот вагон набивается полностью. Людям, не имеющим работы, ездить некуда.

Да, подумал он, этим людям остаются только три пути: преступность, самоубийство или нудная бессмысленная работа. А что будет когда всю индустрию полностью автоматизируют, а производство пищевых продуктов вынесут на внеземные базы? Совершенно ясно, что в существующих условиях нация свободных независимых людей потребует коренной перестройки общества, и для того чтобы противостоять этому, любое правительство будет вынуждено закабалить людей налогами, делать их зависимыми от себя. Да, я отчетливо вижу, что общество, в том виде как оно есть, в корне несправедливо...

И тут он вспомнил свои проблемы:

— Как же мы доберемся до цели? Служба Контроля остановит любой кар, который мы найдем или украдем.

— Да. За исключением...— Вивьен посмотрела в окно. Предместье уступило место открытому полю, освещенному первыми лучами солнца.— У меня идея. Комиссия по Мировой Войне построила много копий машин, действующих в той войне. И в определенные даты люди разыгрывают битвы, сражения. Этот спектакль передается по ТА. А кроме того, скучающие люди получают возможность поиграть с самолетами, пушками, танками — точными копиями тех, что участвовали в войне. Здесь есть аэродром с самолетами.

— Ну и что?

— Они без автопилота, так что могут летать свободно. И никаких помех движению, так как они летают медленно и радары Службы Контроля легко регулируют все перемещения. Самое главное для нас, что полиция не может посадить нас, так как у нас нет автопилота. И вообще, на такой самолет никто не обратит внимания. Он может лететь куда угодно, ведь для него нет определенных маршрутов, полетных ограничений.

— О Боже,— Коскинен с трудом закрыл рот.

— Мы с Зигтером были здесь в прошлом году, так что я знакома с порядками. Если украсть самолет отсюда, то его не хватятся долгое время. Конечно, это некрасиво. Что ты скажешь?

Поняв, что Вивьен окончательно передала ему роль главного в их тандеме, и сознавая тяжесть этой ноши, он проглотил комок в горле и решил:

— О'кей. Мы попытаемся.

ГЛАВА 18

Самолеты находились в трех милях от станции. Купив в супермаркете кое-что для завтрака, моток веревки и таблетки против сна, они отправились туда. Большую часть пути им пришлось идти по деревенской улице, застроенной грязными бедными домиками. Мимо то и дело проезжали трактора, грузовые машины, но пешеходов было мало, в основном женщины, и на двух чужаков никто не обращал внимания. Кто-то показал дорогу к ангару, даже не спросив зачем. Видимо, эти люди жили такой тусклой, безразличной жизнью, что вовсе не читали бюллетеней Маркуса, и это было на руку беглецам. Никто не смотрел на них, никто не старался запомнить их внешность. Улица неожиданно закончилась лугом, на котором было на удивление пусто. Серебрилась трава, где-то пели птицы, пахло сырой землей.

— Здесь хорошо, — вздохнул Коскинен.

Вивьен посмотрела на него:

— А я чисто городской житель. Мне не кажется, что здесь красиво.

Посреди поля находилось пространство, огороженное электрифицированным забором; за ним, в глубине, виднелись ангары и взлетная полоса. Радарные установки аэродрома предупредят деревенскую полицию, если сюда сядет чужой самолет, так что часовой здесь ни к чему.

За забором было тихо, никаких признаков жизни не ощущалось. Коскинен осмотрелся. Вокруг никаких признаков жилья, так что его вряд ли кто-нибудь видит, а потому он смело извлек веревку и, сложив петлю, после нескольких попыток забросил ее на столб.

— О'кей, Ви, — сказал Коскинен, помогая ей включить генератор, затем пропустил вторую веревку сквозь петлю и жестом показал Вивьен, чтобы она прижалась к металлической решетке, к которой было подключено напряжение, а сам, используя экран как изоляцию между собой и забором, начал подтягивать их обоих. Ему стало не по себе при мысли о том, что произойдет, если прикоснуться к сетке. Может он и не умрет от удара электрическим током, но наверняка поднимется тревога и их схватят.

Еще немного — и они благополучно оказались по ту сторону забора. У Коскинена на мгновение замерло сердце, но вокруг ничто не шелохнулось.

Вскоре они уже шли к ангарам. Вивьен могла сбить замок выстрелом из пистолета, но этого не требовалось. Двери

открылись сами, когда они подошли. Внутри было полутемно. Увидев самолеты, Коскинен открыл рот. Ему показалось, что он попал в далекое прошлое, еще более древнее, чем башни Марса.

«Видишь,— сказал он себе,— вот твое прошлое. Твой прадед мог летать на таком чуде. И это моя планета,— гнев снова вернулся к нему,— во что они превратили ее!»

Но он подавил эмоции, взял кое-какие инструменты из ящика и пошел к самолетам. Через час он выбрал самолет. Это был самолет-бомбардировщик Хэблелд: огромная машина с двумя крыльями, менее элегантная, чем Фокер и Опады, но в ней чувствовалась какая-то мужественная красота. Это и пленило Пита. Пользуясь приобретенными на Марсе навыками, он легко разобрался в устройстве и понял, как управлять самолетом. Они вдвоем выкатили его на взлетную дорожку, заправили топливом из находившегося рядом резервуара и отвернули в сторону от радаров.

— Садись на заднее сиденье за дополнительный пульт,— велел он Вивьен,— а я крутану пропеллер.

Она внезапно посмотрела на него очень внимательно.

— Мы можем потерпеть крушение или нас могут сбить, ты знаешь это?

— Да,— он пожал плечами.— Это ясно.

— Я...— она сжала его руку.— Я хочу сказать тебе кое-что, у меня может не оказаться другой возможности.

Он посмотрел в ей в глаза и ждал.

— Этот детонатор. Это фикция.

— Что?

— Вернее, детонатор работает, но бомбы нет,— смех застрял у нее в горле.— Помнишь, Зиптер приказал мне приготовить устройство. Но я не смогла. В капсуле вместо взрывчатки порошок талька.

— Что?

— Я не сказала об этом в доме Абрамса, они бы поставили настоящую бомбу. Я, конечно, все равно не смогла бы взорвать ее, но другой смог бы. Я хочу, чтобы ты знал это, Пит.

Она пыталась убрать свои руки, но он стиснул их и не отпустил.

— Это правда, Ви?

— Да. Разве ты сомневаешься?

— Я не сомневаюсь,— он собрал все мужество, достал детонатор и нажал кнопку. Она смотрела на него сквозь слезы.

Коскинен секунду смотрел на детонатор, а потом зашвырнул его далеко в траву, затем крепко обнял девушку, поцеловал, приподнял и посадил на заднее сиденье, где она, шмыгая носом,

пристроилась между пулеметом и рычагами управления. Коскинен изо всех сил крутанул деревянный пропеллер.

Мотор кашлянул, задымил и затарахтел. Коскинен, оттолкнувшись от деревянного крыла, выскочил в кабину и уселся на место пилота. Он долго сидел, прислушиваясь к работе мотора, отмечая все стуки, прислушиваясь к вибрациям. Вроде бы ничего. Он двинул рычаг, — и самолет побежал по дорожке, набирая скорость, затем подпрыгнул и повис в воздухе. Ощущение было новым для Коскинена.

Вивьен ткнула пальцем в точку на карте, куда им следовало лететь. Коскинен понял, что на такой черепашной скорости можно спокойно ориентироваться на местности. Его натренированные нервы и мускулы быстро приспособились к управлению самолетом.

Самолет рычал, содрогался, откуда-то тянуло дымом. Странная штука. И как только она летает? И все же ему было приятно лететь на нем. Казалось, он парит в воздухе. Ветер обдувал лобовое стекло, хлестал его по лицу, свистел в крыльях. Смешно, подумал он, что ему приходится возлагать столько надежд на столь примитивное устройство. Затем он стал думать о девушке, которая не могла заставить себя убить его. Он чувствовал себя так, будто умылся свежей родниковой водой, смыл грязь этого мира. А внизу было зелено, красиво. Они летели над богатой местностью: дома большие, новые, отделенные друг от друга большими парковыми массивами. Между холмами извивался Гудзон, и в нем отражались голубизна неба, зелень травы, белизна облаков. Вот в таком мире следует искать ответа на его вопрос!

И он с надеждой смотрел вперед.

ГЛАВА 19

После двух дней напряженного бегства приятно остановиться и очутиться один на один с природой. Убежище Зитера находилось на берегу реки, которая сейчас, в лучах заходящего солнца, казалась переполненной расплавленным золотом. Противоположный берег зарос лесом. А на этой стороне по пологому склону спускались к воде небольшие ряды розовых кустов. Вверху шумели дубовые листья, ветви яблонь гнулись под тяжестью плодов. Миллионы запахов околдовывали его.

Но такое состояние не могло длиться бесконечно. Когда приятная усталость покинула его тело, мозг снова начал работу, и вся радость исчезла.

«Почему же? — спросил себя Коскинен. — Ведь работа сделана, убежище найдено. Мы скрылись от мира».

Чего ждать дальше и когда начнется новая заваруха — зависит от того, как быстро враги выследят их. Многие видели приземляющийся здесь самолет. Никто в деревне не подозревал, что они с Вивьен незаконно вселились в дом, принадлежащий мистеру Ван Вельту. Вивьен представилась местным властям под этим именем. Вряд ли в ней можно было узнать женщину, за которой охотилась полиция. С помощью грима она весьма искусно изменила свою внешность.

Но сплетни, конечно, ходили. Почему она здесь одна, без мистера Ван Вельта и без слуг? Почему сразу по прибытии она потребовала прислать ей бульдозер и работала на нем сама? Все эти слухи наверняка могли дойти до властей и возбудить подозрение.

С другой стороны, могли найтись нити, указывающие на их нынешнее местонахождение. Если в Кратере захватили пленных, то кто-нибудь вполне мог знать о существовании этого убежища. Они имели дело с могучим врагом.

Сомнения терзали Коскинена. Может, всё это зря, ни к чему? Нет. Рано или поздно нужно сделать выбор и твердо стоять на своем.

Коскинен сделал глубокий выдох. Из дома вышла Вивьен.

— Эй! Я уже охрипла, и мои пальцы болят от нажимания кнопки. Я обзвонила множество людей, пока ты строишь эту крепость.

— Пожалуй, теперь мы можем отдохнуть.

— Чудесно. Я приготовила праздничный ужин.

— Из концентраторов?

— Нет, нет. Я буду делать ужин по старомодному образцу: при помощи рук и головы. Я ведь неплохая кухарка. — На этом ее наигранная веселость истощилась, и она помрачнела. — У нас слишком мало шансов.

— Может быть, — признал он, — несколько дней, не больше.

Она обняла его за талию и положила голову ему на плечо.

— Мне бы хотелось делать для тебя больше, Пит, чем просто готовить еду.

— Почему? — его лицо вспыхнуло, и он перевел взгляд на другой берег реки.

— Я тебе стольким обязана.

— Нет, нет. Ты спасала меня... много раз. Но ничто не может сравниться с этим,— он коснулся цепи на шее.— Мне даже не хочется снимать ее.

— Неужели это для тебя так важно?

— Да. Потому что... потому что ты стала очень близкой мне... Я никогда не смогу забыть этого.

— Я знаю,— прошептала она.— Ты тоже мне близок.— И, быстро отстранив его, убежала в дом.

Взволнованный, он удивился, хотел пойти за ней, но сдержался. Ситуация была слишком деликатной. Они были только вдвоем, и ему не хотелось испортить спешкой хрупкие отношения, что налаживались между ними.

Однако его беспокойство не утихало. Нужно что-то предпринять. Может, сделать несколько звонков, пока она возится с едой? Чем больше, тем лучше. Он вошел в гостиную и направился к телефону.

Из раскрытого блокнота он узнал, что Вивьен звонила в разные города Индии. Америку и Европу они уже обзвонили раньше. Коскинен вызвал в памяти карту мира. Куда звонить теперь? Их задача — распространить информацию о генераторе по всему свету.

Китай? Нет, не стоит. Средний китаец ничем не отличается от среднего американца или европейца. Но правительство Китая... Нет, пускай китайцы добывают информацию в другом месте. Коскинен нажал кнопку.

— Токио,— назвал он.

На экране вспыхнул телефонный справочник. Коскинен переключал страницы до тех пор, пока не добрался до перечня телефонов инженеров и технических компаний. Он наугад выписал оттуда несколько номеров и очистил экран, а затем набрал один из номеров, добавив RH, что означало автоматическое включение записи у абонента. С экрана на него смотрело удивленное плоское лицо.

— Я — Питер Коскинен,— представился он.— Служба Информации подтвердит, что я недавно прибыл с Марса, где был в экспедиции. Я привез с собой устройство, обеспечивающее неуязвимость человеку. Мне грозит опасность, поэтому я сообщаю всему миру физические принципы прибора и рабочие инструкции, как им пользоваться.

Японец что-то сказал; похоже, он не понимает по-английски и считает этот звонок недоразумением. Коскинен открыл первую страницу своих записей, затем следующую, следующую... Подготовить записи было несложно, так как они хорошо помнили все, о чем говорили еще в Кратере. Во время предыдущих звонков

многие люди отключались, считая, что имеют дело с сумасшедшим, но этот человек смотрел со все возрастающим интересом. Коскинен понял, что этот японец возьмет ленту с записью и наверняка переведет объяснения с английского на японский. Если хотя бы часть тех, кому они с Вивьен звонят, заинтересуются записями, значит, весь мир узнает о приборе.

Коскинен закончил, попрощался и стал набирать следующий номер. Крик Вивьен прервал его занятие.

Выскочив на террасу, он увидел ее там: вытянутую, как струна. Она показывала на небо. Четыре длинных черных кара опускались на землю, на них были эмблемы СБ.

— Я заметила их из окна кухни,— голос Вивьен дрожал.— Неужели там быстро?

— Должно быть, мы оставили больше следов, чем я надеялся.

— Но...— она сжала его руку холодными пальцами, стараясь не закричать.

— Идем.— Они вернулись в гостиную, забрали генератор и поспешили на задний дворик, вымощенный плоскими каменными плитками и окруженный кустами. Здесь, под плитами, Коскинен устроил кладовую для еды, контейнеров с водой, постельных принадлежностей. Здесь же была винтовка из кабинета Зигтера и даже переговорное устройство. Коскинен включил генератор и настроил поле так, чтобы барьер охватывал пространство в двадцать футов диаметром. Наступила тишина.

— О'кей. Теперь мы в безопасности, Вивьен.

Она обхватила его руками, укрылась лицом в грудь и вскрикнула.

— Что случилось? — он взял ее пальцами за подбородок и поднял лицо. — Разве ты не рада, что нам придется бороться?

— Если... если,— она не могла сдержать слез.— Я так надеялась, что мы некоторое время побудем вместе. Вдвоем.

— Да. Это было бы хорошо.

Вивьен выпрямилась.

— Прости. Не обращай внимания.

Он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. И только когда снижающийся кар заслонил солнце, он вспомнил о врагах. Дом окружили люди в гражданской одежде и не вооруженные, хотя в них без труда узнавались агенты СБ. За ними расположились цепи солдат.

Коскинен с удовлетворением смотрел, как агенты пытались прорваться сквозь защитный барьер. Вивьен уселась с безразличным видом на каменной плите и закурила. Две дюжины молодых людей с оружием окружили дом.

Коскинен встал, подошел к невидимой стене и показал передатчик. Человек кивнул, сказав что-то. Пит не удивился, когда появился сам Хью Маркус тоже с передатчиком.

Они стояли друг перед другом на расстоянии в один ярд, а между ними была непроницаемая стена толщиной в несколько сантиметров. Маркус дружелюбно улыбнулся:

— Хэлло, Пит.

— Для вас я Коскинен, мистер Коскинен.

— Ты ведешь себя совсем, как ребенок,— сказал Маркус.— После такого фантастического бегства я могу только предположить, что ты немного тронулся.— И затем, более мягким тоном: — Выходи, мы вылечим тебя. Для твоей же пользы.

— Излечите от памяти? Или от жизни?

— Не надо пафоса.

— Где Дэйв Абрамс?

— Он...

— Приведите сюда всех моих товарищей, Они же у вас. Поставьте их перед барьером, и я с ними поговорю. Если они подтвердят, что вы их держите в тюрьме для их защиты, я выйду и попрошу у вас прощения. Если же нет, я буду оставаться здесь, пока солнце не замерзнет.

Маркус покраснел.

— Знаешь ли ты, что делаешь? Ты выступаешь против правительства США.

— Вот как? Возможно, я виновен в том, что сопротивлялся аресту, но никаких преступлений против Конституции я не совершал. Пусть решит суд. Мой адвокат докажет, что арест был незаконным. Я не сделал ничего, за что меня можно было бы арестовать.

— А сокрытие собственности правительства...

Коскинен покачал головой.

— Я готов передать прибор властям в любое время. Но только тем, кто сделает прибор собственностью народа.

Маркус поднял палец:

— Да! Измена! Ты скрываешь прибор, представляющий угрозу для безопасности государства.

— Что, Конгресс издал закон, ограничивающий использование энергетического щита? Или есть указ президента? Нет, те бумаги, что я подписывал, ни слова не говорят о сохранении тайны. Напротив. Мы собирались опубликовать наши работы.

Маркус долго стоял, а затем, откинув голову, холодно заявил:

— У меня нет времени беседовать с дилетантом-адвокатом. Ты арестован. Если ты будешь продолжать сопротивление, мы сожжем тебя.

— Ясно,— сказал Коскинен и направился к Вивьен. За барьером забежали люди, и вскоре перед ними выстроились три лазерные установки.

— Значит, они знают,— догадалась Вивьен, но нотки страха в ее голосе он не уловил.

— Я в этом и не сомневался, Ви, они не дураки. Давай спустимся в убежище.

В убежище было удобно. Солнечный свет проникал сквозь отверстия, трогал блестящие волосы девушки. Сердце его отчаянно билось, когда он смотрел на Вивьен. Лазеры открыли огонь, и он сжал ее руку. Но лучи, способные расплавить броню, не могли ничего поделывать с толстыми бетонными плитами.

Немного погодя раздался голос Маркуса:

— Выходи, поговорим.

— Если это доставит тебе удовольствие,— согласился Коскинен,— но только прежде уберите свои идиотские лазеры.

— Ладно.— Маркус отдал команду.

— Девушка останется здесь,— предупредил Коскинен.— Вдруг ты решишь обмануть меня. А она такая же упрямая, как и я.— И Коскинен вылез наружу.

Шеф СВ был, казалось, в некотором замешательстве. Он провел рукой по седым волосам.

— Во что ты играешь, Коскинен? Чего добиваешься?

— Сначала освободите моих друзей.

— Но им грозит опасность!

— Не лги. Если есть опасность, достаточно было бы полицейской охраны. Но так как ты все еще держишь их у себя, могу предположить, что ты с ними уже успел сделать! А второе, чего я хочу — это чтобы вся информация о генераторе была опубликована. Тогда никому не будет угрожать опасность, и можно будет не держать их в тюрьме.

Маркус побагровел от бешенства. Агенты придвинулись к нему ближе, но он жестом отослал их прочь и уперся взглядом в Коскинена:

— Ты сошел с ума. Ты сам не знаешь, что говоришь.

— Так объясни мне.

— Ведь каждый преступник будет недосыгаем для полиции...

— Но и каждый честный человек будет недосыгаем для преступников. Если разработать карманный вариант, будет покончено с преступлениями против личности. Конечно, тогда будет труднее покончить с преступниками, но общество в целом выиграет больше.

— Может быть. Но произойдет еще кое-что. Протекторат. Ты хочешь, чтобы снова произошла атомная война?

— Протекторат больше не нужен.

— Этот экран может выстоять против атомной бомбы?

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не против прямого попадания. Но более мощный генератор выдержит. Каждый город будет владеть генератором, который будет включаться при обнаружении ракеты в полете. Правда, останется опасность взрыва бомб изнутри, но с нею проще бороться.

— В мире миллиард китайцев, Коскинен. Миллиард! В состоянии ли ты оценить эту цифру? Мы еще живем на земле только потому, что в силах уничтожить их быстрее, чем они нас. Если наше оружие будет такое же как у них, или слабее...

— О, тогда достаточно включить защитный барьер. И орды, идущие через Берингов пролив, будут тебе не страшны, если ты их боишься. Их легко заставить остановиться — и без единого выстрела. Энергетический барьер, если установить генератор на дне моря...

Лицо Маркуса изменилось. Может, он кое-что понял? Надежда вспыхнула в душе Коскинена.

— Послушай,— продолжал он,— ты упустил самое главное. Война не только станет бессмысленной — ее невозможно будет начать. Чтобы организовать войну, требуется твердое правительство и послушное население. А находясь под защитой барьера, граждане страны почувствуют себя в безопасности, и ни одно правительство, не удовлетворяющее их, не удержится у власти. Возьмем, к примеру, нынешнего диктатора Китая Ванга. Буквально через месяц после появления барьера в Китае Вангу придется скрыться под защитой собственного барьера, и китайцы станут ждать вокруг, когда он умрет от голода.

Маркус наклонился вперед.

— Ты понимаешь, что то же самое может случиться и у нас?

— Разумеется.

— Значит, ты стремишься к анархии?

— Нет. К свободе. Ограниченное в правах правительство и независимость индивидуума. Я хочу, чтобы каждый гражданин имел возможность сказать «нет», если он того желает, и чтобы он не боялся последствий. Разве это не идеал, к которому стремится Америка? Конечно, мир придется немного переделать, но эта маленькая цена за возвращение к принципу Джефферсона «Дерево свободы нужно время от времени орошать кровью патриотов и тиранов», ты помнишь? Я лично считаю, что достаточно только крови тиранов.

Коскинен понизил голос:

— Я понимаю, что очень трудно признать свою работу бессмысленной. Работу, в которую ты веришь. Но при переходе

мира в новое качество работы хватит всем. Ведь мир снова начнет жить, а не прозябать.

Маркус стоял неподвижно. Ветер шевелил его волосы. Коскину очень хотелось, чтобы ветер Земли коснулся и его лица. Солнце опустилось ниже. Наконец Маркус поднял глаза и вздохнул:

— Ну, хватит, дело зашло слишком далеко. Если ты не хочешь сдаться, тем хуже для тебя.

Коскинен хотел ответить, но не смог. Сожаление и гнев овладели им. Он повернулся и пошел к Вивьен.

Вивьен включила лампу в бункере, где стало уже темно, и опустилась на колени перед контейнером, в котором хранились припасы. Он покачал головой и сел, придавленный навалившейся на него слабостью.

— Поешь,— настаивала Вивьен.— Конечно, это не тот ужин, что я обещала тебе...

— Как бы мне хотелось почувствовать капли дождя,— вздохнул он.

— Ты что же, уже не надеешься увидеть дождь? — резко выпрямилась Вивьен.

— О, надежда у меня есть. Надежда — это все, что у меня осталось.— Он откинулся назад и посмотрел на свои руки.

Вивьен закончила работу и ласково погладила его.

— Полежи немного.

Он не стал спорить и покорно положил голову ей на колени. Сон обрушился на него, как удар.

ГЛАВА 20

— Проснись!

Он с трудом открыл глаза.

— О... может, ты тоже хочешь отдохнуть? — он потер глаза.— Черт побери, я должен был позволить тебе поспать первой.

— Дело не в этом,— ответила Вивьен, лицо ее было встревожено.— Они притащили какую-то машину.

Коскинен осторожно высунул голову из бункера. Яркие лампы отогнали ночь куда-то далеко. Два громадных крана, как два динозавра, возвышались над барьером. Вокруг суетились рабочие.

— Что это они собираются делать?

— Понятия не имею. Все, что у нас здесь есть, довольно много весит. Может, они хотят перенести нас куда-нибудь в более удобное для них место.

— Но, Пит...— Вивьен прильнула к нему. Он обнял ее за талию. Немного погодя он ощутил, как страх покидает ее.— Ты совсем не боишься?

— Видит бог, нет,— засмеялся он.

Стрелы кранов начали опускаться, и вскоре невидимая оболочка была опутана цепями. Вот рабочий махнул рукой, и стрелы начали подниматься вверх.

— О'кей,— сказал Коскинен.— Пора.— Он нагнулся над генератором, подкрутил ручку.

Поле расширилось. Цепи полопались и, взметнув тучи пыли, упали на землю. Краны качнулись. Коскинен вернул ручку в прежнее положение.

— Я мог бы опрокинуть эти чудовища,— невозмутимо сообщил он,— но не хочу причинять вреда рабочим.

— О,— выдохнула Вивьен,— ты просто великолепен.

Смятение снаружи улеглось. Рабочие отошли в сторону, и на освещенное место вышел Маркус. Один.

— Коскинен,— раздался его голос, когда Пит включил переговорное устройство.

— Да? — Коскинен остался на месте. Он не хотел снова предстать перед Маркусом.

— Великолепная шутка. Ты все еще хочешь сопротивляться?

— Да.

Маркус вздохнул:

— Ты не оставляешь мне выбора.

У Коскинена сжалось сердце.

— Мне не хочется делать этого,— сказал Маркус,— но если ты не выйдешь, я сброшу атомную бомбу.

Коскинен услышал возглас Вивьен. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты не можешь,— крикнул он,— не можешь без приказа президента! Я знаю закон.

— А может, у меня есть приказ?

Коскинен провел языком по пересохшим губам.

— Если у тебя есть согласие президента, то можно сделать проще: пригласить сюда президента, и пусть он подтвердит согласие. Тогда я выйду отсюда.

— Ты выйдешь отсюда тогда, когда тебе приказано, Коскинен. Сейчас.

— Другими словами, у тебя нет разрешения президента и ты знаешь, что не получишь его. Так кто из нас нарушает закон?

— СБ имеет право использовать ядерное оружие, имеющееся в ее арсенале, по собственной инициативе в случае экстренной необходимости.

— Какая необходимость убивать нас? Мы просто сидим и никому не мешаем.

Маркус посмотрел на часы.

— Четверть шестого. У тебя два часа на размышление,— и он твердым шагом направился прочь.

— Пит,— Вивьен прижалась к Коскинену. Он почувствовал, что она дрожит.— Он блефует, правда? Он же не может, это невозможно.

— Боюсь, что может.

— Но как он объяснит это потом?

— Придумает что-нибудь. От нас почти ничего не останется, а его люди, видимо, очень преданы ему. Все в истории диктаторы подбирали себе именно таких людей. Так что они подтвердят все, что он скажет, и ему все сойдет с рук.

— Но он же потеряет генератор!

— Это лучше, чем потерять положение. И шанс занять более высокое место. Кроме того, он полагает, что его ученые сумеют раскрыть секрет генератора.

— Но ведь секрета уже нет! Мы же позаботились об этом. Почему ты ему не скажешь?

— Боюсь, тогда он сбросит бомбу сразу. Ведь мы сами вместе с работающим генератором энергетического щита являемся прямым доказательством того, что он лжец и давно изжил себя. Ты же понимаешь, что новый экран не сделают сегодня к вечеру. Первые образцы будут готовы минимум через месяц. И если Маркус будет действовать быстро, он и его агенты успеют выследить людей, с которыми мы вошли в контакт, и обвинить их в заговоре против Протектората. Правительство поверит ему, поддержит его, так как доказательств противного нет.

— Ясно,— задумчиво кивнула она. Некоторое время они молчали, затем она медленно протянула руку к выключателю, и лампа погасла. Мягкий свет, проникающий с улицы сквозь отверстия, окутал ее своей паутиной, укрыл легкими тенями.— Значит, нам остается только ждать.

— Может быть, твой бразильский друг, которому ты сообщила все, успеет что-нибудь предпринять.

— Может быть. Однако ему придется иметь дело с бюрократией администрации, а он числится в списке подозрительных, так как был знаком с Джанни. Хотя, с другой стороны, он журналист и должен знать больше уловок, чем остальные люди.

— А как насчет того сенатора, о котором ты говорила?

— Хохенридер? Да, я все рассказала. Но я говорила, разумеется, не с ним, а с секретарем, который слушал меня весьма скептически. Может, он стер ленту. Ведь ему в офис наверняка многие звонят по разным пустякам.

— И тем не менее, есть возможность, что твой бразильский журналист расскажет обо всем президенту, а сенатор Хохенридер... и еще кто-нибудь, кто получил наши сообщения и смог понять, почему мы прибегли к такому необычному способу распространения информации... Так что помощь может прийти в любую минуту.

— Не надо меня успокаивать, дорогой. Я прекрасно понимаю, что до 7.15 никто не успеет. Возможно, к полудню Маркус будет в тюрьме, но мы этого знать уже не будем.

— Может быть,— неохотно признал он.— Но все же здесь лучше, чем в Зодиаке. Смерть будет мгновенной. Никаких мучений.

— Знаю — и это хуже всего. Жизнь в одно мгновение снова превратится в мертвую материю.

— Может, ты хочешь выйти? Я могу отключить барьер на полсекунды.

— О Боже, нет! — Ее негодование вдохнуло жизнь в них обоих. Она неуверенно рассмеялась и достала сигареты.— Я люблю тебя...

— И я тоже тебя люблю. Может быть, нам...

— Нет, нет. Во всяком случае, не сейчас, когда я знаю, что ты умрешь через сто минут. Я не смогу забыть об этом. Лучше я просто буду говорить с тобой, смотреть на тебя.

— В конце концов, может, для нас наступит другое время. Вот тогда я...

Он не понимал, почему боль искажила ее лицо. Однако Вивьен улыбнулась и прижалась к нему. Они взялись за руки... Впоследствии он вспоминал, что говорил только он, и только о том, что ждет их будущем.

Первые лучи скользнули по небу. Они вышли из бункера, не обращая внимания на лазерные пушки, на охранников, стоящих вокруг, на отвратительный черный длинный цилиндр, который лежал на тележке возле барьера.

— Солнце,— сказал Коскинен.— Деревья, цветы, река, ты... Я рад, что вернулся на Землю.

Вивьен не ответила. Коскинен не мог удержаться и взглянул на часы: 6.47.

Внезапно Коскинен вздрогнул: он увидел, что от стены дома отлетала штукатурка, как будто в нее била пулеметная очередь. Кар Службы Безопасности, висевший над ними, на большой

скорости удалялся, а за ним неслась сверкающая игла. Спустя несколько мгновений кар рухнул вниз, и из-за деревьев поднялись клубы дыма.

Сверкающая игла повернула назад.

— Это армейский кар! — крикнул Коскинен. — Ты видишь эмблему?

Человек в солдатской форме бежал через кусты. Агент СБ упал на колено, прицелился и выстрелил, но солдат успел вовремя залечь. Тут же его рука взметнулась, и Коскинен увидел в воздухе гранату. Он инстинктивно прикрыл собой Вивьен, однако даже звук разрыва не дошел до них через барьер. «Все же, — подумал он, — я не дал ей увидеть смерть агента». Больше никого не было видно.

Нет, один человек пробился сквозь кусты. Маркус! С его лица исчезло все человеческое, когда, подбежав к бомбе, он начал что-то крутить в ее механизме. Коскинен замер. И вдруг, как в неом кино, он увидел, что Маркус упал навзничь. К нему подскочил вынырнувший откуда-то солдат, все еще сжимая в руках оружие, перевернул на спину, покачал головой и осмотрелся вокруг. А Коскинен не отрывал взгляда от лежащего тела, Мертвые глаза Маркуса смотрели в небо, на восходящее солнце.

Сражения Коскинен не видел. Он стоял, крепко прижимая к себе Вивьен, и не мог понять, почему она плачет. Вскоре вокруг барьера сгрудились солдаты. Коскинен не мог прочитать на их лицах ничего, кроме изумления.

Пожилой человек в сопровождении нескольких младших офицеров и гражданских вышел из дома и направился к ним. Четыре звезды горели на его погонах.

— Коскинен? — спросил он в переговорное устройство.

— Да, — сказал Коскинен, включая свое.

— Я генерал Граховис. Регулярная Армия... — он бросил презрительный взгляд на Маркуса. — Отдел специальных операций. Я здесь нахожусь по приказу президента. Нас послали только для изучения обстановки, но когда мы приземлились, они открыли огонь. Что все это означает, черт побери?

— Я все объясню! — крикнул Коскинен — Одну минуту.

Он снял со своей шеи руки Вивьен, прыгнул в бункер и отключил генератор, затем поднялся на поверхность, и утренний ветер коснулся его лица.

ГЛАВА 21

Благодаря любезности генерала Граховиса перед отъездом в Вашингтон Коскинен смог побыть с Вивьен наедине в гостиной. Когда он вошел, то увидел, что она стоит возле окна и смотрит на реку и холм на другом берегу.

— Ви,— позвал он.

Она не шелохнулась. Он подошел сзади, положил руки ей на талию и сказал в самое ухо, так что губы его щекотали волосы Вивьен, пахнувшие летом.

— Все улажено.

Она оставалась недвижима.

— Конечно,— продолжал он,— некоторое время еще будет крик по поводу того, что мы по всему свету распространили сведения о генераторе. Но большая часть правительства считает, что выбора у нас не было и мы не нарушили никаких законов. Так что остается признать это де факто и объявить нас героями. Не могу признать, что мне нравится такая перспектива, но уверен, что со временем шумиха уляжется.

— Это хорошо,— ровным голосом сказала она.

Он поцеловал Вивьен.

— А тогда...

— О, да,— проговорила она,— я уверена, что у тебя начнется чудесная жизнь.

— Что значит «у меня»? Я говорю о нас.

Коскинен почувствовал, как ее тело напряглось под его руками.

— Может, ты беспокоишься о прежних обвинениях против тебя? Но я получил от Граховиса честное слово, что ты будешь прощена.

— Очень мило с твоей стороны не забыть обо мне,— медленно, через силу, она посмотрела ему в лицо.— Однако я не удивлена. Такой уж ты человек.

— Чепуха,— фыркнул он.— Разве я могу не позаботиться о своей жене? — И тут с удивлением понял, что Вивьен не плачет лишь потому, что уже все выплакала.

— Ничего не получится у нас, Пит.

— Что ты такое говоришь?

— Я не могу связывать такого человека, как ты...

— О чем ты? Разве ты не хочешь меня? Ведь еще сегодня утром...

— Сейчас совсем другое дело. Я не думала, что мы останемся живы. Так почему было не дать друг другу то, что у нас есть. Но теперь, когда все позади... Нет, нет, я не могу... О, Пит...—

она спрятала лицо в ладонях.— Неужели ты не можешь понять? После всего, что я сделала и чем была...

— Ты думаешь, это имеет значение для меня?

— ...и что я есть. Ведь старые привычки не забываются. Да, все это имеет значение для тебя. Ты слишком молод, чтобы понять это сейчас. Но позже ты поймешь — когда пройдут годы. Ты узнаешь других людей, Ли Абрамс, например... Нет, я не могу остаться с тобой. Для твоего же блага. И для своего. Давай прощаемся.

— Что же ты будешь делать? — он был ошарашен ее словами, но в последствии понял, что только силой смог бы удержать ее.

— Я устроюсь,— сказала Вивьен.— Я умею устраиваться. Сначала я исчезну, а потом появлюсь где-нибудь. Вспомни, дорогой, как мало времени ты знал меня. Через шесть месяцев ты даже забудешь, как я выгляжу. Я знаю.

Она поцеловала его, очень быстро, как будто боялась, что не сможет справиться с собой.

— После Джанни,— ее глаза блеснули,— больше всех я любила тебя.

Прежде чем Коскинен успел шевельнуться, она вышла из комнаты. Он смотрел ей вслед. Она спустилась с крыльца и пошла к берегу, где ждали несколько военных каров. Голову она держала высоко.

ЛЮДИ ВЕТРА

ГЛАВА 1

— Ты не можешь уехать сейчас,— сказал Дэннел Холм сыну.— Мы в любой момент можем оказаться в состоянии войны. Может быть, мы уже в нем находимся.

— Именно поэтому я и хочу уехать,— ответил молодой человек.— По всей планете по этому поводу собираются тучи круачери. Где же мне сейчас быть, как не со своим часом?

Произнес он это уже на другом языке. Птичьими стали не только слова. Сам акцент изменился. Он не пользовался больше языком Авалона — англиком с примесью планха, чистые гласные, резкие «р», «м», «н» и «т», как молоточки, речь углубленная, замедленная и разделенная на предложения.

Это скорее походило на то, как если бы он пытался перевести для слушателя-человека мысли итрианского мозга.

Человек, чье изображение виднелось на экране, не возразил: «Ты мог бы остаться с семьей», как он это хотел сделать, повинаясь первому побуждению. Вместо этого Дэннел Холм спокойно сказал:

— Понимаю. Ты больше не Крис, ты — Аринниан.— Лицо его после этих слов как будто постарело.

Молодой человек был глубоко задет, но экран остановил движение его пальцев.

— Я навсегда останусь Крисом, папа,— сердито бросил он.— Но при этом я и Аринниан. И к тому же, если разразится война, нужно будет приготовить к ней часы, не так ли? Я хочу помогать, я не улечу слишком далеко.

— Конечно. Счастливого пути!

— Передай привет маме и всем остальным!

— Почему бы тебе самому с ней не поговорить?

— Ну... э... я действительно очень спешу... и потом ничего особенного ведь не происходит. Я направляюсь в горы, как обычно, и... э...

— Конечно,— сказал Дэннел Холм.— Я им передам. А ты передай мой привет своим.

Второй марчварден Лаурианской системы выключил свой фон.

Аринниан отвернулся от прибора. На мгновение он сморщился, нервно покусывая губу. Он терпеть не мог причинять огорчения людям, которые о нем заботились. Но почему они не могут понять? Их род называет это «становиться птицей», как будто процесс получения часа является некоей модой тех, кто отрицает создавшую их расу. Даже сосчитать невозможно, сколько часов он провел, пытаясь убедить своих родителей и других родичей, мыслящих столь же ортодоксально, в том, что он расширяет и очищает свою человечность.

В памяти его возникла часть диалога:

— Пойми же, папа, две расы не могут в течение поколений населять один и тот же земной шар без того, чтобы не проникнуться глубоким взаимным пониманием. Почему ты занимаешься небесной охотой? Почему Феруну подают вино за столом? Все эти символы имеют самое глубокое значение.

— Я все это прекрасно понимаю. Ты делаешь мне честь, считая меня наивным простаком, да? Суть в том, что ты совершаешь слишком большой прыжок!

— Из-за того, что я должен стать членом Врат Бури? Послушай, люди приняли час столетие назад!

— Не в нынешнем его виде. И мой сын не был одним из них. Я бы... хотел видеть тебя, придерживающимся наших традиций.

— Кто говорит, что я их не придерживаюсь?

— Для начала, ты не повинешься больше закону людей, ты повинешься часу и его обычаям... Ладно, все это прекрасно, если ты итрианин. Боже, ты же получил хромосомы. Те, кто их получил, никогда не смогут достичь полного согласия с другой расой.

— Проклятие! Я не претендую!...

Аринниан отбросил от себя это воспоминание, как будто оно было чем-то материальным. Он с благодарностью подумал о прозаических хлопотах сборов, которые его ожидали. Если он хочет достичь Итрианских Гнезд до наступления темноты, ему уже скоро отправляться. Конечно, машина покрыла бы это расстояние меньше чем за час. Но кому хочется летать в оболочке из металла и пластика?

Он был наг. Те, кто жили как он, все более и более тяготели к отказу от одежды и использованию вместо нее разрисованной кожи. Но временами одеяния бывали нужны любому. Кроме того, итрианина редко можно увидеть без пояса и сумки. В пути будет холодно, а крыльев у него нет.

Он прошел по крошечной квартирке за плащом и ботинками.

Задержавшись у письменного стола, посмотрел на лежавшие на нем бумаги: свою работу, тексты и справки, полученные из центральной библиотеки.

«Проклятие! — подумал он. — До чего же не хочется улетать сейчас, когда я почти понял, как доказать эту теорему».

Он достиг некоторых высот в математике, а мог бы достичь гораздо больших. Он часто думал о том, что тогда его разум мог бы испытывать тот итрианский экстаз, который испытывала его плоть, когда он находился в вышине. Тогда ему удалось бы пойти на компромисс, который примирил бы его с отцом. Он смог бы продолжать учебу, достиг бы своей цели и стал бы профессором математики. Чтобы получить все это, он должен был согласиться на определенную финансовую поддержку, хотя больше уже никто не надеялся, что он будет жить дома.

Остальную часть необходимой ему суммы приходилось добывать самому, и он отправился к итрианам в качестве охотника и пастуха.

Пряча улыбку, Дэннелъ Холм проворчал:

— У тебя светлая голова, сынок! Я не хочу видеть, как твой разум пропадает зря. В то же время он у тебя слишком загружен. Ты вечно сидишь за книгами, если не считать тех случаев, когда рисуешь или пишешь стихи, — и никаких физических упражнений. Кончится тем, что твое седалище выйдет за пределы стула, а ты этого и не заметишь. Думаю, что мне следует опутить немного благодарности к твоим друзьям за то, что они сделали из тебя такого атлета!

— Моим соратникам по чосу, — поправил его Аринниан. Он как раз только что получил новое имя и был полон восторга и рвения. То было четыре года назад. Сегодня он с улыбкой вспоминал себя той поры.

Сегодняшний, тридцатилетний — по авалонскому счету — Кристофер Холм был высоким, стройным, широкоплечим. Чертами лица, как и сложением, он пошел в мать: удлиненная форма головы, узкое лицо, тонкий нос и губы, голубые глаза, волосы цвета красного дерева (коротко остриженные, в стиле тех, кому приходилось совершать много полетов в гравитационном поясе). Борода его не была еще достаточно густой и не требовала к себе большого внимания, только регулярное смазывание лица кремом против роста волос. Его кожа, от природы совершенно белая, потемнела от постоянного пребывания на воздухе. Лаура, звезда типа G, имела лишь 72% яркости по сравнению с Солнцем и соответственно меньше излучала ультрафиолета. Но Авалон, чья орбита составляла 0,81 астрономической единицы при периоде обращения, равном 0,724 земного, получал на 10% больше полной иррадиации.

Прежде чем всунуть руки в лямки и застегнуть на талии пряжку, Крис внимательно проверил весь прибор.

Конусообразные цилиндры-близнецы на его спине должны были иметь полностью заряженные аккумуляторы и целиком действующие цепи. В противном случае он мог считать себя мертвецом. Ни один итрианин не смог бы удержать человека, падающего с неба.

Пару раз отдельные группы сознательно шли на риск, но то были пастухи с лассо, которые умело накидывали их на своих товарищей в случае надобности. А просто так на удачу рассчитывать не приходилось.

О, боже! Какое счастье иметь настоящие крылья!

Он надел шлем с перьями, опустил на глаза защитные очки, жалкая замена защитной оболочки. Нож он вложил в ножны и прикрепил к бедру. Никакой опасности ждать не приходилось, возможность дуэли совершенно отпадала, потому что для Круача мир был священен: и тени не осталось от частых когда-то смертельных ссор. Но люди Врат Бури большей частью были охотниками и всегда брали с собой свои инструменты. Брать с собой провизию ему было не нужно. Все что ему было необходимо, Аринниан мог получить из собственных хранилищ, в которые он тоже регулярно вкладывал свою долю, перевозя ее на грависанях.

Выйдя за порог, он оказался на уровне земли. Люди занимали достаточно много места на Авалоне, их было около десяти миллионов; итриан было четыре миллиона. И даже здесь, в Грее, где окружающее больше всего походило на настоящий город, строения были низкими и широкими.

Пара высоких строений предназначалась для президента и гостей.

Аринниан включил приборы.

Подъемная сила мягко повлекла его вверх.

Поднявшись, он задержался на минуту, осматривая окрестности.

Город раскинулся на холмах, зеленых от обилия деревьев и газонов, с яркими пятнами садов, окаймляющих залив Фалкайан. Там и тут на воде виднелись лодки: они использовались только для увеселительных целей и в основе лежал принцип гидрофолосных парусов. Несколько грузовых кораблей, длинных и изящных, стояли в доках, загружаемые и разгружаемые разнообразными роботами. Одно судно входило в порт, судя по курсу, оно шло от Вренденских островов. Еще одно стояло у выхода в Хеспернанот, в месте, где солнце касалось его своими лучами. И везде, куда ни глянь, сапфирный цвет.

Лишь на северном и южном горизонтах он переходил в пурпурный.

Лаура низко нависла с западной стороны, давая более глубокий цвет, чем в середине дня. Небо было голубым, но постепенно темнело. Высокие мазки перистых облаков обещали продолжение великолепной погоды.

Соленый бриз что-то шептал на ухо и охлаждал щеки.

Воздушное движение было скудным. Мимо пролетели несколько итриан, их крылья отливали бронзой и медью. Пара людей совершала, подобно Аринниану, полеты с поясами. Издали они походили на вампиров, обернутых грудой перьев, которых приближение вечера выманило из какой-то пещеры.

Другие люди ехали на машинах — горизонтальных каплях, казавшихся средоточием деятельной неподвижности. Пронеслись, направляясь к аэропорту, два-три лайнера. Грей никогда не был оживленным местом.

Высоко наверху, однако, разместились корабли, которых не было здесь с самого конца беспорядков: военные патрулирующие суда.

«Война против Земной империи». — Содрогнувшись, Аринниан повернул к востоку, вглубь материка.

Он уже мог различить место своего назначения: лежащие недалеко от линии побережья и центральной долины, похожие на обломанный берег вдоль океана неба, эти пики были самыми высокими в Короне, даже на всем Авалоне, если не считать Орнезии. Их называли Андромедами, но на практике Аринниан, используя название планхов, называл их Матерью погоды.

Внизу поплыли земли ранчо. Здесь, в окрестностях Грея, поселения итриан, идущие с севера, сливались с поселениями людей, идущими с юга; экология тех и других смешалась с собственно авалоновой — и местность здесь походила на шахматную доску.

Поля людей, засеянные зерновыми, урожай которых снимался в конце лета, желто-коричневыми пятнами лежали среди зеленых пастбищ, на которых итриане пасли своих маунхов и майавов. Участки, засаженные деревьями — дубом и сосной, — вторгались на почти лишенные леса территории берралайцев, где еще можно было случайно увидеть барисороида. Вид его стремительного бега отгонял все беспокойства прочь. Пусть империя нападает на суверенные владения... если только посмеет! А пока он, Аринниан, останется предназначенным ими для Айат. Конечно, чос и одиночество останутся при нем, но главное то, что он снова увидит Айат.

Не нарушая чопорность зала — столовой, — они украдкой бросили друг на друга взгляды. «Хорошо бы побродить спокойно на воздухе и стать самим собой».

Она попросила разрешения у своего отца Литрана и матери Блоусы. Хотя она и была зависима от родителей, но эта просьба была лишь данью ритуалу, а ритуал имел огромное значение.

Таким же образом Аринниан объявил представителям младшего поколения, среди которых сидел, что не чувствует склонности к тому, чтобы его сопровождали. Он и Айат вышли вместе. Это ни на миг не прервало медленное, нарушаемое лишь рассчитанными паузами течение разговора, в котором принимали участие все присутствующие. Их дружба началась уже в детстве, и все давно относились к ней как к должному.

Владение расположилось на плато Маунт Фарвью. В центре его возвышалась старая каменная башня, в которой жили старшие члены семьи и их дети. Более низкие деревянные строения, на чьих дерновых крышах цвели янтарные драконы и звездные колокольчики, предназначались для дальних родственников, вассалов и их семей.

Дальше по склону холма расположились сарай, амбары и загон.

Все это нельзя было увидеть одновременно, потому что среди строений росли итрианские деревья: плетеная кора, медное дерево, драгоценный лист, серебрищийся в лунном свете, а при дневном освещении переливающийся ложным блеском. На клумбах росли местные, наиболее выносливые из инопланетных растений, цветы: сладко пахнущая маленькая джани, ливвел, отличающийся острым запахом, грациозные тирфойлы и Чаша Будды, тихонько поющая, когда ветер качал ее стебелек. Если не считать этого слабого звука, все вокруг было тихо. И холодно, как всегда ночью на такой высоте. Дыхание казалось белым облачком.

Айат расправила крылья. Они были более стройными, чем обычно, хотя в размахе имели шесть метров. Это движение, естественно, заставило ее прибегнуть к помощи рук и хвоста.

— Б-р-р,— рассмеялась Айат.— Холодно! Поднимаемся! — Она поднялась над землей, нарушив неподвижность воздуха.

— Ты забыла! — крикнул он ей вслед.— Я снял пояс!

Она опустилась на платформу, построенную на вершине медного дерева.

Он, очевидно, должен был вскарабкаться туда. Он подумал, что она преувеличивает его возможности просто потому, что в таких вещах понимала меньше, чем он. Один ложный шаг в этой густой листве — и последствия будут самыми плачевными. Но он не мог отклонить брошенный ему вызов и уронить себя в ее глаза.

Ухватившись за ветку, Аринниан подтянулся и полез наверх.

Сверху он услышал ее шепот среди окружавшей ее листвы. Это придало игре особую остроту, но ему казалось, что она преувеличивает значение происходящего.

Что ж, она так высоко стояла по своему положению. Он даже сам себе не любил говорить об этом. («Почему?» — быстро пронеслось у него в мозгу).

Достигнув платформы, он увидел, что Айат сидит в спокойной позе, опираясь на ноги и ветви. Хвост покоился на ее правой руке, и она слегка пощелкивала по нему левой.

Моргана, почти полная, мерцала белым светом над восточной сьеррой, и перья Айат в этом свете казались сверкающими.

Силуэт луны появился на фоне млечного пути. Кроме луны, вверх сверкали созвездия — Вил, Шпаги, Цирраук,— широко раскинувшиеся корабли...

Он сел подле Айат, подогнув колени. Она издала негромкий звук, означающий, что рада его присутствию. Он вложил в свой ответ всю нежность сердца.

Над чистым изгибом клюва сверкали огромные глаза.

Внезапно она замолчала. Проследив в направлении ее взгляда, он увидел новую звезду, засветившуюся в небе.

— Спутник? — спросила она. Голос ее слегка вздрогнул.

— А что же еще? — ответил он.— Я думаю, он должен быть самым последним из выведенных на орбиту.

— Сколько же их теперь всего?

— Об этом не объявляли,— напомнил он ей. Итриане никак не могли примириться с мыслью, что есть такие вещи как государственная тайна, и о том, какое значение имеет правительство, в понимании людей. Правители Ферун и Холм гораздо больше энергии тратили на вопросы часа, нежели на действительные приготовления к обороне.— Мой отец не верит в то, что их у вас может быть много.

— Трата богатства...

— Но если придут земляне...

— Ты действительно веришь в то, что они придут?

Беспокойство, которое он услышал в ее голосе, заставило его очень нежно погладить ее по голове, потом так же деликатно провести пальцами по ее холке.

Перья были теплыми, гладкими, но в то же время бесконечно материальными.

— Не знаю,— сказал он.— Может быть, удастся решить вопросы о границах мирным путем. Будем надеяться на это.— Последние слова были характерны скорее для англика, нежели для планха. Итриане никогда не вопрошали будущее. Айат, как и всякая образованная колонистка, тоже говорила на двух языках.

Его взгляд вновь вернулся к небесам.

Солнце находится... вот там, в Маунхе, примерно в том месте, где четыре звезды образуют рог... Как же далеко! О да, 205 световых лет. Он вспомнил, что читал об этом. Кетлен и Лаура входили в созвездие, называемое Заяц. Ни одно из трех солнц невозможно было разглядеть невооруженным глазом на таком расстоянии. Они были лишь гномами типа Н, а окружали их несколько молекул, несколько химических соединений, которым

другие химические соединения дали название «Земля», «Итри», «Авалон» — и любили их.

— Заяц,— пробормотал он.— Какая ирония.

Айат вопросительно свистнула.

Он объяснил ей, прибавив:

— Заяц является — или был — животным, который всего боится. А для нас Солнце находится под знаком большого, стерегущего время животного. Но кто на кого нападает?

— Я не слишком внимательно слежу за новостями,— сказала она тихо и не очень уверенно.— Мне все это кажется каким-то туманным. Какое нам дело до чужих столкновений? Потом, все это так внезапно... Можем ли мы стать причиной волнений, Аринниан? Может ли наш народ действовать слишком стремительно, быть слишком суровым?

Ее настроение было таким необычным — не столько для итрианского темперамента в общем, сколько для ее всегдашней жизнерадостности — что удивление ударило ему в голову подобно крепкому напитку.

— Что заставляет тебя так беспокоиться? — спросил он.

Она провела губами по ухоту, как будто надеясь найти в нем утешение. Он едва услышал сказанное ею:

— Водан.

— Что? А! Ты обручена с Воданом?

Его голос задрожал. «Что меня так потрясло? — подивился он про себя.— Он прекрасный парень. И из того же самого часа. Не нужно менять закон, обычай, традиции, никакой тоски по дому...»

Аринниан обвел взглядом край Врат Бури.

Над долинами, окруженными каменными стенами, темными и благоухающими от обилия лесов, возвышались снежные горные пики. Ближе всего к ним был склон горы с водопадом, серебрившимся в свете луны. Летающий по ночам баглер прорезал тишину криком, похожим на призыв охотничьего рожка. Равнины Лонг-Бич, арктические болота, саванна Гейлана, бесчисленные острова, составляющие большую часть суши Авалона — как могла она отказаться от королевства своего часа?

«Нет, подожди, ты рассуждаешь как человек. Итрианин гораздо мобильнее. Собственная мать Айат родом из бассейна Садитариус и часто навещает эти места... Но почему я не могу думать как человек? Я и есть человек! Я нашел мудрость, правоту, счастье в некоторых итрианских путях, но ни к чему притворяться, будто я смогу быть итрианином, жениться на крылатой девушке, свить с ней орлиное гнездо».

Она говорила:

— Да нет, не так, не совсем так! Мой друг, неужели ты думаешь, что я не сообщила бы тебе о своей помолвке и не

пригласила бы тебя на свадебный пир? Но он... он тот, к кому моя любовь растет все больше и больше. Ты знаешь, я решила остаться одинокой до конца обучения.— Ее привлекала трудная, но благородная профессия музыканта.— Последнее время... в общем, во время последней поры любви я много думала о нем. Я переживала ее жарче, чем когда-либо раньше, и я все время воображала себе Водана.

Аринниан почувствовал, что лицо его залилось краской. Он посмотрел на холодно сверкающий вдалеке ледник.

Она не должна была бы говорить ему подобные вещи! Это нечестно! Незамужняя итрианка или та, которая потеряла мужа, должны были оставаться вдали от мужских особей своего рода, когда на них накатывала жаркая волна. Но она также обязана была тратить лишнюю энергию на работу, учебу, размышления или...

Айат поняла его замешательство.

Она засмеялась и накрыла его руку своей.

Он ощутил нежное пожатие тонких пальцев с острыми когтями.

— Ты явно смущен. Но в чем дело?

— Тебе бы не стоило так говорить с... твоим отцом, братом... И тебе не стоило бы испытывать таких чувств! Никогда! Мечты в одиночестве, да! Но не уподобляться проститутке, обливающейся потом на кровати в дешевом отеле. Это не для тебя, Айат!

— Конечно, было бы нечестно говорить так во Вратах Бури. Я часто думаю, не следует ли мне выйти замуж так, чтобы попасть в менее строгий чос. Водан, впрочем... Во всяком случае, Аринниан, дорогой, тебе я могу сказать все. Ведь правда?

— Да! В конце концов, я не настоящий итрианин...

— Недавно мы говорили с ним,— сказала она.— О свадьбе, я имею в виду. Не стоит отрицать того, что дети должны были бы быть ужасной помехой в таких условиях. Но мы хорошо летаем вместе. И наши родители давно подталкивали нас друг к другу: союз между нашими домами был бы очень удачным! Мы говорили о том, что, может быть, нам стоило бы первые несколько лет остаться хриккел...

— Это не слишком хорошее решение, не так ли? — сказал он, когда она замолчала, хотя голос ее молоточками бился у него в ушах.— Конечно, постоянные телесные связи могут и не быть тем звеном, что укрепляет союзы итриан, но это не значит, что они не важны. Ведь расставаясь друг с другом на каждый любовный период, вы тем самым отрицали бы друг друга, верно?

— Почему бы не прибегнуть к помощи противозачаточных средств?

— Нет!

Он знал, почему ее раса чаще всего с презрением отбрасывает такую возможность. Дети — родительский инстинкт был силен и у самца, и у самки — были именно тем, что привязывало их друг к другу. Если вокруг тебя смыкаются маленькие крылья и маленькая головка тычется в твой клюв, ты забываешь о неизбежных трудностях и разочарованиях брака и чувствуешь себя так, как будто брак твой молод и счастлив.

— Мы могли бы отложить все до тех пор, пока я не закончу обучение, а он не наладит свое дело,— сказал Айат.

Аринниан вспомнил: Водан, среди молодежи Врат Бури, Термисалами и Тарнами, основал лесную инженерную фирму. «Но если война неизбежна... он в морском запасе...»

Свободной рукой она машинально обняла его плечи. Опершись на локоть, он просунул руку под крылья и обнял ее напряженное тело, нашепывая ей, сестре своих детских лет, все слова утешения, которые только мог придумать.

Утром их настроение улучшилось. Мрачность была не в натуре итриан, а люди-птицы старались обучиться этому. Сегодня — кроме тех немногих, кого призывали неотложные дела — весь клан Литрана должен был лететь в горы, где встречался местный крауч.

По пути к ним должны были присоединяться другие семьи Врат Бури. А по прибытии на место они должны были обнаружить другие чосы. Каким бы ни был пустяковым повод к сбору — краски, восторги, частные дела, личные удовольствия, — все должны были присутствовать на этом общем собрании.

И заря была ясной, и ветер был попутным.

Призывное пение трубы! Литран сорвался с вершины башни. Люди расправили крылья, так что связки под ними напряглись, а ткань их сделалась красной от притока крови. Крылья резко пошли вниз, потом снова вверх. Итриане оторвались от земли, с шумом взлетели в воздух, подхваченные потоком ветра, образовали единый строй. Потом они плавно понеслись в восточном направлении над скалами.

Аринниан летел следом за Айат. Улыбнувшись ему, она запела. У нее был изумительный голос — его почти с полным правом можно было назвать сопрано, — заставляющий веселее петь волынки и гитары Планха.

То, что она пела сейчас, было традиционным гимном, но он предназначался для Аринниана, потому что она исполняла его на англике, хотя он всегда чувствовал, что эти языковые трюки несколько умаляли восторг восприятия.

Свет еще невзошедшего солнца
Дарит улыбкой царящего.
Крылья его собою умоет,
Ночь отгоняя спящую.

Голубизна, этот колокол неба,
Мир заливает волною.
Леса и луга новый день встречают
Торжественной тишиною.

Скользя сквозь буйство летящего ветра,
Кружа, как листок, плавно,
Срежь косо пласти воздушных потоков.
Утром охотиться славно!

Замри на мгновение — и быстро к цели
Единым стремительным махом.
То, что тебя наполняет весельем,
Наполнит врага страхом!

Послеполуденный жар и истома.
Тень отдохнуть манит.
Призрачный мир сновидений и грез
Внезапно реальным станет!

Вдруг этот звук, возвышающий голос,
Чертит в тебе зигзаги!
И вот уже листья наполнил смехом,
Потом живительной влагой.

Будто в каком-то священном танце
Плотные струи гнутся.
Тучи, друг друга громом встречая,
Мрачно, зловеще смеются.

Но все теснит и теснит их ветер,
Ветер вечный, нетленный.
И вот глазам открывается небо,
Высоко оно и священо!

ГЛАВА 2

Период обращения Авалона равнялся одиннадцати часам двадцати двум минутам и двенадцати секундам вокруг оси, смещенной на двадцать один градус по сравнению с нормальной орбитой. На уровне Греза, находящегося примерно на тридцати четырех градусах северной широты, ночи всегда были короткими, а летом — темными, и сутки пролетали как мгновения.

Дэннел Холм подумал о том, не в этом ли причина его усталости.

Возможно, что нет. Он здесь родился. Прежде здесь жили столетиями; его предки прибыли с Фалканша. Если индивидуумы были способны к изменению своих циркадиальных ритмов — как это часто приходилось ему делать в дни космических путешествий, — то и раса, конечно, могла.

Врачи утверждали, что посадка в гравитационном поле, составляющим только 80% земного, требует от организма куда более сложных изменений. В таких условиях следует изменение всего баланса жидкости и приспособление процесса кинестозии.

Кроме того, те изменения, которые требовались человеку, казались самым обычным делом в сравнении с изменениями, производимыми его собратом-колонистом. Итрианам пришлось изменить весь цикл воспроизведения, приспособив его к иному дню, весу, климату, питанию, миру. Неудивительно, что их первые несколько поколений не отличались высокой рождаемостью. И все равно они важничали, а закончилось тем, что раса их начала поистине процветать.

Было тем более абсурдным предположить, что человек может устать от чего-то отличного от тяжелой работы, ну, и, конечно, возраст, несмотря на все антистарители. Может быть, так оно и есть? Неужели? Когда стареешь, когда чувствуешь приближение смерти, можно ли возвращаться мыслями к ранним годам, годам начала, не думать о доме, которого ты никогда не видел, но каким-то чудом помнишь?

«Хватит, прочь подобные мысли! Кто сказал, что восемьдесят четыре — старость?» — Холм достал из кармана сигарету и откусил кончик.

Затяжка, получилась слишком долгой.

Он был среднего роста и казался коренастым в оливкового цвета тунике и мешковатых брюках, какие носили все люди — члены итрианских вооруженных сил. Монголоидная ветвь его предков проявила себя в нем, наделив Холма круглой головой, широким лицом, высокими скулами, припухлостью у губ и тупым носом. Кавказская — в серых глазах, коже, остававшейся

бледной, несмотря на то что он много времени проводил на охоте и в саду, и волосах, поседевших на голове, но остававшихся черными на груди.

Подобно большинству людей планеты, он не отпускал бороды.

Он углубился в разложенные перед ним последние отчеты его помощников, когда интерком загудел и голос сказал:

— Первый Марчварден Ферун хочет обсудить положение дел!

— Конечно! — Начальник Холма только что вернулся с Итри. Холм протянул было руку к экрану, но отдернул ее, проговорив: — Почему бы не лично? Я сейчас буду.

Он вышел из кабинета.

Коридор был полон звуками и мельканием фигур — флотский персонал, гражданские служащие из лоранского адмиралтейства, — но кондиционеры работали изо всех сил, так что запахи представителей обеих рас были едва различимы, кисловатый — человеческий, чуть отдающий дымом — итрианский.

Последних было больше, в связи с изменением состава населения Авалона. Но здесь собрались представители со всего доминиона, особенно из материнской его части, чтобы помочь этой границе подготовиться к кризису.

Холм заставил себя усердно отвечать на приветствия. Его вежливость превратилась в твердую валюту, ценность которой была ему известна. «Вначале это было подлинным!» — подумал он.

Караульный отдал ему честь и пропустил в апартаменты Феруна (Холм не выносил отнимающих время церемоний в своем отделе, но допускал их важность в итрианском).

Внутреннее помещение было самым типичным: просторная немногочисленная мебель, несколько строгих украшений, скамья, письменный стол и техника снабжены орнитологическими приспособлениями. Стена не была прозрачной, но огромное окно было вделано в нее таким образом, что из него открывался прекрасный вид на Грей и сверкающие вдалеке воды залива. Ветерок был насыщен ароматом садов.

Ферун добавил к имеющимся в кабинете вещам несколько инопланетных сувениров, книжные полки, заставленные фолис — копиями образцов земной классики, которую он читал для развлечения в оригинале на трех языках.

Он был маленьким, с темными перьями, и что-то в нем было от лика на иконе.

Его чос, Миствуд, всегда был одним из самых прогрессивных на Авалоне. По части механизации он не уступал человеческим общинам, результатом чего являлись его величина и успешное развитие.

У Феруна не оставалось особого времени на поддержку традиций, религии — всего, что было связано с консерватизмом.

Все формальности он сократил до минимума, но не смог отказаться от них совсем, хотя никогда не говорил, что они ему нравятся.

Сорвавшись со своего насеста, он стремительно подбежал к вошедшему и по земному обычаю пожал ему руку.

— К-р-р, рад тебя видеть, старый разбойник! — Он говорил на планхе: итрианское горло приспособливается к англику хуже, чем человеческое (хотя, конечно, ни один человек никогда не сможет произносить звуки совершенно правильно).

— Как поживаешь? — спросил Холм.

Ферун сморщился. Однако это слово не совсем точно. Расположение его перьев было не только более сложным, чем у земных птиц, — они еще и плотнее прилегали к мускулам и нервным окончаниям, движение их давало начало целому созвездию выражений, недоступных человеку. Раздражение, беспокойство, обескураженность — все это, во взаимосвязи друг с другом, выразило его тело.

— Ну! — Холм подошел к сконструированному специально для него стулу и сел. Во рту ощущался привкус табака. — Рассказывай!

Ногти-когти зацокали по прекрасному полу. Ферун рассказывал по комнате.

— Я продиктую полный отчет, — сказал он. — Вкратце: дела обстоят хуже, чем я того боялся! Да, они пытаются установить единое командование и вбить в голову каждого капитана мысль о необходимости полного подчинения. Но они не имеют ни малейшего понятия о том, как за это взяться!

— Бог тому свидетель, — воскликнул Холм, — что мы пытались поладить с ними эти последние пять лет! Я думал... дерьмо, в этом так называемом флоте коммуникация находится на таком низком уровне, что мне приходится опираться только на впечатления, и, думаю, мое было неверным. Ты же знаешь, я считал, будто реорганизация находится на полпути к завершению.

— Так оно и было, но все пошло прахом! Непомерная гордость, ссоры из-за пустяков — вот в чем беда! Мы, итриане — по крайней мере, наша доминирующая культура, — не слишком подготовлены для полной централизации. — Ферун помолчал. — Действительно, — продолжал он, — самым сильным аргументом против реорганизации нашей отдаленной, с плохо связанными между собой частями планеты, является то, что Земля располагает гораздо большими силами, но должна держать под контролем куда большие пространства, чем доминион. И если они нападут на нас, те коммуникации превратились бы для нас в ахиллесову пятю.

— Ха! А этим сумасшедшим на Итри не приходило в голову, что Империя не так глупа? Если Земля нападет, то это будет

не войной, начатой Землей, а лишь горячим сектором, находящимся вблизи от наших границ.

— Мы обнаружили лишь очень слабые признаки сосредоточения сил в ближайших системах.

— Конечно, нет! — Холм ударил кулаком по ручке кресла. — Неужели они бы так просто обнаружили свои приготовления? — Вы бы обнаружили? Они будут собираться в космосе, в нескольких парсеках от любой звезды. Между местом сбора флота и любой планетой, до которой могут добраться наши разведчики, движение должно быть минимальным. В нескольких световых годах от нас они могут тайно собрать достаточную силу, чтобы свободно нанести нам удар с воздуха.

— Ты говорил мне это уже много раз, — сухо сказал Ферун. — Я это обдумал. Вычисляя возможные варианты. — Он перестал шагать. Некоторое время в комнате царило молчание. Желтый свет Лауры бросил на пол тень в форме листа.

— В конце концов, — сказал Ферун, — наши методы ведь спасли нас в период волнений.

— Нельзя сравнивать войну князьков, пиратов, жалких забияк, варваров, никогда не выходящих за пределы стратосферы, если только у них нет автоматических кораблей. Нельзя сравнивать все это жаждущее крови ничтожество с Имперской Землей.

— Я знаю, — ответил Ферун. — Суть в том, что итрианские методы хорошо служили нам, потому что они согласуются с итрианской натурой. Во время моей последней поездки я начал сомневаться, не станет ли наша попытка превратиться в бледную тень соперника пустой потерей времени. Попытка делается, пойми — получишь столько деталей, что успеют набить тебе оскомину, — но не случится ли так, что все, что она нам даст, это отсрочка. Я решил, что раз уж Авалон должен затратить все усилия на достижение кооперации, он может, в то же время, рассчитывать на помощь извне.

И наступила тишина.

Холм посмотрел на своего начальника, старинного, испытанного годами друга, и не в первый уже раз подумал, до чего же они разные.

Он поймал себя на том, что смотрит на Феруна так, как будто встретился с итрианином первый раз в жизни.

В стоячем положении марчварден имел около 120 сантиметров роста, если считать от ступней до грудной клетки. Высокая особь имела рост приблизительно 140 сантиметров, доходя Холму до середины груди. Поскольку тело несколько выдавалось вперед, истинное расстояние между клювом и хвостом было несколько

больше. Весил он килограммов двадцать. Максимальный вес подобной особи не достигал и тридцати килограммов.

Голова его казалась лепкой скульптора. Поскольку лоб был довольно низким, верхняя и затылочная части были несколько увеличены, чтобы вместить объемистый мозг. Вниз от лобной отходил гористый выступ, почти скрытый перьями. Под ним виднелся подвижный рот, полный острых белых клыков, с алым языком.

Небольшой подбородок переходил в сильную шею. Особое внимание привлекали к себе глаза, большие, цвета меда, и густой хохолок перьев, растущих на лбу, облегающий голову до шеи. Частично он предназначался для аэродинамических целей, частично использовался как шлем на тонком черепе.

Выдающееся вперед туловище имело две руки. Ни по размеру, ни по форме они не походили на руки небольшого человека. Они были лишены перьевого покрова, кожа их была или темно-желтой, как у Феруна, или коричневой, или черной, как у остальных итриан. Но непохожими на человеческие их делали не руки целиком, а ладони. Каждая ладонь имела по два пальца по краям и еще по три между ними, каждый палец имел на один сустав больше, чем эквивалентный ему палец землянина, и ноготь, который точнее было бы назвать когтем, а на внутренней поверхности кистей росли небольшие дополнительные когти. Ладони казались слишком большими для этих рук, а мускулы на них играли и вились. То были настоящие хватательные инструменты, помощники зубов. Тело оканчивалось удивительной формы хвостом из перьев, достаточно твердым, чтобы в случае необходимости поддерживать тело.

Но сейчас огромные крылья были сложены и опущены вниз, исполняя роль ног. В средней части каждого выступало вогнутое «колесо». В период борьбы эти кости могли смыкаться вместе. В воздухе они охватывали крылья кольцами, укрепляя их и прибавляя им чувствительности. Три остальных пальца, оставшиеся этим особям в наследство от предков — орнитоперов, были спаяны воедино, образовав выступающую сзади более чем на метр кость. Первая ее половина была сверху покрыта перьями, ее кожа была белой и загрубевшей. Кость эта тоже являла собой хорошую опору при отдыхе.

Поскольку Ферун был особью мужского пола, его гребень выступал выше, чем у женских особей, а хвост был белый с серыми полосками. У женских же особей он бывал черным и блестящим.

— Кр-р-р!

Этот горловой звук вернул Холма к действительности.

— Что ты так смотришь?

— О, прости! — Для уроженца этой расы подобное поведение было более грубым, чем для человека. — Мои мысли блуждали далеко.

— Где же? — спросил Ферун своим обычным голосом.

— М-м-м... да ничего особенного. Я начинаю думать о том, что мой род действительно не играет большой роли для Доминиона. Может быть, нам следует найти нечто более связанное с итрианским стилем и постараться сделать из этого все что можно.

Ферун издал вибрирующий звук и шевельнул несколькими перьями. Это сочетание не имело точного эквивалента на английском, но приблизительно могло быть переведено так: «Вам подобные не являются единственными неитрианами, находящимися под нашей гегемонией. Но только вы обладаете современной технологией». Планх не был таким уж лаконичным, каким представляют его звуковые выражения.

— Н-нет! — пробормотал Холм. — Но мы... в Империи мы — лидеры! Конечно, Великая Земля включает несколько миров и колоний негуманоидов, и множество индивидуумов из различных мест получили земное гражданство, все это так. Но большинство ключевых постов занято именно людьми, а не представителями какой-либо иной расы. — Он вздохнул и посмотрел на кончик своей сигареты. — Здесь, в Доминионе, что представляет собой человек? Горсточка на уединенном шарике! О, мы трудимся, мы хорошо себя проявляем, но факт остается фактом: мы не являемся таким уж значительным меньшинством в великом созвездии меньшинств.

— Ты об этом сожалеешь? — мягко спросил Ферун.

— Я? Нет-нет! Этим я только хотел сказать, что Доминион располагает слишком ничтожным количеством людей, чтобы можно было все объяснить и организовать флот по земному типу. Мы приспособились к вам лучше, чем вы — к нам. И это неизбежный процесс!

— Я вижу тоску в твоем голосе и вижу ее в твоих глазах, — сказал Ферун, и голос его прозвучал мягче, чем он этого хотел. — Ты снова думаешь о своем сыне, ушедшем в птицы, не так ли? Ты боишься, что его младшие сестры и братья захотят последовать его примеру.

Прежде чем ответить, Холм собрался с силами:

— Ты знаешь, что я уважаю ваш образ жизни. Всегда уважал и всегда буду уважать. И я никогда не забуду, что Итри принимала моих людей, когда Земля оказалась для них потерянной. Но и... мы тоже заслуживаем уважения. Разве не так?

Ферун подался вперед и положил руку на плечо Холма. Необходимость для человека выразить свою скорбь была ему понятной.

— Когда он — Крис — впервые стал бегать и летать с итрианами, что ж, я был рад.— Человек вздохнул. Он, не отрываясь, смотрел в окно. Время от времени он касался пальцами сигареты, но жест этот был машинальный, неосознанный.— Он всегда был слишком большим книжником, слишком одиноким. Поэтому его друзья из Врат Бури, его визиты туда... Позже, когда он, Айат и их компания сновали по всяким странным уголкам планеты — что ж, казалось, что и я делал нечто в этом роде, когда был в его возрасте. Различие было лишь в том, что я не нуждался в защите сзади, когда ситуация становилась напряженной. Я думал, что он тоже может закончить флотом...— Холм покачал головой.— Я не понимал толком, что с ним происходит, а когда понял, было уже слишком поздно. Когда я прозрел, мы сильно поспорили, он убежал и прятался на островах Щита целый год. Айат помогала ему... Ведь мне не стоит продолжать, не так ли?

Жест Феруна был отрицательным.

После того, как Дэннелъ Холм, разгневанный, примчался в дом Литрана, осыпал их оскорблениями, именно Первому марчвардену пришлось вмешаться, успокоить обе группы и превратить дуэль в мирные переговоры.

— Нет, мне сегодня ничего не следовало говорить,— продолжал Холм.— Просто... Ровена плакала этой ночью. Потому что он ушел и не попрощался с нею. А главное, она беспокоится о том, что с ним может случиться, потому что он присоединился чосу. Например, сможет ли он вступить в нормальный брак? Обычные девушки больше не отвечают его вкусу, а девушки-птицы... И, конечно, наши малыши. Интересы Томми полностью вращаются вокруг итрианских сюжетов. Школьный наставник приходил к нам сам, чтобы сказать, что Крис отказывается учить урок, подчиняться требованиям, ходить на консультации. А Джинни нашла себе итрианскую подружку...

— Насколько мне известно,— сказал Ферун,— люди, вошедшие в чос, как правило, ведут вполне удовлетворительную жизнь. Конечно, возникают различные проблемы. Но разве жизнь не ставит их перед нами всегда? Кроме того, число трудностей будет уменьшаться по мере того, как число подобных людей будет расти.

— Послушай,— Холм с трудом подбирая слова.— Я не имею ничего против твоего народа. Да будь я проклят, если вообще когда-нибудь имел! Никогда я не сказал и не скажу, что в том, что сделал Крис, было что-то позорное, как я бы не сказал и не подумал этого, примкни он к какому-нибудь священному ордену целебата. Но это все равно не понравилось бы мне. Для человека это неестественно. И я изучил все, что смог достать о

людях-птицах! Конечно, большая их часть провозглашала, что они счастливы. Возможно, что большинство и верило в это. Но я не могу не думать, что они никогда не узнали о том, что они потеряли!

— Пешеходы,— сказал Ферун. На планке этого было достаточно. На англиче ему пришлось бы произнести целую фразу, нечто вроде: «Мы тоже теряем какую-то долю за счет тех, кто оставляет часы, чтобы стать индивидуумами по образу человека атомного века и жить в человеческих общинах».

— Влияние,— прибавил он, что можно было перевести: «В течение столетий Авалона немало было таких, кто формировался под влиянием вашего примера, в том числе и целые часы. Я полагаю, что это и есть главная причина того, что некоторые другие группы стали наоборот более реакционными, чем раньше».

Холм возразил:

— Разве основная идея не состояла в том, что обе расы этой колонии должны были сближаться друг с другом, чтобы стать тем, чем они стали?

— Так было записано в Договоре, и эти слова остаются там и сейчас,— Ферун выразил эту мысль двумя слогами и тремя выражениями.— Никто против этого и не возражает. Но как может совместное житье не повлечь за собой изменений?

— Да. Из-за того что Итри, в основном, и Инствуд, в особенности, сделали успехи в приспособлении к земной технологии, ты веришь в то, что для развития подобного процесса нужен лишь здравый смысл. Но все это не так просто!

— Я ничего такого не утверждал,— сказал Ферун.— Я только хочу сказать, что мы не должны тратить время попусту.

— Да, прости, если я... Я совсем не желал пускаться в разговоры, ведь мы и раньше говорили много между собой. Но дома сейчас беспокойно.— Человек поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел вдаль сквозь струйку дыма.

— Давай-ка вернемся к делу,— сказал он.— Я бы хотел задать несколько вопросов, касающихся различных аспектов готовности доминиона. А тебе не мешает послушать мой рассказ о том, что здесь творилось, пока тебя не было... и посмотреть под углом этого рассказа на положение дел во всей Лаурианской системе. В чем тоже мало радостного.

ГЛАВА 3

Машина установила место своего назначения и устремилась вниз. Первоначально ее высота была такова, что сидящий в ней ездок успел различить дюжины точек, пляшущих на сверкающей поверхности воды. Но когда они оказались ближе, все это скрылось за горизонтом. Теперь ему был виден лишь неровный конус Сент-Ли.

Имея в диаметре 11308 километров, Авалон обладал пропорционально меньшим, чем у Земли, расплавленным ядром; масса в 0.6345 не могла сохранить много тепла. Не хватало сил, чтобы удерживать землю в выгнутом состоянии. В то же время процесс эрозии значительно убыстрался. Атмосферное давление на уровне моря равнялось, примерно, земному — а падало медленнее из-за гравитации, так что быстрое вращение создавало условия для неблагоприятной погоды. Благодаря всему этому поверхность земли была в основном ровной, самый высокий пик Андромеда поднимался не более чем на 4550 метров. Соответственно уменьшались массивы материков. Корона защищала едва ли восемь миллионов квадратных километров, то есть примерно территорию Австралии. В противоположном полушарии акватории Новая Африка и Новая Гейлана напоминали скорее большие острова, чем маленькие континенты. А кроме них существовало еще много мелких островков.

И все же один гигант здесь был!

В 2000 километрах западнее Грея начиналась гряда, чьи пики, прорезающие воздух, были известны под названием Орнезии. Она уходила к югу, перерезала тропическую зону и заканчивалась неподалеку от Атлантического кольца. Таким образом формировалась природная гидрологическая граница. Западная ее часть отделяла Средний океан за экватором.

Роль ее в экологических процессах была неизмеримо высока. Более того, после колонизации она стала социологическим феноменом: любое склонное к эксцентризму существо — человек ли, итрианин ли — могло уйти туда, расположиться на одном из островов и вести здесь свое собственное, независимое существование.

Часы основных территорий отличались как размерами, так и организацией и традициями. Хотя они могли являться приблизительно аналогами кланов, племен, графств, религиозных общин, республик или чего-то еще, у всех у них была общая черта: их численность не опускалась ниже тысячи членов.

В Орнезии же были простые домашние кланы, носившие определенное имя.

Когда в таких семьях вырастали дети, то они могли найти себе новые независимые общества.

Естественно, подобные крайности являлись исключением. В основном кланы Высокого Неба были многочисленными и контролировали территории рыбной ловли у 30 градусов северной широты, занимая значительную часть архипелага. И внутренние они были безгранично убеждены в том, что слова «Высокое Небо» применимы к итрианам в прямом своем значении.

Воздушная машина опустилась на берег на специально огороженное место.

Шагнувшая к ней женщина была высокой, с рыжими волосами. Она была одета в сандалии, килт и имела при себе оружие.

Табита Фалкайн видела, как опускалась машина, и теперь пошла навстречу прибывшему.

— Привет, Кристофер Холм, — сказала она на английском.

— Я прилетел как Аринниан, — ответил он на планхе. — Приятно очутиться рядом с тобой, Хилл!

Она улыбнулась:

— Извини, я не подготовилась к такой возможности. — Потом уже другим тоном она проговорила: — Ты дал мне знать, что хочешь увидеться со мной по общественным делам. Это, должно быть, имеет отношение к пограничному кризису. Я полагаю, твой круач решил, что Западная Корона и Северная Орнезия должны объединиться в защите Гесцерианского моря.

Он робко кивнул и отвел глаза.

Впереди, насколько хватало глаз, солнце сверкало на выгибающейся к небу линии берега. Группа итрианских шуатов пролетела под контролем пастуха и его ухотов. Вокруг скопления рифов сновали местные птероплеуруны.

Море катило свои волны цвета индиго, завывающиеся наверху прозрачно-зелеными барашками, а пена, выбрасываемая ими на берег, была уже почти белой. Такая же пена вилась вокруг траулеров.

Верхние склоны еще носили на себе следы светло-изумрудного ковра сузина. Цепкие его корни давали возможность выживать лишь немногим из других растений. Но более низкие склоны были возделаны.

Здесь краснел итрианский властергрейн, защищавший землю и шедший на корм шуатам, в то время как плоды кокосовых пальм, манго, цитрусовых предназначались для людей Высокого Неба.

Дул ветер, теплый, но свежий, насыщенный запахами соли и воды.

— Я думала, было решено, что конференция «Птица с птицей» была бы полезна, — продолжала Табита. — Горным достаточно трудно понять морских, и наоборот. Но без помощи друг друга тяжело. Орнитоиды будут встречаться подобным образом, а? — Она подумала. — Тебе, конечно, следовало прилететь с делегацией. На твоей территории не много тебе подобных. Зачем было прилетать в одиночестве? Но из этого вовсе не следует, что ты не будешь радушно принят. И все же телефонный вызов...

— Мы... наш разговор мог бы затянуться, — сказал он. — Он мог бы длиться дни. — То, что ему было оказано гостеприимство, он принял как само собой разумеющееся: гость для всех часов был делом священным.

— Но почему именно я? Я только местная власть.

— Ты — потомок Дэвида Фалкайна.

— Это немного значит.

— Там, где живу я, много. Кроме того... В общем, нам приходилось встречаться и раньше, на больших круаках, в домах... и... мы немного знаем друг друга. Если бы мне пришлось иметь дело с совершенно незнакомым, я бы просто не знал, с чего начинать. Если не останется ничего другого, то ты... ты сможешь мне посоветовать, к кому обратиться за консультацией, и представишь меня. Ведь так?

— Конечно! — Табита взяла обе его руки в свои. — А вообще, я рада тебя видеть, Крис!

Его сердце ушаченно забилося. Он едва удержался от протяжного вздоха. «Почему я так робею в ее присутствии? Видит Бог, она привлекательна. Старше меня на несколько лет, высокая, сильная, с полной грудью и длинными ногами, отнюдь не скрываемыми короткой туникой. Нос слегка вздернут, большой рот, широко расставленные зеленые глаза под широкими бровями. Она никогда не открывала белый шрам на правой скуле. Волосы, подстриженные ниже ушей, были светлыми, как лен. Ветер развевал их, как знамя, над коричневой, слегка обветренной кожей».

Он подумал: «Смотрит ли она на сближение также легко, как девушки-птицы Короны? Или же все еще остается девственницей? Такое казалось маловероятным! Как человек, постоянно находящийся в любовном периоде низшего порядка, мог состязаться в чистоте с Айат?»

Он молчал.

«Но Высокое Небо — это не Врата Бури и не Горное Озеро... Впрочем, здесь, где живет Табита, у нее много соратников, подобных ей по рождению... Она часто путешествует и бывает в разных местах...» — он отогнал от себя эти мысли.

— Этей, да ты покраснел, — рассмеялась она. — Я тебя чем-нибудь смутила? — она отпустила его руку. — Если так, то

прошу меня извинить. Но ты всегда слишком серьезно относишься к подобным вещам; поверь, общественный ритуал, необходимый набор фраз — дело не смертельное!

«Ей, конечно, легко,— подумал он.— Ее предки были приняты в этот час. Ее родители и их дети выросли в нем. Четверть его членов должна быть сейчас людьми. И они обладают влиянием — вспомнить только общество по торговле рыбой, которому дали начало она и Драун...»

— Боюсь, для веселья у нас нет времени,— сказала она.— Впереди тяжелые времена.

— Вот как?

— Империя собирается выступить против нас. Идем в дом.— Табита взяла его за руку и повела к участку.

Местные строения с тростниковыми крышами были ниже, чем большинство итрианских домов, и крепче, чем казались с виду, ибо их пуританство служило защитой от авалонских ураганов.

— О,— сказала она,— империя основательно выросла со времен Мануэля Первого. Но я читала историю. Как территория попала под контроль? Часть — путем обычного партнерства: цивилизованные негуманоиды, подобно синтианам, находили в этом преимущество для себя. Некоторые делали это ради торговли или обмена. У некоторых цели были завоевательными, это так, но всегда — примитивные, во всяком случае, так было с большинством из тех, чья сила в космосе смехотворно меньше, чем сила Великой Земли. Ветерок против бури!

— А мы? Мой отец говорит...

— Да. Сфера Земли достигает четырехсот световых лет в поперечнике, наша — около восьмидесяти. Из всех систем одна Империя обладает прямыми контактами с несколькими тысячами планет, наши же насчитывают не более двухсот шестидесяти. Но не считаешь ли ты, Крис, что мы знаем наши планеты лучше? Мы более компетентны. В целом наши ресурсы меньше, но наша технология хороша во всех ее проявлениях. И потом, мы лишь оговариваем свое право на границах. Если речь идет о расширении государства, они могут найти солнца и гораздо ближе к дому, которые никогда не посещали. Эти территории будут легче взять, чем гордый, хорошо вооруженный доминион.

— Мой отец говорит, что мы слабы и не готовы.

— Ты думаешь, мы проиграли бы войну?

Крис не ответил.

Стало так тихо, что им было слышно, как скрипит песок у них под ногами.

Наконец он сказал:

— Я думаю, никто не вступает в войну с мыслями о поражении.

— Я не верю в то, что на нас нападут,— сказала она.— Я более высокого мнения о здравом смысле Империи.

— Все равно, нам лучше принять меры предосторожности. Одной из них является домашняя защита.

— Да. Но будет нелегко организовать ее среди сотен и более часов.

— Может быть, в этом сможем помочь и мы, птицы,— заметил он,— Особенно давно обосновавшиеся, как твоя семья.

— Я сочту за честь помочь,— сказала она ему.— И, собственно говоря, я не считаю, что сотрудничество часов будет чересчур уж плохим,— Она гордо вздернула подбородок,— когда речь идет о том, чтобы показать Империи, кто летает выше!

Айат и Водан летели вместе. Они были красивой парой: у обоих золотистые глаза и волосы, но он — желтовато-коричневый, а она — темно-бронзовая.

Под ними простирались земли Врат Бури: поросшие темным лесом долины, утесы и ущелья, пики, которые сверкали снежной белизной, голубизной водопадов, чьи воды походили на лезвие ножа, серебром ледников.

Ветер тянул свою песню и уносил прочь облака, позолоченные Лаурой, а воздух был свежим и острым.

Неслышными тенями неслись они по миру. Итриане пьянеют от свежего воздуха. Он наполняет их уверенностью и силой. Он заставляет расправлять их крылья до отказа, так, что ощущается напряжение мышц.

Он сказал:

— Если бы я принадлежал к роду Аринниана, я бы непременно обвенчался с тобой теперь же, до того, как взойду на корабль. Но ты месяцами не будешь в любовном периоде, а к тому времени меня, может быть, не будет в живых. Я не хочу приносить тебе горе.

— Ты думаешь, я буду меньше скорбеть, если не стану носить титул «вдовы»? — ответила она.— Я хотела бы иметь право на то, чтобы возглавлять твой памятный танец. Ибо именно я знаю, какую часть этих небес ты любишь больше всего!

— И все же могут возникнуть всякие нежелательные вопросы: обязательства по отношению к моему роду и тому подобное. Нет! Станет ли наша дружба менее крепкой от того, что какое-то время ты не будешь считаться моей женой?

— Дружба...— пробормотала она. Потом с жаром проговорила: — Той ночью я мечтала о том, чтобы мы были людьми.

— Как? Вечно внизу?

— Вечно связанные узами любви!

— Кх-Хьянг! Я питаю глубокое уважение к Аринниану, но иногда я сомневаюсь: не слишком ли много времени он проводит с тобой с самого детства. Если бы Литран не взял тебя с собой, когда у него было дело в Грее... — Увидев, как поднялся ее хохолок, Водан не договорил фразу и закончил уже другим тоном: — Да, он твой преданный друг. Это делает его и моим другом. Я лишь хочу предупредить тебя... не пытайся быть человеком...

— Нет, нет! — Айат почувствовала, что теряет высоту. Помогая себе, она взмахнула крыльями и рванулась к сверкающему за деревьями пику, так что свежий ветер заиграл и загудел вокруг нее.

Она мчалась вперед, чувствуя, как напрягается и наливается силой каждый ее мускул, наполняя тело невыразимой радостью, а небеса раскрывают ей свои объятия.

Она радостно рассмеялась.

Водан нагнал ее.

— Разве я бы смогла отказаться от этого? — весело воскликнула она. — Или ты?

Экрэм Саракоглу, имперский губернатор сектора Пакис, уже некоторое время намекал на то, что хотел бы встретиться с дочерью адмирала флота Хуана де Иесуса Кайал и Поломарес.

Она прибыла из Нью-Мексико для того, чтобы стать официальной хозяйкой и домоправительницей своего овдовевшего отца после того, как он уехал из штаб-квартиры на Эсперансу и снял дом во Флервиле.

Назначенная дата была отклонена.

Дело было не в том, что адмирал не любил губернатора — они хорошо ладили между собой — или не одобрял его намерений, несмотря на его чрезвычайную гордость и страсти к женскому полу.

Сама Луиза принадлежала к числу тех людей, которые в случае крайней необходимости пустят в ход все, чтобы защитить свою гордость и честь. Дело было просто в том, что оба мужчины были совершенно завалены работой.

Наконец их помощники оказались настолько хорошо подготовленными, что могли, казалось, справиться с делами сами, вот тогда Кайал и пригласил Саракоглу к обеду.

Однако в последнюю минуту возникло еще одно препятствие. Адмирал позвонил домой, сказав, что вынужден задержаться в офисе на пару часов.

Губернатор уже находился в пути.

— Ваше общество давно не может идти ни в какое сравнение даже с самым чудесным обедом, — вкрадчиво проговорил Саро-

коглу, целуя Луизе руку.— Уверяю вас, что это не имеет никакого значения.

Миниатюрная, она обладала прелестной фигурой и хорошеньким смуглым личиком. А вскоре он узнал, что, несмотря на всю свою гордость, она умела слушать мужчину и — качество еще более редкое — задавать ему поощряющие вопросы.

К этому времени они бродили по саду.

Такие кусты роз и вишневые деревья вполне могли бы расти на Земле: Эсперанса была настоящим кладом среди других планет-колоний.

Солнце Пано все еще стояло над горизонтом, находясь в периоде середины лета, лучи его падали через старую кирпичную стену. Воздух был теплым, пронизанным птичьим пением, сладким от наполняющих сад ароматов.

Высоко в воздухе проплыли одна-две машины. Но Флервиль был достаточно мал, чтобы шум его транспорта не мог докучать в таком удаленном от центра месте.

Саракоглу и Луиза неторопливо шли по выложенной гравием дорожке и беседовали. За ними следили, вернее, их тайно рассматривали пожилые дамы-гувернантки. Однако на некотором расстоянии за ними следовали не дуэны, а полностью вооруженный горпурианский наемник, от которого не могли бы укрыться даже самые незначительные проявления флирта.

«Беда в том,— думал губернатор,— что она начинает брать курс на искренности».

Сначала это было приятно. Она побуждала говорить о себе... «Да, именно так, я являюсь графом Анатолии. Честно говоря, даже на Земле малое пэрство... Бюрократическая карьера... Может быть, я смог бы стать художником: я баловался кистью и красками... Возможно, вы пожелали бы посмотреть... Увы, вы не знаете, как получается в таких делах. От Имперской знати ждут, что она будет служить Империи. Родиться бы мне в эпоху декаданства! А? К несчастью, Империя живет настоящим...»

Внутренне он смеялся над им же устроенным представлением. Он, чей возраст равен пятидесяти трем стандартным годам, коренастый, начинающий полнеть, абсолютно лысый, с маленькими глазами, посаженными близко к гигантскому носу, он, в чьем дворце живут две высокооплачиваемые любовницы, играет роль мальчика, играет роль «светского человека»: когда-то это его забавляло, как забавляет изысканная одежда или драгоценности. То была возможность отдохнуть от реалий будней, так и не позволивших ему улучшить свою внешность с помощью биоскальпа.

Но тут она спросила:

— Мы действительно собираемся напасть на итриан?

— А? — страдание в ее голосе заставило его резко повернуть голову и посмотреть на нее. — Видите ли, торговля приостановлена, но...

— Кто ее приостановил? — Сама она, не отрываясь, смотрела куда-то вперед. Голос ее слегка повысился, а легкий испанский акцент стал более заметен.

— А кто начал большую часть неприятных инцидентов? — оборонялся он. — Итриане. Поймите, речь идет не о том, что они чудовища, но по натуре они первобытны. У них нет сильной власти, нет настоящего правительства, которое могло бы сдерживать импульсы отдельных группировок. Это и явилось главным препятствием на пути достижения взаимопонимания.

— А сильны ли были усилия достичь его... с вашей стороны? — требовательно спросила она, по-прежнему не глядя на него. — Долго ли вы пытались их достичь? Мой отец ничего мне не говорит, но все и так ясно, стало ясным с тех пор, как мы сюда переехали: разве часто штаб-квартиры флота и гражданских служб сосредотачиваются на одной и той же планете? Ясно, что что-то готовится.

— Донна, — серьезно сказал Саракоглу, — когда флот космических кораблей может превратить весь мир в одну большую могилу, следует готовиться к худшему и принимать все возможные меры предосторожности. — Он помолчал. — Кроме того, обнаружено, что было бы неразумным оставаться в том состоянии взаимного игнорирования, в каком находятся Империя и Доминион. Вынужден сказать вам, что вы, такая юная, не представляете себе, что такое две совершенно изолированные системы... Мне очень жаль, но я вижу, что вы одержимы мыслью, будто Империя провоцирует войну с целью поглотить весь Итрианский доминион. Это неправда!

— А в чем же правда? — с горечью подхватила она.

— В том, что имели место кровавые инциденты, возникшие в результате споров о территории в различных областях.

— Да. Наши торговцы теряют прибыли.

— Это лишь деталь! Коммерческие споры — явление неизбежное. Гораздо серьезнее обстоит дело со спорами политическими и военными. Например, кто из нас проглотит Антаранто-Кроакоакский комплекс вокруг Бета Центавра. Обе системы к этому склонны, а ресурсы его очень бы укрепили Землю. Итриане уже получили большое подкрепление, подчинив себе Датину, и мы не хотим заполучить еще одну потенциально враждебную расу. Более того, ратифицировав эту неприятную границу, мы можем вооружаться против возможного нападения на мерсейском фланге. — Саракоглу поднял руку, предупреждая возможный протест. — Конечно, донна, Рондхунати далек и не слишком велик. Но он растет, и вооружение его тоже растет, да

и идеология его неразрывно связана с агрессивными намерениями. Обязанность Империи — заботиться о своих прапраправнучках.

— Почему мы не можем просто подписать договор, дать каждому возможность поделить все честно и благоразумно? — спросила Луиза.

Саракоглу вздохнул:

— Население планеты стало бы возражать против того, что с ним обращаются как с движимым имуществом. Ни одно правительство, предпринявшее подобную попытку, не выжило бы долго. — Он махнул рукой. — Но что более важно, так это то, что вселенная хранит в себе слишком много неведомого. Мы путешествовали сотни — в ранние времена, — а затем тысячи световых лет к особо интересным звездам. Но сколько мириад из них остаются вне поля нашего зрения? Что может случиться, когда мы обратимся к ним? Ни одно разумное правительство, человеческое ли, итрианское ли, не станет слепо протягивать руку неведомому. Нет, донна, эту проблему невозможно решить чистенько и аккуратно. Мы лишь должны как можно лучше справиться со своим незнанием. Что вовсе не означает полное подчинение Итри. Я первым выступаю за то, чтобы Итри получила право на существование, шла собственным путем, даже сохранила свои внепланетные владения. Но граница эта должна быть стабилизирована.

— Мы... устанавливали межпланетные связи... с другими... и никаких осложнений не возникало.

— Конечно. Для чего, например, нам сражаться с братьями по водороду? Они настолько экзотичны, что мы едва можем с ними общаться. Как гласит старая поговорка, две ловких, сильных расы всегда хотят заполучить одно и то же.

— Но мы можем с ними жить! Люди это делают. Делают поколениями!

— Вы имеете в виду Авалон?

Она кивнула.

Саракоглу усмотрел в этом шанс вернуть разговор в более спокойное русло.

— Да, здесь, конечно, есть интересные случаи, — улынулся он. — Как много вы об этом знаете?

— Очень мало, — неохотно призналась она. — Кое-что слышала здесь, кое-что — там, с тех пор, как приехала на Эсперансу. Галактика так огромна, и та ее крохотная частица, которую мы изучили...

— Вы могли бы получить возможность увидеть Авалон, — сказал он. — Он не так далеко, в десяти-двадцати световых годах. Я бы сам не отказался от этого. Общество там совершенно необычное, если не сказать уникальное!

— Неужели вы не понимаете? Если люди и итриане могут поделить одну и ту же планету...

— Это совсем другое дело. Позвольте мне снабдить вас кое-какими данными. Я тоже никогда там не бывал, но изучил много материала.

Саракоглу глубоко вздохнул.

— Авалон был открыт пятьсот лет назад одним из кораблей Великого Обзора, прилетевшего на Итри,— проговорил он.— Он был отмечен как потенциальная колония. Но он находился так далеко от Земли, что тогда им никто не интересовался. Само это название долго не упоминалось. Итри находился на сорок световых лет дальше, это так, но казался более привлекательным: богатая планета, населенная народом, с энтузиазмом шедшим навстречу новой эре и склонным к торговым связям.

Примерно три с половиной столетия тому назад человеческое общество сделало итрианам предложение. Лесотехнической лиге предстояло еще продержаться до краха не менее пятидесяти лет, но тот, у кого неплохо работали мозги, уже предвидел надвигающийся период раздора. Эти люди, под предводительством старого опытного исследователя, желали защитить будущее своих семей, перебравшись на Авалон, под протекцию Итри, которая не должна была распасться, как цивилизация техники. Итриане согласились и, естественно, некоторые люди присоединились к населению.

Потом пришли беспорядки, коснувшиеся и Итри. Результаты были неизбежны и везде одинаковы: Земля добилась мира, став Империей, Итри стал Доминионом. В то же время, держась вместе и так перенося ужас хаоса, авалонцы слились в одно целое. Именно это и требуется сегодня.

Они остановились у решетки, обвитой виноградными лозами.

Саракоглу сорвал кисть винограда и предложил Луизе. Она покачала головой. Он съел виноград сам.

Виноград был сладким и приятным на вкус, но немного странным: в конце концов, почва Эсперанса не была идентична почве Земли.

Солнце теперь скрылось, тени наполнили сад, ярким цветком расцвела на небе вечерняя звезда.

— Я понимаю, ваши планы «рекрификации» состоят в том, чтобы включить Авалон в состав Империи,— сказала Луиза.

— Да. Принимая во внимание его положение.— Саракоглу пожал плечами.— Кроме того, люди на нем образуют значительное большинство. Я готов предположить, что они, скорее, были бы рады присоединиться к нам, а Итри не возражала бы избавиться от них!

— Должны ли мы сражаться?

Саракоглу улыбнулся.

— Мир установить никогда не поздно, — сказал он.

Он взял ее за руку:

— Не пойти ли нам в дом? Думаю, ваш отец должен скоро вернуться. Мы можем приготовить для него шерри.

Он не стал портить ситуацию, которую можно было еще спасти, и говорить ей, что уже прошли недели с тех пор, как корабль-курьер привез то, что он ждал: имперский указ, объявляющий войну Итри, ко всенародному объявлению которой и готовились губернатор и адмирал.

ГЛАВА 4

Компания против Итри требовала огромного флота, собранного из всех частей Империи. Открытых сообщений об этом не было, но отдельные слухи просочились. Однако объединения на границах увеличивались в открытую, по мере усиления кризиса, а маневры были почти непрерывны.

Двигаясь вокруг Пано по орбите в десять астрономических единиц, крейсеры класса «Планета» «Тор» и «Аиза», несли черные снаряды и торпедировали силовые экраны друг друга, пронизывая последние лазерными лучами и стараясь удержать направление удара до тех пор, пока бласт не разьет броню, производили магнитные вспышки, чье свечение порождало смертельную радиацию, маневрировали в гравитационном поле, ныряли в гипердрайвную фазу и обратно, оттачивали каждый возможный маневр, приведенный в учебниках, и даже такие варианты, которые, как надеялось верховное командование, ни в одном учебнике еще описаны не были.

Тем временем лодки «Комета» и «Метеор», по отношению к которым крейсера выполняли материнскую функцию, тоже были очень заняты.

Чтобы увеличить заинтересованность, был назначен приз. То судно, которое компьютер сочтет победителем, должно было вместе со своими помощниками отправиться на Эсперансу, где команда получила бы неделю отдыха.

Победила «Аиза».

Она послала ликующий вызов. В полумиллионе километров от нее на «Метеоре», который его капитан окрестил «Звездой-охотницей», ожил механизм.

— Наконец-то воскрес! — воскликнул лейтенант Филипп Рошфор. — И при этом со славой!

— С незаслуженной,— усмехнулся артиллерийский офицер Ва Чау оф Синтия.

Его маленькое, покрытое белыми перьями тело склонилось над столом, который он убирал после еды. Кустистый хвост покачивался над голубой мордочкой.

— Что ты хочешь этим сказать? Незаслуженной? — проворчал инженер-компьютерщик КПО Абдуллах Хелу, сухощавый средних лет карьерист с Хау Бразил.— В наши обязанности входит строить из себя мертвых в течение трех дней.— Теоретически лодка была уничтожена и находилась в состоянии свободного парения, ибо настоящие обломки очень осложнили бы жизнь технического персонала детектора.

— Особенно когда расклад в покер удачен? — поддел его Ва Чау.

— Больше я с вами играть не буду, сэр,— сказал Хелу штурману.— Не обижайтесь, просто у вас слишком велик талант к насмешкам!

— Дело лишь в дате,— ответил Рошфор.— Обстоятельства есть обстоятельства! Ведь наша лодка вела себя хорошо. Как и вы в отношении денег! Так что в следующий раз и вам, и ей может повезти больше!

То была его первая лодка, его первая команда — он недавно был выдвинут на повышение за удачную операцию, и ему страшно хотелось, чтобы лодка произвела хорошее впечатление. И каким бы при данных обстоятельствах не было неизбежным поражение, это все равно причиняло боль.

Но они находились в лагере победивших и на счету у них было два корабля плюс отвлекающий маневр, что могло быть использовано как преимущество.

Теперь же им предстояло присоединиться к «Айзе», а значит — отправиться на Эсперансу, где они знали достаточно хороших девушек, чтобы хорошо отдохнуть в заслуженный отпуск.

Маленькая каюта дрожала и гудела от шума работающих моторов. Воздух, проходивший сквозь вентиляторы, пах маслом и сопровождающими цикличность химикатами.

«Метеор» был сконструирован для высокой акселерации, как в условиях действия теории относительности, так и гипердрайва, для точного попадания в цель торпед с водородными бомбами, а также давать команде необходимый минимум комфорта.

Космос стелился за иллюминатором во всем своем величии, пронизанный россыпью звезд, ярких, как бриллианты, собранных в ясной черноте то в серебристое течение Млечного пути, то в тусклые таинственные скопления сестер Галактик.

Рошфору хотелось сидеть, смотреть, дать своей душе возможность проникнуть в божественный храм Вселенной.

И он мог бы это сделать, лодка была полностью автоматизирована. Но лучше показать другим свою старательность и заинтересованность.

Он вернул обозреватель в то положение, в котором тот был перед получением сообщения.

Заранее записанная лекция только что началась.

Человек-ксенолог появился на экране и заговорил:

— Обладающие теплой кровью, оперением, ходячие и летающие, итриане не являются птицами. Они приносят потомство живым после четырех с половиной месяцев беременности. У них нет клюва, но есть губы и зубы. Они не являются млекопитающими. Они не имеют волос и не вырабатывают молока. Губы их развиты таким образом, чтобы кормить младенцев путем извержения. И хотя у них есть устройство, напоминающее жабры, оно рассчитано не на воду, а на...

— Ох, нет! — воскликнул Хелу. — Сэр, разве у нас не будет времени позже, чтобы заняться этим? Один дьявол знает, сколько недель нам предстоит лежать на орбите, абсолютно ничего не делая.

— Война может начаться каждую минуту, — сказал Рошфор.

— А есть ли те, кто интересуется во время военных действий внешним видом или интимной жизнью своего противника? — пробормотал Синтия.

Рошфор остановил ленту и огрызнулся:

— Если хотите, могу подключить к этому звук жесткого луча. Но знание врага может стать именно тем, что спасет нас, когда начнутся военные действия. Я предлагаю вам посмотреть.

— Мне, я думаю, не мешает проверить осциллятор номер три, пока мы летим не с такой уж большой скоростью.

Лейтенант улыбнулся. Он воздержался от того, чтобы сказать Синтию: «Ты хороший парнишка! Интересно, неужели ты действительно сбежал во флот из-за ваших вечно раздраженных женщин?»

Далее он подумал так: «Система воспроизведения — половые характеристики, появление потомства — похоже, составляет значительную часть основы разумных существ. Вероятно, верным было циничное замечание насчет того, что организм — это просто молекула ДНК. Или любые химические элементы, которые наследственность может принести в этот мир... Но нет! Церковь не поверила бы в это. Биологическая наследственность располагает, а не руководит».

— Давай-ка посмотрим, как итриане работают, — сказал он вслух, потянувшись к выключателю.

— А разве вы еще не знаете, сэр? — спросил Ва Чау.

— Не совсем. Клочок пространства, который мы вроде бы исследуем, так и кишит различными расами. И кроме того, я

был слишком занят, привыкая к своим новым обязанностям.— Рошфор хихикнул.— И готов признаться, я еще предвкушал и возможный отпуск!

Он включил экран.

Появился итрианин, идущий на ногах, которые росли из его крыльев.

Походка была довольно медленной и подпрыгивающей и явно не годилась для больших расстояний. Существо остановилось, протянуло руки к земле и утвердилось на четвереньках. Потом оно расправило крылья — и внезапно стало прекрасным!

Внизу и сбоку на его теле появились продольные щели. Когда крылья поднялись, защищающая их перистая завеса отошла назад, щели увеличились и походили теперь на пурпурные рты. Теперь существо занимало весь экран.

Тонкая ткань видна была так явственно, что стала заметной каждая морщинка. Когда крылья опустились, щели снова закрылись.

Голос лектора сказал: «Именно это и помогает летать такому тяжелому телу при притяжении и давлении газовой оболочки, близким к земным. Итриане более чем в два раза превышают размерами самое большое из земных летающих существ. Антибраторы, накачиваемые движениями крыльев, принимают под давлением кислород и направляют его прямо в кровь. Таким образом они выполняют функцию, более или менее подобную той, какую выполняют легкие земных животных. Итриане обладают необходимой для подъема силой, и летают быстро и красиво».

Изображение вновь отошло в глубину экрана.

Существо сильно взмахнуло крыльями и полетело быстро, как стрела.

— Конечно,— сказал сухой голос,— эта энергия может получаться в результате значительного ускорения метаболизма. За исключением того времени, когда они находятся в состоянии полета, итриане очень прожорливы. Они плотоядные, хотя в их рацион входит немалое количество сладких фруктов. Их аппетиты, без сомнения, увеличивают обычную тенденцию плотоядных жить маленькими, отделенными друг от друга группами, каждая из которых занимает большую территорию и чей инстинкт побуждает их защищать эти территории от вторжений.

Собственно, чтобы лучше понять итриан, нужно соединить все наши возможные знания с догадками об эволюции их расы.

— Больше догадок, чем знаний,— заметил Рошфор. Однако он не мог не признаться себе, что зрелище зачаровывало его.

— Мы верим в то, что гомотермическая, грубо говоря, теплокровная жизнь на Итри не произошла от рептилий или рептилоидной расы, но прямо от амфибии, хотя и связанной, быть может, с обладающими легкими рыбами. Во всяком случае, она обладает родом жабр. Те экземпляры, которые с успехом нашли себя на Земле, неизбежно теряют эту черту. Более примитивные

животные ее сохраняют. Среди них были те маленькие, возможно, обитающие в болотах существа, что стали предками софонта. Поднявшись к вершинам деревьев, они могли развить перепонки и скользить на них от сука к суку. В конце концов перепонки преобразовались в крылья. Тем временем жабры трансформировались в аэрональное устройство, в суперзарядитель.

— Обычная история, — прокомментировал Ва Чау. — Неудачи на одной стадии превращаются в успехи на другой.

— Конечно, итриане могут подниматься высоко и даже парить, — сказал голос, — но этого они достигают благодаря огромной маховой площади крыльев, а ими они оперируют благодаря антибраторам.

К общим чертам относится и легкая костная система. Хотя и более сложная, она сделана из удивительно выносливого материала, чей органический компонент состоит из коллагена, из субстанции, выполняющей функции костного мозга земных млекопитающих. Животное, однако, не увеличило свой вес за счет традиционного клюва. Многие итрианские орнитоиды имеют, например, ухотов, похожих внешние на коршунов, но выполняющих функции собак. Но прасофонты напоминали обитателей джунглей.

Тот факт, что молодняк рождался крошечным и беспомощным, — ибо женские особи не могут летать на большие расстояния в состоянии беременности — и явился, по-видимому, причиной образования на крыльях отростков. Детеныш мог по очереди прикрепляться к одному из родителей, когда они летели за едой. До того как научиться летать, он мог пользоваться этими отростками, чтобы вскарабкаться на дерево, спасаясь от врагов. Со временем отростки развились в конечности, и итриане получили возможность свободно ими оперировать.

Короткий период беременности не означает, что итриане рождаются с плохо развитой нервной системой. Быстрый метаболизм полета ускоряет процесс деления клетки. Этот процесс концентрируется скорее на шлифовке отдельных частей тела, нежели на увеличении их размера.

Тем не менее младенец-итрианин требует большей заботы и большего количества еды, чем земной. Родители должны кооперироваться, искать корни полового равенства или почти равенства всех итрианских культур.

Подобным образом невозможно было бы сохранить при примитивных условиях быстрое воспроизведение потомства. Может быть, в этом причина того, что женская особь способна к овуляции через год — итрианский год равен примерно половине земного, — а не через два года после того, как родит. Половые инстинкты не играют особой роли в иные периоды, кроме этого. Тогда же они становятся бесконтрольно сильными как у женской,

так и у мужской особи. После того как интеллект развился до определенной степени, стали играть немаловажную роль территориальные моменты. Родители желают в подобный период оградить своих высокородных дочерей от ишущих случая мужских особей. В дальнейшем муж и жена не желают тратить сильное, но редкое возбуждение на чужих.

Сексуальный цикл не является полностью неподвижным. Как правило, он заканчивается скорбью. Несомненно, это является находкой самой природы, желающей возместить потерю. Она как бы приносит в психику итриан черты Эроса и Токаты одновременно, и это составляет особенность именно этой расы, хотя и не очень понятную человеку. Иногда женская особь может овулировать по собственной воле, хотя подобное явление считается аморальным: в старые времена она была бы убита, теперь же ее, как правило, избегают из страха перед властью. Главным злодеем итрианской истории является существо мужского пола, которое могло по желанию достигать нужного состояния. Конечно, самым важным доказательством гибкости их природы является тот факт, что итриане с успехом приспособились в своем воспроизведении, как и во всем другом, к разнообразию условий колонизированных планет.

— Думаю, что мне больше нравится быть человеком,— сказал Рошфор.

— Не знаю, сэр,— ответил Ва Чау.— На первый взгляд, связь между полами выглядит более простой, чем у вашей расы или у моей: вы или в настроении, или не в настроении, и это все. Но я бы не удивился, если бы они оказались более тонкими и сложными, нежели мы с нашими эмоциями и моральными нормами, даже более взаимосвязаны со своей психологией.

— Но вернемся к эволюции,— говорил лектор.— В главных своих чертах она напоминает ту, что была пережита земной Африкой. Орнитоиды были вынуждены выйти из лесов в саванну. Здесь они эволюционировали от едоков-хищников к крупным охотникам, вроде аналога предка человека. То, что раньше выполняло функцию ног, стало руками и принялось делать инструменты для работы. Для поддержки тела и передвижения по земле локтевые когти стали выполнять функцию ног, ступней, а крылья превратились в подобие самих ног.

И все же разумный итрианин оставался хищным существом, причем не слишком хорошо чувствовавшим себя на земле. Примитивные охотники, нападавшие сверху с копиями, стрелами и топорами. Оружия вполне хватало, чтобы справиться с самыми крупными животными. Не было нужды кооперироваться между собой для расстановки девушек на слонов или вставать плечом к плечу, чтобы вместе идти на льва. Общество оставалось разде-

ленным на семьи или кланы, которые редко воевали между собой, да и вообще общались.

Революция, закончившая Каменный век, не имела на первом плане сельское хозяйство, как это было в случае с человеком. Она выросла из целенаправленного выращивания и разведения крупных наземных животных, таких как маунки, и более мелких, как длинноволосые майавы. Это стимулировало развитие некоторых изобретений: рельс, колесо и тому подобное; жизнь вынуждала итриан прочнее укрепиться на Земле. Сельское хозяйство было изобретено в помощь ведению ранчо как средство добычи корма для скота. Излишек еды оставлялся для путешествий по делам торговли, для обмена и расширения культурных связей.

В дальнейшем комплекс социальных отношений усложнился.

Их нельзя было назвать цивилизацией в полном смысле этого слова, потому что итриане никогда не знали настоящих городов. Благодаря своим крыльям они обладали подвижностью, которая позволила им достигнуть нужной близости без жителя друг около друга. Конечно, кое-какие центры неизбежно возникали: горнодобывающие, металлургические и прочие промышленные, торговые и религиозные, предназначенные для защиты в том случае, если одна группа была побеждена другой в воздушной битве. Но они всегда были маленькими, а население их непостоянным. Если не считать управляющих и гарнизона, постоянное их население составляли лишь рабы со связанными крыльями; сегодня их место заняли самоуправляющиеся машины. Перевязывание крыльев являло собой метод легкого контроля над существом. Однако, поскольку перья вырастали быстро, в обычае было давать клятву в том, что после некоторого периода службы раб получит свободу, и это способствовало миролюбивому настрою пленников. Таким образом рабство вошло в индустриальный период итрианского общества, и даже не полностью исчезло и по сей день.

«Что ж, мы возрождаем его и в Империи,— подумал Рошфор.— Согласно некоторым ограничениям закона, как наказание или как средство извлечь пользу из преступников. Как бы там ни было, мы пытаемся вернуть к жизни то, что итриане обрекают на вымирание. Насколько же мы сильнее в области морали, чем они? Насколько у нас больше прав? — Он выпрямился в своем кресле.— Человечество — это моя раса!»

Гибкая, как ива, блондинка, чья одежда носила отпечаток эсперанской старомодной склонности к простоте, Ева Дэвиссон являла собой приятный контраст с Филиппом Рошфором, о чем им обоим было хорошо известно.

Он был высоким, довольно стройным молодым человеком с атлетически развитой мускулатурой. Черты его лица были

правильными и крупными. Блестящие черные волосы хорошо гармонировали с темно-коричневой кожей лица. И он максимально модернизировал свою одежду: лихо заломленная шапочка с эмблемой Империи, отороченная золотой каймой, голубой китель, алый плащ и кушак, снежно-белые брюки, заправленные в невысокие сапожки из кожи земного быка.

Они сидели в ресторане Флервиля, возле окна, из которого открывался вид на сады и звезды.

Сонорист наигрывал что-то старинное и сентиментальное. В воздухе плыли изысканные, слегка опьяняющие ароматы. Ева с Филиппом забавлялись набором закусок и уделяли весьма серьезное внимание шампанскому. Но, однако, Ева не улыбалась.

— Этот мир населен людьми, которые верят в мир, — сказала она. — Тон ее был скорее мрачным, чем обвиняющим. — Поколениями они не содержали вооруженных сил, а полагались на добрую волю тех, кому помогли.

— Однако эта добрая воля не спасла от беспорядков, — сказал Рошфор.

— Я знаю. Я знаю! Я не стану присоединяться к тем из моих друзей, которые, узнав, что я выходила с имперским офицером, не преминут кое-что сказать.

— Если на вас нападут, это ранит сильнее. Авалон не далеко, и там большие силы.

Ее пальцы замерли на ножке бокала.

— Нападение с Авалона? Но я встречалась с этими людьми, с представителями обеих рас. Они прилетали сюда по торговым делам, на экскурсию... Я и сама не так давно летала туда. Все было так мило, что мне не хотелось возвращаться назад!

— Не думаю, чтобы манеры итриан не отразились на поведении их коллег-людей. — Рошфор постарался заставить свой голос звучать как можно более непринужденно.

Он надеялся, что это прогонит ее раздражение, вечер не должен превращаться в демонстрацию политических убеждений.

— Так же, как последние не сгладили своим примером наиболее неприятные черты итриан.

Она долго изучала его в мягком свете, прежде чем сказать:

— У меня такое впечатление, что смешанная колония не вызывает у вас одобрения.

— Ну, в некотором смысле, да, — он готов был во всем соглашаться с ней, лишь бы это увеличило его шансы на последующий у нее успех. Однако подобный прием не казался ему честным. Он вообще не любил к нему прибегать, а в данном случае — особенно, потому что эта девушка интересовала его как личность.

— Я верю в то, что нужно быть тем, кто ты есть, и поступать соответственно.

— Вы говорите почти как человек, ощущающий свое преимущество,— сказала она, и голос ее звучал довольно холодно.

— Если ограничиться сознанием того, что человек принадлежит к ведущей расе технической цивилизации, то да, я полагаю, здесь меня можно назвать «ощущающим свое преимущество»,— согласился он.— Это вовсе не означает, что мы обладаем полным правом притеснять других. Например, люди моего сорта являются лучшими друзьями ксенософнтов. Мы просто не хотим их имитировать.

— Вы верите в то, что Земная Империя является силой, ведущей к добру?

— В общем, да! Она содержит в себе дьявольское! Но этого не может избежать ничто смертное! Наш долг — исправлять неверное... а также распознавать ценность того, что Империя держит в скрытом состоянии.

— Может быть, вы оставили на долю дьявольского слишком мало.

— Потому что я сам с Земли? — хмыкнул Рошфор.— Дорогая моя, вы достаточно умны для того, чтобы не считать, будто материнская система населена сугубо аристократами. Мой отец является мелким служащим Социологодинамической службы. Его карьера заставляла нас много путешествовать. Я родился в Селенополисе, который является космопортом и дианофакторным центром. Я провел несколько ярких лет на Венере, планете преступлений и власти, чье преобразование не было завершено удовлетворительным образом. Я вступил в ряды флота — не из шовинизма, а лишь ради мальчишеского желания посмотреть Вселенную — и не поступал в штурманскую школу еще два-три года. За это время я успел увидеть темные стороны многих миров. Конечно, в космосе еще полно места, чтобы можно было исправить впечатление. Так будем же исправлять его, а не рвать на части. И будем защищаться!

Он помолчал.

— Черт возьми,— честно признался он,— я надеялся отвлечь вас от серьезной темы, а сам ринулся ей навстречу.

Теперь рассмеялась девушка. Она подняла бокал.

— Давайте же поможем друг другу,— сказала она.

Так они и сделали.

Отдых Рошфора был в высшей степени приятным. И это было большой удачей, ибо когда две недели спустя он вернулся из отпуска, «Аиза» получила приказ выйти в открытый космос.

В нескольких световых годах от Пано она присоединилась к флоту, который использовал необъятные просторы космоса для того, чтобы укрыть свои намерения. Сотни кораблей устремились по направлению к Доминиону Итри.

ГЛАВА 5

Конференция проводилась по фону. Как и большая их часть в эти дни. Такое положение дел противоречило древнему авалонскому этикету, но сэкономило время — а время становилось все большей и большей ценностью, думал Дэннел Холм.

Гнев проявлялся во всем. Два-три изображения на экранах перед ним, казалось, вот-вот вылезут за их рамки. Он не сомневался в том, что производил на обладателей этих изображений такое же впечатление.

Мэттью Викери, президент Парламента, сказал, нервно хрустя пальцами:

— У нас нет армии, посмею вам это напомнить, потому что мне кажется, что вы об этом забыли. Мы, по-настоящему гражданское правительство, одобрили ваши меры защиты, принимавшиеся несколько лет, хотя вы знаете, что лично я всегда считал их крайними. Когда я думаю о процветании, которого мы могли бы достичь... И вы сможете построить в четвертом измерении такие базы, которые в будущем защитили бы нас против любого вторжения?

— Вы всегда склонны смотреть только в будущее, — сказал Ферун. — Та его часть, которая вскоре должна наступить, приятной не будет.

Холм скрестил ноги, откинулся на спинку кресла, выпустил клуб дыма в изображение Викери и фыркнул:

— Не нужно громких слов, вас и так переизберут, так что жаловаться не на что.

— Во всем виновато ваше крайнее легкомыслие, — объявил Викери. — Самым ошеломляющим был ваш последний приказ о выводе из Лаурианской системы всех неитрианских кораблей. Вы понимаете, какую торговлю мы ведем... не только с Империей, хотя здесь особенно большая выгода, но и с неприсоединившимися цивилизациями, подобными Кроакоаку?

— Вы понимаете, как легко было бы для землян проникнуть, замаскировавшись, на орбиту Авалона? — Холм повысил голос. — Несколько тысяч мегатонн, сброшенных с такой высоты при отсутствии облачности заставили бы запылать костром половину Короны. Или же они могли проявить еще большую хитрость и приземлиться как мирные торговцы. Компьютеры сознания не слишком широко используются в наше время, когда проводится не так много исследований, но они могут быть построены, включая и побуждение к самоубийству. Подобный взрыв может быть проведен в пределах защитной системы города. Он был вывел из строя генераторы, оставив город беспомощным.

Радиоактивная пыль отравила бы все в окрестностях. А вы, Викери, помогли отвоевать у нас половину блока, нужного нам для убежища!

— История, — сказал президент. — Что выиграет Земля от мгновенной автократии? Не то чтобы я полностью отрицал возможность войны, если мы не охладим пыл своих горячих голов. Но... В общем, возьмите эту смехотворную программу, к осуществлению которой вы всех подстрекаете. — Взгляд его обратился в сторону Феруна. — О, это дает целой куче молодежи прекрасный предлог болтаться без дела, мешать занятым людям, отдавая им категоричные приказы, ощущать свою важность и смотреть на общество как на источник доходов, но если говорить о флоте, который вы строите и всячески укрепляете, отрывая деньги от наших насущных нужд, то если об этом флоте станет известно, земляне, возможно, никогда не захотят приблизиться к нам. Кто же тогда заменит их нам?

— Мы находимся неподалеку от их главного сектора, — напомнил ему Ферун. — Они могут ударить первыми, и удар этот будет ошеломляющим.

— Я слышал об этом столько раз, что просто не могу слушать больше. — Викери помолчал. — Спасибо вам большое, но я предпочитаю разрабатывать программу самостоятельно. Видите ли, — продолжал он более миролюбивым тоном, — я согласен с тем, что положение возникло критическое. Мы все с Авалона. Коли я чувствую уверенность в том, что ваши предложения неумны, то я говорю об этом людям и в Парламенте. Но в конце концов мы достигнем компромисса, как благоразумные существа.

Лицо Феруна сморщилось. Хорошо, что Викери не заметил этого выражения. Лъзу из Тарнов сидел с невозмутимым видом.

Холм проворчал:

— Продолжайте!

— Я должен обсудить оба ваших начинания и их последствия, — сказал Викери. — У нас не военная диктатура, и у Комплекта нет никаких оснований объявлять осадное положение.

— Не было раньше, — сказал Холм. — В настоящем опасность видна, но я не думаю, что нужны крайние меры. Адмиралтейство ответственно за местную защиту и связь с вооруженными силами повсюду в Доминионе...

— Что не помешает вам остановить торговлю, увеличить армию или придумать что-нибудь еще, что помешает нормальной жизни Авалона. Мы с моими коллегами очень обеспокоены создавшимся положением и считаем, что нужно предпринять какие-то меры. Но сегодня необходимо напомнить вам о том, что вы слуги народа, а не хозяева. Если народ захочет отстранить вас от дел, он сделает это, выставив своих представителей.

— Круач уже собирался и представил Адмиралтейству самые широкие полномочия,— проговорил своим скрипучим голосом Лъзу из Тарнов. Он был стар, с проседью в оперении, но держался прямо и уверенно; и на экране за ним виднелся утес с ледником на вершине.

— Парламент...

— Там все еще идут дебаты,— прервал его Холм, желая покончить с делом.— У земной империи нет таких помех. Если вам нужна формулировка с точки зрения закона — что ж, считайте, что мы действуем по закону часа.

— У чосов нет правительства,— сказал Викери, побагровев.

— Что такое правительство? — спросил Лъзу.

— Ну... законная власть...

— Да! Закон диктуется традициями, и это неоспоримый факт. Закон опирается на вооруженные силы, и это непреложный факт! Правительство является такой организацией, которая обязана воплощать в жизнь чаяния своего народа. Правильно ли я понял ваших философов и историков, президент Викери?

— Да... но...

— Вы, кажется, упустили из виду, что часы были не более единодушны, чем ваши человеческие фракции,— сказал Лъзу.— Поверьте мне, в них существовал, да и сейчас существует, раскол. Хотя большинство проголосовало за введение последних мер защиты, меньшинство протестовало против них: они считают — подобно вам, президент Викери,— что опасность преувеличена и не стоит нести такие большие затраты.

Лъзу молча сидел, а остальные слышали свист ветра и видели фигуры двух его внуков, летавших неподалеку. Один имел при себе обнаженную шпагу, передававшуюся от дома к дому как символ войны, другой — бластовое ружье.

Высокий Виван сказал:

— Часы отказываются вносить свою долю. Мы с моими сторонниками угрожали созвать Сэрвен против них. Если бы они не согласились, мы бы выполнили свою угрозу. Мы считаем, что серьезность положения требует этого.

Холм хмыкнул: «Раньше он мне ничего подобного не говорил!»

Ферун держался почти так же спокойно, как и Лъзу.

Викери тяжело дышал. Пот выступил на его лице. Он быстро вытер его.

«Мне почти жаль его,— подумал Холм.— Так внезапно столкнуться с такой жестокой реальностью».

Мэттью Викери следовало бы оставаться экономистом-аналитиком, а не заниматься политикой. (Тут Холм не мог ни подумать о том, как удивительно изменился он сам). Тогда он был бы безобидным и действительно приносил бы пользу: межпланетная

экономика как ничто другое нуждается в знаниях и тех, кто может ей их дать.

Беда в том, что на планете, где плотность населения так мала, как на Авалоне, правительство никогда не играло такой особо важной роли, если не считать основных аспектов экологии и защиты. В последнее же время функции его несколько расширились, ибо человеческое общество изменилось под итрианским влиянием. Голоса охотно отдавались за тех лиц, которые выглядели наиболее управляемыми. Так, реакционно настроенные люди отдавали свои голоса за Викери, который с тревогой смотрел в сторону итрианизации. (Не оправданная ли это тревога? Больше в эти неопределенные времена предложить ему было нечего!).

— Вы понимаете, что это должно остаться между нами? — сказал Лъзу. — Если начнутся разговоры, сомневающиеся часы сочтут свою гордость смертельно оскорбленной.

— Да, — прошептал Викери.

Опять установилось молчание.

Сигара Холма догорела и теперь жгла ему пальцы. Он притушил ее. Запахло паленым. Он закурил новую. «Я слишком много курю, — подумал он. — Может быть, и пью слишком много в последнее время. Но дело сделано, насколько это позволяют обстоятельства».

Викери облизал губы.

— Это дает начало... еще одной сложности? — спросил он. — Могу ли я говорить прямо? Я должен знать, является ли это намеком на то, что... вы сами можете прийти к заключению «о необходимости ответных действий».

— У нас есть лучшее применение для нашей энергии, — сказал ему Лъзу. — Может быть, ваши усилия в Парламенте увенчаются успехом.

— Но... вы понимаете, что я не могу изменить своим принципам. Я должен иметь возможность говорить свободно.

— Это записано в соглашении, — сказал Ферун.

И хотя за этими словами последовала цитата, вставка ее не показалась многословной даже с точки зрения итрианских критериев.

— Люди, населяющие Авалон, имеют неограниченные права свободы слова, печати, радиовещания, ограниченные только всеобъемлющим правом неприкосновенности личности и требованиями защиты от чужеземных врагов.

— Я хотел сказать... — Викери слотнул. Годы политической деятельности не прошли для него даром. — Я хотел только сказать, что дружеская критика и предложения всегда имеют право на существование, — сказал он со всей любезностью, на которую был способен. — Как бы там ни было, мы не можем

допустить возможность гражданской войны. Можем ли мы обсудить детали политики непартизанской кооперации?

За этими простыми словами можно было ощутить страх.

Хо́лму показалось, что он почти способен читать мысли Викери, пытающегося постичь все значение сказанного Лью.

Как может суровая, могущественная, разбитая на кланы и рассеянная территориально раса регулировать свои общественные дела?

Как и на Земле, различные культуры Итри в различные периоды ее истории давали множество ответов на этот вопрос, но ни один из них не казался полностью удовлетворительным, особенно на длительный период.

Ораторы Планха были наиболее могущественными и прогрессивными, когда прибыли первые исследователи. Некоторые, поддаваясь искушению, называют их «хеленистинами».

Легко приспособившись к современной технологии, они вскоре вовлекли других в свою систему, приспособливая ее в то же время к изменяющимся условиям.

Это было нетрудно, потому что система не требовала строгого единства.

Внутри своего владения — состояло ли оно из ряда разбросанных земель или из единого участка земли или моря — чос был независимым. Принципы управления чосом подсказывались традицией, хотя и сама традиция медленно изменялась, как неизбежно меняется все живое. Племя, анахронизм, деспотизм, свободная федерация, теократия, клан, увеличивающаяся семья, корпорация и еще множество понятий, для обозначения которых нет человеческих слов — все это включал в себя чос.

Вечное «нужно» определялось скорее обычаем и общественным мнением, нежели предписанием и силой. В конце концов, семьи редко жили в тесном единстве. Таким образом, разногласия были минимальными. Обычной мерой наказания было изгнание из союза или, как исключение, рабство. Между ними лежало изгнание общее. За особый проступок, ценою в жизнь, совершивший его мог быть убит другим безнаказанно, и помощь первому расценивалась как столь же тяжкое преступление.

Другим возможным приговором было изгнание, автоматически оканчивающееся по истечении установленного срока. То было суровое наказание для итриан. С другой стороны, особо недовольные могли легко оставить дом (как удержат в небе?) и примкнуть к другому чосу, более отвечающему их вкусу.

Теперь, конечно, некоторые признанные группы должны были время от времени собираться вместе и принимать соответственные решения. Подобным образом должны были устраиваться между-

часовые диспуты и сообща решаться общеполитические и другие вопросы. Вот так в прошлом и возник Круач — периодическое собрание всех свободных взрослых.

Оно обладало законными и ограниченно законодательными правами, но не административными. Выигравшие судебные процессы удачливые покровители планов и указов могли полагаться на желание подчиниться им или на ту силу, которой им удавалось стать в глазах других.

По мере развития общества Планха, региональные сборища, подобные этим, начали выдвигать кандидатов на годовой Круач, покрывавший более обширные территории. Те, в свою очередь, посылали своих представителей в Высший Круач всей планеты, встречавшийся каждые шесть лет плюс в дополнительные и непредвиденные случаи. На каждом уровне избирался президиум, виваны. На него были возложены обязанности вносить ясность в спорные моменты (разъяснение законов, обычаев, прецедентов, решений), а также разбор всевозможных тяжб.

Эту организацию нельзя было назвать советом, потому что любой свободный взрослый мог участвовать в работе Круача на том уровне, на котором желал.

Подобное устройство не могло бы иметь место на Земле; подобие его версии появилось однажды и там, давным-давно, но закончилось кровавым поражением.

Но итриане менее болтливы, менее заняты своим делом, менее склонны к упрямству, менее перегружены опытом прошлого, чем человек. Современные средства коммуникации, компьютеры, информационные приборы, обучающие машины помогли системе распространиться вширь, по всему Доминиону.

Прежде чем она достигла подобного состояния, ей пришлось столкнуться лицом к лицу с проблемой администрации.

Необходимые общественные работы должны были иметь над собой материальную основу. Теоретически, часы должны были делать добровольные вклады, на практике же оказалось, что поддержка должна быть постоянной. Поведение, причиняющее крупный вред физическому или социальному окружению, должно было быть запрещено вне зависимости от того, каким бы правильным оно не считалось в отдельных часах или рассматривалось ими как специфическая наследственность.

И все же не существовало машины для принуждения, и итриане не мыслили о том, что нужно ее создать.

Вместо этого в тех случаях, когда несогласие принимало угрожающие размеры, виваны соответствующего Круача вызывали обвиняемых на Сэрвен. Последний, проводимый после долгих размышлений и серьезнейшей церемонии, требовал присутствия каждого из проживающих на данной территории: ради их

собственных интересов и особенно ради их чести, обвиняемые должны были предстать перед подобием суда.

В прежние времена Сэрвен на целый час означал его конец — обращение в рабство тех, кто не был убит, с разделением их между победителями. Позднее он стал заканчиваться арестом и изгнанием тех, ко признавался лидерами. Но всегда он проводился под знаком высшей гордости. Если вызов на Сэрвен отклонялся, как это случалось, когда обвинение не было достаточно подтверждено фактами, что можно было признать его правомочным, то требовавшие его виваны вынуждены были кончать жизнь самоубийством.

С учетом характера итриан, Сэрвен играл у них такую роль, какую играет полиция у людей. Если ваше общество не потеряло моральные качества, то насколько часто вы можете вызывать полицию?

Никто, из знавших Лью из Тарнов, не представлял себе, чтобы он сказал неправду насчет угрозы разорвать Авалон на части.

ГЛАВА 6

Там, где могучий Саптитарийс впадал в залив, Центаур, второй город Авалона — единственный, кроме Грея, имевший определенное название — пестрел зданиями речного, морского и космического портов, промышленного и торгового центров.

Этот Центаур был, в основном, городом людей и походил на многие имперские города, полный толкотни, суматохи, шума, веселья, а иногда и опасностей.

Находясь в нем, Аринниан большую часть времени был вынужден быть Кристофером Холмом и вести себя так, как подсказывало ему его имя.

А теперь этого требовали и его новые обязанности.

Он не удивился назначению его верховным офицером охраны Западного Коронана после организации этого рода войск: в их обществе семейные традиции были нормой.

Но что его удивляло, так это то, что он как будто справлялся со своими обязанностями довольно успешно и даже получал некоторое удовольствие, исполняя их. Он, кто всегда насмехался над «пастухами»!

Через несколько недель в его районе действовала хорошо организованная армия, постоянно проводились учения, были улажены вопросы снабжения и коммуникации. (Конечно, большим подспорьем служило то, что большая часть авалонцев являлись

завзятыми охотниками, даже если речь шла о больших группах. И то, что беспорядки оставили в память о себе военные традиции, которые нетрудно было возродить, и то, что совет старого Дэннеля всегда был к его услугам).

Организации подобного рода возникали повсюду. Им нужно было координировать свои действия с мерами, предпринимаемыми братством Симен. Была созвана Конференция. Она работала с полной отдачей и разрешала все вопросы, поступавшие на ее рассмотрение.

По окончании Аринниан сказал:

— Хилл, ты не хотела бы это отпраздновать? Может случиться так, что нам больше не представится такая возможность.— Это был отнюдь не экспромт. Он думал об этом два последних дня.

Табита Фалкайн улыбнулась:

— Конечно, Крис! Все так делают!

Они пошли по Лайвелл-стрит. Ее рука покоилась в его. Субтропическая жара заставляла кожу покрываться потом.

— Я... а почему ты чаще всего называешь меня моим человеческим именем? — спросил он.— И говоришь со мной на англике?

— Мы люди, ты и я! У нас нет перьев, чтобы пользоваться планком по всем правилам. Почему ты против?

Несколько мгновений он колебался.

«Это сугубо личный вопрос... Нет, я полагаю, она просто снова мыслит как человек».

Он остановился и повел свободной рукой.

— Посмотри на все это и перестань философствовать,— сказал он. И тут же испугался, что проявил невежливость.

Но высокая белокурая девушка повиновалась.

Эта часть улицы пролежала вдоль канала, вода в котором была покрыта масляными пятнами и засорена отбросами.

Повсюду, куда ни глянь, баржи, а сам канал казался зажатым между двумя рядами плотно притиснутых друг к другу зданий, чьи ободранные фасады тянули свои десять-двенадцать этажей к ночному небу. Звезды и белый полумесяц Морганы терялись в ярком искусственном свете, мигании реклам и надписей. (Грог, Танцы, Еда, Лучшие земные ощущения, Дом развлечений, Спешите к Марии Джуанс, Азартные игры, Обнаженные девушки...) Наземные машины заполняли дорогу, толпа текла по тротуару — моряк, летчик, сплавщик, рыбак, охотник, фермер, пьяный, еле-еле стоящий на ногах, еще один пьяный, согнутый волосатый человек, стоящий на углу и выкрикивающий что-то невнятное — бесконечный людской поток, смеющийся, болтающий, перекрывающий своими голосами шум уличного движения, шарканье ног, тявканье громкоговорителей.

Воздух вонючий, пропитанный дымом, маслом, запахом пота, плоти и дыхания, насыщенный испарениями окрестных болотистых земель, не кажущимися зловонными там, за городом, но кажущимися таковыми здесь.

Табита улыбнулась ему как-то по-новому:

— Я называю это забавой, Ирис,— сказала она.— Для чего еще мы сюда пришли?

— Ты ведь не стала бы...— он запнулся.— Я хочу сказать, человек, подобный тебе?

Он поймал себя на том, что неотрывно смотрит на нее. Они оба были одеты в блузы без рукавов, килт и сандалии. Одежда липла к мокрым телам, но несмотря на влажную кожу и запах женского тела, который он не мог не заметить, в ней ясно угадывалось существо моря и открытого неба.

— Конечно же, что плохого в том, чтобы быть иногда вульгарным? — сказала она, дружелюбно улыбаясь ему.— Ты слишком пуританин, Крис!

— Нет, нет,— запротестовал он, боясь теперь, как бы она не сочла его наивным.— Разборчивый — может быть. Но я часто бывал здесь и... э... получал удовольствие. Я пытался объяснить, что я горжусь тем, что принадлежу к чосу, и не могу гордиться тем, что члены моей расы могут жить в грязи. Неужели ты не понимаешь, что это и есть то самое, древнее, чего стремились избежать пионеры.

Табита произнесла одно слово. Он отшатнулся. Айт никогда бы не сказала такого!

Девушка усмехнулась.

— О, если ты предпочитаешь, пусть будет ерунда,— продолжила она.— Я читала записи Фалкайна. Он и его последователи не хотели ничего, кроме комнаты, в которой им бы никто не мешал,— она подтолкнула его вперед.— Как насчет обеда, которым мы собирались заняться?

Он молча повиновался.

Он почувствовал себя несколько лучше в полумраке респектабельного Фениксауза. И немаловажно оказалось то, отметил он про себя, что в комнате было прохладно, и ее одежда уже не обрисовывала с такой откровенностью формы ее тела, как на улице.

Обслуживание было хорошим.

Она заказала коктейль «котфлауэр». Он отказался.

— Давай же,— сказала она.— Вылези из своей скорлупы!

— Нет, спасибо, я не хочу! — Он легко нашел нужные слова.— Зачем притуплять свои чувства в счастливый момент?

— Мне кажется, что я уже слышала раньше эту фразу. Поговорка Врат Бури?

— Да. Хотя, думаю, в Высоком Небе тоже не пользуются наркотиками.

— Не пользуются. Подчиняются старинным правилам. Большая часть из нас придерживается старых правил, ты же знаешь.— Некоторое время Табита внимательно смотрела на него.— Твоя беда в том, Крис, что ты слишком стараешься! Расслабься! Старайся быть своим среди тебе подобных! Много ли есть людей, с которыми ты близок? Держу пари, единицы!

Он заставил себя сдержаться.

— Последнее время я часто с ними виделся.

— Угу! И вынуждает ли к этому дело или нет — разве это плохо? Я не стала бы пытаться вмешиваться в чужую жизнь, я не хочу учить тебя уму-разуму, но факт остается фактом: мужчина или женщина, пытающиеся вести жизнь итриан, стараются впустую!

— Что ж, после трех поколений тебе, должно быть, беспокойно в твоём чосе,— сказал он, осторожно отмеривая уровень сарказма. Ты достаточно много времени проводишь в краю людей, не так ли?

Она кивнула.

— Несколько лет. Я перепробовала разные профессии: охотницы, рыбаки, старательницы, чуть ли не большую часть авалонских профессий. Я получила большую часть доли в начатом деле Драуна — и оставила ее на различных покерных столах! — Она рассмеялась.— Черт возьми! Иногда кое-что действительно легче объяснить на планке! — И очень серьезно добавила: — Но вспомни, я была юной, когда мои родители пропали в море. Меня удочерила итрианская семья. Они и вдохновляли меня на бродячую жизнь: таков обычай Высокого Неба.

Моя верность и благодарность чосу крепла. Просто... В общем, я считала себя его членом, который, волей судеб, является человеком. В таком аспекте, у меня есть что предположить, когда...— Она прервала себя и обернулась.— А вот и моя порция! Поговорим-ка об обыденных вещах, я истосковалась по этому в Сент-Ли!

— Думаю, я тоже выпью,— сказал Аринниан.

Он обнаружил, что напиток помогает.

Вскоре они весело обменивались замечаниями. Поскольку ее жизнь была куда более наполненной приключениями, чем его, ему скучать не приходилось. Бывали и в его жизни случаи, когда он мог оказаться в меньшей опасности, чем угрожали ей: когда он скрывался от родителей на осаждаемых прибоем Островах Щита или когда он встретил спадатонта на суше, имея при себе лишь копьё. Но, хотя таких случаев было немного, он обнаружил, что она попала под сильное впечатление его воспоминаний. Она

никогда не совершала межпланетных путешествий, если не считать короткой поездки на Моргану.

Он, сын флотского офицера, получил возможность увидеть всю Лаурианскую систему от разрушенного солнцем Элизима и многочисленных лун Камелота до темного, любимого кометами Утгарда. Говоря о хрупкости голубого мира Фзеации, он получил возможность процитировать строки Гомера, и она пришла в восторг и просила прочитать ей еще и спрашивала, что еще написал этот парень, Гомер, и разговор перешел на книги...

Еда была смешанной, составленной из блюд обеих рас: рыба, тушенная в пискоиде и томате, пирог с говядиной и шуа, салат из листьев властергрейна, груши, кофе, сдобренный белым корнем. Дополнением послужила бутылка вытяжки из него. В конце еды Аринниан, уже ставший свидетелем некоторой легкости поведения Табиты, был шокирован, когда она закурила трубку. — Как насчет того, чтобы заглянуть в гнездо? — предложила она. — Мы могли бы разыскать Драуна. — Ее компаньон был начальником по охране. В Центауре она была его помощницей. Но положение часа о рангах было одновременно и более сложным, и более гибким, чем у Техников.

— Что ж, хорошо, — ответил Аринниан.

Она наклонила голову:

— Правда согласен? Я бы подумала, что ты предпочитаешь итрианский гангут любому месту в этом городе. — Это был единственный публичный дом, предназначенный специально для орнитоидов, гостями которого они были нечасто.

Он нахмурился.

— Я не могу не чувствовать, что таверна — это не самое лучшее место... для них, — добавил он поспешно. — Я не гордец, пойми!

— Но все же ты не возражаешь, когда люди подражают итрианам. Ух-ух! На двух крыльях не получается! — Она встала. — Давай заглянем в пивнушку Гнездо, выпьем с другом, если встретим его, почитаем стихи. А потом — дансинг-клуб, идет?

Он кивнул, несмотря на ускорившийся пульс, довольный, что она была в радужном настроении. Никакая техника не могла позволить ему принять участие в итрианских воздушных танцах, но по полу можно передвигаться в объятиях другой птицы, и это было почти так же прекрасно. Но и такой момент навсегда потерян для него, так, может быть, Табита — ибо в эту сумбурную ночь она была Табитой, а не Хилл с Небес...

Он слушал болтовню об общении с девушками-птицами, весьма далекими от благоговейного созерцания. Для Аринниана и ему подобных их соратницы-женщины были товарищами, сестрами. Но Табита подчеркивала его и свою человечность.

Они на такси-кэбе отправились в Гнездо, который был самым высоким в городе зданием и имел гравитационную шахту, ибо многие прибывали сюда не на летательных аппаратах.

Таверна была защищена от дождя стеклянной крышей, сквозь которую на этой высоте звезды безбоязненно могли лить свой свет, не боясь искусственного пламени внизу. Моргана склонялась к западным землям, но все еще серебрила своим светом реку и залив.

На востоке громоздились грозовые тучи, и световые блики выхватывали их из темноты причудливыми пятнами. Инсектоиды прозрачной дымкой покачивались над каждым столом.

Народу было немного, тут и там виднелись несколько неясных силуэтов, склоненных над стаканами с напитками, ходил слуга-робот позвякивая стальным покрытием.

— Скучища, — разочарованно сказала Табита. — Но мы сможем поднять настроение!

Они принялись пробираться между столиками, пока Аринниан не остановился и не воскликнул:

— Хой! Водан, эхх-Хирр!

Его соратник по чосу, изумленный, поднял голову. Он выпивал в компании пухленькой особы, которая одарила вновь появившихся недовольным взглядом.

— Хорошего тебе полета, — приветствовал его Аринниан на планке, последующая фраза была вполне подходящей для англика, хотя произнесена была на англике автоматически. — Не ожидал найти тебя здесь!

— Доброго приземления тебе, — ответил Водан. — Через несколько часов я должен быть на своем корабле. Мой транспорт отходит от базы на Хэлцнон-айленд. Я отправлюсь пораньше, чтобы не подвергаться риску в случае шторма. Неподалеку от дома мы попали в три дьявольских вихря подряд.

— Ты готов к битве, охотник, — сказала Табита со всей возможной вежливостью.

«Это верно, — подумал Аринниан. — Он жаждет битвы. Только... если он не смог остаться с Айат до последней минуты, по крайней мере, я бы предположил, что он должен был совершать полет в свете луны, размышляя и созерцая... о, как бы там ни было, пирушки в кругу друзей...» Он прервал себя.

Водан сделал знак своей спутнице.

— Кьенна, — сказал он. Его неофициальность была оскорблением. Она качнула крыльями, перья распрямились в печальном подтверждении.

Аринниан не мог придумать никакого извинения, давшего бы ему возможность избежать этой компании. Он и его девушка опустили на сиденья.

Когда подкатился робот, они заказали густое, крепкое нью-африканское пиво.

— Как дуют твои ветры? — спросила Табита, попыхивая трубкой.

— Хорошо. Я желал бы этого и для тебя! — ответ Водана был точен. Он повернулся к Аринниану, и если его энтузиазм был несколько нарочитым, то он искусно это скрывал. — Ты, без сомнения, знаешь, что я последние недели был на тренировочных маневрах.

— Да. Аят не раз говорила мне об этом.

— Это было очень интересно. Мой корабль требует умения. Позволь мне рассказать тебе о нем. Один из новых торпедоносцев, подобен земным — прекрасно! Я горд, что смог увенчать его корпус тремя золотыми звездами!

«Аят» означает «Три звезды».

Водан продолжал свой рассказ.

Аринниан посмотрел на Табиту. Она и Кьенна встретились взглядами. Перья последней передали гамму чувств. Даже он смог прочесть большую часть невысказанных фраз этого «языка».

«Да, моя милочка, рожденная, чтобы ходить, Кьенна — то, что она есть, и кто ты такая, чтобы бросать вот эти свои презрительные взгляды? Чем я еще могу быть, если я, выросшая из детеныша в девушку, поняла, что мой любовный период приходит, как только я подумаю о нем, поняла, что для меня во всей Вселенной нет места, где я буду иметь право на уважение? О, да, да, я слышала об этом раньше, не беспокойся — «специальное лечение», «советы», — так вот, слаботелая, к твоему сведению: часы нечасто держат слабых, а я не собираюсь хныкать и просить о помощи. Кьенна пойдет своим путем, и этот путь будет лучшим, чем твой, которая, впрочем, не так уж от меня и отличается... Не правда ли, человек?»

Табита подалась вперед, похлопала по одной из рук, не обращая никакого внимания на ногти, улыбнулась, глядя в красноватые глаза, и пробормотала:

— Хорошей тебе погоды, девушка!

Удивленная Кьенна подалась вперед.

Какое-то мгновение казалось, что сейчас она кинется на девушку, и Аринниан потянулся к рукоятке ножа, потом она обратилась к Водану:

— Нам лучше уйти!

— Еще рано! — итрианин великолепно скрывал свое замешательство. — Только облака могут знать, когда я снова увижу моего брата!

— Нам лучше уйти, — сказала она совсем тихо.

Аринниан мог представить себе, какие чувства бушевали в груди Водана: оскорбить ее, бросить вызов, ударить! Не убить,

потому то она была не вооружена, но в тоже время это была капитуляция перед самим собой, проще чем самая простая условность...

— Нам самим придется уйти, как только мы допьем пиво,— сказал человек. — Рад, что встретил тебя. Вечного тебе прекрасного ветра!

Облегчение Водана было очевидным.

Он пробормотал несколько вежливых фраз и поднялся наверх вместе с Кьенной.

Город поглотил их.

Аринниан не мог решиться, что ему сказать. Он был благодарен тусклому свету, лицо его пылало жарче, чем горячий воздух. Он старался не смотреть на Табиту.

Наконец та мягко произнесла:

— Бедная потерянная душа!

— Кто, эта ночная пташка? — он сразу же пришел в ярость. — Мне приходилось раньше встречаться с существами ее сорта. Дегенератки, жалкие преступницы! Ее счастье, если Водан не перережет ей горло в каком-нибудь из низкопробных клубов, в который она его потащит. Я знаю, что там должно случиться. Он блуждал одинокий, потерянный, житель гор, который, возможно, никогда не встречался с ей подобными. Она отметила его, проявила свое умение... ух!

— Ну а тебе-то какое дело? Я хочу сказать, что он, конечно, твой друг, но я не могу поверить в то, что это патетическое существо сумеет вытянуть из него больше обычной платы. — Табита выпустила клуб дыма. — Ты знаешь, — задумчиво проговорила она, — в этом хорошо проявляются особенности итрианской культуры. Они увенчаны человеческими идеями там, где те не дают им ненормальности быстрой смерти. Но они еще не интересуются вопросами спонсорных изменений, исследований или лечений, даже простым милосердием. Когда-нибудь...

Он едва услышал последнее замечание.

— Водан должен жениться на Аят, — сказал он каким-то утробным голосом.

Табита подняла брови:

— О, на той, о которой ты мне говорил? Но не думаешь ли ты, что услышь она об этом, она была бы рада, что он получил немного информации и опыта?

— Это неправда! Она слишком чиста! Она...

Аринниан задохнулся. Внезапно он подумал: «Почему бы не рискнуть? Теперь мне и самому нужно забиться».

— Это так немного для тебя значит? — выпалил он. — В таком случае, давай сделаем то же самое!

— Хм! — некоторое время она изучала его. Его гнев утих, и он сделал усилие над собой, чтобы не отвести глаз от этого изучающего взгляда.

Наконец она сказала:

— Ты чем-то огорчен, не так ли, Крис? — Усмешка.— Но, во всяком случае, ты подаешь надежды.

— Прости,— он встал.— Я не хотел быть невежливым! Я хотел дать тебе... воображаемый пример... заставить тебя понять, почему я расстроен.

— Я могла бы утешить тебя, назвав твои переживания воображаемыми,— она улыбнулась, хотя тон ее голоса был более сочувственным, чем сами слова,— но я все же не считаю это нужным. Итак, ответ будет «нет»!

— Этого я и ожидал. Мы, птицы...— он не смог закончить, посмотрел на кружку и сделал большой глоток.

— Что ты хочешь сказать словом «мы»? — с вызовом бросила она.

— Ну, мы... наше поколение, наконец...

Когда она кивнула, волосы ее блеснули.

— Я знаю,— сказала она серьезно.— Эта нестабильность, смешанность общения, как только требует каккелек, приведет к тому, что они не испытывают должного уважения к своим партнерам. Речь идет лишь о мимолетном общении с птицами противоположного пола. Ты же умный мальчик, Крис! Авалоняне мало способны к самонаблюдению, но ты же должен видеть истину! Неужели ты не хочешь иметь жену и детей?

— Конечно... Я... конечно, хочу.

— Большая часть хочет этого, я уверена. Многие и раньше имели их, когда им удавалось прийти к соглашению с самим собой. Но в этом вопросе нет единства для всех. Мы, птицы, испытываем в этом аспекте меньше давления, чем люди, поэтому обычная статистика непоказательна. Проблема в наши дни становится тем более отчетливой, чем больше усиливается движение в часы, нарастая как снежный ком. И в конце концов, Крис, твой жизненный опыт ограничен. Скольких из тысяч ты знаешь настолько хорошо, что можешь описать их жизнь? Естественно, ты тяготеешь к знакомствам с тебе подобными, и особенно потому, что мы, птицы, весьма преуспели в обращении со своими душой и телом.

Трубка Табиты потухла. Она набила ее снова и закончила:

— Вот что я тебе скажу: твой случай не является ни таким уж типичным, каким тебе кажется, ни таким серьезным. Но я искренне желаю, чтобы уход в птицы не заставил других разумных людей терять годы себе во вред.

Гнев вновь овладел им. Какое право она имела говорить с ним как с мальчишкой?

— Нет, подожди-ка...— начал он.

Табита отодвинула свой стакан и встала.

— Я возвращаюсь в отель,— сказала она.

Он непонимающе уставился на нее.

— Что?

Она потрепала его по волосам:

— Прости. Но боюсь, что если мы будем продолжать в том же духе, то устроим бурю в стакане воды. Я слишком хорошо о тебе думаю, чтобы желать подобного. Если захочешь, мы лучше встретимся другим вечером. А теперь я намереваюсь лечь в постель и заказать на экране центральной библиотеки эту штуку Гомера.

Он не стал ее отговаривать. Возможно, то спокойствие, в котором она пребывала после спора с ним, обидело его.

Пожелав ей доброй ночи весьма прохладным тоном, он направился к ближайшему фону.

Первая женщина, которую он вызвал, была занята. Оборонная промышленность требовала семи часов непрерывной работы, плюс-минус пятнадцать минут, не считая дополнительных часов. Вторая женщина испуганно сказала, что если ему нужен ее муж, она может его позвать.

Он извинился за то, что набрал неверный номер.

Третья согласилась. Она была чрезмерно пухлой, непрерывно болтала и обладала мозгами бариосороида... Но какое это имело значение?

...Он проснулся на рассвете следующего дня. Она вспотела во сне, а дыхание ее было насыщено парами поглощенного накануне алкоголя.

Интересно, подумал он, почему так жарко и душно? Что-нибудь не в порядке с кондиционером? Впрочем, было объявлено, что если придется поднять силовые экраны, то утечка энергии потребует закрытия Окружного контроля...

— Силовые экраны!

Аринниан вскочил с кровати. Дождь сделал видимость минимальной, но он разглядел дымку за этой пеленой.

Он бросился вон из комнаты.

Записанный на пленку монотонный голос повторял снова и снова: «Война объявлена!»

Курьер из Итри принес в Грей новости: Земля известила о начале войны.

ГЛАВА 7

— Наша основная стратегия проста,— объяснил адмирал Кайаль.— Я бы предпочел еще более простую: открытая битва между двумя флотами, победитель забирает все.

— Но итриане вряд ли пойдут на такую уступку,— заметил губернатор Саракоглу.

— Конечно! Они же достаточно хорошо организованы для этого, прежде всего. Потом, не в их характере вести централизованные операции. Кроме того, они знают, что у них мало шансов выиграть такую битву. Они проигрывают нам в численности. Я думаю, они попытаются удержать узловые пункты. Оттуда они будут делать вылазки, набеги, уничтожать те наши небольшие соединения, которые им удастся обнаружить, ослаблять наши коммуникации. Мы не можем прямо отправиться в Доминион, когда в тылу у нас будет существовать подобная опасность. Потому что это означает слишком большие потери. Мы можем оказаться перед лицом настоящей беды, если позволим зажать себя между внешними и внутренними их силами.

— Итак, мы начнем с захвата их ключевых баз.

— Только самых главных. Не стоит беспокоиться о крошечных новых колониях или союзниках, находящихся в глубоком тылу, что держат на своей орбите всего несколько кораблей.— Кайал включил экран. Засверкали звезды нужного им района. Тысячами они усеивали расстояние в несколько парсеков, являя собой единое пламя света, в котором лишь немногие могли различить отдельные точки.

Кайал обнаружил, что его способность в этом отношении приносила ему определенную выгоду. Что-то мог заметить компьютер, но его способность в быстрой ориентации оказалась незаменимой.

— Лаура — ближайшая,— сказал он.— Хру и Кхрау находятся дальше, образуя вместе с первой треугольник. Дайте мне их — и я смогу направиться прямо к Книтлану. Это заставило бы Доминион стянуть все силы, которыми они располагают, чтобы защитить свой дом. А поскольку к тому времени мой тыл и коммуникации будут в достаточной безопасности, я приму решающую битву, которую я жду!

— Гм-м-м! — Саракоглу потер массивный подбородок. Звук получился скрипучим: при его занятости он часто забывал вставить новый ингибитор после использования старого.— Вначале нанесем удар Лауре?

— Да, конечно! Не всей армадой. Мы разделимся приблизительно на три равные группы. Две из них медленно двинутся

по направлению к Хру и Кхрау, но не будут нападать до тех пор, пока не будет ослаблена Лаура. Сил будет достаточно во всех трех системах, но я хочу почувствовать итрианскую тактику и, к тому же, убедиться в том, что они не готовят нам какой-нибудь неприятный сюрприз, скрываемый ими до сей поры под перистой оболочкой.

— Это возможно, — согласился Саракоглу. — Как известно, наше знание о них недостаточно. Проблема шпионажа за негуманоидами... Предателей среди итриан найти почти невозможно, а компетентных — совсем исключено.

— Я все же не понимаю, почему мы не можем направить агентов в тот населенный пункт Лауры, где сконцентрировано человеческое население?

— Мы делали это, адмирал, делали! Но поскольку основная жизнь там сосредоточена в маленьких, замкнутых и плохо связанных между собой общинах, они не смогли сообщить ничего, кроме и так очевидных фактов. Вы должны понять, что авалонские люди уже не думают, не говорят и даже не ходят так, как люди Империи. Имитация их — дело непростое. И купить можно лишь очень немногое. Кроме безопасности. Второй их командующий, парень по имени Холм, как будто совершил в прежние времена несколько продолжительных поездок по Империи, как официальных, так и неофициальных. Насколько я понимаю, он с успехом окончил одну из наших академий. Он знает наши методы.

— И насколько я понимаю, он является причиной того, что не только лаурианский флот, но и защита планеты были намного усилены за последние несколько лет, — сказал Кайал. — Да, конечно, мы должны позаботиться о нем.

...Этот разговор произошел несколько дней тому назад. В этот день (часы показывали, что он является продолжением бесконечной звездной ночи) земляне приблизились к своему врагу.

Кайал сидел один в центре супердредноута «Валендерей». Его окружали экраны связи, закладывающая уши тишина и километры металла, машин, оружия, энергии, сквозь которые прошли несколько тысяч живых существ.

Но в этот момент он сознавал присутствие только того, что лежало вне судна. Видеоз экраны показывали ему это великолепие: темнота, драгоценная россыпь звезд — и Лаура, крошечная, удаленная на девятнадцать астрономических единиц, золотая и смеющаяся.

Корабли легли в гипердрайв и должны были появиться у солнца на гравитационном ускорении. Большая их часть летела впереди флагамена. Встречи с защитниками можно было ожидать каждую минуту.

Уголки рта Кайала опустились вниз. Он был высоким человеком, худощавым, с острым носом, его вдовий хохолок и остроконечная бородка побелели, хотя он едва приближался к шестидесяти. Форма его была настолько скромной, насколько это позволял ему чин.

Он курил безостановочно. Сейчас он отбросил от себя окурок последней сигареты с таким отвращением, как будто это был червяк. «Почему мне так трудно переносить этот последний период ожидания? — думал он. — Потому, наверно, что я буду в безопасности, когда мои люди начнут воевать?»

Он обратил взгляд к портрету своей покойной жены. Она была изображена стоящей перед их домом, среди высоких деревьев.

Он направился к картине, желая включить ее. Но вместо этого включил проигрыватель.

Пробудилась к жизни музыка, пьеса, которую так любили он и она, давно забытая на Земле, но совершающая триумфальное шествие по другим местам Вселенной — «Нассагалия» Баха.

Он откинулся на спинку стула, закрыл глаза и отдался музыке. «Долг мужчины в этой жизни, — думал он, — сотворить как можно меньше зла».

Сигнал нарушил его покой. На экране появилось изображение его помощника.

— Сэр, мы получили рапорт о начале военных действий из Вангуар, квадрат три. Сообщение подтверждено. Никаких деталей.

— Хорошо, гражданин Файнберг, — сказал Кайал. — Любую важную информацию немедленно передавать мне.

Скоро ее будет так много, что ни один живой мозг будет не в состоянии справиться с таким количеством. Тогда она пойдет фильтроваться сквозь сложный комплекс подчиненных и их компьютеров, а он сможет надеяться лишь на то, что те детали, которые достигнут непосредственно его слуха, будут не слишком далеки от реальности. Но эти самые ранние сообщения всегда таили в себе слабую надежду, как будто в них хранился отзвук едва начавшейся битвы.

— Есть, сэр! — Экран потух.

Кайал выключил музыку.

— Пока что прощай, — прошептал он и встал. В комнате имелась еще одна его личная вещь: распятие. Он снял с головы фуражку, встал на колени и перекрестился. — Отец, прости нас за то, что мы собираемся делать, — попросил он. — Отец, будь милосердным ко всем, кому суждено умереть. Ко всем!

— Сообщение получено, командующий, — произнес итрианский голос. — Контакт с землянами 12 з. у., направление Пики. Огонь начался с обеих сторон, но потеря, как будто, пока не наблюдается.

— Благодарю! Прошу держать меня в курсе.— Дэннел Холм выключил интерком.— Как будто от того, что я знаю, будет какая-то польза! — проворчал он.

Он быстро произвел вычисления. Свет, радио, нейтроны — всему этому понадобится восемь минут на то, чтобы пересечь астрономическую единицу. Новости должны опаздывать более чем на полтора часа. Единичная перестрелка нескольких небольших судов могла уже быть с успехом окончена, часть победителей вернулась на свои безумные орбиты, в то время как другая их часть, вернее, их суда образовали маленькие миниатюрные пылающие солнца, пытаясь восстановить кинетическое ускорение, которое позволило бы им перегружироваться.

Или же, если другие суда одной из сторон находились не так далеко, они могли присоединиться к своим, все увеличивая и увеличивая радиус битвы.

Ударив кулаком по ладони другой руки, он проговорил:

— Если бы можно было установить гипнокоммуникацию...— Но такое не практиковалось. Мгновенные импульсы квантовых прыжков судна в окружении природного ограничения скорости могли быть модулированы для посылки сообщения на световой год или около этого, но не так глубоко, когда звезда имеет искаженное гравитационное поле, где рискуешь жизнью, если начнешь путешествовать релятивистски. Конечно, можно было и избежать неприятных последствий при абсолютной уверенности в повороте, но кто мог быть абсолютно уверен в ходе военных действий, во всяком случае, принимая во внимание тот факт, что Земле суждено стать более сильным противником, чем обычно, и борьба с ней вполне может окончиться печальным исходом... «Зачем я погружаюсь во всю эту грязь?»

Он спрыгнул с письменного стола, на краешке которого сидел, подошел к окну и остановился, глядя вдаль. Сигара, зажатая в губах, клубилась дымом, как вулкан. День за окном был оскорбительно прекрасен. Осенний ветер нес с залива запахи соли, а воды залива танцевали и сверкали между Лаурой и небесами. И еще ветер нес в себе запахи садов. Северные склоны холмов лежали вдали в голубой дымке. Кто-то пролетел над ними, взмахивая крыльями.

К нему подошла Ровена:

— Ты же знал, что тебе придется остаться, дорогой.— Она все еще была тонкой и стройной, и волосы ее по-прежнему были каштановыми.

— Угу. Меня беспокоит тыл. Логическая, компьютерная, коммуникационная поддержка. Может быть, Ферун и лучше разбирается в вопросе космической войны, но именно я построил планетную защиту. Месяцами мы действовали в согласии. И не моя вина в том, что я обладаю повышенной чувствительностью.

— Холм повернулся к жене, обнял ее за талию.— Но, господи, Ро, я не думал, что это будет так тяжело.

Она притянула его голову к своему плечу и нежно погладила по седеющим волосам.

Ферун из Миствуда решил отправить домой свою жену. Марр путешествовала вместе с ним в течение всей его долгой флотской карьеры, рожая и поднимая детей на корабле-доме, что сопровождает каждый итрианский флот. Но она была больна, и врачи не обещали вылечить ее до наступления атаки. Старость неизбежна, как это ни печально. Ему очень не доставало ее силы.

Но он был слишком занят, чтобы тратить время на прощание.

— Наблюдай,— сказал он. Компьютеры только что внесли исправления в колебательный контур согласно последним данным. Изображение передавало окружающие их планеты, солнце и ореолы искр, оставляемые кораблями.— Битва будет здесь. Здесь! Повсюду нейтринные потоки достигают наших детекторов, совершается процесс кросскорреляции, разъясняются затруднительные моменты.

— Информация невелика до омерзения,— сказал его племянник и помощник.

— При таком расстоянии ничего другого ожидать не приходится. Тем не менее, мы сами можем заполнить некоторые бреши, если допустим, что их адмирал достаточно благоразумен. Я почти уверен в том, что его клещи состоят из двух половин, каждая из которых движется с диаметрально противоположных направлений с севера и юга эклиптического уровня... Вот так,— Ферун указал направление.— Теперь он должен иметь резервы. Чтобы избежать создания широкой цепи со значительным риском быть преждевременно обнаруженным, они должны проходить по прямой от основного направления на Пано. И если бы этим занимался я, то поместил бы их неподалеку от эклиптики. Так что нужно ждать их нападения, по мере сближения двух частей этих клещей, вот сюда.— Он указал область.

Они стояли на мостике, обширном, как комната. Итрианам нужно место на то, чтобы расправить крылья. Но все же они были полностью связаны с кораблем его интеркомами, калькуляторами и офицерами. И еще более тесно связаны с тем великолепием, которое представлял им экран, местом, где началась бойня.

Шум, достигающий их слуха через сакасы силового поля, был слабым, как общий фон. Воздух был теплым и легким, ветерок колыбал их крылья. Пахло циннамонами и абердрагуном. Запахи битвы не проникнут сюда до тех пор, пока судно не окажется в

самом ее водовороте: члены команды очень быстро потеряют силы, если стимуляторы не будут работать на полную мощность.

План Феруна не позволял так рано посылать супердредноут навстречу случайностям. Сила его принадлежала последнему этапу этой игры. Вот тогда-то он и намеревался показать, почему оно получило свое название, тогда, давно, в битве на Итри.

На обоих бортах судна было написано на английском: «Адова скала».

Появилась новая череда сообщений. Указывались типы судов, насколько это позволяла проанализировать нейтронная эманация. Помощник насторожился. Хохолок его поднялся.

— Так много врагов за такой короткий промежуток времени? Дядя, новости, кажется, плохие!

— Мы этого ожидали! Не позволяй этой игрушке загипнотизировать себя. Я видал вещи и похуже. Половина меня регенерирована после полученных в битвах ранений. А я все еще копчу небо.

— Прости меня, дядя, но большая часть твоих битв была полицейскими актами в пределах Доминиона. А сейчас на нас идет сама Империя!

Ферун подумал: «Мне об этом хорошо известно. Я тоже изучал материалы о прекрасно развитой военной технике. Как практически, так и теоретически».

Вслух он сказал:

— Компьютеры, роботы, машины — это лишь полдела во время войны. Есть еще мозг и сердце.

Кладая когтями, он прошел по палубе к видеоэкрану и взгляделся в него. Его тренированный взгляд заметил среди звезд мерцание — один единственный корабль. Вся остальная часть флота терялась в необъятности, через которую они летели.

— Начинается новый бой, — сказал он в интерком.

Ферун, не двигаясь, ждал деталей. В его голове промелькнули слова, вычитанные им в одной из земных книг, которые доставили ему столько удовольствия. «Страх перед королем подобен львиному рыку. Тот, кто вызывает его гнев, грешит против собственной души».

Часы выстраивались в дни, пока два флота своими тяжелыми дивизиями ощупывали горло друг друга.

Подумайте только: при ускорении, равном одной земной гравитации, корабль, движущийся от «начальной точки», мог покрыть одну астрономическую единицу — около 149 миллионов километров — примерно за пятьдесят часов. В конце этого периода он приобретал скорость 1060 километров в секунду. За время, в два раза больше этого, он двигался с удвоенной

скоростью и должен был покрыть четыре начальных расстояния. Неважно, какая часть маневренности исходит от гравитационного толчка, который действует на ту ткань тесных связей, которую мы называем «космосом» — данные такого высокого порядка быстро не изменишь.

Нельзя скидывать со счетов и огромность расстояния, даже межпланетного. Сфера радиусом в одну астрономическую единицу имеет объем примерно в тринадцать миллионов земных радиусов. Умножение этого радиуса на десять означает умножение объема на тысячу. Неважно, насколько чувствительны приборы — все равно невозможно даже провести точные измерения в пределах непосредственного окружения, не зная, где находится предмет поисков сейчас, если сигналы ограничены световой скоростью. По мере того как нарастает снежный ком неточных данных, изменяются не только параметры вычислений битвы, изменяются сами результаты. Кто-то обнаруживал, что потерял часы на путешествии, которое оказалось бесполезным и даже вредным, и еще массу часов или дней на попытку сгладить неприятное последствие неудачного маневра.

Но потом, в мгновение ока, вдруг окажется, что все оказались в непосредственной близости для битвы, которая может завершиться в секунды.

«Номер семь, вперед!» — предупредил робот-диспетчер, — и «Звезда-охотница» ринулась в бой.

Ее двигатели заработали на полную мощность.

Тело Филиппа Рошфора, сидящего в кресле пилота, пронзила дрожь.

Над приборной панелью, над его шлемом и чуть сбоку, за его плечами, видеозэкраны показывали полусферу с солнцами. Лаура, свечение которой было таким ярким, что ослепляло его, походила на диск, расположенный между двумя крыльями зодиакального света.

Его радар тревоги свистнул и включился, как будто стрелка закружилась вокруг чистого шара. Сердце его подскочило в груди. Он не мог не смотреть туда. И он успел заметить движение цилиндра, направлявшегося к огромному корпусу «Аизы».

Во время рывка гравитационный экран в этой части материнского корабля должен быть включен. Но ничего, что могло бы отвести торпеду, не было в его распоряжении. Если она войдет в контакт и сдетонирует... В вакууме несколько килотонн не являются столь плачевно разрушающими, как в воздухе или в воде, да и корабль-столица бронирован и защищен против сотрясений и жара, снабжен такой плотной защитой, которая в состоянии отсечь могущую проникнуть внутрь жесткую радиацию.

И все равно корабль будет серьезно ранен, возможно, покалечен, а люди получат ужасные травмы и обгорят настолько, что станут молить о смерти.

Вспыхнул энергетический луч. Хлынула мгновенная инконденсация. Сенсоры передали свои открытия нужному компьютеру. Одно из орудий Ва Чау перехватило торпеду.

— Молодец! — крикнул в интерком Рошфор. — Отлично! — Он нацелил свои детекторы на поиски лодки, которая должна была быть достаточно близко, чтобы послать метательный снаряд.

— Зарегистрировано! Установлено!

«Звезда-охотница» устремилась вперед. «Аиза» мерцала среди созвездий.

— Дай мне достаточно времени, чтобы вернуться в ряд, Абдуллах, — сказал Рошфор.

— Похоже, он о нас знает, — с каменным спокойствием сказал голос Хелу. — Все зависит от того, попытается ли он уйти или приблизиться к...

— Он ищет укрытия! — «Честно говоря, — подумал Рошфор, — я бы тоже его искал, когда тяжелый крейсер выплевывает лодки. Храбр тот капитан, когда рискнул подойти поближе». — Мы можем задержать его примерно через десять минут, если допустить, что он находится в стадии наивысшего ускорения. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь смог нам помочь, а если мы будем ждать, он удерет.

— Мы не ждем, — решил Рошфор.

Он вновь перенес все внимание на контрольные приборы, связался с контрольным пунктом и получил «добро». Тем временем он желал про себя, чтобы его пот не был таким обильным и едким. Однако страха не было. Его пульс был высоким, но ровным, и никогда он не видел звезды с такой отчетливостью и остротой. Было приятно сознавать, что он обладает той смелостью, которую развивает психотренинг Академии.

— Если победите, направляйтесь к... — последовал ряд номеров, усвоенных машиной, — и действуйте благоразумно. Мы различили там легкий боевой корабль. Мы и «Ганимед» попытаемся нейтрализовать его защиту! Удачи!

Голос умолк.

Лодка неслась все быстрее с каждой секундой, пока баллистический счетчик не указал на деселерацию.

Рошфор отдал необходимые указания.

В голове его пронесся отрывок из лекции-инструктажа: «Штурманы, оружейники, весь персонал должны принимать решения. Машины проверяют большую часть этих решений, устанавливают курсы, направляют и вводят в действие оружие, делая это быстрее и точнее, чем на то способны мускулы и нервы.

Машины, компьютеры сознательного уровня могут тоже быть построены таким образом, чтобы они могли решать. Так было и в прошлом. Но поскольку их логические способности не могут быть выше ваших и моих, им всегда присуще отсутствие некоей способности к обобщению, назовите это интуицией, или внутренним зрением, или как вам будет угодно. Далее, они были слишком дорогими для того, чтобы использовать их во время войны в нужном количестве. Вы, джентльмены, являетесь разностороннейшими компьютерами, имеющими причину сражаться и выжить! Компьютеры вашего сорта могут с успехом развиваться, я, не считая программирования, производиться в течение девяти месяцев в неподражаемых лабораториях».

Рошфор вспомнил, как шепнул своему товарищу, что не смеяться над бородатой остротой — крупный недостаток.

— Направление! — сказал Хелу.

Появились энергетические лучи. Куча летящих потоков, которые прокладывали световую трассу.

Часть их коснулась «Звезды-охотницы».

Автомат изменил направление лодки раньше, чем лучи успели проникнуть в тонкую обшивку. Толчок! Внутреннее поле не могло полностью компенсировать внезапно увеличившуюся акселерацию. Рошфора так вдавило в кресло, что хрустнул скафандр.

Прошло! Вернулось нормальное давление. Они были живы. Даже надобности в заплате, похоже, не было. Если их и задело, то дырка была достаточно маленькой для самозаживления.

А впереди — видимый невооруженным взглядом враг!

Руками и голосом Рошфор отдал приказ двигаться прямо к этому яркому силуэту. Он рос чудовищно быстро. Два луча отделились от него.

Рошфор не изменил направления. Он надеялся на то, что Ва Чау сможет сфокусироваться на противнике и нанести удар раньше, чем они получат серьезное повреждение.

Вспышка! Еще вспышка! Попали!

Итрианин подошел настолько близко, что люди смогли различить изображенный на нем знак: колесо, спицы которого были цветочными лепестками. «Правда, что они ставят персональные знаки на небольшие суда, подобно тому, как мы даем своим неофициальные имена. Интересно, что означает этот?»

Ему говорили, что некоторые из скоростных судов несут на борту круглые заряды. Но твердые предметы, оказывающиеся на вашем пути, не слишком опасны, если только ускорение не превращается в десятки КПС.

Судно выпустило торпеду. Ва Чау почти сразу же сбил ее. «Звезда-охотница» вздрогнула.

Взрыв был таким близким, что клубы газов закрыли экран земного корабля.

Обломки достигли и их брони, и она загудела. Потом «Звезда-охотница» прошла мимо, одна в чистом пространстве. Ее противник превратился в облако, которое редело, пока не стало совсем невидимым. Все вещественное, что от него осталось, должно было распасться на метеориты, которые в секунды исчезли из виду.

— Извините за мою восторженность,— слабым голосом сказал Рошфор.— Но это было здорово!

— Последний взрыв был совсем близко,— сказал Хелу.— Нужно, чтобы нас осмотрели, когда вернемся.

— Угу! Но пока свое дело закончили.— Рошфор велел лодке изменить направление.— После того, как вы, парни, себя вели, никаких страхов быть не может.

Они пока еще не появились на месте событий, когда было передано радостное сообщение и они узнали о том, что отряд лодок и мелких судов уничтожил боевой корабль противника.

ГЛАВА 8

Объемы пространства, по мере ведения боевых действий, медленно вступали во взаимодействие и приближались друг к другу.

В кратчайшее время корабли выстроились в определенном порядке. Они образовали не только защитный барьер, но и сеть, препятствующую проникновению водородных бомб.

Эскадрилья из небольших судов могла путешествовать некоторое время отдельно. Если два главных соединения флотилии оказывались друг от друга на расстоянии сотни километров, это считалось очень близко.

Тем не менее, временный коммуникационный указатель опустился к нулю, надежность детекции увеличилась, смертельные стычки сделались более частыми.

Стало возможным узнать, и наверняка, какой оппонент вступил в игру и где. Стало возможным изобретать всевозможные ходы и вести за собой спутника.

Как заметил в отчете Саракоглу:

«Если бы каждая итрианская система обороны была столь же сложна, как у Лауры, нам мог бы понадобиться для борьбы с ней весь имперский флот. Здесь они удерживают приблизительно половину моих кораблей, что представляет собой шестую часть того, что мы собирались бросить на весь Доминион. Конечно, это не означает того, что действительные силы находятся в подобной

пропорции. По нашим стандартам, их слабое место — тяжелые суда. Но эскадренные миноносцы, а еще в большей степени корветы и торпедные лодки действуют удивительно эффективно. Я очень рад, что ни одно другое солнце, кроме Кетлена, и отдаленно не может сравниться с Лаурой!

Но наши успехи все же удовлетворительны! Если не использовать (данные вы получите позже) технический язык, можно сказать, что около половины того, что осталось от флота итриан, отступило к Авалону. Мы намерены преследовать их там, избавиться от них — и тогда планета окажется в нашей власти.

Остальная часть их флота рассыпалась и ушла в космос. Вне всякого сомнения, они намереваются поспрятаться на необитаемых планетах, лунах, астероидных системах, где у них могут быть базы, и оттуда совершать партизанские вылазки. Такая ситуация вызовет только несколько мелких стычек, правительство само их отзовет. Возможно, более крупные суда, обладающие способностью к гипердрайву, будут искать где-то подкрепления. И даже это не так уж важно.

Я не преуменьшаю способностей этих людей, они сражаются умело и доблестно. Может быть, они собираются использовать планетную защиту в соединении с теми кораблями, которые движутся сейчас по направлению к родной планете. Да отговорит их от этого Бог, и не столько во имя нас, сколько во имя их собственных жен и детей. Да поможет Бог их лидерам понять необходимость скорейшей капитуляции, прежде чем мы нанесем им решительный удар!»

Полудиск Авалона, сверкающий сапфиром, кружил среди звезд — такой маленький и такой близкий. Моргана двигалась с темной стороны.

Ферун вспомнил ночные полеты над ней в обществе Марр и прошептал:

— О, луна восторга моего, луна, не знающая ущерба...

— А? — спросил Дэниель Холм, чье изображение виднелось на экране.

— Ничего... Я просто отвлекся. — Ферун перевел дыхание. — Мы переживаем тяжелые времена. Они движутся слишком быстро. Я хочу удостовериться в том, что у тебя нет серьезных возражений против плана битвы.

Лазерному лучу понадобилось несколько секунд на то, чтобы путешествовать между флагманом и штаб-квартирой.

Ферун вернулся к своим переживаниям.

— Как будто я не говорил! — проворчал Холм. — Ты подвел «Адову скалу» слишком близко. Прекрасная цель!

— И я тебе говорил,— ответил Ферун.— Как флагманский корабль она нам больше не нужна.— «Я хотел бы умереть, но наши потери чересчур велики!» — подумал он.— Нам не нужна ее огневая способность, нам не нужно привлекать ею внимание врага. Вот почему я не рассчитывал на то, чтобы отправить ее на Кетлен. Там она превратилась бы еще в одну единицу. Здесь же она является центром нашей позиции. Если дела повернутся к лучшему, то она выживет. Я знаю, исход игры не гарантирован, но она со своими компьютерами была лучшим, что у меня есть. И именно на ней я и мой штаб можем начать разработку плана, о котором тебе известно. И спорить об этом в такое время бесполезно.

Молчание.

Моргана взошла еще выше над Авалоном, когда корабль двинулся в путь.

— Ладно...— Холм споткнулся на полуслове. Он похудел до такой степени, что его скулы торчали, как каменные гряды среди пустыни.— Я верю.

— Дядя, рапорт о неопознанном контакте,— сказал помощник Феруна.

— Уже? — Первый марчварден Авалона повернулся к экрану.— Слышал, Дэниель Холм? Прекрасных крыльев навсегда!

Он выключил цепь, прежде чем человек успел ответить.

— А теперь,— сказал он помощнику,— я хочу, чтобы орбита этого корабля была вычислена повторно! Составить план возможного передвижения землян... с их точки зрения, в свете той информации, которую мы имеем,— и соответственно связать их с нами!

Яркие искры пронзали пространство. Не каждый разрыв, даже большинство из них не означали попадание. Но они были довольно сильны.

«Три звезды» отделилась от своего крейсера. Немедленно ее детекторы опознали присутствие предмета. Анализ занял несколько секунд.

— Земной метеор, возможно пересечение, спутников поблизости нет.

— Добыча! — пропел Водан.— Пять минут на подготовку!

Корабль наполнился гулом голосов. Две недели и худший из маневров, оставляющий лишь несколько часов для отдыха — все это явилось тяжким испытанием.

Новый вектор указывал прямо на Авалон.

Планета все увеличивалась: он летел к Айат. У него не было сомнений в победе. «Три звезды» хорошо обгарила себя кровью. Она была, естественно, больше, чем соответствующий корабль

Империи — итрианам нужно было больше места, — и, соответственно, ускорение ее было немного больше. Но ее огневая сила могла по этой причине достичь большой мощи — и достигла!

Водан оторвался от насеста и поднялся в воздух. Он расправил крылья. Медленно взмахнув ими, он принялся наполнять тело кислородом, делая его сильным и подвижным.

Он услышал шелест: четверо его помощников делали то же самое. Звезды сияли над ним и вокруг него.

Три предмета занимали значительную часть места в кабинете Дэннеля Холма, а теперь и такое же место в его мыслях. Карта Авалона указывала наземные сооружения. Большинство из них было замаскировано, и — он так надеялся на это, что даже помолвился бы, если бы только верил в пользу подобной меры — большинство из них было неизвестно врагам. Вокруг голографического изображения плавали на многочисленных орбитах подобия пылинок. Многие станции были установлены несколько дней тому назад, перемещенные сюда из подземных автоматических заводов, которые тоже, как предполагалось, являлись тайной для врага. И, наконец, большой экран давал сведения о том, что было известно о различных кораблях.

Холм потянулся за сигаретой, но рот его и так был наполнен горечью дыма последних курений. «Выпить бы!» — подумал он. Но об этом не могло быть и речи: приемлемые для него снадобья лишь усиливали в нем состояние возбуждения, не слишком высоко поднимая жизненный тонус.

Он посмотрел на экран. «Да, они явно озабочены тем, чтобы поразить наш флагман, просто охотятся за ним».

Он подошел к окну.

Грей все еще лежал во тьме, но первые лучи дневного света уже ощупывали дома, бросали солнечные пятна на поверхность воды. Небо поднималось пурпурным сводом, звезды казались кляксами за защитными экранами.

Холм был один. Он был более одинок сейчас, чем когда-либо раньше, хотя его решений ожидали все люди этого мира. И он должен был оправдать ожидания: компьютеры были лишь советчиками. Он подумал, что именно так должен чувствовать себя пехотинец, готовый выстрелить.

— Есть! — крикнул Рошфор.

Он увидел движущуюся точку света на видеозэкране. Свечение ее достигало высшего накала.

По мере того как он наблюдал за ней, она росла, превратилась в иглу, потом в спицу, потом в игрушку, потом в остроносый охотничий корабль, на боку которого сверкали три звезды.

Направление его было почти параллельным курсу «Метеора».

«Странно,— подумал Рошфор,— как близко подходит «Аиза», не встречая при этом никакого сопротивления. Собираются ли они оказать нам лишь формальное сопротивление? Я бы страшно не хотел никого убивать ради простой формальности».

Планета приближалась таким образом, что слева оставался большой диск дневного света; лазурь, бирюза, индиго — тысячи различных голубых оттенков под все покрывающей чистотой облаков, и единая масса земли: зеленая, коричневая и рыжеватая. Справа была темнота, но лунный свет таинственно мерцал над океанами воды и воздуха.

Ва Чау послал пробный луч. Никаких видимых результатов! Порядок был превосходным. Надолго он таким останется. Теперь Рошфор мог видеть вражеский корабль без помощи какой-либо оптики.

На некоторых экранах он еще только начинал появляться. Но он уверенно скользил среди звезд и был более реальным, чем вспыхивающие вокруг комочки света.

Космос сверкал на тысячу километров вокруг гигантского сфероида «Адовой скалы».

Она не пыталась увернуться, при ее массе это все равно было бесполезно.

Она шла по орбите вокруг своего мира.

Вражеский корабль выныривал, снова нырял, проходил мимо и возвращался. Их было много, а она была одна, если не считать облака вспомогательных метеоров и комет. Но огневая мощь ее была великолепной. Еще более удивительными были ее приборные и компьютерные способности. Она не получила никаких повреждений. Когда секция экранов поднималась для пропуска судов, энергия орудий сразу направлялась на защиту открытого места.

Лучи поражали цель. Но ни один не мог быть удержан до приближения нового, что дало бы возможность безостановочно бить в тяжелую стенку. Бомбы, дающие смертельную радиацию, взрывались в пределах защиты. Но гамма-лучи и нейтроны, слой за слоем, впитывались внутренними полями. Однако до последнего слоя, за которым трудились живые существа, добиралось столь малое их количество, что воздействие лучей легко устранилось с помощью самых обычных мер.

Она была построена в космосе и никогда не касалась земли. Планетоид на свой особый манер, она поражала корабль за кораблем, которые кидались на нее.

Супердредноут Кайала был сильнее остальных. Но нельзя было рисковать «Валендересем».

Главная цель всей этой горы оружия и брони состояла в том, чтобы защищать командование флотилией.

Когда сообщение достигло командующего, он изучил данные.

— Мы теряем малые суда. Она поедает их, — сказал он, главным образом, сам себе. — Мне страшно не хочется посылать большие корабли. Похоже, что враг располагает защитой гораздо более развитой, чем мы предполагали. Но близость, быстрота и маневренность не дадут им того, на что они рассчитывают. Мы должны употребить все свои силы на то, чтобы вывести из строя это чудовище. И мы должны сделать это раньше, чем превратимся в настоящую угрозу для этой планеты. — Он потерев бородку. — Итак... «Персей», «Аиза», «Миnor», «Регулас», «Юпитер» и вспомогательные корабли должны выполнить эту работу... достаточно быстро и на достаточном расстоянии, чтобы успеть подготовиться к тому, что может предложить нам эта планета!

Тактические компьютеры размножили и предали его сообщение. Приказ был отдан!

Водан увидел, что торпеда прошла мимо.

— Хей, хорошо! — крикнул он. Будь их мощь чуть меньше — и встреча была бы неминуема.

Метательный снаряд начал было маневрировать, но одно из орудий уничтожило его.

Судно землян виднелось впереди, чуть левее и ниже. Приборы Водана сообщили, что боковая маневренность корабля противника более совершенна по сравнению с прямой. Командир его, по-видимому, надеялся встать на курс итрианского судна за много километров впереди, освободить череду радарных окон и создать огненный заслон такой мощности, чтобы лучи успели достичь своей цели прежде, чем будут отражены.

Поскольку итриане, подобно землянам, не сражались в скафандрах — какое живое существо может вынести в подобной оболочке больше нескольких часов, не спятив при этом, — большая дыра в отсеке должна была убить их.

А сын Зиккаурха молодец, с радостью отметил Водан. Дуэль, хотя и неуклюжая и нервная, как это всегда было в космосе, велась с такой уверенностью, как будто дело происходило в атмосфере. Пока она длилась, Авалон на боковых экранах увеличился до огромных размеров. Собственно, они были к

атмосфере ближе, чем допускало благоразумие. Лучше закончить это дело.

Водан понял, как это сделать.

Он начал немного замедлять ход, как будто намеревался пойти по косой, он подумал, что землянин должен будет решить так: «Он понял мой замысел. Когда я ослеплю его радар, он попытается ускользнуть от моего огня в непредсказуемом направлении. Да, но мы находимся под действием гипердрайва. Он не сможет перекрыть конус возможного изменения направления».

Для этого, однако, орудию требовался постоянный вектор. В противном случае включалось слишком много побочных факторов, и цель получала великолепную возможность ускользнуть. Тогда, если догадка Водана верна, на долю минуты его корабль получит преимущество в скорости. А преимущество в орудийной мощи у него уже есть.

Землянин вполне может ожидать появления торпеды и считать, что он легко от нее избавится. Он может не оценить того, насколько велика концентрация энергии его противника, та ее часть, которая может быть выпущена в кратчайший промежуток времени, когда все прожекторы работают на полную мощность.

Водан произвел вычисления. Оружейники приготовились.

Метеор ринулся вперед, гном на фоне светящегося Авалона.

Внезапно на него налетел блестящий туман. Несколько мгновений — и туман превратился в плотную завесу. И скрыл как один корабль, так и другой.

Буря длилась 30 секунд.

Металлическая пыль рассеялась. Авалон снова сверкал, огромный и спокойный.

Водан прекратил огонь, прежде чем успел выгореть его прожектор. Он использовал магнификацию и увидел дыру, зиявшую в стволе управления вражеского корабля. Вылетела струйка белого пара. С ускорением все было покончено.

Радость наполнила грудь Водана.

— Мы его поразили! — закричал он.

— Он мог собрать торпеды в другом месте, — обеспокоенно предположил инженер.

— Нет! Посмотри сам, если хочешь. Его силовой отсек принял этот удар на себя, не осталось ничего, кроме электрического резервуара. Если он использует его на полную мощность, в чем я сомневаюсь, он все равно не сможет дать кораблю такую начальную скорость, чтобы тот смог причинить нам достаточно беспокойства.

— Мы его прикончим?

— Посмотрим, есть ли сопровождающие. Стандартная связь... Вызываем Имперский метеор! Вызываем Имперский метеор!

«Еще один трофей для тебя, Аят!»

«Адова скала» содрогалась и гудела. Рев наполнял ее помещения. Воздух был горьким от дыма, тяжелым от криков и громких команд, топота бегущих ног и шелеста крыльев.

Отсек за отсеком открывались в космос. Скользили переборки, отделяя искореженный металл и обезображенные тела от живых.

Она боролась, она могла бороться с помощью того, что осталось от ее автоматики, даже после того, как уйдет последний член команды — она прикрывала этот уход.

Этими последними членами были Ферун, его штаб и несколько рядовых из Миствуд, которым было обещано право верности их Виваном.

Они пробирались по коридору, спотыкаясь и скользя. Те секции, где панели и облицовка осели под натиском обломков, лежали в темноте.

— Сколько пройдет времени, прежде чем они разорвут ее на куски? — спросил один из помощников Феруна.

— Может быть, час, — высказал тот догадку. — Тот, кто построил наш корабль, проделал неплохую работу. Конечно, Авалон вмешается гораздо раньше.

— Когда же?

— Дэннелль Холм должен это решить.

Они спустились в спасательную шлюпку.

Ферун сел за пульт управления. Судно поднялось за счет внутренних полей. По бокам его интенсивно разошлись волны. Оно рванулось вперед.

Он оглянулся. Флагман был изувечен, раздавлен и смят! Местами металл расплавился до такой степени, что потерял форму. Местами он просто перестал существовать. Если бы бомбардировка могла сосредоточиться на тех местах, где защита была прорвана, мегатонна-другая взрывчатых веществ прекратила бы корабль в пепел и газ. Но вероятность прямого попадания в средний ряд была слишком ничтожной, для того чтобы стоило ради нее рисковать главным судном. Лучше было бы держаться в стороне и пользоваться мощностью более мелких судов.

— Велика цена крыльям, — прошептал Ферун.

В этот миг он отринул и новые пути, и старые, и был просто итри, Миствуд, Марр, своими предками, их детьми!

Авалон ударил. Лодка подпрыгнула.

Под невыносимой тяжестью померкли видеозэкраны. Погас свет. Флайеры закружились, струдились в страхе, жаре и слепоте.

Все прошло. Лодка не получила серьезных повреждений. Включилась система заднего хода. Вернулась видимость, внешняя и внутренняя. Сбоку, на фоне разросшегося на полнеба огненного шара маячил силуэт «Адовой скалы».

Шелестящий шепот:

— Сколько... мегатонн?

— Не знаю,— сказал Ферун.— Должно быть, достаточно, чтобы избавиться от тех представителей Империи, которые нас атаковали?

— Чудо, что мы проскочили,— сказал его помощник. Каждое из перьев стояло дыбом и дрожало.

— Газы распространились на километры,— напомнил Ферун.— У нас нет экранных генераторов поля. Это так. Но к тому времени, как фронт достигнет нас, никакая энергия, даже, эквивалентная нескольким миллионам градусов, не сможет серьезно поднять нашу температуру.

Все замолчали. Мелкие взрывы вспыхивали и исчезали вдалеке, пронзая пространство энергетическими шпагами.

Глаза искали ответа во взглядах других. Ферун сказал сразу всем:

— Ионизационная радиация, первичная и вторичная. Я не могу оценить, насколько большую дозу мы получили. Приборы зашкалило. Но отчитаться мы все-таки сможем.

Он весь ушел в пилотирование. Марр ждала.

Рошфор на ощупь пробирался по коридору «Звезды-охотницы». Внутренний гравитационный генератор был выведен из строя.

Находясь в состоянии свободного падения, они стали невесомыми. И за пределами защитной оболочки все помещения были лишены воздуха. Тишина была такой полной, что он отчетливо слышал свое сердце; капли пота выступили на его лбу, щеках, носу, скапливались на лицевой части скафандра, мешая видеть, превращая свет в маслянистое пятно. Этот свет казался странным призраком в вакууме.

— Наблюдатель! — хрипло проговорил он в микрофон.— Наблюдатель, ты здесь?

— Боюсь, что нет! — отозвался в наушниках голос Хэлу из рубки.

Рошфор обнаружил маленькое тело Ва Чау за панелью, наполовину оторванной от опоры. Тот же луч, что искорежил панель, прошел сквозь скафандр и тело, настолько парализовав его, что только несколько капель крови плавали поблизости.

— С Ва Чау все? — спросил Хэлу.

— Да,— Рошфор обнял труп товарища и едва удержался от рыданий.

— От оружейного контроля что-нибудь осталось?

— Нет!

— Что ж! Думаю, я смогу выжать электроемкостную мощность в двигателе. От планеты нам на этом не удрать, но может быть, мы сможем сесть, не превратившись при этом в пар. Ну и выдумщик же я! Вам лучше вернуться на свое место, капитан!

Рошфор снял шлем, намереваясь закрыть выкаченные глаза Ва Чау, но веки не желали повиноваться. Он привязал тело к панели, чтобы обезопасить его и вернулся на свое место.

Световой сигнал был ослепляющим. Механически, не чувствуя ничего, кроме наполняющей душу скорби, он нажал на кнопку «принято».

Англик, с акцентом, немного гортанный и звенящий:

— Имперский метеор! Вы живы? Говорит авалонянин! Назовите себя, или мы выстрелим!

— Наз... наз...— Усилим воли, подавив готовый вырваться из груди стон, Рошфор сказал:

— Говорит капитан.

— Если хотите, мы можем взять вас на борт.

Рошфор вцепился в ручки кресла. Ноги его были как ватные.

— Итри соблюдает условия ведения военных действий,— сказал нечеловеческий голос.— Вы будете допрошены, но никакого вреда вам не причинят. Если вы откажетесь, мы будем вынуждены, предосторожности ради, уничтожить вас!

— Кх-х-х... м-м-м...

— Отвечайте немедленно! Мы слишком близко к Авалону! Опасность попасть в полосу огня возрастает с каждой минутой!

— Да,— услышал Рошфор свой голос.— Конечно, мы окружены!

— Хорошо! Я наблюдаю за тем, чтобы вы не включили вновь ваш двигатель! Не делайте этого. Мы нейтрализуем скорость! Привяжитесь и прыгайте в космос! Мы нацелим на вас тянущий винт и втащим на борт по возможности быстро. Понятно? Повторите!

Рошфор повиновался.

— Вы хорошо сражались,— сказал итрианин.— Вы показали смертельную храбрость! Я сочту за честь приветствовать вас на борту моего судна.— Наступила тишина.

Рошфор вызвал Хелу.

Люди обмотались концами кабеля, сняли заслон и приготовились к свободному падению. За километры от них виднелось судно с тремя звездами на борту, летящее, как птица.

Небеса озарились вспышкой.

Когда красная дымка перестала застилать их взоры, Хелу сдавленным голосом произнес:

— Аллах акбар, аллах нибар... Они исчезли! Что это было?

— Прямое попадание! — сказал Рошфор.

Шок парализовал все его чувства, и теперь ему казалось, будто он пробуждается от глубокого сна. Но способность соображать вернулась к нему полностью.

— Они знали, что мы беспомощны и не имеем поблизости друзей. Но, несмотря на замечание, сделанное капитаном, они,

должно быть, забыли оглядеться в поисках собственных друзей. Орудия планетной базы начали стрелять. Я думаю, у них много торпед-охотниц. Наш двигатель был выключен. Их — нет. Торпеда шла на лучи.

— Как, у них нет опознавательных цепей?

— Очевидно, нет! Судя по тому, что они, похоже, делают, авалоняне не стали бы приносить в жертву качество ради количества и полагаться на знание диспозиций соединений. Было бы неразумным ожидать появления корабля так близко. Границы битвы очень расширились. Я думаю, что торпеда была подготовлена здесь на случай концентрации в этом месте имперских судов.

— Гм... — Они повисли между тьмой и сиянием. — Мы потеряли свой транспорт, — сказал Хелу.

— Тогда сотворим его сами, — ответил Рошфор. — Пошли!

Несмотря на внешнее спокойствие, он был потрясен результатами авалонского ответа.

ГЛАВА 9

Лодка остановилась, гудя и содрогаясь, лишь жар и сильный запах раскаленного железа напоминали о недавнем ее движении. Рошфор не сразу это почувствовал.

Он вынырнул из ничего несколькими минутами позже. Над ним стоял Хелу.

— Все о'кей, капитан? — Вначале голос инженера показался далеким, тихим жужжанием, а пот, выступивший на лице Рошфора, дымкой затенял его глаза.

— О'кей, — пробормотал он. — Дай мне... стимулятор.

Хелу так и сделал, присовокупив к таблетке стакан воды, которая показалась чудом одеревеневшему языку и воспаленному небу.

— Я был уверен, что с нами все кончено. Как тебе удалось нас посадить?

— Не помню! — был ответ Рошфора.

Наркотик подействовал, вернув ему ясность ума и чувств плюс некоторую долю энергии. Он смог восстановить в памяти, что делал в эти последние минуты. Энергии, сохранившейся в батареях, было недостаточно, чтобы полностью контролировать скорость падения лодки на планету. Он использовал ее для контроля за состоянием корабля, для защиты его корпуса, чтобы тормозящая его атмосфера не сожгла судно. «Звезда-охотница» проскочила половину пути на тропопause, как камень мог бы

проскочить по поверхности воды, потом устремилась по касательной, которая закончилась бы тем, чем кончается путешествие для камня — ибо починить изуродованную корму было невозможно, а изолированная аппаратная стала бы слишком тяжелой, попав в воду, если бы Филиппу Рошфору не удалось различить (теперь он это припоминал) цепь островов и суметь совершить посадку на одном из них.

Некоторое время он с благоговением впитывал в себя сознание, что он жив; потом он снял скафандр. Он и Хелу, каждый на свой лад, вознесли благодарность за свое спасение. Они добавили к ней пожелание мира душе Ва Чау.

К этому времени корпус остыл настолько, что до него можно было дотронуться рукой.

Они обнаружили, что внешний клапан был оторван, когда лодка понеслась по поверхности.

— Хороший воздух! — сказал Хелу.

Рошфор с благодарностью вдохнул его в себя. Дело было не только в том, что в рубке было жарко и душно. В живом мире ни одна регенерирующая система любого корабля не могла работать на полную мощность. Атмосфера, встретившая их сильными потоками свежего воздуха, была прохладной, ветерок — легким.

— Давление примерно равно земному, — продолжал Хелу. — Как может такая планета удерживать такое количество газа?

— Тебе, несомненно, приходилось встречаться с планетами подобного типа, — сказал Рошфор.

— Да, но я никогда не переставал удивляться. Теперь, когда Вселенная повернулась ко мне спиной, я хотел бы знать ее получше!

— Что ж, магнетизм помогает, — рассеянно объяснил Рошфор. — Поверхность маленькая, но, с другой стороны, вращение быстрое, что создает поле нужных размеров. Кроме того, полю нужно удерживать меньшее количество заряженных частиц, следовательно, и меньшее количество ультрафиолета и X-радиации. Солнце достаточно близко, но оно прохладнее, чем наше Солнце. Пики распределительных изгибов энергии находятся на более низкой частоте, а звездный дождь слабее.

Между тем он ощутил притяжение планеты.

Его вес равнялся четырем пятым земного. Когда теряешь шестнадцать килограммов, то замечаешь это сразу — вегетативный аппарат не вдруг приспосабливается к новым условиям, хотя через некоторое время подобное изменение воспринимается с радостью.

Он шагнул вперед и огляделся. Вокруг было пусто. С одной стороны островок заканчивался крутым обрывом. С другой он мягко опускался к воде, где прибой образовывал сердитую белую

пену. Шум его был слышен более чем на километр. А дальше море катило свои волны к горизонту, который, несмотря на авалонский радиус, не выглядел особенно близким по сравнению с земным или горизонтом Эсперансы.

Небо над ними было голубым, более ярким, чем на Земле. Солнце висело низко и двигалось в два раза быстрее, чем то, что освещало планету людей. Диск Лауры казался несколько большим, он давал золотистый свет. Виднелась и луна, путешествующая под непривычным углом.

Рошфор знал, что она была на самом деле меньше, но из-за близкого расстояния казалась более крупной.

То там, то здесь мелькали искры — чудовищные взрывы в космосе.

Рошфор отвратил от них свой разум. Для него война, вероятно, была окончена. Так пусть же она будет окончена для всех, прежде чем увеличится количество ее жертв!

Он перенес внимание на окружающую его жизнь. Судно опустилось на ковер низкой растительности, бериллово-зеленого вещества, покрывавшего остров.

— Я полагаю, это объясняет, почему на планете нет природных лесов, — пробормотал он, — что, в свою очередь, может объяснить, почему так мало развита животная жизнь.

— Эпоха динозавров? — спросил Хелу, наблюдая за стаей пролетающих мимо неуклюжих крылатых животных. Каждое из них имело четыре ноги.

— В общем, рептилоиды, хотя у некоторых есть волосы или приличных размеров сердце. Разрастаясь, они не упускают возможность приблизиться по форме к млекопитающим или птицам. Колонистам пришлось проделать много работы, дабы создать постоянные смешанные колонии, и они держат в запасе доброе количество земли, включая весь экваториальный континент.

— Ты что, действительно их изучал?

— Я интересовался. И... мне казалось, что я знаю, что представляют собой люди, с которыми мне предстоит воевать.

Хелу огляделся. Кустарник, кое-где деревья... Последние были невысокими и толстоствольными, или стройными и гибкими, чтобы выдерживать напор сильных ветров, которые могли возникать при быстром вращении. Сейчас здесь вполне могла быть осень: множество цветов продолжало цвести, поражая глаз буйством алого, желтого и пурпурного. С некоторых растений свешивались гроздья фруктов.

— Можем ли мы есть местную пищу? — спросил Хелу.

— Да, конечно, — ответил Рошфор. — Если бы колонисты не могли использовать природные ресурсы, они никогда бы не преуспели в своих намерениях. Конечно, кое-что пришлось

добавить к местному ассортименту. Потом необходимо было развести домашних животных. Если бы мы питались исключительно авалонской пищей, то могли бы нажить кое-какие болезни. Но это не такой быстрый процесс, и я читал, что большая часть здешних растений очень вкусная! К несчастью, часть из них ядовита. Беда только в том, что я не знаю, что есть что!

— Гм! — Хелу потерял свои усики и нахмурился. — Нам лучше позвать кого-нибудь на помощь.

— Не спеши, — сказал Рошфор. — Давай вначале изучим то, что сможем. Не забудь, что лодка снабжена продовольствием на недели. Мы просто могли бы... — он замолчал. Одна мысль поразила его. — У нас есть неисполненная обязанность...

Они начали копать могилу и обнаружили, что зеленое покрытие представляет собой плотный слой, а земля под ним глинистая и вязкая.

Закат превратился в пламя, прежде чем они похоронили Ва Чау.

Полная луна должна была давать достаточно света: она была расположена на такой высоте и под таким углом, что сила ее свечения должна была в три раза превышать яркость земной Луны. Сегодня светил лишь тонкий месяц, но чтению службы помогли сверкающие белым планеты и бесчисленные звезды. Большая часть созвездий была теми же самыми, на которые Рошфор смотрел в обществе Эвы Дэвиссон на Эсперансе. Три-четыре парсека не расстояние для Галактики.

«Существует ли жизнь после смерти? Я должен в это верить, — подумал он. — Отец, тебе, в какой бы форме я не видел тебя, вручаем мы это существо, нашего товарища. И мы молимся о том, чтобы ты даровал ему отдых, как молим и за себя! Будь милосерден! Будь милосерден! Будь милосерден!»

Маленькие вспышки наверху становились все более далекими.

— Рассыпаться, — приказал Кайал. — Уходить! Перегруппироваться на широкую орбиту!

— Однако, адмирал, — запротестовал капитан из его штаба, — их корабли, они используют шанс для побега, исчезновения в глубоком космосе!

Кайал переводил взгляд с одного экрана на другой. На него смотрели разные лица. Одни из них принадлежали гуманоидам, другие — нет, но все они были лицами офицеров Земной Империи. Он обнаружил, что ему трудно встречаться с их взглядами.

— Вам придется на это согласиться, — сказал он им. — На что мы согласиться не можем, так это на те потери, которые несем сейчас. Лаура только пролог! Если ценой ее захвата является

ожидание подкрепления, если мы дадим Итри время на реорганизацию,— значит, нам суждено положить эти факты в основу своей стратегии и всей этой войне предстоит стать долгой и дорогостоящей.

Он вздохнул.

— Будем честны перед собой, граждане,— сказал он.— Ваше знание этой системы было никуда не годным! Мы понятия не имели о том, какие укрепления созданы на Авалоне...

На орбите находились сотни автоматических станций, чьи силы питали исключительно защитные экраны и ищущие прожекторы. Подходить к ним было смертельно опасно. Между ними и планетой сновали суда, подносящие все, что могло быть необходимым для поддержания боевой готовности роботов.

На поверхности планеты и луны была создана шарообразная решетка детекторов, выступающих трубок, энергетического оружия, слишком объемного, чтобы его нес на борту даже самый большой космический корабль. Часть была скрыта глубоко в скалах или на дне океана, кое-что находилось на поверхности земли или воды. Возможность того, что судно или снаряд подойдут из космоса незамеченными, была действительно незначительной: мегаполя защищали каждое живое место.

В воздухе клубился рой патрульных судов, готовый применить силу против каждого, кто попытается сюда вторгнуться.

— ...и защитники великолепно использовали наше невежество. Они подтолкнули нас к такой конфигурации, которая позволила им с помощью их техники нанести жестокий удар! Мы оказались в мышеловке между планетой и их кораблями! Их флот сражается с дьявольским упорством, под давлением обстоятельств он становится неправдоподобно эффективным!

У нас нет выбора! Мы должны изменить обстоятельства — и быстро! Если мы отойдем за пределы досягаемости их защиты, то преимущество в численности снова окажется на нашей стороне, и, я уверен, их флоту придется оставить внешние области системы, как это говорил капитан Кхан.

— А потом, сэр? — спросил один из людей.— Что мы будем делать потом?

— Потом займемся переоценкой,— ответил ему Кайал.

— Можем ли мы нейтрализовать их с помощью того, что находится в нашем распоряжении в настоящий момент? — поинтересовался другой.

— Не знаю,— признался Кайал.

— Как они смогли это сделать? — воскликнул человек из-за бинтов, что маской покрывали его лицо. Его корабль был среди пораженных.— Какая-то несчастная колония!... Что там за население? Четырнадцать миллионов, большей частью ранчеры?... Как такое было возможно?

— Вам бы следовало это понять,— упрекнул его Кайал, хотя и мягко, потому что знал, что наркотики притупляют не только боль, но и способность мыслить.— Располагая свободной атомной энергией, совокупностью естественных ресурсов, достаточно развитой технологией, общество нуждается только в воле к созиданию. Машины производят машины. Через несколько лет вся продукция в действии; выпуск ее ограничивается лишь минеральными ресурсами, а в малонаселенном, главным образом, земледельческом мире, таком, как Авалон, в последних недостатка не будет.

Я мыслю себе так,— продолжал он громко, потому что любая мысль была лучше, чем мысль о том, какие страдания не далее как сегодня перенес его флот,— что сама пасторальная экономика упрощает дело содержания в тайне те великие усилия, которые затрачиваются на ее создание. Более развитое общество стало бы апеллировать к своей промышленности, что равносильно ее раскрытию. Авалонские лидеры, когда-то получившие карт-бланш, большинство своих приспособлений развивали с нуля, на территориях, где никто не живет.— Он кивнул.— Да, граждане, давайте признаемся себе, что нас смогли обмануть! — Он выпрямился.— Теперь мы должны спасти то, что сможем!

Началось обсуждение путей и возможностей. Несмотря на огромные потери, силы землян все еще были гигантскими. И они могли быть укреплены за огромными объемами пространства. Организация отступления сама по себе была большой операцией. И неизбежно должны были возникнуть еще неясности, неучтенные обстоятельства, непредвиденные катастрофы битвы. И авалонские космические капитаны показали такие свои качества, что от них вполне можно было ожидать выхода из битвы не иначе как с большими потерями для врага. И то будет не тактическим маневром, а ясной демонстрацией того, что уходом своим они не предадут свой народ.

Но как только компьютеры и мелкие чиновники смогут заняться разработкой деталей, начнется подготовка к отходу. Тогда Кайал сможет побыть один.

«Или не смогу? — подумал он.— Никогда больше не смогу! Повсюду будут поджидать меня призраки!»

Нет! Этот разгром не был его виной. Он действовал, используя ложную информацию. Саракоту... Нет, губернатор был гражданским лицом, вовлеченным в процесс сбора фактов лишь самым косвенным образом. И он постоянно работал, помогая пригото-

лениям. Сама флотская служба безопасности, весь флот, вся Империя являлись нитью слишком тонкой, чтобы протянуться через все пространство, такое необъятное, нечеловеческое. В конце концов, возможно, все усилия сократить мир человека были тщетными.

«Ты сделал что мог». Кайал понимал, что действовал неплохо. То, что случилось, нельзя было назвать разгромом, это было просто разочарование. Благодаря дисциплине и командованию, его флот понес гораздо меньшие потери, чем мог бы. Он остался несказанно сильным. Он усвоил полученные уроки, с тем, чтобы использовать их в дальнейшем.

И все равно призраки не исчезнут!

Кайал опустился на колени: «Христос, простивший воинов, помоги мне простить себя! Святые, не покидайте меня, пока не будет выполнено дело!»

Он прервал молитву и перевел взор с распятия на картину. «А ты, Елена, ты, которая сейчас на Небесах, должна еще любить меня, ибо никогда и ничто не могло ослабить твою любовь, так наблюдай же за мной! Держи мою руку!»

Под флайерами катил свои сейчас черные воды океан. Над ними были звезды и Млечный путь, чей холодный, как иней свет, прорезал теплый воздух.

Впереди мрачным облаком обрисовывались очертания острова. Табита слышала гул прибоя, то усиливающегося, то затихающего.

— Они уверены, что эта штуковина приземлилась там? — спросил один из шести сопровождающих ее и Драуна итриан.

— Или здесь, или в море, — проворчал ее спутник. — Для чего тогда домашняя охрана, если не для того, чтобы проверять показания детектора? А теперь тише и осторожнее! Если это была имперская лодка...

— Они ничего не смогут сделать, — заметила на это Табита. — Они беспомощны!

— Тогда почему они не позвали на помощь?

— Может быть, их передатчик не действует?

— А может быть, они задумали какую-нибудь игру? Я бы хотел этого. Этой ночью у нас было немало новоиспеченных мертвецов. Чем больше землян отправится в ад, тем лучше!

— Следуй собственным приказам и заткнись, — сказала Табита.

Иногда она самым серьезным образом обдумывала проблему своего сотрудничества с Драуном. Годы знакомства с ним показали ей, что он не верит по-настоящему в богов Старой веры, не считает нужным поддерживать традиции, как большинство людей Неба. Нет, он наслаждался самим процессом принесения

в жертву. И он много раз убивал на дуэли, сам бросал вызов, какие бы это не создавало ему осложнения впоследствии. И хотя он не злоупотреблял рабами, но нескольких держал, обращаясь с ними, как она чувствовала, никуда не годным образом.

И все же он был хорошим и, на собственный его лад, великодушным другом. Его лидерство на море великолепным образом соединялось с ее способностями управлять. Он мог быть отличной компанией, когда хотел. У него была милая жена, его детишки были неотразимыми и обожали свою родственницу Хилл, которая так любила их обнимать...

«А сама я безупречна? Судя по изгибам моего разума — нет!»

Они летели высоко над землей. Фотоусилители показывали ее серебристо-серую растительность, здесь и там отмеченную более высокими растениями.

На валунах капли росы принялись ловить лунный свет.

«Как он туда попал? В новостях сообщалось, что враг отброшен, но...»

Она пожалела, что не летит обнаженной в прозрачном, пронизанном нежным ароматом воздухе. Ее тело требовало одежды, кирасы, шлема, ботинок. Все это мешало, но в то же время... Хой!

— Смотрите! — указала она. — Свежий след!

Они сделали круг, пересекли дорогу, и под ними оказались обломки.

— Действительно земной! — сказал Драун.

Она увидела, как его гребешок и хвостовые перья поднялись дыбом. Он поднес к глазам бинокль:

— Двое снаружи! Хай!

— Стой! — рывкнула на него Табита, но он уже спускался.

Она обругала неуклюжесть поясов, повозилась с приборами и полетела за ним. Сзади следовали другие итриане, бластеры позвякивали у них на груди. Драун оставил свой пистолет в кобуре, а вместо него вытащил тяжелый изогнутый нож «фао» полметра длиной.

— Стоп! — крикнула Табита, перекрывая свист воздуха. — Дай им шанс сдаться!

Люди, стоящие у холмика свежевскопанной земли, подняли головы.

Драун испустил боевой клич. Рука одного человека дернулась к кобуре. И тут же на него налетел ураган. Крылья захлопали с такой силой, что воздух заклокотал. За два метра от земли Драун обратил свое падение в прыжок. Его правая рука занесла нож коротким полукругом, левая ударом ладони послала его вперед.

Голова землянина отделилась от туловища и упала, ужасающе подпрыгивая. Тело покачалось, как будто в нерешительности,

истекая кровью, потом рухнуло, как кукла, у которой сломались пружины.

— Хиа-а-а-ах! — выкрикнул Драун. — Адские крылья поразят вас перед моими товарищами по чосу! Они грядут!

Второй землянин отскочил назад. Его собственное оружие было у него в руке. Он выстрелил, и вспышка разрезала темноту.

«Прежде чем они его тоже убьют...» — у Табиты не было времени на составление планов. Она была в авангарде отряда. Безумный взгляд человека и дуло его оружия было нацелено на Драуна, чья ширококрылая тень не поднялась еще для второго захода. Она налетела на него сзади, потащила вниз, крепко вцепившись в него.

Они споткнулись, пояс не мог поднять их обоих. Она почувствовала, как бровь ее задела за корень, а щека больно проехала по земле.

Он перестал сопротивляться. Она отпустила его и склонилась над ним. О собственной боли и головокружении она не думала. Она увидела, что землянин жив, но находится в обморочном состоянии: он ударился виском о камень при падении. Кровь запеклась на кудрявых черных волосах, однако веки его дрогнули, и белки глаз отразили звездный свет. Он был высоким, темнокожим по авалонским стандартам... Люди с подобными хромосомами обычно вырастают под солнцем, более сильным, чем Лаура.

Итриане столпились поблизости, готовые наброситься в любую минуту. Табита вскочила на ноги. Она защищала землянина. Держа пистолет наготове, она выдохнула:

— Нет! Назад! Хватит убийств! Он — мой!

ГЛАВА 10

Ферун из Миствуда отчитался в Грее, устроил все свои дела и попрощался на несколько дней.

Дэннелю Холму он сказал:

— Я рад, что ты мой друг, Первый марчварден!

Губы его собеседника дрогнули.

— У тебя есть еще время, прежде чем... прежде чем...

Ферун покачал головой. Хохолок его безжизненно повис. Большая часть оставшихся перьев была тускло-белой. Он говорил едва слышным голосом, но его улыбка не изменилась:

— Нет, боюсь, что медики не смогут стимулировать регенерацию в подобном случае, когда заряд получила каждая клеточка.

Жаль, что имперцы не обстреляли нас ртутными парами, хотя ты счел бы и это варварством.

«Да, вы менее восприимчивы к тяжелым металлам, чем люди,— пронеслось в голове Холма.— Но хуже переносите жесткую радиацию».

Голос продолжал, спотыкаясь:

— Сейчас меня все время держат под действием наркотиков. Большая часть тех кто был со мной умерла. Но прежде чем я последую за ними, я должен передать остатки моей силы и знаний тебе.

— Мне?! — У человека перехватило дыхание.— Мне, который убил тебя?

Лицо Феруна окаменело.

— Сойди с этого насеста, Дэннел Холм! Если бы я считал, что ты на самом деле виноват, я бы не оставил тебя в кабинете... а может быть, и в живых. Любой, носящий в себе подобные глупые мысли просто опасен. Ты изучал мой план, да и пункт насчет крови тоже, не так ли?

Холм опустился на колени около друга. Основная кость стала острой, плоть вокруг нее истаяла, а кожа была лихорадочно горячей, и Дэннел чувствовал, как бьется сердце.

Ферун поднял голову. Крылья обняли человека, губы коснулись его в поцелуе.

— Ты помогал мне высоко летать,— сказал Ферун.— Если позволит война, окажи нам честь, прими участие в нашем ритуале. Прекрасных ветров навсегда!

Он вышел. Адьютант помог ему сесть в машину и повез на север, к лесам его часа, где ждала его Марр.

— Позвольте представиться, я — Хуан де Иесуса Кайал и Поломарес из Нью-Мехико, командующий морскими силами Его императорского величества в настоящей компании. Даю вам слово земного офицера, что луч плотный, управление автоматическое. Этот разговор будет записан, но не мониторизирован, а лента будет классифицирована как секретная.

Двое, смотревших на него с экрана, молчали. Тишина была такой, что Кайал осознал присутствие окружавшего его со всех сторон металла, услышал пульс машин, почувствовал слабый химический запах дующего в вентиляторы воздуха.

«Интересно,— подумал он,— какое я произвел на них впечатление. По выражению лица этого старого итрианина — Лъзу? да, Лъзу — не понять, а он, очевидно, представляет гражданскую власть».

Это существо сидело как мрачная статуя. Жили лишь желтые глаза в глубоких складках.

Дэннел Холм был весь в движении: то вставлял в рот сигарету, то вынимал ее, барабани пальцами по крышке стола, левая его щека немного подергивалась. Он был измученным, небритым, мрачным, в нем не было и следа имперской аккуратности. Но в нем не было и следа робости.

Именно он спросил наконец:

— Почему?

— Почему? — в удивлении ответил Кайал. — Почему я послал вам сигнал, приглашая на конференцию? Для того чтобы обсудить условия, конечно!

— Нет, для чего такая секретность? Не могу сказать, чтобы я поверил вам в этом, как впрочем и во всем другом!

Кайал почувствовал, что у него загорелись щеки. «Я не должен сердиться».

— Как вам будет угодно, адмирал Холм! Тем не менее, наградите меня, пожалуйста, какой-то долей здравого смысла. Не говоря уж о моральной стороне массовых жертв и напрасной траты богатств, вы должны понимать, что я хочу избежать ненужных потерь. Вот почему мы избрали дальнюю орбиту вокруг Авалона и Морганы и не проявляем никаких агрессивных намерений с тех пор, как на прошлой неделе закончилась битва. Теперь, когда мы знаем свои возможности, я готов сказать! И я надеюсь, что вы тоже хорошенько подумаете. Я не интересуюсь ни славой, ни оглаской. Подобные вещи нужны только для достижения практических целей. Поэтому наши переговоры должны носить конфиденциальный характер. Надеюсь, что вы воспользуетесь возможностью говорить также откровенно, как намерен делать это я, зная, что на ваше слово можно положиться!

— На наше — да! — сказал Холм.

— Прошу вас, — взмолился Кайал. — Вы сердитесь, вы бы убили меня, если бы могли, но несмотря на все это вы прежде всего профессионал. Мы оба исполняем свой долг, каким бы неприятным он ни был.

— Ну, тогда начнем! Чего вы хотите?

— Обсудить условия, как я уже сказал. Насколько я понимаю, мы втроем не можем осуществить или распорядиться сдачей, но...

— Я думаю, вы можете, — вмешался Льзу.

Он говорил на англике с сухим резким акцентом.

— Если боитесь последствий военного суда, гарантируем вам психиатрическую лечебницу.

Рот Кайала открылся сам собой.

— Что вы говорите?

— Мы должны быть уверены в том, что никаких уловок нет. Я предлагаю, чтобы вы одновременно вывели свои суда на замкнутую орбиту для погрузки. Транспортные суда для погрузки могут быть приведены в состояние готовности позже.

— Вы... вы... — Кайал глотнул. — Сэр, мне сказали, что ваш собственный титул переводится примерно как «судья» или «говорящий от имени закона». Судья, сейчас не время для шуток! — Если вы не собираетесь сдаваться, — сказал Холм, — то к чему все эти дискуссии?

— Речь идет о вашей капитуляции, пор Диас! — Кулак Кайала опустился на ручку кресла. — Я не собираюсь играть в словесные игры! Вы и так тянули достаточно долго! Но ваш флот был разбит! Небольшие действия с нашей стороны — и он был бы вообще загнан в угол. Мы контролируем все пространство вокруг. Помощь извне для вас невозможна. Все, что может быть безрассудно послано из других систем, будет развеяно в пыль, и командованию об этом известно. — Он подался вперед. — Нам страшно не хочется подвергать вашу планету бомбардировке. Пожалуйста, не вынуждайте нас к этому!

— Что ж, давайте, — ответил Холм. — Наши интенситоры с радостью попрактикуются!

— Но... вы считаете, что блокраннеры смогут... смогут... О, я знаю, насколько велика планета. Я знаю, что случайные маленькие суда могут проскочить мимо наших детекторных установок, ваших патрулей и станций. Но я знаю, какими маленькими должны быть эти суда, и насколько случаен должен быть их успех!

Холм яростно запыхтел сигаретой, прежде чем ему удалось ее раскурить.

— Да, конечно, — отрезал он. — Технический стандарт! Уничтожьте космический флот — и его планете придется уступить, иначе вы превратите ее в радиоактивную пыль! Неплохая работа для человека, а? Что же, мы с моими коллегами предвидели возможность подобной войны годы назад. Мы знали, что никогда не сможем создать флот, равный вашему, хотя бы только потому, что вы, ублюдки, имеете гораздо больше населения и территории. Но защита... адмирал, вы стоите у конца долгой череды коммуникаций и складов. Пограничные миры не могут создать флот, подобный вашему. Ваш флот — детище всей Империи! Мы здесь готовились только к тому, чтобы достойно его встретить. Мы можем проглотить все, что вы намерены в нас швырнуть!

— Абсолютно?

— О'кей, допустим, при удаче, вам удастся приземлиться с боевым зарядным отделением, и оно может быть большим и грязным. Мы это выдержим, домашние охраны снабжены обеззараживающими средствами. Шанс за то, что ему удастся добиться чего-нибудь важного, равен шансу выиграть игру тройкой против королевского флеша. Ни один ваш корабль не сможет достаточно близко подойти к энергетическому прожектору, такому сильному,

что он может разглядеть даже, что делается у вас в желудке! А у наших наземных фотонных генераторов нет ограничений ни в размере, ни в массе. Мы можем использовать целые реки воды, чтобы охладить их, пока их носы будут изгонять вас с нашего неба. А теперь скажите мне, почему в этом пылающем хаосе мы должны сдаваться?

Кайал сел. Он почувствовал себя так, как будто ему нанесли удар в спину.

— Неплохо было бы узнать, какие условия вы можете предложить,— монотонно сказал Лъзу.

«Спасение расы? Эти итриане должны быть чертовски гордыми, но не до безумия же». Надежда вновь ожила в Кайале.

— Условия будут самыми почетными,— сказал он.— Ваши корабли должны быть конфискованы, но они не будут использованы против Итри, а персонал может отправиться домой, причем офицеры имеют право сохранить оружие. То же самое относительно вашей защиты. Вы должны согласиться на оккупацию и кооперировать с военным правительством, но будет приложено максимум усилий, чтобы все с уважением относились к вашим законам и обычаям; индивидуумы получают право подавать петиции с требованиями, а те земляне, которые превысят свой статус, будут наказываться так же сурово, как авалонцы в аналогичных случаях. В общем, если население будет правильно себя вести, я сомневаюсь что оно вообще увидит имперские суда.

— А после войны?

— Такие вопросы разрешает королевская власть, но думаю, что вы будете включены в состав Реорганизованного Сектора. И вы должны знать, что губернатор Саракоглу — человек деятельный и добрый. Насколько только это будет возможным, Империя позволит развиваться местному образу жизни.

— Позволит! Весомое слово! Но пусть так. Давайте обсудим вопрос демократии. Сможем ли мы остановить возможную волну иммиграции, прежде чем она нас захлестнет?

— Пожалуй, нет. Гражданам гарантирована свобода передвижения. Это одно из положений, за которые стоит Империя. Черт возьми, нельзя же так самолюбиво преграждать путь прогрессу только потому, что вы стоите за архаизм!

— Обсуждать больше нечего. Всего хорошего, адмирал!

— Нет, подождите! Вы не можете... сами приговорить свой народ!

— Если Круач и Парламент изменят свои точки зрения, вы будете проинформированы.

— Но послушайте! Вы позволяете им умереть ни за что,— с жаром заговорил Кайал.— Эта граница должна быть укреплена. Вы, весь Доминион, Итри все равно не сможете помешать этому процессу. Вы можете только продолжать убийства, весь этот

фарс. И вы будете наказаны за свое упрямство тем, что вам придется принять мир на более худших условиях, чем вы могли бы получить! Послушайте, в этом деле не одна сторона: вы войдете в состав Империи! Вы получите возможность торговать, получите широкие контакты, защиту! Соглашайтесь на сотрудничество, и у вас будет равноправное государство, со всеми привилегиями, какие только возможны. Через несколько лет все индивидуумы получают земное гражданство. Естественно, весь Авалон станет частью Великой Земли. Ради любви к богу, будьте реалистами!

— Мы и есть реалисты! — сказал Лэзу.

Холм усмехнулся. Оба экрана померкли.

Несколько мгновений Кайал сидел, глядя на них невидящим взглядом. «Они не могли говорить серьезно. Не могли!» Дважды он протягивал руку к интеркому. Нужно повторить вызов. Может быть, это какое-то детское упрямство, чтобы вынудить Империю пойти еще на какие-нибудь уступки?

Рука его упала. «Нет, я отвечаю за наше собственное достоинство!»

Решение пришло само. Пусть план «Два» будет отложен. Оставить необходимые военные силы охранять Авалон. На это понадобится не так уж много судов. Единственная реальная возможность помешать переправке значительных ресурсов этого мира на Итри и защитить Империю от баз Авалона. Осада потребует большего количества людей и кораблей, чем этого потребовала бы оккупация, но придется их потратить.

Важным было не упустить момент.

Свободные корабли должны быть немедленно отосланы к Кхрау и Хру на тот случай, если там повторятся подобные попытки. К первой системе он поведет флот сам, ко второй — его помощник. То, что они узнали здесь, очень им поможет.

И он был уверен, что в дальнейшем их ожидают быстрые победы. Служба безопасности поняла впросак в деле изучения действенности авалонского оружия, но не самого факта: его скрыть было невозможно. По некоторым сведениям он знал, что остальные планеты не имели своего ворчащего Дэннеля Холма, способного за годы развить такую защиту. Он знал, что другие итрианские колонии обладают маленькими и плохо скоординированными между собой флотами, а сами миры не вооружены.

Кетлен, солнце этого сектора, являло собой большую угрозу. Но пусть себе показывает свою силу, Кайал надеялся, что враги его будут достаточно благоразумны и капитулируют раньше, чем он поразит их в самое сердце.

«А потом, после короткого перемирия, несколько искалеченных молекул подарят нам Авалон. Отлично! Лучше, чем борьба... Знают ли они об этом? Хотят ли они лишь продлить на несколько

недель, не больше, иллюзию свободы? Что ж, надеюсь, цена, которую им придется за это заплатить — жизни, разрушения, реконструкция всего их общества, — надеюсь, что эта цена не покажется им непомерно большой, потому что терпение — это то, что станет для них основой дальнейшего существования!»

Перед заходом солнца Ферун покинул Миствуд.

В тот день его родной край вполне отвечал своему названию. Туман стелился холодной сырой дымкой, тянувшейся со стороны моря. Особенно густой она была вокруг деревьев, так что они казались странными и призрачными; влага капала с ветвей на опавшие листья, образуя в некоторых местах маленькие озера прозрачной воды. Но дальше, в глубине острова, где остался Старый Авалон, раздавались звуки, пугавшие животных. Они неслись от дома Феруна.

Собирались крылья. Звук трубы прорезал тишину ночи. Впереди шли его сыновья, встречая товарищей по чосу.

Они несли тело, положенное на носилки. Рядом летели его ухоты, озадаченные неподвижностью своего хозяина.

Потом шла вдова. За ней — его дочери, их мужья и взрослые сыновья, несущие факелы.

Били по воздуху крылья. Свет прорезал тьму. Шествие поднималось в воздух. Когда факелы оказались вознесенными над завесой тумана, тот обратился в голубоватый призрачный занавес над бледным, как лед, свечением на востоке. На западе, над морем, сверкали королевским пурпуром последние звезды.

А процессия продолжала подниматься, пока не достигла тех слоев воздуха, которые только можно было достичь. Здесь воздух был разреженным и холодным, но на краю мерцающего мира снежные пики Матери погоды уже согревались еще скрытым от взоров солнцем.

Кортеж направлялся к северу.

Дэннел Холм и его семья, следующие за остальными в тяжелом снаряжении и масках для дыхания, видели над собой мелькание крыльев. Они едва различали свет факелов, казавшийся им таким же далеким, как свет самых далеких звезд. Более отчетливым было биение крыльев. Если не считать этого, тишина была полной.

Они достигли земель, сохранивших свою первозданность — уступы, валуны, быстро бегущие речки.

Здесь сыновья Феруна остановились.

Раскинув крылья, парили они в первых волнах тепла еще не наступившего утра. Впереди была мать, по бокам — члены клана, сзади — чос. И вот над горами поднялось солнце.

К Феруну подлетел новый Виван Миствуда. Еще раз он протрубил сигнал и трижды выкрикнул имя умершего. Подлетела и Марр и запечатлела на лбу мужа прощальный поцелуй. Потом Виван произнес слова Новой Веры, которым было тысячи лет.

— Высоко летел твой дух над многими ветрами, но внизу настиг тебя наконец крылатый Бог охоты! Ты встретил его в гордости, ты сражался с ним доблестно, от тебя он узнал о чести! Умри же теперь, оставшееся да будет водой и листьями, да поднимется ветром. А ты, дух, останься навсегда незабвенным!

Сыновья подняли носилки. Тело упало, а за ним упали факелы.

Марр двинулась вперед и вниз, начав танец неба. Остальные последовали за ней.

Повиснув между пустотой и вечностью, Дэннелль Хо́йм сказал Кристоферу:

— А эти земляне думают, что мы им сдадимся!

ГЛАВА 11

Льзу из Тарнов заговорил:

— Мы встретились на Великом Круаче Авалона, где свободный народ может избрать свой путь. Наш враг потерял повсюду много силы, направленной против нас. Но это не победа, ибо оставшиеся суда устремятся против Доминиона.

Тем временем он оставил значительное количество судов, которые должны отрезать нас от остального мира. Вряд ли они нападут на нас. Но они будут искать и стараться уничтожить наши базы на родственных планетах и те наши военные корабли, которые остались в космосе. Мы можем до бесконечности развивать нашу защиту. И все же нельзя поручиться за то, что мы будем покорены. Возможно, что это и правда. Потом он объявил, что мы можем ожидать лучшего обращения, если сдадимся сейчас, чем если будем продолжать войну, хотя самое лучшее, на что мы можем рассчитывать — это попасть под власть имперского закона и обычаев. И это, конечно, правда.

Те, кто говорили от вашего имени, отклонили эти предложения, так как не могли поступить иначе, пока вы все не соберетесь и не решите. Я напоминаю вам о сложностях продолжения войны и о жестоких условиях мира, которые ожидают нас в случае поражения. Более того, я напоминаю вам, что если мы все-таки продолжим сопротивление, свободному народу Авалона придется отказаться от многих своих прав и

подчиниться диктату военных лидеров настолько, насколько этого потребует обстановка.

— Что говорят часы?

Он и его коллеги стояли на старинном участке, расположенном на Первом Острове Гесцериянского моря. За ними возвышался дом Дэвида Фалкайна. Перед ними зеленая лужайка полого спускалась к берегу и прибою. Но не было видно никаких кабин, никаких палаток, ни один корабль не стоял на якоре, не было потока делегатов, стремящихся занять свои места под деревьями.

На церемонии не было времени. Выбранные на региональных митингах и индивидуумы, желающие говорить, сообщались с остальными с помощью электронной техники.

Вооруженный компьютерами штаб работал на полную мощность. Несмотря на нелюбовь к речам среднего итрианина, несмотря на его всегдашнюю боязнь показаться смешным, рассуждая об очевидных вещах, все же, когда почти два миллиона взрослых оказались перед лицом такого серьезного, как этот, момента, желающих высказаться должно было оказаться столько, что без отбора ораторов выступлений хватило бы на год вперед. Тем, кому слово было предоставлено, предстояло ждать своей очереди.

Аринниан знал, что его должны вызвать. Он расположился рядом с Айат перед большим экраном. Они сидели на широкой передней скамье. За ними громоздились ряды сидений, на которых восседали члены дома Литрана и Блоусы с хозяевами во главе.

Медленно произносимые слова Лъзу только усугубляли тишину большого темного помещения, чьи стены были увешаны оружием.

И так же подчеркивал эту тишину шелест перьев, стук когтей или алатана, когда кто-нибудь слегка шевелился.

Воздух был пропитан запахом дерева и итрианских тел. Ветерок, проникающий в открытое окно, добавлял к ним еще запах сырой земли. Он шевелил свисающие с флагштоков знамена.

— Отчитаться о фактах, касающихся...

На экране возникло изображение ранчера. За ним виднелась прерия Северного Коронана. Пастбище вдаль, стадо нагруженных ношей циррауков, ведомое каким-то юнцом.

Появившийся на экране заговорил:

— Запасы продовольствия, сделанные на равнинах Лонг-Бич, были в этом году удовлетворительными. Прогнозы на новый сезон оптимистические. Нам удалось добиться того, что 75% запасов мяса в бункерах надежно защищены от радиации, и мы надеемся также успешно решить остальные задачи к середине зимы. Детали можно узнать в Центральной Библиотеке. Я закончил!

Снова возникло изображение Верховного Вивана, и тот вызвал следующего из выступающих.

Айат схватила Аринниана за руку. Он почувствовал, как бьется кровь в ее пальцах, когти на двух больших пальцах причиняли ему боль. Он посмотрел на нее. Бронзово-коричневый гребешок был поднят, янтарные глаза светились, как факелы. Меж полуоткрытых губ сверкали клыки.

— Сколько можно продолжать это бесполезное жужжание? — выдохнула она.

— Они должны знать всю правду, прежде чем решать, — прошептал он ей в ответ и почувствовал, что в спину ему устремились неодобрительные взгляды.

— Что решать, когда Водан в космосе?

— Ты помогаешь ему своим терпением, — сказал он и подумал:

«Интересно, кто я такой, чтобы давать советы? Хорошо, Айат была молода, я тоже, но сегодня я чувствую себя постаревшим, и так жестоко, что она не может даже надеяться на получение известия о том, с кем помолвлена, до самого конца войны. Ни один корабль не может передать сообщение на осажденный Авалон».

По крайней мере, было известно, что Водан среди тех, кто бежал. Слишком многие корабли вернулись на орбиту грудой обломков. Потери землян, конечно, были еще более значительными, благодаря ловушке Феруна и Холма. Но и итриан погибло так много, слишком много, подумал Аринниан, а что значит миллион землян?

— ...Вызывается глава охраны Западной Короны!

Он встал и сообразил, что будет гораздо удобнее, если он произнесет свою речь сидя. Он снова сел и начал говорить:

— Я — Аринниан из Врат Бури. Мы в хорошей форме, вооружены, тренируемся, принимаем рекрутов по мере их поступления. Но нам нужны дополнительные силы; поскольку еще никто не сказал об этом, я бы хотел напомнить всем, что, кроме офицеров, все несут службу по охране лишь в определенное время, причем время добровольцев может быть сокращено до такого минимума, чтобы это не мешало повседневной работе. Наша секция кооперируется с североорнезианской и теперь протянулась через весь архипелаг, и мы намерены аналогичным образом продолжить ее к югу и востоку до тех пор, пока не соединимся с Бреданом, Фьери и Островами Щита, чтобы обеспечить непрерывной защитой весь периметр Короны.

От имени моего отца, Первого марчвардена, я хотел бы указать на значительную брешь в защите Авалона. Речь идет о почти полном отсутствии охраны в экваториальной зоне. Там нет ничего, кроме нескольких прожекторов и орудий. Конечно, континент необитаем, это правда, но землянам об этом тоже

известно, и если они решатся на вторжение, то вряд ли станут заботиться при этом о сохранении местной экологии. Я хотел бы получить предложения по этому поводу и передать их дальше по нужным каналам.— Во рту у него пересохло.— Я закончил.

Он глубоко вздохнул. Айат взяла его за руку, на этот раз ее пожатие было более нежным. Судьба оказалась к нему милостивой — никто не задавал вопросов. Он вполне мог бы провести дискуссию по техническим проблемам с несколькими знающими особами, но два миллиона — многовато для человека, не обладающего политическими инстинктами.

Разговор казался бесконечным. Вот наконец было объявлено о голосовании, но до того момента, когда Лъзу объявил об том, что, согласно данным, 83% высказались за продолжение сопротивления, прошло чуть меньше шести часов. Люди не могли бы проделать все это так быстро.

— Что ж,— сказал Аринниан, возвышая голос в шуме расправляемых крыльев,— ничего удивительного!

Айат схватила его за руку.

— Идем,— сказала она.— Надень пояс. Я хочу немного размять крылья перед обедом!

Лил дождь, пахнувший небом. Когда они поднялись к облакам, то оба свернули к востоку, желая отделаться от товарищей по часу, тоже нуждавшихся в физической разминке.

Белели гребни снежных пиков и ледников, появились первые звезды, и наравне с ними сверкали несколько движущихся точек, орбитальные крепости.

Они летели в молчании, пока она не сказала:

— Я бы хотела присоединиться к охране!

— Гм?... А, да, конечно!

— Но не к летающему патрулю. Это нужное дело, я знаю, и приятное, если погода хорошая. Но мне не нужны удовольствия! Смотри, вон там поднимается Камелот. Может быть, Водан скрывается внутри его мертвой луны и ждет шанса рискнуть своей жизнью.

— Что бы ты предпочла? — спросил он.

Движение ее крыльев было более уверенным, чем ее голос.

— У тебя, конечно, целая прорва работы. Твой штат, несомненно, слишком мал, иначе ты бы не был так занят и не уставал бы так. Не могла бы я помочь?

— М-м... Но...

— Быть твоей ассистенткой, посыльным, секретарем? Я могу воспользоваться помощью электрограма и через несколько дней буду готова приступить к работе.

— Нет. Это слишком трудно.

— Я постараюсь. Испытай меня. Если я не справлюсь, уволишь меня, и мы все равно останемся друзьями. Но я думаю, что

смогу. Может быть, я справлюсь лучше многих других, тех, кто не знал тебя все эти годы и кто лучше подойдет для другой работы. Я смысленная и энергичная. Разве нет? И... Аринниан, мне так нужно быть с тобой! Так мне легче пережить это ужасное время! — Она потянулась к нему. Он схватил ее за руку.

— Хорошо, мой боевой друг! — И в тусклом свете звезд она была так же прекрасна, как в свете солнца или луны.

— Да, я назначу голосование на завтра,— сказал Мэттью Викери.

— И как, по-вашему, оно пройдет? — спросил Дэннел Холм. Президент вздохнул:

— А вы как думаете? О, военная фракция в Парламенте не имеет такого большинства, как в Круаче. Некоторые члены охотнее выразят свое мнение голосованием, нежели почтой. Но я видел результаты анализа почты, телефонных звонков и... Да, вам удастся протащить свою проклятую резолюцию. Вы получите необходимую вам власть, приостановив функции гражданского правительства, чего и добиваетесь. Мне очень хочется, чтобы вы прочли хотя бы некоторые из писем или просто просмотрели бы ряд записей. Я никогда не представлял, что в душах разумных существ столько древнего безумия.

— Борьбу за свой дом вы считаете безумием?

Викери поджал губы:

— Да, когда она не может быть выиграна!

— Я бы сказал, что мы уже кое-что выиграли. Мы разгромили огромную земную армаду. Мы пытаемся достичь еще больших результатов на Итри.

— Неужели вы действительно верите в то, что Доминион способен победить Империю? Холм, Империя не пойдет на компромисс! Встаньте на эту точку зрения хотя бы на минуту, если можете, единственный хранитель границ, защищающий их от вторжений варваров и чуждых цивилизаций, имеющих водородное оружие. Империя должна поддерживать веру в себя, в свою неуязвимость, иначе с ней все будет кончено.

— Мне до слез жаль Империю,— сказал Дэннел Холм,— но его Величество должен решать свои проблемы за счет кого-нибудь другого. Мы ему так просто не сдадимся! Кроме того, вы же знаете, что земляне не собираются высаживаться на Авалон.

— Им это и не нужно,— ответил Викери.— Если возникнет такая необходимость, они вернуться с новыми силами. А тем временем нам нужно придти в себя. — Он глубоко вздохнул.— Я считаю, что ваша игра будет стоить чрезвычайно...

— Прошу вас. Во-первых, не игра, а изобретение. Во-вторых, не моя, а наша!

— Но неужели вы не понимаете, что в дальнейшем для нас не останется ничего, кроме неизбежного мира? Сейчас мы можем добиться великолепных условий. Я уже имел дело с губернатором Саракоглу и знаю, что он проследит за тем, чтобы соглашение было честным. По здравому размышлению, что такого плохого в том, чтобы войти в состав Империи?

— Ну, начать с того, что мы нарушаем присягу, принесенную нами Итри. Простите, приятель, смертельная гордость не позволяет!

— Вы сидите здесь и говорите всякие устаревшие слова, но вот что я вам скажу: ветры изменений все крепчают!

— Насколько я понимаю, и эта фраза достаточно стара, — сказал Холм. — Ферун тоже знал одну старинную фразу и любил ее цитировать. Как она звучит? В их звездный час...

Табита Фалкайн оттолкнулась от пристани. Кливер и мачта заскрипели под ветром.

Светлая открытая лодка закачалась среди шипящей пены и устремилась вперед. Выйдя из бухты, она оказалась в открытом море и понеслась над волнами.

— Мы скользим! — крикнул Филипп Рошфор.

— Конечно, — отозвалась Табита. — Это гидрофойл. Держитесь! — Она надела шлем. Лодка качнулась и накренилась на один бок.

— Нет кия? Что же вы используете для горизонтального сопротивления?

Она указала на старинного вида изогнутые доски, что возвышались над каждым поручнем. Вот что! Конструкция итриан! Они знают о путях ветров больше, чем это могут вообразить себе человеческие компьютеры.

Рошфор озибался, восхищаясь панорамой вокруг. Вид был великолепен. Крутом, сколько хватало глаз, перекачивались крупные волны, синие с фиолетовыми и зелеными искорками, пронизанные солнечным светом, увенчанные белыми шапками пены. Они ворчали и вздыхали, и брызгались каплями воды, солеными на губах и такими хлесткими, что в тех местах, где они касались тела, на нем выступали красные пятна.

Воздух был прохладным, но не холодным, и напоен жизнью. Сбоку с удивительной скоростью двигались изумрудные высоты Сент-Ли.

Но, он вынужден был это признать, самым великолепным из всего окружающего была высокая загорелая девушка, которая стояла, дымя трубкой, с похожим на коршуна домашним животным на плече. На ней не было ничего, кроме килыта, развеваемого ветром, и, конечно, ножа и бластера на боку.

— Сколько, вы говорите? — спросил он.

— Около тридцати пяти километров. При такой скорости пара часов. Не стоит возвращаться раньше захода солнца, когда высыпает много звезд, так что у нас будет достаточно времени на то, чтобы хорошенько оглядеться!

— Вы очень добры, донна,— осторожно сказал он.

Она рассмеялась:

— Нет, я рада возможности выбраться оттуда. Особенно потому, что меня очень привлекают эти морские растения. Если верить экологам, местами они могут покрывать территорию, равную по величине среднему острову. А один рыбак говорил мне, что он видел среди таких зарослей иракена. Надеюсь, мы его найдем. Это редкое зрелище! Они довольно миролюбивые животные, хотя мы все равно не осмеливаемся приближаться к существу такой величины.

— Я имел в виду не только эту экскурсию,— сказал Рошфор.— Вы принимаете меня, военнопленного, в своем доме как гостя.

Табита пожала плечами:

— Почему бы нет? Мы не боимся пустой болтовни. От нее все равно не будет никакого толку.— Во взгляде ее сквозила искренность.— Кроме того, я хочу узнать вас!

Внутренне сжавшись, он спросил себя, насколько хорошо она хочет его узнать.

Она помрачнела.

— И,— сказала она,— я надеюсь... что вы поймете случившееся. Вы видели, как Драун убил вашего друга. Вы должны понять, что это не бессмысленное убийство. Он очень несдержан: чуть что — и выхватывает оружие. А сейчас война.

Он выдавил из себя улыбку:

— Она будет не всегда, донна!

— Меня зовут Табита, Филипп, или Хилл, когда я говорю на планке. Нет, конечно... Это верно. Когда вы вернетесь домой, я бы хотела, чтобы вы не думали об итрианах как о чудовищах.

— Итрианах? Вы? — он поднял брови.

— А кто же еще? Авалон принадлежит Доминиону.

— Так будет уже недолго,— сказал Рошфор и торопливо добавил: — Когда этот день придет, я сделаю все, что смогу, чтобы показать вам, что и мы, земляне, тоже не чудовища!

Он не мог понять, как она может так искренне улыбаться.

— Если подобная мысль доставляет вам радость, то что ж, думайте так. Но боюсь, что вы не найдете здесь особенно много удовольствий. Плавание, ловля рыбы, гребля, прогулки пешком... да, и чтение. Я страшно люблю приключения, и у меня их много, некоторые доставлены прямо с Земли. Но это, пожалуй, и все. Я единственный человек, имеющий постоянную резиденцию в

Сент-Ли, но мои дела и обязанности по Домашней охране заставляют меня подолгу бывать в других местах.

— Я справлюсь,— сказал он.

— Конечно, со временем,— отозвалась она.— Настоящие итриане не настроены к вам враждебно. Главным образом, они смотрят на войну как на нечто неизбежное, на голод, например, когда вынужден кого-то убить ради того, чтобы накормить своих малышей, но ненавидеть его при этом не будешь. Они не станут болтать с вами запросто, но если вы захотите сыграть в шахматы, то найдете желающих.

Табита поправила парус.

— И все же,— сказала она,— авалоняне любого типа не выдумали столько массовых развлечений, сколько, как я слышала, люди империи. И на экранах вы ничего особенного не найдете, кроме новостей, навевающих сон учебных программ и классических драм, которые, возможно, ничего для нас не значат. Так что... когда вам станет очень скучно, скажите мне, и я устрою для вас поездку в какой-нибудь город, Грей или Центаур.

— Не думаю, чтобы это было нужно,— сказал он и мягко добавил: — Табита...

Дальнейшие его слова были искренними:

— Нет, я чувствую себя виноватым за то, что больше не скорблю о случившемся со мной, что привимаю свою фантастическую удачу, как будто так и должно быть.

— Ха! — усмехнулась она.— Когда-нибудь я подсчитаю, сколько раз вам повезло! Остров, на который вы попали, необжитый, чистый старый Авалон, плюс еще населенный экземплярами мерзостных созданий!

— Неужели вооруженный человек, находящийся все время настороже, должен бояться здешних животных?

— Ну, без сомнения, вы смогли бы подстрелить спадатонта, прежде чем он успел бы на вас наброситься, хотя рептилоида убить нелегко. Но насчет пары ликозауридов я не высказывалась бы так смело, а вот если бы по вашим брюкам побежал каккелек... — Табита сморщилась.— Это все наземные тропические животные. Но еще больше неприятностей могут доставить растения. Вот, например, неподалеку от того места, где вы стояли, я заметила дупло, полное сухих листьев. Вы не итрианин, чтобы вдохнуть их запах и выжить.

— Бр-р-р! — сказал он.— Какой неисправимый романтик дал название этому месту?

— Праправнучка Дэвида Фалкайна, когда он решил, что это — то место, куда нужно идти,— ответила она, и голос ее вновь звучал серьезно.— Не говоря уж ни о чем другом, проблема состояла в том, чтобы дать местной природе шанс. Это как с кентаврами, из-за которых в Экватории были введены огра-

ничения, потому что они использовали для своих инструментов камень и кость, и может быть, через миллионы лет смогли бы стать разумными. И, между прочим, они строят свою оборону так же, как предлагали итри, охотники-итри, а не люди.

Она повела рукой.

— Посмотрите,— сказала она,— это наш мир. И он останется нашим!

«Нет,— подумал он мрачно,— ты ошибаешься, Табита-Хилл. Мой адмирал намерен нажимать на твоих итриан до тех пор, пока у них не будет иного пути, кроме как сдать все моему Императору!».

ГЛАВА 12

Через неделю после той огненной схватки земная армада двинулась вперед.

Кайал сознавал, что, несмотря на злое начало, его компании суждено стать классическим примером в учебнике.

Действительно, решение, принятое им относительно Авалона, классифицировало ее совершенно однозначно. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы поразить врага, обладая такой силой. Как и было предсказано, ни одна другая колониальная система не обладала силами, которые даже отдаленно можно было бы сравнить с защитой Лауры. Обращение с теми, что имелись в наличии, было довольно умелым, но шансов на победу у них не было.

Так что любой мясник мог бы расколоть жизни и корабли и перемалывать своего противника в порошок в течение месяцев. Данные, собранные помощником Кайала, и его собственные заключения доказывали, что его враги именно этого от него и хотели. Они, в свою очередь, будут добиваться отсрочки, посылать свои корабли в набеги на земные эскадры, пытаться втянуть в игру третью сторону, Мерсей, например, и, в целом, пытаться сделать войну для Земли настолько дорогостоящей, чтобы та сочла мир более предпочтительным.

Кайал сомневался, чтобы это сработало, пусть даже при таких благоприятных обстоятельствах. Он знал людей, сидящих у политического руля. И все равно он считал, что его долг — избежать победы, добытой изнурением, долг перед обоими королевствами. Поэтому он полагался не на медленное и осторожное продвижение, где каждый шаг должен тщательно

изучаться, прежде чем будет предпринят следующий, но на внезапный удар.

От крайних точек орбит Кхрау и Хру до Центра было несколько дней полета. Кайал оставил в каждой системе по несколько кораблей из оккупационных отрядов, главным образом технический персонал.

Силы эти казались смехотворными. Марчварден Руса собрал гораздо большие и устремился на освобождение Кхрау.

Земляне немедленно послали сообщение о случившемся. Удивительно быстро появилась большая часть основного флота, и войска Руса были уничтожены.

На Хру 3 часа подняли восстание. Они уничтожили часть гарнизона. Тогда ударили орудия из космоса. Понадобилось не так много выстрелов, чтобы осада имперцев была снята. Виваны были окружены и расстреляны. Это было сделано с полным уважением к их достоинству. Некоторые из них, делая последнее заявление, обратились к своим людям с призывом сотрудничать с представителями войск, что были посланы с Эсперансы на захваченные территории.

Тем временем вторгшиеся устремились к Кетлену. От главного войска отделялись части, захватывающие систему за системой. Кайал не беспокоился о том, чтобы занять большую часть из них. Он довольствовался тем, что разбивал войска их защитников, после чего направлялся дальше.

Через шесть недель солнце Итри было окружено сданными позициями.

Теперь армада углубилась во владения Доминиона, находясь более чем в 50 световых годах от ближайшей имперской базы. У орнитойдов еще не было такого шанса для изоляции врага. Если бы они собрали все, что имели для решающей битвы, не мгновенной, конечно, но такой, которая могла бы длиться недели — они, быть может, смогли бы выиграть в численности. Но они не обладали необходимыми для этого снаряжением и боеприпасами, тогда как Империя обладала.

Кайал создал им для этого все условия. Они приняли их.

Битва Иарро Кластер длилась восемь стандартных дней, считая от первой стычки и кончая бегством последнего из немногих уцелевших итрианских кораблей. Но первые два из этих дней были лишь прелюдией, а три последних — лишь увертюрой битвы. Детали подробно изложены в отчетах. Суть же заключается в том, что Кайал в полной мере воспользовался двумя основными преимуществами. Первая заключалась в неожиданности: ему удалось скрыть, какое огромное число ракетноносцев имеется в его резерве. Вторая заключалась в организации: он играл на своем флоте, как на инструменте, посылая на смерть

все новые и новые части плохо скоординированного войска противника.

Возможно, у него было и третье преимущество — гениальность! Когда мысль об этом пришла ему в голову, он сурово осудил себя.

Остатки сил Доминиона ринулись назад, к Кетлену. Кайал лениво преследовал их.

Итри был несколько меньше Авалона, несколько суше, облачный покров его был немного тоньше, и поэтому земля была видна из космоса более отчетливо, коричнево-рыжеватая за дымкой, под светом более холодного и желтого, чем Лаура, солнца. И все же, плавая среди звезд, он выглядел предельно.

Кайал оставил видеозэкран включенным и время от времени поглядывал на него, отвлекаясь от приборов.

Верховный Виван Траувей сказал:

— Это наглость, что вы вторгаетесь в наш дом! — Англик его был гладким, но он, для полной ясности произношения, прибегнул к помощи вокализатора.

Кайал встретился со взглядом немигающих желтых глаз и ответил:

— Вы согласились на переговоры. Я верю в вашу честь. — «Я также полагаюсь на свою Супернову и ее эскорт. Нужно напомнить ему об этом». — Эта война — глубокая печаль для меня. Мне бы страшно не хотелось уничтожить даже самую малую часть вашего мира или отбирать жизни у ваших столь одаренных людей.

— Может быть, это не так легко и сделать, адмирал, — медленно проговорил Траувей. — У нас есть защита!

— Это известно. Виван, могу ли я говорить прямо?

— Да. И особенно потому, что, как вы понимаете, решение не может быть двойственным.

«Нет, но полмиллиона итриан втянуты в это дело, — подумал Кайал. — Мне кажется, будто я ощущаю их присутствие.

Какого рода это правительство? Его нельзя назвать демократическим в полном смысле этого слова, как вообще нельзя прикрепить к нему ни один из земных ярлыков, равно как и само слово «правительство». Можем ли мы, люди, научиться здесь чему-нибудь? Все наши попытки как будто разбиваются о стену, и единственный действенный вариант, который мы нашли — грубая простота кайзера».

— Я благодарю, Виван, — сказал Кайал, — и призываю вас и ваших людей поверить в то, что мы не станем нападать, если только нас не принудят к этому обстоятельству. Пока что причин к этому у нас нет. Цель наша достигнута. Теперь мы можем с

успехом провозгласить свои права на границах. Любое возможное сопротивление было бы спорадическим и, да позвольте мне употребить это слово, патетическим! Сравнительно малая сила может блокировать Кетлен. Да, естественно, отдельные корабли могут время от времени проскакивать. Но вы будете полностью отрезаны от всех владений, союзников, связей. Подумайте, пожалуйста, о том, сколько времени Доминион смог бы продержаться при таких условиях как политическое единство!

И подумайте, пожалуйста, о том, как подобные бесконечные траты и бесконечное нервное напряжение повлияют на отношение Империи. Раньше или позже будет принято решение об отсечении источника раздражения. Я не говорю о том, справедливо это или нет, но лишь констатирую сам факт. Сам я просто буду вынужден повиноваться приказу открыть огонь. В случае особо отрицательного отношения я, впрочем, мог бы подать в отставку. Но у его Величества достаточно адмиралов.

Покой стусился вокруг распятого Христа. Наконец Траувей спросил:

— Вы призываете нас сдаться?

— Я призываю вас к прекращению военных действий,— ответил Кайал.

— На каких условиях?

— Взаимное прекращение огня, конечно... определенно! Пленные корабли и прочее будут задержаны Землей, но пленные обеих сторон будут возвращены. Мы оставим оккупационные войска в системах, которые мы уже захватили, и займем те миры, провозглашенные частью Империи, в которые мы еще не входили. Местные власти и население должны будут подчиняться оставленным на местах военным властям. С нашей же стороны мы гарантируем уважение к законам и обычаям, к правам на свободу слова и петиций, поощрение экономических связей, способствование возобновлению торговых отношений, как только это станет возможным, сохранение независимости любого индивидуума, желающего продавать свою собственность на открытых торгах и менять место жительства. Определенные части войск останутся возле Кетлена и время от времени будут вмешиваться и в коммерческие дела, если только им не придется проверять, не посылаются ли куда-нибудь воинские отряды или снаряжение.

Перья пришли в движение. Кайал пожалел о том, что не умеет читать по ним. Голос по-прежнему оставался монотонным:

— Вы все же требуете сдачи.

Человек покачал головой:

— Нет, сэр, не требуем. Собственно говоря, предъявляя подобные требования я бы просто нарушил свои полномочия. Конечные соглашения — дело дипломатов.

— Что мы выиграем, если заранее согласимся на поражение?

— Многое, — Кайал выпрямился. — Уважая ваши возможности, я не сомневаюсь в том, что вы проконсультировались с вашими специалистами по человеческой социодинамике. Грубо говоря, вам предстоит преодолеть два влияния: одно — негативного свойства, другое — позитивного. Негативным является ваше желание возобновления военных действий. Вы помните о том, что большая часть вашей промышленности все еще сосредоточена в ваших руках, что у вас осталось значительное количество кораблей, что ваш дом хорошо защищен, и прорыв этой защиты обойдется нам в значительную сумму.

Виван, люди Итри, я самым торжественным образом заверяю вас в том, что Империя не собирается уничтожать вас. Зачем нам брать такой груз на себя? Что может быть хуже, чем потеря высокоразвитой цивилизации. Мы желаем получить вашу дружбу, она нужна нам. Среди прочих причин, эта война была затеяна и для того, чтобы преодолеть причины раскола. Давайте же теперь попытаемся договориться.

Верно, что я не смогу предсказать форму грядущего мирного договора. Но я прошу вас обратиться к многочисленным заявлениям, сделанным Империей. Они достаточно ясны, ибо очевидно, что самое выгодное для Империи, чтобы на ее слово можно было положиться.

Доминиону придется отказаться от некоторых территорий. Но можно договориться о компенсации. И, конечно, везде, где ваши границы сойдутся с нашими, вас ждет целая вселенная.

Кайал молился о том, чтобы слова его были верно поняты. Его речь была составлена специалистами, и он потратил часы на ее заучивание. Но если эксперты ошиблись, или он не справился...

«О, Боже, помоги прекратить это убийство... и прости меня, если в глубине моего мозга все же прячется мысль о пленении этой планеты».

Траувей некоторое время посидел, не двигаясь, потом сказал:

— Это следует обдумать. Прошу вас быть поблизости на случай консультации.

Где-то на корабле ксенолог, сделавший изучение Итри делом всей своей жизни, вскочил с кресла, смеясь и плача, и закричал:

— Война окончена! Война окончена!

Над Флервилем плыл колокольный звон.

Звонили колокола большого собора. Взывались к небу ракеты и таяли, не достигнув звезд. Толпы народа заполняли улицы. Люди были опьянены не столько вином, сколько радостью. Они дудели в рожки, они кричали и каждую женщину поцеловали не менее сотни незнакомых мужчин, внезапно в нее влюбившихся. Днем был устроен парад, и имперские войска прошли под триумфальные звуки трубы, а в небе пролетели эскадрильи

воздушных машин и малых космических судов. Но в столице Эсперансы в секторе Пакис основная часть радости вылилась ночью.

Высоко на холме, в оранжерее губернаторского дворца стоял и смотрел на город Экрэм Саракоглу. Он знал, почему город плещет единой большой волной — шум доходил до него лишь как звук отдаленного прибоя, почему он сверкает невиданным бриллиантом. Колонисты сохранили в себе пацифистские черты своих предков: теперь они могли перестать испытывать ненависть к своим братьям, носящим форму Империи. «Хотя,— проговорил его внутренний голос,— я готов подозревать, что громче всего в них говорит обыденное животное облегчение. Запах страха витал над этой планетой с тех пор, как на границе произошел первый инцидент, и особенно плотным он сделался после начала войны. Рейд итриан, прорвавшихся сквозь наши кордоны... мгновенно раскалившееся небо...»

— Да,— сказала Луиза,— я просто поверить не могу!

Саракоглу посмотрел на маленькую фигурку стоявшей возле него девушки.

Луиза Кармен Кайал и Поломарес не оделась в веселые тона после того, как согласилась принять его приглашение к обеду. Ее туалет был как раз нужной длины, но из простого серого вельвина. Кроме крошечного золотого крестика на груди, ее единственными украшениями были несколько искусственных бриллиантов в волосах. Они сверкали среди черных блестящих кос, как те ночные солнца, что нарушали призрачную неподвижность ночи, или как те капли слез, что повисли на ее ресницах.

Губернатор, облачивший свое тучное тело в рубашку с кружевами и рюшем, тигрово-пятнистую арктоновую куртку, зеленые придоновые килоты, снежно-белые чулки, украсил все это драгоценностями, прикрепив их везде, где только можно было найти для этого место, осмелился погладить ее по руке:

— Вы боялись продолжения драки? Нет. Это невозможно. Итриане не безумцы. Принимая условия предложенного нами перемирия, они даже лучше, чем мы, понимали, что война для них проиграна. Ваш отец скоро будет дома. Он свое дело сделал.— Он вздохнул, надеясь, что вел себя не слишком театрально.— Моя роль, конечно, будет более прозаической!

— Из-за условий переговоров?

— Да. Не то чтобы мой статус был неограниченным. Но, как бы там ни было, мне предстоит быть представителем Земли, и Империя будет полагаться на совет моего штаба и мой собственный. В конце концов, этот сектор будет по-прежнему граничить с Доминионом и объединять новые миры.

Взгляд ее был слишком пронзительным для таких юных глаз.

— Вы становитесь весьма важным человеком, не так ли, Ваше Превосходительство? — Тон ее голоса был если не ледяным, то, во всяком случае, весьма прокладным.

Саракоглу полностью углубился в отрывание лепестков от цветка фуксии. Куст циннамона — итрианского растения — наполнял воздух нежным ароматом.

— В общем, да,— сказал он.— Я не хочу быть нечестным с вами, донна, выказывая ложную скромность!

— Сектор будет расширяться и реорганизовываться. Вы, возможно, получите награды или рыцарские отличия. И, наконец, вполне вероятно, будете отозваны домой с предложением стать одним из сверстников.

— Мечты не возбуждаются никому!

— Вы способствовали началу этой войны, губернатор!

Саракоглу провел ладонью по лысой голове. «Отлично,— решил он.— Если ей совершенно безразличны те шаги, которые я предпринимаю по отношению к ней, если ей безразлично, что из-за нее я послал отказы Хельге и Генриетте (конечно же, слухи об этом достигли ее ушей, хотя она не сказала ни слова и ничем не выдала своей осведомленности) — что ж, я, возможно, смогу вернуть их, или, если они не захотят вернуться, недостатка в других не будет. Несомненно, эта моя мечта о ней — просто вечное мужское нежелание признать, что я старею и толстею. Но мне давно уже известно, что является лучшим лекарством от разочарования. Но как мило она выглядит среди цветов».

— Я способствовал тому, чтобы привести это дело к удачному концу до того момента, как оно приняло бы дурной оборот,— сказал он ей.— Итриане не святые. Они следуют всегда своим интересам, насколько это позволяют им ресурсы.

— Было принесено много человеческих жертв.

— Донна, я принес Земле присягу!

Она все еще испытующе смотрела на него.

— Тем не менее, вы должны были сознавать, что это означает для вашей карьеры,— сказала она по-прежнему спокойно.

Он кивнул:

— Конечно. Но поверите ли вы мне, если я скажу, что это не упростило все для меня, а усложнило? Я думал, я действительно считал, что рекрификация границ будет благим делом. Да, я думал, что способен на большее, нежели на выполнение обыденной работы: вначале перестройка здесь, потом, если удастся, работа в политическом совете, где я смог бы провести в жизнь ряд реформ. Должен ли я был отказаться от этого дела, боясь показаться самодовольным? И неужели я так нехорош тем, что мне нравится моя работа?

Саракоглу опустил руку в карман, ища портсигар.

— Возможно, ответ на эти вопросы — «да», — закончил он. — Как может быть уверен простой смертный?

Луиза подошла к нему немного ближе.

Сердце его скакнуло, но он заставил себя удержать на губах жалкую полуулыбку.

— О, Экрэм!.. — она запнулась. — Простите, Ваше Превосходительство!

— Нет-нет, это большая честь для меня, — сказал он.

Она не намекнула ему, чтобы он называл ее по имени, но сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Я прошу прощения за эти мои намеки, я вовсе не это имела в виду. Я бы ни за что не пришла бы сегодня сюда вечером, если бы не знала наверняка, что вы... честный человек!

— Я едва надеялся на то, что вы примете мое приглашение, — сказал он ей с отмеренной долей печали в голосе. — Вы могли бы праздновать это событие в кругу молодежи!

Бриллианты в ее волосах остро вспыхнули, когда она покачала головой.

— Нет, только не по такому поводу. Слышали ли вы о том, что я однажды уже была помолвлена? Он был убит во время акции два года назад. Превентивная мера, так это называлось, усмирение племен, которые отказались следовать «совету» имперского резидента... Вот как! — Она перевела дыхание. — Сегодня я просто не могла найти слов для вознесения благодарности Господу! Мир — слишком большой дар для того, чтобы выразить его словами!

— Вы дочь адмирала, — сказал он. — Вы знаете, что мир никогда не бывает даром.

— Значит, войны полезны?

Их прервал осторожный кашель.

Саракоглу оглянулся. Он ожидал увидеть лакея с коктейлями на подносе, и вид человека в морской форме озадачил его.

— В чем дело? — сердито спросил он.

— Если позволите, сэр, — нервно проговорил офицер.

— Умоляю вас простить меня, донна, — Саракоглу склонился над удивительно нежной рукой Луизы и последовал за человеком в холл.

— Итак? — спросил он.

— Курьер из армии, стоящей возле Лауры, сэр, — офицер дрожал и был бледен. — Знаете, есть пограничная планета Авалон?

— Конечно, знаю, — Саракоглу старался держать себя в руках.

— Так вот, сэр, они сдержали слово насчет перемирия. А сейчас отказываются! Говорят, что хотят продолжать драку!

ГЛАВА 13

Худое бородатое лицо на экране проговорило с ноткой отчаяния в голосе:

— Господа, вы... вы ведете себя как настоящие безумцы!

— У нас неплохая компания, — ответил Дэннел Холм.

— Значит, вы намереваетесь отделиться от Доминиона? — воскликнул адмирал Кайал.

— Нет! Собираемся в нем остаться. Нам здесь очень нравится! Никакой тебе имперской бюрократии!

— Но соглашения о перемирии?...

— Конечно, мы будем придерживаться его. Авалон никому не хочет причинять вреда.

Кайал плотно сжал губы:

— Знаете, нельзя так играть словами. Ваше правительство заявило, что Империя может занять эту систему, пока не будет разработано окончательное мирное соглашение.

Лэзу из Тарнов наклонил седую голову к сканнеру, передававшему его изображение в офис Холма и на орбитальный корабль Кайала.

— Обычаи итриан не похожи на земные, — сказал он. — Миры Доминиона связаны друг с другом клятвами взаимной дружбы. То, что наши коллеги не могут больше помогать нам, не дает им права приказывать, чтобы мы сами отказывались от продолжения самозащиты. Но, не говоря уже ни о чем другом, наша гордость требует, чтобы мы продолжали борьбу ради той помощи, которую, возможно, сможем им оказать.

Кайал потряс в воздухе кулаком.

— Господа, — прогремел он, мне кажется, вы думаете, что мы живем в эру беспорядков, а вашими оппонентами являются варвары, не знающие ни что такое цель, ни что такое организация, и отступающие от своего, если сразу не получают того, чего хотят. Правда же состоит в том, что вы выступаете против Имперской Земли, которая мыслит на столетия вперед и правит тысячами планет. И все это может быть обращено против вас. Практически вся сила, победившая Доминион, может быть сейчас же сосредоточена в одном месте. И так будет, господа! Если вы будете настаивать, именно так и будет.

Он обвел взглядом каждого из оппонентов:

— У вас сильная защита, — сказал он, — но вы должны понять, каким образом она будет уничтожена. Сопротивление не дает вам ничего, кроме как уничтожение ваших домов, смерть миллионов. Спросили ли вы у них?

— Да, — ответил Лъзу, — в промежутке между известиями о капитуляции Итри и вашим прибытием Круач и Парламент снова провели голосование. Большинство высказалось за продолжение войны.

— Насколько было велико в этот раз большинство? — резко бросил Кайал. Он увидел, как встопорчились перья и напряглись мускулы, и понимающе кивнул: — Мне страшно не хочется вести войну с мирным населением.

Холм слотнул:

— Вот что, адмирал. Как насчет... эвакуации всех, кто не может или не хочет оставаться, прежде чем мы снова начнем драку?

Кайал сидел неподвижно. Лицо его окаменело. Когда он заговорил, то казалось, будто собственное горло причиняет ему боль.

— Нет. Я не могу позволить врагам избавляться от их же собственных обязательств.

— Вы жаждете возмездия? — спросил Лъзу. — Неужели нельзя продлить период прекращения огня до тех пор, пока не будет подписан мирный договор?

— А если по этому договору Авалон отойдет Империи, вы станете повиноваться? — вопросом на вопрос ответил Кайал.

— Возможно.

— Неприемлемо! Лучше сразу же покончить с этим делом. — Кайал колебался. — Конечно, понадобится время на то, чтобы привести все в порядок в других местах и переправить сюда армию. Учтите, период прекращения огня кончается, когда мой корабль возвратится на установленную по соглашению дистанцию. Но очевидно, что война будет иметь в статус-кво, включая факты прекращения огня с уважением к правам Авалона и Морганы, на короткий период. Я проконсультируюсь с губернатором Саракоглу. Я обещаю вам и всем авалонцам самое тщательное обсуждение проблемы и достижение как можно более разумного решения. Если вы захотите с нами связаться, вам стоит только передать согласие на переговоры. Чем скорее и в более мягкой форме оно до нас дойдет... тем более великодушным будет... обращение, на которое вы можете рассчитывать.

— Принято к сведению, — сказал Лъзу.

Последовали ритуальные церемонии, и экран с изображением Кайала померк.

Холм и Лъзу смотрели друг на друга через разделявшее их пространство. Аринниан, сидящий в глубине офиса отца, тревожно шевельнулся.

— Он действительно имел это в виду, — сказал Холм.

— Насколько верным было его заявление о дополнительных возможностях? — спросил Виван.

— Абсолютно верным. Мы не смогли бы заблокировать всю силу, в полном составе, обрушится она на нас. В таком составе ее бомбардировки могли бы достичь цели, несмотря на наши заграждения. Мы зависим от нежелания Империи разрушать первоклассные земли... и, вероятно, от личного нежелания этого человека идти на многочисленные жертвы.

— Раньше вы говорили мне, что у нас есть план.

— Мы с моим сыном работаем над ним. Если он покажет какую-нибудь надежду, то вы и остальные скоро о нем услышите. А пока, думаю, вы заняты также, как и я! Счастливых ветров!

— Летайте высоко, Дэннел Холм! — и этот экран тоже померк.

Марчварден отшвырнул сигарету, долго сидел, нахмурившись, потом встал и подошел к окну. Из него открывался вид на ясный зимний день. В Грее не было снегопадов, как в городах северных районов, и растительность на холмах зеленела круглый год. Но ветер дул холодный и пронизывающий. У залива мелькали белый фуражки работающих людей, развевались плащи. Наверху носились итриане в изменяющихся потоках воздуха.

Аринниан подошел к отцу, но прежде чем он смог заговорить, ему пришлось облизать губы.

— Папа, есть ли у нас шанс?

— Видишь ли, выбора у нас нет, — ответил Холм.

— Нет, есть! Мы можем проглотить нашу чертову гордость и объявить людям о том, что война окончена!

— Они бы сместили нас, Крис! Ты же сам знаешь: Итри может сдать, потому что она не потерпела поражения. Остальные колонии могут согласиться на оккупацию, потому что все понятно, они не смогут спасти положение. С нами же дело другое. — Холм подмигнул сыну сквозь клубы голубого дыма. — Ведь ты же не боишься, не так ли?

— Не за себя, надеюсь! За Авалон... Боюсь всей этой риторики насчет дальнейшей свободы. Насколько могут быть свободны тела, лежащие на искореженной земле?

— Мы готовимся не к уничтожению, — сказал Холм. — Мы готовимся к тому, чтобы пойти на риск уничтожения. А это совсем другое дело. Мысль состоит в том, чтобы сделать наш захват слишком невыгодным.

— Если бы Авалон отошел Империи, а нам бы не понравились условия, то мы могли бы иммигрировать в Доминион.

Палец марчвардена указал на пейзаж за окном.

— А где ты найдешь близнеца вот этому? И что останется именно от этого общества, которое строили наши предки и мы сами?

Некоторое время он молча курил, потом сказал:

— Как-то мне довелось читать книгу об истории колонизации. Автор сделал интересный вывод. Он сказал, что приходится оставлять большую часть поверхности под покровом самой разнообразной растительности, она нужна для поддержания атмосферы. Эти растения являются частью экологии, так что приходится держать большое количество животных, а так же почвенные бактерии и так далее. И пока необходимость поддерживать биосферу остается в силе, часть продовольствия и тому подобное необходимо синтезировать. Вот почему колонисты на земноподобных планетах почти всегда являются фермерами, ранчерами, лесниками, а также шахтерами и текстильщиками.

— И что же дальше? — спросил его сын.

— А то, что ты выращиваешь в своем мире поколение за поколением. Речь идет не о стенах или машинах, но о живом мире, о природе: о дереве, на которое ты впервые в жизни влез, когда был мальчишкой; о поле, которое возделывал твой дед; о том самом холме, на вершине которого ты впервые в жизни поцеловал девушку. Твои поэты воспели это, художники изобразили, на этом основаны твоя теория жизни, история, твой предки вернули этой земле свои останки, и так будет с тобой. И ты не сможешь отказаться от всего этого добровольно, только вырвав сердце из груди.

И снова Холм посмотрел на сына.

— Я думал, что ты сильнее меня, Аринниан, — сказал он. — Что с тобой случилось?

— Тот человек, — пробормотал он. — Он не угрожал всякими ужасами, он предупреждал, умолял! Это приблизило ко мне их дома. Я увидел... мать, ребятишек, тебя, моих товарищей по часу...

«Айат, Хилл, Хилл, которая Табита! Все эти недели мы вместе работали: она, Айат и я... Три дня назад я летел между ними на проверку этой подводной военной базы. Сверкающие бронзовые крылья, развевающиеся золотые волосы. Глаза золотистые, глаза зеленые. Чистая линия килевой кости. Очертания полной груди... Она чиста. Я знаю, что это так. Я придумал массу причин, чтобы побыть с ней, встретиться с ней! Но этот проклятый речистый землянин, который живет в ее доме, со своей мишурой космополитического очарования — он слышит ее хрипловатый голос неизмеримо чаще, чем я!»

— Сделай скидку на их невероятную гордость, — сказал Холм.

«Айат скорее умрет, чем сдаться».

Аринниан расправил плечи:

— Да, конечно, папа!

Холм наконец-то улыбнулся.

— В конце концов, — сказал он, — это ведь ты первый заложил камень той удивительно сложной интриги, плести которую мы намерены.

— По сути дела... План не является всецело моим. Мне пришлось поговорить с... Табитой Фалкайн, ты ее знаешь? Она полусуто обронила замечание. Вспоминая его позже, я подумал, а что если... В общем, все было именно так.

— Гм! Похоже, это интересная девушка! Особенно учитывая то, что в такие дни она может оставаться веселой! — Холм, по-видимому, заметил мелькнувший в глазах сына огонек, потому что быстро отвернулся и сказал: — Давай-ка приниматься за работу. Прежде всего составим карту. Хорошо?

Нетрудно было угадать течение мыслей сына. Интонации его голоса, морщинки, собравшиеся вокруг его глаз — все это выдавало его. «Так, так, Крис! Наконец ты встретил девушку, которая является для тебя не просто секс-машиной. Но посмею ли я сейчас сказать об этом Ро? Я лучше скажу, что наш сын и я снова вместе!»

В окрестности Сент-Ли зима принесла дожди. Они струились, они гремели, они смывали, они ласкали, омовение их струй было приятно, а когда на какое-то время они прекращались, то оставляли после себя радугу.

И все же большую часть времени приходилось проводить в помещении, слушая музыку или разговаривая. А вечера были такими ясными, что невозможно было терять эти часы.

Табита и Рошфор брели вдоль берега. Пальцы их рук были сплетены. Воздух был теплым, и на нем был только кильт и принадлежащий ей кинжал у пояса, который она ему дала.

На востоке поднялась над водами Моргана. Ее почти неразличимое поле все застлало белой дымкой, так что те звезды, которые оставались еще видимыми, сияли матово и нежно.

Свет этот лился от горизонта к скалистым выступам, обращая их в подобие затухающих костров. Люди под ним тускло светились, а деревья сливались в единую туманную полосу. Ветра не было, и шум прибоя был уверенным и ненавязчивым, как биение сердца. Запахи листвы и почвы смешивались с запахами моря. Песок отдавал воздуху дневное тепло и слегка шелестел под их ногами.

Рошфор с тоской сказал:

— И это должно быть разрушено? Сожжено, отравлено, испелено? И ты?!

— Мы надеемся, что этого не случится, — ответила Табита.

— Я говорю тебе, я знаю, что должно последовать.

— Враг непременно применит бомбардировку?

— Без охоты. Но если вы, авалонцы, с вашей бессмысленной гордыней не оставите им выбора...— Рошфор прервал начатую фразу.— Прости меня. Мне не следовало этого говорить. Просто нервы чересчур напряжены.

Ее рука вздрогнула в его ладони.

— Я понимаю, Фил. Ты не враг!

— Что плохого в том, чтобы присоединиться к Империи? — он указал на небо.— Смотри! Там солнце, а потом еще одно, а потом еще! И все они могут быть вашими!

Она вздохнула:

— Я хотела бы...

Очень внимательно она слушала его сказки о мирадах миров. Внезапно она улыбнулась, и лицо ее как будто осветилось.

— Нет, я бы не хотела,— сказала она.— Я заставлю тебя сдержать свое обещание и показать мне Землю, Анзу, Хоупвелл, Цинтию, Воден, Диомерес, Викоен — все, о чем ты мне рассказывал, когда снова наступит мир.

— Если это будет еще возможно.

— Будет! Эта ночь слишком хороша для того, чтобы можно было думать о другом.

— Боюсь, что не могу разделять с тобой итрианское отношение к жизни,— медленно проговорил он.— И это тоже ранит!

— Разве? Я имею в виду то, что ты храбр, я же знаю, что это так, и я знаю, что ты умеешь наслаждаться жизнью.— Голос ее сделался тихим, ресницы опустились.— Да, можешь!

Он остановился, повернулся к ней, схватил другую ее руку. Они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я попытаюсь,— сказал он,— ради тебя. Ты поможешь мне?

— Я помогу тебе во всем, Фил,— сказала она.

Они целовались и раньше, вначале легкими поцелуями радости встречи, потом более долгими. Сегодня она не мешала движениям ни его, ни своих рук.

— Фил и Хилл,— прошептала она наконец, прижавшись к нему.— Фил и Хилл! Дорогой, я знаю одно место в двух километрах отсюда. Деревья там образуют хорошее убежище, и между ними можно видеть луну и воду, а трава там густая и мягкая, как на Земле...

Он пошел за ней, едва способный верить своему счастью.

Она рассмеялась мягким грудным смехом.

— Да, я верила в это,— сказала она.— Я ждала своего дня так долго! Ты не возражаешь против того, чтобы тебя соблазнили? Может быть, у нас действительно мало времени?

— Целой жизни рядом с тобой было бы мало,— сказал он ей.

— Теперь тебе придется помочь мне, любовь моя,— сказала она ему.— Ты первый у меня. Я всегда ждала тебя!

ГЛАВА 14

Аринниан позвал Айат с земли:

— Хой-а-а! Спускайся вниз и идем.— Он усмехнулся и добавил на английском: — Мы, Важные Исполнители, не можем зря тратить время!

Она сделала еще один круг. Солнце, бывшее ей в спину, обращало ее крылья в бронзовую бахрому с золотым ореолом по краям. «Она могла бы быть самым солнцем,— подумал он.— Или ветром, или всем диким и прекрасным, что существует над этой ферробетонной пустыней». Айат стремительно понеслась вниз, развернулась в потоке воздуха и остановилась перед ним.

Взгляд ее с тревогой задержался на торпедообразном сооружении, громоздившемся за его спиной.

— Мы должны путешествовать на этом? — спросила она.

— Поскольку нам предстоит пролететь половину окружности планеты — да,— ответил он ей.— Ты обнаружишь, что это не так уж плохо. Особенно потому, что прыжок не будет долгим. До Сент-Ли меньше часа. Ну-ка, дай мне руку.

Пальцы, чьи когти могли оцарапать его, были тонкими и теплыми. Они доверчиво легли на его ладонь. Он подвел ее к трапу. Конечно, ей и раньше приходилось летать на машинах, но всегда на круглых, хрупких и медленных, кабины которых были похожи на стеклянные пузыри.

— Вот проблема, которую чосы, подобные Вратам Бури, должны преодолеть,— сказал он.— Клаустрофобия. Вы очень ограничиваете свои способности и возможности путешествовать, когда окружаете себя прозрачным веществом.

Она подняла голову:

— Если страдания Водана могли быть большими, то мне стыдно, что я отстаю от него, Аринниан!

— Я надеюсь, что ты увидишь то, что видел Водан. Ему нравится в космосе, не так ли?

— Д-да. Он говорил мне об этом. Мы должны непременно увидеть другие планеты после войны.

— Попробуем сегодня же убедить тебя, что в путешествии, как и в цели, есть что-то особенное... м-м-м, знаешь, Айат, две близкие по духу пары, путешествующие вместе... Ну, вот мы и здесь!

Он усадил ее в кресло помощника пилота, хотя она была его пассажиркой.

— Обычно это не бывает необходимым,— объяснил он.— Флиттер является космическим — на нем легко можно достичь Морганы, ближайших планет, если это нужно,— так что его

ускорительные поля вполне терпимы, если не считать внутреннего веса при состоянии свободного падения, но мы полетим высоко, в тех слоях атмосферы, где не создается сонический эффект. А поскольку во время войны могут нарушаться любые правила, и над нами имеется целая серия орбитальных крепостей, то...

Она склонила свой гребешок к его плечу.

— Конечно, Аринниан,— пробормотала она.

Он прикрепился, проверил приборы, настроился и взлетел. Первые минуты полета находились под контролем, и они без труда прошли охранные проекторы, охранявшие космопорт. Оказавшись за их пределами, он стал набирать высоту, пока позволял закон, пока верхние слои атмосферы не придали его лодке силу, обеспечивающую минимальный расход времени для достижения цели.

— О-о-х,— выдохнула Айат.

Полет их был спокойным. Видеоэкраны давали возможность созерцать пространство в нескольких направлениях. Внизу серебряным океаном стлался Авалон. Вокруг — пурпурное мерцание, солнце, луна, несколько звезд — огромное, неподвижное, спокойное пространство.

— Ты должна была видеть эти места,— сказал Аринниан.

— Да. Но это не то же самое,— Айат схватила его за руку.— Благодарю тебя, мой дорогой соратник!

«А я стремлюсь к Тэбби, чтобы рассказать ей о плане, который нам может помочь и который позволит нам работать вместе. Как смею я быть так счастлив?»

Они летели в итрианском молчании, которое умеет создавать больше понимания, чем человеческая болтовня.

Они были недалеко от цели своего назначения. Но пробившись через туман, они обнаружили, что небо над ними жемчужно-серое, а остров — скопление мягких зеленых цветов. Посадочное поле было маленьким, высеченным среди гор в нескольких километрах от того места, где жила Табита.

Когда Крис сообщил ей о своем приезде, она обещала его встретить.

Он расстегнул костюм слегка задрожавшими пальцами. Не прекращая помогать Айат, он открыл воздушный замок. Появился трап. Ветер взъерошил его волосы — теплый, сырой ветер, напоенный запахом джани, росшей вокруг поля. Табита стояла рядом и махала ему.

Левой рукой. А правая покоилась в руке землянина.

Через полминуты она крикнула:

— Ты что, намерен простоять там весь день, Крис?

Он спустился. Они обнялись и пожали друг другу руки на человеческий манер. Тем временем ее нога касалась ноги Рошфора. На ней не было ничего, тело украшал лишь рисунок.

В него входил и такой банальный фрагмент, как пронзенное стрелой сердце.

Аринниан поклонился.

— Нам нужно обсудить важный вопрос, — сказал он на планхе. — Лучше сразу пройти в дом Драуна.

Действительно, партнер и начальник Табиты ждал их у себя дома.

— Слишком много юнцов и приверженцев, — проворчал он. — Необходимо помнить о соблюдении тайны — или вообще ничего не выйдет... Хотя мы и знаем, как ты любишь общение.

— Гости в моем доме всегда желанны, — строго сказала женщина.

Аринниан подивился тому напряжению, присутствие которого он ощутил в атмосфере. Или оно в нем самом?

Драун, иссеченный шрамами, худой, не встопорщил перья, а опустился на хвост, показывая, что он сердится, не переставая поглаживать бывший при нем нож. Взгляд Табиты, устремленный на Рошфора, был, казалось, менее нежным, чем на поле, и более призывным.

Оглядевшись, Аринниан обнаружил, что гостиная несколько изменилась. Но это ему понравилось. Табита сама отделявала дом. Потолок, флюоропанель, был низким по интрианским стандартам о гармоничности пропорций. Несколько расшитых циновок лежали на полу из полированного дуба, между стенами из серного дерева огромные окна, несколько кушеток, низкие столики, каменная ваза, наполненная цветами. Все было сверкающе чистым, устранен обычный для нее домашний беспорядок, как то: стоящая не на месте пепельница, валяющаяся трубка, раскрытая книга, модель корабля, который она мастерила.

Зато сегодня он увидел несколько странных для Авалона вещей: гитару, которую, должно быть, заказывали позднее, ибо она на гитаре не играла. Занавес, отделявший ее спальню от гостиной, не был опущен. Аринниан отметил новую двуспальную кровать, чей каркас был сделан из дерева и перьев.

Аят коснулась его плечом. Драун не нравился ей. Он ощутил излучаемое ею тепло.

— Да, — сказал он. — Нам действительно стоит держать это дело в тайне. — Он скользнул взглядом по Рошфору. — Насколько я понимаю, вы изучаете планх. Как ваши успехи?

Улыбка землянина была удивительно робкой для инопланетного врага, вскружившего голову девушке, некогда именуемой Хилл.

— Не слишком велики,— произнес он.— Я бы попытался сказать несколько слов, но боюсь, что вы найдете мой акцент чересчур ужасающим!

— Он чертовски хорошо успевает,— сказала Табита и прижалась к нему.

Обняв ее рукой за талию, Рошфор заявил:

— Я не имею ни малейшего намерения передавать ваши планы своим, гражданин... я хотел сказать, Кристофер Холм! Но мне лучше прояснить свою позицию. Я — на стороне Империи. Когда я получал офицерский чин, я принял присягу, и сейчас не собираюсь отречься от своего звания.

— Хорошо сказано,— одобрила Айат.— Так мог бы сказать мой нареченный!

— Что значит честь для землянина? — фыркнул Драун. Табита бросила на него полный ярости взгляд. Прежде чем она смогла что-либо сказать, не поняв, очевидно, сказанной на планхе фразы, землянин продолжал:

— Я думаю, что после войны я поселюсь на Авалоне. Каким бы ни был ее конец. Но я верю в то, что он может быть только один. Кристофер Холм, прежде, чем влюбиться в эту леди, я влюбился в ее планету! Смогу ли я заставить вас понять неизбежное, прежде чем ужас опустится на Тэбби и Авалон?

— Нет,— ответил Аринниан.

— Я так и думал,— вздохнул Рошфор.— О'кей! Я пойду погуляю. Часа будет достаточно?

— О, да,— сказала на английском Айат.

Рошфор улыбнулся:

— Я люблю весь ваш народ!

Айат кивнула Аринниану.

— Я вам нужна? — спросила она.— Ты собираешься объяснить идею в целом? Я ее уже слышала.— Она издала свистящий звук, обозначающий на планхе смехок.— Вы знаете, как жены ускользают от насмешек своих мужей?

— Гм?... — сказал он.— Что же ты собираешься делать?

— Побродить с Ф... Фи-липп Хроаш Фор. Он бывал там, где сейчас Водан.

«И ты тоже?» — подумал Аринниан.

— К тому же, он мужчина Хилл и ваш друг,— добавила Айат.

— Иди, если хочешь,— сказал Аринниан.

— Значит, час,— коготки постукивали, шелестели перья, когда Айат шла за землянином. Она догнала его и взяла за руку.— Идемте, нам нужно о многом поговорить,— сказала она на своем певучем английском.

Он снова улыбнулся, поцеловал Табиту и повел итрианку за пределы дома. Когда они исчезли, установилась тишина, нарушае-

мая лишь шелестом деревьев. Аринниан не двинулся с места. Драун глумливо усмехался. Табита порылась в трубках, выбрала одну и закурила. Казалось, все ее внимание привлечено именно к этому занятию.

— Не нужно меня винить,— сказал Драун.— Если бы не Табита, я бы обошелся с ним так же, как и с его товарищем. Известно ли тебе, что она не позволила превратить его череп в кубок?

Табита окаменела.

— Что ж, скажи мне, когда ты устанешь от его приставаний,— продолжал Драун.— Я вскрыю его живот на итрианском алтаре.

Она решительно повернулась к нему. На ее щеке белел шрам.

— Чего ты добиваешься, чтобы я положила конец нашему партнерству? — спросила она.— Или же хочешь, чтобы я тебя вызвала тебя на дуэль?

— Табита Фалкайн имеет право сама устраивать свою жизнь, Драун,— вмешался Аринниан.

— Ак-р-р-р-р, может быть, я сказал не то, что хотел,— проворчал тот. Перья его встопорщились, голова склонилась на бок.— Но сколько еще мы должны сидеть в этой клетке из земных кораблей?

— Столько, сколько будет нужно,— ответила Табита, все еще бледная и дрожащая.— Ты что, хочешь броситься и умереть ради собственной славы, как герой какой-нибудь саги? Или вызвать такой штормовой налет, который уничтожил бы целый континент?

— Почему бы и нет? Наконец-то все умрет! — усмехнулся Драун.— Какой бы получился грандиозный фейерверк! Лучше бы, конечно, было послать в адские ветры Землю, но коль скоро мы не можем этого сделать...

— Я бы предпочла, скорее, проиграть войну, чем убить планету, любую планету,— сказала Табита.— И тем сильнее было бы мое желание, чем гуще населена была бы планета.— Она понизила голос и прямо посмотрела на интрианина.— Твоя беда в том, что Старая Вера усиливает каждое проявление желания убить ту войну, что будоражит в тебе... а ты не имеешь возможности это сделать!

Выражение лица и тела Драуна говорило: «Возможно, с врагами я не церемонюсь». Но вслух он ничего не сказал. Табита не хотела смотреть на него. Вместо этого она обернулась к Аринниану:

— Ты можешь изменить это положение? — спросила она. Улыбка ее была почти робкой.

Он не улыбнулся ей в ответ.

— Да,— ответил он.— Позволь мне объяснить, что мы имеем в виду...

Поскольку орнитоиды не привыкли уходить на большие расстояния, а во время полетов продолжительные разговоры невозможны, Айат вначале повела Рошфора к яслям. После повторяющихся визитов в течение последних нескольких недель она знала дорогу. Там жили несколько циррауков, лошадь Табиты. Последняя была меньше, чем ее соседи, и походила на них только тем, что тоже была теплокровной. Но те, хотя и не были млекопитающими в прямом смысле этого слова, использовались для аналогичных целей.

— Вы смогли бы снарядить ваше животное? — спросила она.

— Да, теперь, когда я пожил здесь некоторое время. Раньше мне, похоже, приходилось видеть лошадь разве что в зоопарке. — Улыбка его была механической. — А не следует ли нам попросить разрешения?

— Зачем? Люди часа должны соблюдать обычаи своих гостей, а во Вратах Бури не принято спрашивать, когда находишься в кругу друзей.

— Теперь мне очень хочется, чтобы мы действительно ими были.

Она подняла руку и мягко провела концом крыла по его щеке.

Они сели в седла и поскакали рядом по тропе. Листья шелестели от морского бриза, серебристые в этом ясном свете. Цокали копыта, но сырой воздух не давал подниматься пыли.

— Ты так добра, Айат, — сказал Рошфор несмело. — И большинство были так добры ко мне. Добрее, чем того заслуживает военнопленный и, боюсь, они лучше ведут себя, чем повели бы себя земляне в подобной ситуации.

Айат подыскивала нужные слова. Она часто пользовалась англиком, как ради практики, так и ради уважения к собеседнику. Но сейчас проблема состояла в том, чтобы найти нужное представление. Единственная, пришедшая на ум фраза, показалась подходящей.

— Война есть война!

— Это помогает. Если ты человек, конечно, — сухо сказал он. — А этот Драун...

— О, он не ненавидит тебя... Он всегда такой. Я чувствую... жалость?... к его жене. Нет, не жалость! Это значило бы, что я думаю о ней как о стоящей ниже меня, а я считаю ее выносливой.

— Почему она остается с ним?

— Из-за детей конечно, и, возможно, она не так уж несчастна. У Драуна должны быть хорошие черты, раз он поддерживает партнерство с Хилл, и все же я буду в браке гораздо счастливее!

— Хилл... — Рошфор покачал головой. — Боюсь, что я навлек на себя ненависть вашего... э... брата, Кристофера Холма.

Айат вздохнула.

— Ясно, что он хотел попасть туда, куда ты пришел первым. Его рана так велика, что слышно, как капает кровь.

— А ты? Ведь вы так близки!

— Конечно, я не наблюдаю за его болью с радостью. Но он справится с ней. Кроме того, боюсь, что она могла слишком сильно его привязать. «Лучше не говорить об этом, девочка». — Айат посмотрела на человека. — По-моему мы говорили о том, что значит быть воином там.

— Не знаю, — сказала Табита. — Звучит весьма неопределенно.

— Покажи мне стратегию, которая бы не казалась таковой, — ответил Аринниан. — Суть в том, удастся она или не удастся, нам придется изменить формы борьбы. У Империи не будет причины для бомбежек, и Авалон будет спасен. — Он посмотрел на Драуна.

Рыбак рассмеялся.

— Желаю я этого или нет, ах? — сказал он. — Что ж, думаю, любой план прекрасен, если он позволяет лично убивать землян.

— Ты уверен, что они приземлятся там, где нужно? — поинтересовалась Табита.

— Нет, конечно, мы не можем быть уверены, — отрезал Аринниан. — Мы сделаем то, что сможем, чтобы эта территория была их логическим выбором. Среди прочего, мы организуем несколько случаев дезертирства. Земляне не смогут заподозрить, что они спровоцированы нами, потому что уйти от этой планеты действительно нелегко. Ее защита предназначена для предметов, поступающих извне.

— Гм... — Табита потерла подбородок. — Если бы я была умным земным офицером, и кто-нибудь, заявляющий, что он бежал с Авалона, принес мне подобную весть, я бы подвергла его... как это они называют?... гипнопробе.

— Вне всякого сомнения, — кивок Аринниана был резок. — Но дефекторы будут великолепны. Мой отец отобрал особо умных людей, чтобы они об этом позаботились. Я не знаю деталей, но догадаться могу. У нас действительно есть люди, поддавшиеся панике, или такие, которые хотят сдаться, потому что убеждены, что мы поступаем безрассудно. И есть еще больше таких, которые заражены этим в меньшей степени и которым первые полностью доверяют.

Предположим... Предположим на мгновение, что мы убедим президента Викери вызвать потенциального предателя для конфиденциального разговора. Викери объясняет, что сам хотел бы бежать, но действовать открыто для него равносильно политическому самоубийству, поэтому он хочет помочь нескольким особам покинуть планету и передать секретное сообщение землянам.

Понимаешь? Я не утверждаю, что это будет сделано именно таким образом, я не знаю, до какой степени мы можем доверять Викери... но мы можем оставить право выбора за людьми моего отца.

— И подобным же образом подготовлены боевые порядки, которые приблизят сказку к реальности. Прекрасно, прекрасно! — отозвался Драун.

— Именно к этому я и подходил, — сказал Аринниан. — Моя задача состоит в том, чтобы собрать лидеров различных Домашних охран и скоординировать их действия.

Поднявшись, он принялся расхаживать по комнате мимо Табиты, не глядя при этом в ее сторону.

— В данном случае очень бы помогло, — проговорил он отрывисто, — если бы добавочную информацию принес им один из них.

Дыхание со свистом прорвалось сквозь ее сжатые зубы. Драун подался вперед, освободив ахатаны и перенес тяжесть тела на пальцы ног.

— Да, — подтвердил Аринниан. — Речь идет о твоём драгоценном Филиппе Рошфоре. Можешь сказать ему, что я здесь потому, что очень озабочен судьбой Экватории. — Он сообщил детали. — Потом я найду какое-нибудь дело на соседних островах и улечу вместе с Аят. Наша лодка останется здесь, полностью неохраняемая. Ты ведь позволяешь ему свободно бродить по окрестностям, не так ли? Его дальнейшие действия очевидны.

Табита с такой силой сдавила трубку, что треснул черепок. Она даже не заметила этого.

— Нет, — был ее ответ.

Аринниан обнаружил, что для того, чтобы остановиться и посмотреть на нее, ему не нужно делать над собой усилия.

— Он значит для тебя больше, чем твой мир?

— Бог покарает меня, если я когда-нибудь попытаюсь вот так его использовать, — сказала она.

— Но если его благородная натура не сможет позволить себе обмануть твоё доверие, о чем же тогда тебе беспокоиться?

— Я не собираюсь ронять перед ним своё достоинство, — сказала Хилл.

— Перед этим-то пометом? — едко заметил Драун.

Взгляд ее метнулся в его сторону, а рука — к лежавшему на столе ножу.

Он отступил.

— Ладно, ладно, — пробормотал он.

Когда следовавшая за этим тишина была нарушена, все почувствовали облегчение.

Кто-то постучал в дверь. Аринниан, находившийся ближе всего, открыл ее. За дверью стоял Рошфор. За его спиной маячила

лошадь и цирраук. Филипп дышал неровно, и под смуглостью кожи проступала бледность.

— Вы вернулись слишком рано,— сказал Аринниан.

— Айт...— начал Рошфор.

— Что? — Аринниан схватил его за плечи.— Где она?

— Не знаю. Я... мы скакали, разговаривали... Внезапно она вскрикнула! Крис, я никак не могу забыть этот крик! Она сорвалась с места, взмахнула крыльями и исчезла за вершинами деревьев раньше, чем я успел ее окликнуть. Я... я ждал, пока...

Табита подошла к ним. Она хотела оттолкнуть Аринниана, заметила его неподвижность, то, с какой силой его пальцы впились в плоть Рошфора, и отступила.

— Фил,— тихо сказала она.— Дорогой, подумай! Она должна была услышать что-то ужасное! Что это было?

— Не могу себе представить,— хватка Аринниана заставляла землянина морщиться, но он не двигался.— Она попросила меня описать космический бой. Мои впечатления. Я рассказал ей о последнем бое перед нашей высадкой. Помните, я рассказывал вам то же самое.

— Было ли что-то, о чем я не спросила?

— Кажется, я не описал, как выглядела лодка, но Айт попросила меня это сделать.

— И что же?

— Я сказал ей. Разве не нужно было?

— И как же?

— На гиперболическом изгибе находились три золотые звезды.

Аринниан выпустил Рошфора. Кулак его опустился на лицо человека. Рошфор покачнулся и упал. Аринниан выхватил было нож, но овладел собой. Рошфор, озадаченный, сел. Рот его кровоточил.

Табита опустилась возле него на колени.

— Ты не мог знать, дорогой мой,— сказала она. Она сама едва держала себя в руках.— То, о чем ты ей сообщил, было известием о смерти ее возлюбленного!

ГЛАВА 15

Ночью поднялся ветер. Поплыли облака, набрасывая сине-черные тени на плывущую среди них Моргану. Тут и там лениво поблескивали звезды. В темноте за линией берега шелестел прибой, и деревья отвечали ему глухим рокотом. Холод заставил людей одеться теплее.

Ромфор и Табита медленно брели среди дюн.

— Где она? — подавленно спросил он.

— Одна, — ответила она.

— В такую погоду? Она ведь может еще ухудшиться. Послушай, если бы Холм сразу отправился на поиски, то мы хотя бы...

— Они оба могут о себе позаботиться, — Табита поплотнее запахнула плащ. — Я не думаю, чтобы Крис надеялся ее найти, если только она сама не захочет, чтобы ее нашли, а это сомнительно. Просто он должен что-то делать. И ему хочется некоторое время побыть от нас вдали. Ее скорбь заставляет скорбеть его. Типичная итрианская черта: самому переносить первый прилив горя.

— Святые! Я все испортил, да?

Он маячил рядом с ней длинной тенью. Она протянула руку, нащупала его ладонь, и это вернуло ей ощущение радости.

— Еще раз говорю тебе: ты же не мог знать, — ответила она. — Во всяком случае, лучше, что она узнала все сейчас, чем находилась бы в неизвестности ещё недели и месяцы, а потом навсегда осталась в неведении относительно его смерти. Сейчас же она знает, что он остался чист, что погиб, одержав блистательную победу. — Она колебалась. — Кроме того, ты же не убил его! Это сделали наши же нападающие. Можно сказать, что это сделала сама война. Это был как удар молнии.

— Проклятая война, — сказал он, как выплюнул. — Разве недостаточно мы еще накидали дерьма?

Она вспыхнула:

— Твой драгоценный император мог бы окончить ее в любую минуту.

— Но она окончена, если не считать Авалона. Зачем продолжать все это? Вы заставите их разнести здесь все на щепочки.

— И показать всем остальным миром, что на самом деле представляет из себя Империя! Это бы испортило ее дела серьезно и надолго. — Гнев Табиты угас. — Ты же знаешь, что мы делаем ставку на то, что они не чудовища, и на то, что они умеют соблюдать свой интерес. Давай не будем больше говорить об этом.

— Я готов! Тэбби, ты и Холм... я, конечно, имею в виду старого Холма, и еще других старых людей и итриан, которым совершенно безразлично, сколько умрет молодых, расплачиваясь за их глупость, за их чванство...

— Прекрати, пожалуйста!

— Не могу! Вы разрабатываете какой-то новый безумный план, который, как вы считаете, позволит одной маленькой колонии одержать верх над всеми остальными мирами. Я вот что скажу: как бы долго это не длилось, все окончится катастрофой. Потому

что битва продолжится, еще усилится... Нет, я не могу безразлично наблюдать за тем, что вы делаете!

Она остановилась. Он тоже. Вглядываясь в темноту, она пыталась разглядеть выражение лица Рошфора.

— Не беспокойся,— сказала она.— Мы знаем, к чему вы клоните!

— Знаешь? Каков же твой план?

— Я не должна тебе этого говорить, дорогой!

— Конечно,— сказал он с горечью,— но ты можешь позволить мне лежать ночами без сна, проводить один за другим отравленные горечью дни, в страхе за тебя. Послушай, я многое знаю о войне. И о психологии Высшего императорского командования. Я могу дать тебе неплохой совет относительно его реакции на ваши начинания.

Табита покачала головой. Она надеялась, что он не видит, с какой силой зубы ее впались в губу.

— Скажи мне,— настаивал он,— ну какой вред я смогу причинить? Любой мой совет... А может быть, вы не предлагаете ничего особенно безрассудного? Как бы я хотел в этом убедиться...

Ей едва удалось заставить себя сказать:

— Прошу тебя, прошу тебя!

Он положил руки ей на плечи. Лунный свет падал на его глаза, превратив их в два черных бассейна.

«Я не могу ему лгать. Или могу? Но ведь я нарушаю присягу! Могу? Аринниан хотел, чтобы я ему кое-что сказала.. Но я не испытываю тебя, Фил! Я... выбираю меньшее из зол... потому что ты не хотел бы, чтобы твоя женщина нарушила данное ею слово, ведь правда? Я дарю тебе то короткое счастье, какое могу. Ложью, что не может никак повлиять на твое поведение. Потом, когда ты узнаешь, я на коленях буду просить тебя о прощении».

Она с трудом узнала свой голос:

— Мы можем располагать твоим словом?

— Относительно неиспользования против вас полученной информации? — Несколько секунд он молчал. Волны бились за его спиной.— Да!

— Ох, нет! — она потянулась к нему.— Я не думала...

— Я даю тебе слово, моя милая!

«В этом случае...— подумала она.— Но нет, я не могла бы сказать ему правды, не посоветовавшись сначала с Ариннианом, который, конечно же, сказал бы «нет», а Фил, без сомнения, чувствовал бы себя несчастным из-за страха за меня и, что там ни говори, за своих друзей во флоте, потому что честь не позволила бы ему предупредить их».

Она сжала кулаки под покрывающим ее плащом и поспешно проговорила:

— В общем, речь идет не о чем-то капитальном. Тебе известно насчет Экватории, ненаселенного континента. Там нет ничего, кроме крошечных установок и ничтожного количества охраны. Она, главным образом, сидит в бараках, потому что несколько попыток патрулировать территорию оказались бесплодными. Крис очень обеспокоен.

— Гм... Да, я слышал, как он упоминал тебе об этом.

— Он убедил своего отца, что защита недостаточна. При более тщательном изучении они обнаружили, что плоскогорье Скорпелуны вообще открыто. Горы, частые штормы и прочее делают его особенно изолированным. Если бы враг сконцентрировал свои силы на то, чтобы прорвать орбитальную защиту и быстро устремиться вниз, то, оказавшись примерно в пятидесяти километрах над землей, он обнаружил бы преграду всего лишь из нескольких слабых лучей и, без сомнения, вполне мог бы справиться с теми несколькими орудиями и воздушными кораблями, которые успели бы туда добраться. А оказавшись на земле, он сразу бы окопался и создал... как вы говорите?... плацдарм. Мы должны укрепить эту территорию. Вот и все!

Она замолчала. У нее закружилась голова. «Неужели я сказала все это на одном дыхании?»

— Понятно, — отозвался он спустя несколько минут. — Спасибо тебе, драгоценная моя!

Она подошла к нему и поцеловала со всей нежностью, на какую была способна.

Позже ночью ветер стал тише, небо затянуло, пошел дождь, медленный, как слезы. К утру он прекратился. Среди разлива вод медленно поднялась сонная Лаура. Она плавала в бесконечной голубизне, а каждый листок и травинка острова казались драгоценными камнями.

Айат покинула утес, на котором провела несколько последних часов. Вначале она чувствовала себя окоченевшей и вымокшей. Но ветер, бивший ей в ноздри и антибраторы, оживили кровь, налив силой мышцы.

«Вверх, вверх», — подумала она и понеслась по спирали. Море смеялось, но остров дремал, и единственным звуком был шум ее крыльев.

«И в смерти своей, Водан, ты тоже был солнцем!»

Отчаяние ушло, воспламененное усилием ее крыльев, развеянное ветром, затопленное водой — так, как он хотел бы для нее. Она знала, что боль еще вернется, но этой боли она уже была сильнее. И под ней уже ощущалась печаль, как огонь, тлеющий под травой. И пусть она живет, пока жива Айат, пусть Водан

живет в ней и после того, как в ней пробудится чувство к другому, после того, как она отдаст этому другому свою любовь.

Она сделала круг. С той высоты, на которую она поднялась, ей был виден не один остров. «Я еще не хочу возвращаться. Арииниан может ждать меня до... сумерек? — В ней ожил голод. Она потратила слишком много энергии.— Будь благословенна боль, будь благословенен голод... будь благословенна удача!»

Далеко внизу стая птероплеуонов покинула свои гнезда и устремилась на поиски лискоидов над поверхностью воды. Айат выбрала цель, и устремилась вниз. Когда она закрыла глаза пленками, чтобы защитить их, мир сделался пятнистым и немного потусквел. Но она еще острее ощутила присутствие неба, струящего потоки света, свист ветра вокруг нее. Каждая клеточка ее тела ощущала готовность, знание нужного угла, скорости, силу падения.

Ее тело знало, когда расправить крылья, когда сложить их, как и когда должны вступить в действие руки. Кинжал был ей не нужен. Шея рептилоида сломалась под вихревым натиском этой встречи.

— Водан, ты был бы рад!

Ноша мешала ей. Не будучи тяжелой, она в то же время была неудобной. Айат опустилась на отдаленную скалу, нарезала мясо и поела. Сырое, оно было простым на вкус, даже пресноватым. Прибой под ней кричал и брызгался.

Потом она полетела вглубь острова, теперь уже медленнее. Нужно было найти высокую растительность и отдохнуть среди деревьев и цветов, в нагретой солнцем тени. Потом можно будет вновь подняться в небо. И все время она будет вспоминать Водана! Поскольку они не совершили брачного обряда, она не сможет вести его похоронный танец. Поэтому сегодня она должна исполнить его одна, наедине с собой.

Она спустилась к фруктовому саду. Вода, испаряющаяся с листьев, создавала над землей дымку легкого тумана, и эта завеса слегка колыхалась среди зелени под солнцем. Сгустившиеся запахи накрыли ее своим опалом. Она пила сильные ароматы живущей земли, и антибраторы ее справлялись с этим не хуже легких, пока у нее не закружилась голова, а кровь не забурилась и не запела.

«Водан,— грезилла она,— если бы ты был здесь, возле меня, мы улетели бы вместе, и ничто бы уже не помешало нам. Мы нашли бы место, где ты смог бы укрыть меня своими крыльями».

Казалось, что он был и впрямь здесь.

Шелест крыльев, воздух, внезапно наполнившийся мужским запахом... Все поплыло перед ней. «Теряю ли я сознание? Мне лучше сесть». Она неуверенно опустилась вниз и приземлилась.

Ее окружали апельсиновые деревья, не слишком высокие и не слишком часто растущие, чьи оранжевые шары казались таинственными в глубине листвы. Земля была недавно обработана, засеяна и лежала, открытая небу. Коричневая и мягкая, она прильнула к ней. Почва была сырой, но нагретой солнцем.

Послышался шум крыльев. Чья-то тень на мгновение закрыла Лауру. Летящий опустился, Айат узнала Драуна.

Его гребешок был напряжен. Каждое перышко вокруг усмехающегося рта говорило: «Я надеялся, что смогу вот так и найти тебя, после того что случилось».

— Нет! — жалобно бросила она и расправила крылья, намереваясь улететь.

Драун уверенно двинулся вперед, широко расставив руки и изогнув пальцы.

— Прекрасная, прекрасная, — произнес он. — Хкр-р-р!

Ее крылья качнулись. Поток воздуха принес силу, но не ее силу. То была иная энергия, потрясающая ее до основания.

— Водан! — взмолилась она и вдруг оказалась на крутящейся земле. Подъем был медленным и неуклюжим. Драун настиг ее и сомкнул когти вокруг ее алатена. Они упали вместе.

Она царапнула его по лицу и потянулась за ножом. Он поймал ее за обе кисти и притянул к себе.

— Ты ведь не хочешь этого на самом деле! — его дыхание ударило в ее ухо.

— А теперь? — он обвил руками ее шею и крепко сжал ее в объятиях. Распростершись, его крылья снова скрыли собой солнце, и перышки опустились ей на глаза.

Ее крылья скрылись под его оперением.

Она так плотно смежила веки, что темнота под ними заполнилась пляшущими бесформенными огнями.

«Водан, — пронеслось где-то среди гула, — я делаю вид, будто это ты».

Но Водан ни за что не ушел бы сразу после случившегося, оставив ее в горечи царапающей землю, дрожащей. Такой и нашел Айат Аринниан.

Тэбби еще спала. Холм еще искал свою несчастную подругу. Драун недавно улетел, обронив замечание, что хочет, если сможет, помочь в поисках. Все остальные разошлись по делам. Земля покоилась в лучах утреннего солнца.

Рошфор потихоньку пробрался в спальню. Табита принадлежала к тем немногим женщинам, которые хорошо выглядят в этот час. Крупное тело, коричневая кожа слишком упруга, чтобы запасть или опухнуть. Короткие белокурые волосы так разбросали свои завитки, что его пальцы так и тянулись поиграть с ними.

Она дышала глубоко, уверенно, не сопела, хотя губы ее чуть-чуть разошлись, обнажив белую полоску зубов.

Когда он склонился над ней, то не ощутил никакого кислого запаха, только нежный, девичий. И увидел следы засохших слез.

Рот его искривился, но боль в прикушенной губе не была такой уж сильной, не то, что в сердце. Она плакала из-за него, когда они вернулись домой...

— Сегодня тебе, конечно же, нельзя, — прошептала она, согнув руку в локте и склонившись над ним, в то время как пальцы другой ее руки бегали по его щеке и груди. — А со всеми этими беспокойствами и несогласием — и подавно. Ты же так измучился! Не расстраивайся! Ты сам не знаешь, какая для тебя это травма. Подожди до завтра или до следующей ночи, Фил! Перед нами целая жизнь!

«Самая мучительная часть кошмара в моей душе — это то, что я не могу сказать тебе, почему я так тяжело это перенес, — подумал он. — Если я поцелую тебя... но ты можешь проснуться... О, святой Джоан, сожженный за ее народ, помоги мне!»

Он понял, что если помедлит еще, она действительно может проснуться. Он медленно досчитал до ста, прежде чем выскользнул из комнаты.

Крыши строений, возвышающихся за ним, казались невозможными четкими на фоне неба, в котором властвовали только солнце и свежий ветерок. Мягкие зеленые и голубые краски сверкали так, как будто были ярко-алыми. Воздух был напоен запахами зелени и моря, чьи волны перекачивались вдаль. «Нет, эта дивная красота непрочна». Рошфор быстро пошел прочь. По тропинке он направился через фруктовый сад. Скоро она должна была слиться с главной дорогой, ведущей к посадочному полю.

«Это не может закончиться удачей. Кто-то должен быть на страже, или же я не смогу проникнуть внутрь. Или же еще что-нибудь случится и окажется, что я просто вышел на прогулку. Ведь нет никакого вреда в том, чтобы посмотреть, не так ли?»

Просто посмотреть и вернуться к завтраку. И никакого зла в этом нет, только вот ее авалонянам будет позволено убить себя; может быть, и она окажется в их числе. Еще мои товарищи по флоту тоже могут умереть — без пользы, без всякой на то причины, кроме гордыни, хотя, быть может, все это можно спасти. И тогда она поймет, что я сделал это ради того, чтобы война быстро закончилась, и чтобы Табита могла жить».

Кругом было тихо. В это время года никто не работал на плантациях.

И посадочное поле тоже было пустынным. Для того небольшого количества транспорта, которое принимал Сент-Ли, вполне было достаточно автоматического контроля.

Космический флиттер был неподалеку. Рошфор стоял неподвижно, пока в памяти его не всплыл разговор: «Только погода может быть врагом». Насчет воров здесь не беспокоятся.

А как насчет любопытных детей?

«Если кто-нибудь появится и увидит меня здесь, я смогу убедиться, что просто обеспокоился этим обстоятельством. Тэбби поверит мне».

Он подошел к небольшому трапу, используемому для разгрузки грузовых кораблей, и подвез его к корпусу ракеты. Вход был очень похож на те, к которым он привык, и он немедленно отыскал щит, который должен был скрывать внешний контроль. Он не был защищен и легко отошел в сторону. За ним была только одна кнопка. Он нажал на нее. Открылся главный клапан. Трап отъехал в сторону.

«Господи, укажи мне волю твою!»

Рошфор скрылся внутри.

Итрианское судно было весьма похоже на земную лодку. И в этом не было ничего удивительного, если вспомнить, что летающая раса училась искусству кораблестроения у человека, и что на Авалоне суда часто водили именно люди. В кабине пилота сиденья и аппаратура были пригодны для особой обеих рас.

Надписи были на планхе, но Рошфор разобрался в них. Через пять минут он знал, что может поднять и вести эту лодку.

Вначале он сжал кулаки. Потом принялся за дело.

ГЛАВА 16

Аринниан вел Айат обратно по земле. Его гравипояс был недостаточно надежен, чтобы удержать их в воздухе вдвоем.

Дважды она говорила ему, что может лететь или идти с какой угодно скоростью, но говорила это таким слабым шепотом, что он отвечал: «Нет». Если не считать этих слов, они больше не разговаривали.

Он не мог долго нести ее на руках. Она повисла на нем, прижавшись килевой костью к его спине, свесив руки по его плечам, как это делают маленькие итрианские дети, и он помогал ей хоть немного преодолеть притяжение планеты. Крис разорвал свою рубашку на лоскуты и смочил ее раны водой с листьев, а оставшимися «бинтами» перевязал их, чтобы остановить кровотечение. Раны не были опасными. Он ощущал тепло (даже жар) ее любовной поры, окружавшее его подобно тяжелому аромату.

«Это самое худшее,— размышлял он.— Такие условия продлятся несколько дней, а может, и пару недель. Если она неожиданно снова столкнется с ним... Испытывает ли она угрызения совести? Она, конечно, в шоке, ей больно и стыдно, но чувствует ли она себя смертельно оскорбленной? Может ли чувствовать? Я вдруг перестал понимать свою подругу».

Путь был долгим и трудным. Он и так потратил много сил на поиски. Теперь же все его тело болело, во рту пересохло, голова казалась набитой песком. Весь мир превратился в дорогу, которую ему предстояло одолеть. В длинную-длинную дорогу, и каждый ее километр казался все более долгим. Так же все сужался мир мыслей и памяти, пока не превратился в череду предательств. Он старался не думать об этом; найдя в памяти детские стишки, приноровил их к своим шагам. «Ты срываешь и бросаешь. Ты срываешь...» Но это заставило его слишком сосредоточиться на ногах, на их боли, на тяжести в руках, на горечи во рту, и волей-неволей он вернулся к мыслям о чередѣ предательств. Земля — Итри, Итри — Авалон, Табита — Рошфор, Айат — Драун... Эти руки, сомкнувшиеся сейчас на его животе, руки, которые он держит в своих, совсем недавно напрягались, стараясь подтянуть поближе к себе Драуна. Этот голос, что пел для него, а сейчас был чуть слышен, извергал в тот момент стоны, как голос какой-нибудь суки... «Прекрати это! Прекрати, я сказал!»

Вид знакомого пейзажа вернул его к действительности. Никого поблизости не было видно. Удача! Он потихоньку унесет Айат. Итрианские химики создали аэрозоль, который эффективно нейтрализует действие ферментов, без сомнения, его можно будет занять у кого-нибудь из соседей. Если ему удастся заставить местных мужских особей держаться вдали от ее комнаты, пока она не отдохнет настолько, что сможет полететь с ним в лодке домой, к Вратам Бури, то все обойдется.

Двери в дом Табиты были распахнуты. Должно быть, она услышала звуки его шагов, потому что подошла к двери.

— Хэлло! — позвала она.— Ты ее нашел?... Ой! — она подбежала. Ему показалось, что по виду Айат Табита сразу смогла оценить обстановку.— Она в порядке?

— Нет.

Табита пошла за ними.

— Сюда,— сказала она,— на мою кровать.

— Нет! — Арииниан остановился. Если бы на нем не было ноши, он бы пожал плечами...

Айат лежала. Одно крыло было придавлено ее телом, другое раскинулось так широко, что перья его касались пола. Закрытые мембраны делали ее похожей на слепую.

— Спасибо! — голос ее был едва слышен.

— Что случилось? — Табита склонилась над ней. Запах, который самец-итрианин мог различить за километры, достиг и ее ноздрей.— О! — она выпрямилась. Подбородок ее затвердел.— Вот оно что.

Аринниан отыскал ванную, выпил один за другим несколько стаканов холодной воды, принял ледяной душ. Тем временем Табита ходила по комнате, готовя все необходимое для Аят.

Когда они оба покончили с делами, то встретились в гостиной. Табита приблизила губы к самому его уху, так, что он явственно ощутил ее дыхание, и прошептала:

— Я дала ей содатив. Через несколько минут она уснет.

— Хорошо,— глухо ответил он.— Где Драун?

Табита отступила. Ее зеленые глаза расширились.

— Зачем он тебе?

— Неужели ты не догадываешься? Где он?

— Зачем тебе нужен Драун?

— Чтобы убить его.

— Ты не сделаешь этого! — крикнула она.— Крис, если это был он, то они ведь не могут собой владеть. Никто не может! Ты же знаешь! Шок и печаль вызвали овуляцию раньше времени, и тогда он воспользовался случаем, и...

— Он не просто воспользовался случаем, этот негодяй,— сказал Аринниан,— если он это сделал, то должен был отступить после первого, даже самого ничтожного сопротивления, как и подобает всякому честному мужчине, а не брать ее силой. Где он?

Табита отошла в сторону и остановилась перед телефоном. Она была бледнее, чем тогда, когда Драун над ней насмехался. Крис попытался ее отодвинуть. Некоторое время она сопротивлялась, но он был сильнее, и ей пришлось уступить.

— Дома он, ты же знаешь,— сказал Аринниан.— И под рукой кучка вооруженных друзей.

— Чтобы помешать тебе совершить безрассудство, — вздохнула Табита.— Крис, сейчас война. Он слишком важен для дела охраны. Мы... Если бы Фил был здесь, ты бы ни за что... Должна ли я пойти за оружием?

Он сел.

— Твой Рошфор не сможет мне помешать позвонить.— Она отступила.— Как и твой глупый пистолет! Успокойся!

Он знал номер и набрал его. Экран ожил: Драун и, действительно, еще парочка с бластерами. Итрианин сейчас же заговорил:

— Я этого ожидал. Ты меня слышишь? Что сделано, то сделано, и ничего постыдного в этом нет. В подобных случаях чосы говорят «нет», если не считать того, что оскорбленная гордость может потребовать денежного возмещения, а с этим

справится даже ребенок. Что же касается гордости, то она получила удовольствие.— Он усмехнулся и посмотрел мимо мужчины.— Ведь правда, красотка!

Аринниан оглянулся. Аят покачиваясь, выходила из спальни. Глаза ее были широко раскрыты, но затуманены наркотиком, который уже вверг ее в полубессознательное состояние. Руки ее протянулись к изображению на экране.

— Да, приходи! — прошептала она надтреснутым голосом.— Нет! Помоги мне, Аринниан, помоги.

Он не мог шевельнуться. Табита подбежала к ней и увела ее.

— Видел? — сказал Драун.— Никакого вреда. Вы, люди, как я слышал, можете брать своих женщин силой и часто это делаете. Я не создан для этого. Во всяком случае, что стоит одна наша забава по сравнению с сотнями в год ваших?

Аринниан едва удержал рвущийся наружу желудок. В груди у него жгло. Когда он заговорил, его собственные слова показались ему ничемными и далекими, хотя смысл их оставался для него совершенно ясным.

— Я видел, в каком состоянии она была.

— Ну, может быть, я немного переусердствовал. Но вы, люди, не так все понимаете. Мы, итриане, наблюдаем за вами и удивляемся. Ты понял мои намерения? Хорошо, я соглашусь заплатить за любое нанесенное ранение, любое, зафиксированное врачами. Я даже согласен обсудить с ее родителями размеры платы за оскорбленную гордость. Ты удовлетворен?

— Нет!

Драун слегка пошевелил гребешком.

— Лучше бы ты был подальше отсюда. По законам и обычаям у тебя больше нет никаких прав на улаживание этого дела.

— Я собираюсь тебя убить,— сказал Аринниан.

— Что? Подожди, биение ветра! Убийство...

— Дуэль! У нас есть свидетели. Я тебя вызываю!

— Я же сказал, что у тебя нет причин!

На сей раз Аринниан смог пожать плечами:

— Тогда ты меня вызови!

— За что?

Человек вздохнул.

— Зачем нам так соблюдать формальности? Позволь мне самому решить, какое оскорбление можно было бы считать смертельным. Вульгаризм, который я смог бы допустить, летя над тобой? Нет, слишком искусственно! Я просто выставлю наружу все твои недостатки с собственным комментарием, Драун! Потом я смогу добавить, что чос Высокого Неба — дерьмовый чос, потому что в состав его входит такой мерзавец!

— Достаточно,— сказал итрианин очень спокойно, хотя перья его стояли дыбом, а крылья вздрагивали.— Ты вызван! Перед

моими богами, твоими богами памятью всех наших предков и надеждой на наших наследников я, Драун из Высокого Неба, вызываю тебя, Кристофер Холм, прозванный Ариннианом, из Врат Бури с тем, чтобы твои сила и гордость встретились с моими в битве, из которой живым должен выйти лишь один! В присутствии части тех свидетелей, которых я назову...

За спиной человека появилась Табита. С удивительной силой она схватила Аринниана и стащила его со стула. Он упал на пол, выпрямился и обнаружил, что она встала между ним и экраном. Правой рукой она вцепилась в Аринниана, а левую держала так, как будто хотела таким же образом удержать на расстоянии его врагаб своего компаньона.

— Вы что, с ума оба сошли? — крикнула она.

— Слова были произнесены. — Драун обнажил клыки. — Если только он не попросит у меня прощения.

— Я ни за что не буду выпрашивать у него прощение, — сказал Аринниан.

Табита стояла, задыхаясь, переводя взгляд с одного на другого. Слезы катились у нее по щекам, но она, казалось, не замечала этого. Через некоторое время ее руки опустились.

— Вы хоть согласны выслушать меня? — хриплым голосом спросила она. Они согласились. Аринниан начал дрожать от внутреннего холода. Безжизненно повисшие руки Табиты сомкнулись в кулаки. — Вы должны членам вашего чоса не свою гордость... Авалон... может... погибнуть или быть изуродованным! Подождите до конца войны! Я обещаю вам довести дело до конца!

— Что ж, я согласен, но при условии, что мне не нужно будет ни встречаться, ни разговаривать с Ходящим, — неохотно согласился Драун.

— Если ты считаешь, что мы должны сотрудничать как раньше, — сказал Табите Аринниан, — то тебе придется стать нашим посредником.

— Разве она может? — осканился Драун. — После того, как ты отозвался о ее чосе.

— Думаю, как-нибудь смогу, — вздохнула Хилл.

Она отступила. Задача ее была выполненной. Экран потух.

К Аринниану вновь вернулась сила. Он повернулся к девушке и извиняющимся тоном произнес:

— Последнее мое оскорбление не было умышленным. У тебя я прошу прощения, тебя я умоляю о снисхождении!

Она посмотрела в его сторону, но подошла к двери и вышла из дома.

«Пошла к своему любовнику, — пронеслось в его голове. — Я найду дерево, под которым смогу отдохнуть, пока Айат не встанет и я не смогу отнести ее к флиттеру».

Грохот прокатился среди гор. Оконные стекла задрожали. Табита застыла.

Шум замер, снова стало тихо. Она побежала.

— Фил! — закричала она.

«Так, — подумал Аринниан. — Вот так! Еще одно предательство!»

— Спокойнее, лейтенант! Садитесь!

Темноволосый красивый человек напряженно застыл в кресле. Хуан Кайал опустил глаза и принялся перебирать бумаги на письменном столе. Молчание заполнило его кабинет.

«Валендерей» кружился на своей орбите вокруг Пако на расстоянии, которое превращало это солнце в подобие яркой звезды, похожей на те, что светили на Эсперансе, где жила Луиза.

— Я прочел ваш отчет, включая транскрипцию вашего заявления, очень внимательно, лейтенант Рошфор, — сказал наконец Кайал. — Поэтому я просил, чтобы вас доставили сюда на спидстрере.

— Что я могу добавить, сэр? — голос вновь прибывшего был очень напряжен, как и его тело. Тем не менее, когда Кайал снова поднял голову и встретился с ним взглядом, он вспомнил нежное животное, виденное им однажды в Нью-Мехико, в сфере де Лос Воскас Секос, загнанное в угол каньона, где оно ожидало приближения охотника.

— Вначале, — сказал адмирал, — я склонен был отдать личный приказ о гипнопробе, которой вы уже подверглись, когда присоединились к нашему флоту, и сейчас приношу вам за это свои извинения. Это не лучший способ обращения с нашими офицерами.

— Я понимаю, сэр, — сказал Рошфор. — Я не был удивлен, а допросы проводились очень вежливо. Вы же должны были увериться в том, что я не лгу. — За маской его лица мелькнуло что-то живое. — Вам.

— М-м-м, да, гипнопроба обнажает даже мельчайшую деталь, не так ли? История никуда дальше не пойдет. Вы осознали свой высший долг и исполнили его.

— Почему вы решили расспросить меня лично, сэр? То небольшое, что я смогу рассказать, я отметил в своем рапорте.

Кайал откинулся на спинку кресла. Он изобразил на губах самую дружескую улыбку.

— Вы узнаете об этом. Прежде всего, я хочу получить немного дополнительной информации. Что вы пьете?

Рошфор изумился:

— Сэр?

— Скотч, бурбон, чистый виски, джин, теквиду, водку, аквавант и так далее, включая разнообразные экстерриториальные напитки. Может быть, какая-то особая смесь? Я полагаю, наш бортовой бар оборудован неплохо.— Поскольку Рошфор продолжал сидеть с непонимающим видом, Кайал закончил: — Дело в том, что мы вместе обедаем.

— Я? Но, адмирал, это в высшей степени любезно с вашей стороны. Да, мартини. Благодарю!

Кайал отдал распоряжение. Обычно, в те редкие случаи, когда он что-то выбирал, он заказывал маленькую порцию шерри. Он думал, что и Рошфор в обычных условиях предпочитает что-то привычное. Важно было дать мальчику возможность расслабиться.

— Закурить? — предложил он.— Сам я не курю, но не возражаю против того, чтобы курили другие, так что губернатор присылает мне эти сигареты. Он известный гурман.

— Э... благодарю вас... не перед едой, сэр!

— Как пожелаете.— Кайал принял поданные коктейли. Бокалы были большие и холодные. Он поднял свой: — А вуэстрэ салют, ми амиго!

— Ваше здоровье...— На мгновение на неподвижном лице Рошфора появилось что-то живое.— Бон санте, месье адмирал!

Они принялись потягивать напитки.

— Давайте, давайте, не стесняйтесь,— подбодрил адмирал.— Человек, обладающий той смелостью, которую проявили вы, не должен бояться своего начальства. Ну, может быть, только своего капитана, немножко, но никак не меня! Кроме того, я не собираюсь отдавать вам приказания. Скорее, я хочу просить вас о помощи, о совете.

Рошфор был в неприкрытом изумлении.

— Не могу себе этого представить, сэр.— Кайал знаком показал ему, чтобы он продолжал пить. Его собственный бокал был почти полон. Не то чтобы он хотел напоить Рошфора, он просто хотел, чтобы тот почувствовал себя свободнее и увереннее.

— Полагаю, вы знаете, что вы единственный пленный, которому удалось бежать,— сказал адмирал.— Это понятно. С таких лодок, как ваша, они обычно берут не больше десяти-двенадцати пленных. Вам удивительно повезло! И все же, хотя вы можете не знать этого, к нам прибыли с Авалона и другие люди.

— Перебежчики, сэр? Я слышал о недовольных.

Кайал кивнул:

— Страх, жадность, а иногда, заслуживающие большей похвалы, причины: желание сделать все возможное, чтобы исправить положение, предотвратить дальнейший хаос. Они поступали к нам постепенно, один за другим, пока не набралась целая группа. Естественно, все были подвергнуты тщательному допросу, даже более тщательному чем вы. Ваш психопрофиль занесен в

дело, службе безопасности нужно было лишь установить, нет ли подделки.

— Там не стали бы этого делать, сэр,— сказал Рошфор. Речь его снова обрела краски.— На Авалоне самым аморальным считается задеть чью-то изначальную честь. Это стоит вашей собственной чести.— Он откинулся назад и быстро глотнул.— Прошу прощения, сэр.

— Не нужно извинений. Вы хорошо говорите, как мне бы этого хотелось. Это именно так. Впрочем, я продолжу. Первые перебежчики не представляли собой ничего интересного. Из поздних... В общем, ни к чему читать вам лекции. Достаточно одного типичного случая. Городской торговец, разбогатевший на торговле с ближними имперскими мирами. Он не возражает против того, чтобы мы захватили его планету, лишь бы война не разрушила его собственность, в результате чего восстановление стоило бы ему дополнительных налогов. Презренный тип или реалист? Неважно. Суть в том, что он владел некоторой информацией, переданной ему, чтобы он передал ее нам. Передавающими были весьма высокопоставленные официальные лица, входящие в тайную группу стоящих за заключение мира.

Рошфор наблюдал за Кайалом поверх кромки бокала.

— Вы опасаетесь ловушки, сэр?

Кайал развел руками:

— Искренность перебежчика сомнению не подлежит. Но не начинили ли его фальшивыми данными перед побегом? А ваша история — важное подтверждение той, что рассказал он.

— Относительно экваториального континента? — спросил Рошфор.— Совершенно ни к чему заставлять так трудиться ваш ум. Возможно, я не пытался бы бежать, если бы не поверил в то, что услышанное мною может сыграть решающую роль. Но я знаю очень немного.

Кайал потеревил бородку:

— Вы знаете больше, чем считаете, молодой человек! Например, наши данные о вражеских огневых точках, приготовленные к первой битве за Авалон, действительно включили Экваторию в слабые пункты обороны Авалона. Вы же были на месте в течение месяца. Вы слышали разговоры. Вы видели лица, лица людей, которых вы должны были узнать. Какова действительная степень их озабоченности?

— Гм...— Рошфор отпил еще глоток. Кайал как бы мимоходом нажал кнопку, чтобы принесли еще порцию коктейля.— Видите ли, сэр, что касается леди, с которой я был, то Экватория не входила в круг ее забот.— Он торопливо продолжал.— Вот Кристофер Холм, старший сын их верховного командующего — да, я бы сказал, что он действительно много о ней беспокоился.

— Что же это за место? Особенно... как оно называется... да, район Скорпелуны. Мы собираем всю информацию, которую только можем собрать. Кругом столько миров, но никто, почему-то, не заботится о пустынных, незаселенных участках.

Рошфор порекомендовал пару книг. Кайал не стал говорить ему о том, что компьютеры Службы безопасности, должно быть, нашли их в библиотеках дни, а то и недели назад. — Ничего особенного специфического, — продолжал лейтенант. — Насколько я понимаю, это большое засушливое плато, окруженное горами, которые на Авалоне считаются высокими. Оно находится примерно в середине континента, который, как известно адмиралу, невелик. Нет большой надежды, что там можно жить. — Он прервал свое изложение. — И нападающим жить там тоже невозможно.

— Но те, которым нужно пересечь океаны, чтобы туда попасть, оказались бы от своего дома дальше, чем наши люди от своих кораблей, — пробормотал Кайал.

— Это очень опасный путь, сэр!

— Если мы разобьем местную защиту, он перестанет быть опасным. А горы, дающие великолепное убежище...

— Я тоже так думал, сэр! Судя по тому, что мне известно о... э... возможностях связи и транспортиции, итрианские организации не могут быстро доставить туда сильное подкрепление. И это независимо от того, взволновал их мой побег или нет!

Кайал склонился над письменным столом.

— Предположим, что мы это сделаем, — сказал он. — Предположим, мы организуем базу для воздушных судов и наземных орудий. Как вы думаете, что сделают тогда авалоняне?

— Им пришлось бы сдаться, сэр, — решительно сказал Рошфор. — Они... я не стану делать вид, будто понимаю итриан, но что касается человеческого большинства — что ж, мое впечатление таково, что они стоят к Готтердермерунд гораздо ближе, чем мы, но они не безумцы. Если бы мы оказались там, на земле, если бы мы имели возможность поразить любое место и таким образом разрушить их любимую планету — а ведь именно ради любви к ней они все это и затеяли... — он покачал головой. — Приношу свои извинения. Все это такая неразбериха. Кроме того, я могу и ошибаться.

— Ваше впечатление выдержало изучение всех ксенологов, — сказал ему Кайал. — Более того, основой ему послужил личный опыт. — Прибыли новые порции. Рошфор отказался. Кайал сказал: — Пейте, прошу вас. Мне нужно, чтобы ваши воспоминания лились свободно, чтобы вы полностью рассказали мне, что представляет из себя это общество и все, что его окружает. Вам понятно, что принять решение нелегко. То, что вы можете мне

поведать, конечно же, не решает дело само по себе. Тем не менее, мне нужна каждая доля факта, который я мог бы получить.

Рошфор пристально посмотрел на него.

— Вы за вторжение, не так ли, сэр? — спросил он.

— Конечно! Я не машина-убийца. И те, кто стоят надо мной — тоже!

— Я бы хотел этого. Клянусь телом Христовым. — Рошфор отенил себя крестом, глядя на распятие. — Как бы я этого хотел! — Поставив свой бокал, он добавил: — Одна просьба, сэр! Я сделаю все, что только смогу. Но если вы действительно решитесь на проведение этой операции, могу я быть в первой группе нападающих? Вам понадобится несколько «метеоров».

— Это в высшей степени опасно, лейтенант, — предупредил его Кайал. — Мы не сможем добиться полной уверенности в том, что у них нет скрытых резервов. В то же время, мы не можем просить значительное количество сил в первую атаку. Вы заслужили лучшего.

Рошфор поднял бокал. Он держал его так, как будто хотел не осушить, а разбить вдребезги.

— Я прошу именно того, чего заслужил, сэр!

ГЛАВА 17

Имперская армада окружила Авалон, и нападение началось.

Сразу же столкнулось множество кораблей и орудий, полетели энергетические стрелы, взорвались и потухли огненные мечи — и все это на протяжении тысяч километров. На этот раз на земле наблюдатели видели, как эти искры разгорались и с каждым часом становились все ярче, пока не сделались такими яркими, что глазам было больно на них смотреть, а мир на мгновение превратился в средоточие синевато-бледных теней. Битва продвигалась вглубь.

Шаги ее были хорошо рассчитаны. Кайал поторопился со своим решением и собрал свои силы в рекордные сроки — за несколько дней — чтобы враг не имел времени на укрепление этой территории. Но теперь, когда он был здесь, он не хотел ненужного риска. Напротив, ему хотелось, чтобы риск был минимальным. Сложившаяся ситуация полностью отличалась от прежней. Под рукой были силы, в три раза превышавшие прежние, и не нужно было беспокоиться о том, прячутся ли во тьме, на подступах к Лаурианской системе, останки авалонского флота. Патрули

уверенно сообщили, что вражеские корабли собрались на расстоянии в одну-две астрономические единицы. Поскольку они не выказывали очевидных намерений броситься в пекло, адмирал не видел причины для их уничтожения.

Он даже не отдал приказ об окончательном уничтожении флагамена Феруна, хотя внешние роботы распознали врага и открыли огонь. Он плавал на таком расстоянии и на борту его осталось так мало снаряжения, что просто не стоило и связываться. Легче было отпустить неуклюжую старушку и те останки, которые она несла на своем борту.

Кайл сосредоточился на методическом изучении планетной защиты.

Внешней частью обороны являлись крепости: некоторые — огромные, большинство — небольшие. Орбиты их были самыми разнообразными. Их достоинством было то, что они являлись портами для космических кораблей... Их можно было постоянно поддерживать снизу. Почти все они были полностью автоматизированы, и являлись не очень гибкими, но более крепкими системами, чем плоть и нервы. Достаточное количество последних прошло незамеченными, прежде чем они получили, наконец, возможность огрызнуться на проходящих мимо землян.

Это, впрочем, случилось во время первой битвы. Впоследствии осаждающая часть флота получила план расположения крепостей, затем разрушила часть из них и препятствовала всяческим попыткам их восстановления. Залпы батарей с земли тоже больше не были неожиданностью. И корабли в полной мере пользовались своим главным преимуществом: мобильностью.

Основная мысль Кайала состояла в том, чтобы эскадры быстро выходили на заданные позиции. Поразив намеченную цель, они должны были немедленно менять курс и всеми силами стараться избежать ответного огня. При неудаче первой атаки должны были немедленно последовать вторая, третья, четвертая, т. е. до тех пор, пока защита не будет полностью разрушена и станция не взорвется в водоворотах пара и обломков. Не имея сейчас надобности защищать тылы и продовольственные линии, Кайал мог быть щедрым на боеприпасы — и был таковым!

Космические суда с такой маневренностью были почти неуязвимы для орудий защиты, которые должны были поразить цель через атмосферу, преодолевая гравитацию планеты, имея на старте нулевую скорость. Авалоняне скоро поняли это и через некоторое время перестали даже пытаться сбивать корабли.

План Кайала не включал предварительного разрушения каждой орбитальной станции. Это было бы настолько дорогостоящее предприятие, что ему пришлось бы застрять на месте и ждать подкрепления из Империи, а он очень торопился.

Он решил, что хорошо бы нейтрализовать луну — и через некоторое время Моргана была окружена и подвергнута такому жестокому натиску, что горы разрушились, а долины расплавились.

В остальном имперцы охотились за теми из крепостей, которые, по их мнению, могли послужить угрозой первому десанту в установленный командующим срок. При необходимости попасть в очень маленький объект невозможно было быстро сфокусировать весь энергетический запас. Никогда ранее история не знала такого быстрого разрушения планетарной защиты, как в эти два афалонских дня.

Потери были неизбежны. Они особенно выросли, когда корабли подошли к атмосфере так близко, что действие наземных проекторов и орудий сделалось очень эффективным. Следующим шагом было обезвреживание этих установок.

Капитан Ион Мунтяну, командир огневого контроля на борту «Фобоса», дал своим офицерам короткий инструктаж, когда корабль рванулся вперед:

— Мы должны выполнить особую миссию, как вы, должно быть, догадались, принимая во внимание класс судна. Мы должны просто припечатать место, которое может доставить мальчикам хлопоты. Хотите задать вопрос, Зисей Озуми?

— Да, сэр! Два. Как и почему? Мы можем собрать значительное количество припасов и придумать много хитроумных ловушек, чтобы все это собралось вокруг мегаполей и взорвалось именно там, где это может принести больше пользы. Но речь идет о военных объектах. А города ведь должны иметь куда более сильную защиту.

— Я хочу напомнить вам о яйце и курице, Зисей! Конечно, она есть. Мощные слои защиты плюс внешние ракетные установки космос-земля. Мы будем стрелять со всей мощностью, на какую способны наши орудия. Та часть этой атаки, которую я как раз собирался запрограммировать, позволит, по крайней мере, достичь нужного уровня раньше, чем нас остановят. Если нет, начнем сначала!

— Сэр! Вы же не собираетесь превратить континент в развалины?

— Нет-нет! Успокойтесь! Вспомните, что наш корабль не приспособлен для этого. Мы не получили приказа разрушать ценную собственность Его величества до такой степени, чтобы она стала совершенно негодной. Действия наши будут в высшей степени грубыми, это так, но честными и направленными только на то, чтобы обезвредить непосредственную угрозу, главным образом, радиацию. Взрывы не могут оказать слишком большую

помощь против мегаполей. Мы займемся только центральной частью города, поскольку Служба безопасности сообщает, что края его наименее опасны.

— Сэр, я не хочу вас беспокоить, но почему мы это делаем?

— Не нужно так волноваться, Озуми! Должна быть произведена посадка. Война с планетой может продолжаться еще некоторое время. Именно этот город они называют Центаур, он является их главным морским портом с основным промышленным центром. Мы не собираемся оставить его на произвол судьбы, чтобы он спокойно посылал подкрепления, которые будут воевать с нашими друзьями.

Пот выступил на лбу Озуми.

— Женщины и дети...

— Если бы враг обладал нужной долей разума, то давно бы произвел эвакуацию, — отрезал Мунтяну. — Честно говоря, мне на это наплевать! Я потерял здесь брата в прошлый раз. Если с нытьем покончено, примемся за работу!

Кьенна медленно летела над каналом Лайвелл-стрит. Опустилась ночь, та ясная ночь, что была так непохожа на обычные зимние ночи в Дельте. Звезды были видны очень ясно. Они пугали ее. Слишком много противных холодных маленьких глаз.

И на самом деле они вовсе не то, за что себя выдают, как ей говорили. С них начинается война, та война, что так изменила мир.

Вначале все было прекрасно, потому что мимо нее проходило столько итриан, наполняя ее кошелек, что временами она забывала об всем, кроме своего любовника. В перерывах же она могла с помощью разных снадобий поддерживать себя в превосходном состоянии духа, особенно на вечеринках. Вечеринки были придуманы людьми, как она слышала (кто ей об этом сказал? Она пыталась вспомнить лицо, тело. Она смогла бы это сделать, если бы они не сливались в путанице голосов, языков и ароматного дыма). Хорошая эта была мысль! Какой вначале казалась война: любовь, смех, сон, а если просыпаешься с дурным привкусом во рту и иголками, засевшими в грлове, то достаточно нескольких пилюль — и снова все хорошо!

А потом все испортилось: больше никаких морских офицеров, в гнезде пустота, как в пещере, ночь за ночью, девушке иногда хотелось кричать, но это делала за нее музыка. Люди торопятся, приходят и уходят, а те, что остаются — она была согласна даже на человеческую компанию, — держатся в тени. Темные спокойные ночи, утомительное одиночество дня, деньги, истаявшие настолько, что она едва была способна купить себе еду, не говоря

уже о бутылочке или пилюле, способной поддержать ее в состоянии грез.

Взмах крыльями, еще один. Кто-то должен быть в городе, и он должен быть одинок теперь, когда снова началась битва.

— Я тоже одинока,— сказала она вслух.— Кем бы ты ни был, я люблю тебя.

Ее голос прозвучал слишком громко в этом неподвижном теплом воздухе, над маслянистой водой, мертвыми мостовыми, меж затененными стенами и под этими ужасными маленькими звездами.

— Водан? — позвала она потише. Она помнила его лучше большинства флотских, почти так же хорошо, как нескольких первых, пока остальных не стало столько, что она была просто не в состоянии их сосчитать. Он был нежен, и беспокоился о своей девушке, оставшейся дома. «Но сам он был забавный,— подумала Кьенна.— Вне всякого сомнения, звезды съели Водана!»

Она подняла гребешок. У нее была своя гордость. Она не станет ничего бояться на полуночных улицах. Вскоре затеплится заря, и тогда она осмелится уснуть.

Солнце появилось очень скоро.

Она видела его одно мгновение, пока оно заполняло небо. Потом снова ночь окружила ее, потому что глаза как будто расплавились. Она не знала об этом, так как оперение было в огне. Последовавший страшный шум поглотил ее вопль — супербыстрые молекулы воздуха всосались мегаполями,— и она не заметила, как они раздавили ее барабанные перепонки, разрушили капилляры. В своей агонии боли она не ощущала ничего. Она устремилась к каналу, потеряла равновесие и упала на дом, который казался ей единым снопом пламени. Но это не имело значения, потому что вода в канале кипела.

Помимо факторов морали и военного потенциала, нападение на Центаур должно было послужить делу спасения хотя бы части авалонских ресурсов. Все было хорошо рассчитано. Всего лишь через три часа приготовленное отверстие в защите было увеличено, и первая волна нападающих ринулась сквозь него.

Среди них был и Рошфор. Он и его наскоро собранная команда не получили особой возможности поупражняться, но они были способными людьми, а на борту «Метеора» было все необходимое для битвы. Они не вводили в действие орудия, пока не оказались ниже опасной высоты.

В пути была остановлена пара вражеских кораблей. Хотя ни одно космическое судно не было по-настоящему хорошим для полетов в атмосфере, торпедные лодки соединяли в себе

достаточную маневренность, огневую силу и людскую мощь. О машинах, управляемых роботами, говорить не приходилось.

Оказавшись близко к земле, Рошфор перевел все внимание на наземные орудия.

Внизу лежали горы, река. Земные лодки с грохотом приближались к ним, выпускали лучи и торпеды против мегаполей и бункеров, вставали на хвост, устремлялись к стратосфере и возвращались в следующем заходе.

Третья атака была не нужна.

Ряд катеров взорвался под утесами с грохотом, вызывавшим в горах обвалы.

Рошфор страшно хотел забыть о том, как прекрасен был этот каньон.

Вернувшись к Скорпелуне, он обнаружил, что весь патруль приземлился. Из транспорта, перевозившего личный состав, сочилась струя моряков и инженеров, из грузовых судов выводились машины. Наверху небо потемнело от роя патрульных судов. Последовало несколько безумных дней. За киващей деятельностью чувствовалось истерическое возбуждение. Кто знал наверняка, что являет собой враг?

Ничего не случилось. Экранные генераторы были собраны и приготовлены к действию. Защитные проекторы и суда поставлены на позиции. Были возведены укрытия для оборудования, потом — для людей. И никакой контратаки!

Воздушная разведка и космическое оборудование сообщали о значительной вражеской активности на другом континенте и за островами. Без сомнения, что-то готовилось! Но это «что-то» не казалось сиюминутной угрозой.

Открылось второе отверстие. Вторая волна хлынула вниз. База Скорпелуны расплзлась как чернильное пятно.

Теперь, когда намерения врага стали очевидными, Кайал разрушил еще ряд орбитальных крепостей, чтобы увеличить число отверстий. После этого он рассредоточил основную часть флота по нескольким направлениям. С них он брал людей и оборудование для посылки их вниз.

Последние авалонские корабли то уходили, то возвращались — волки, изголодавшиеся до такой степени, что перестали быть угрозой. Не стоило тратить на них усилий. Поэтому имперцы повсюду воздерживались от наступательных действий. Они работали, окапывались на захваченной территории, возводили фундамент своей будущей победы так скрупулезно, что скоро он поднялся над Авалоном подобно раздражающему кулаку.

Поскольку было известно, что лейтенант Филипп Рошфор (только что получивший звание старшего) пользуется покровительством самого адмирала, его прошение о постоянном пребывании на планете было принято. Поскольку надобность в космическом торпедном судне отпала, он нашел себе место на двухместном скиммере, входящем в состав воздушного патруля.

Его партнером был морской капрал, Ахмед Разутион, девятнадцать лет, недавно прилетевший с Нью-Явы.

— Знаете, сэр, все говорили мне, что эта планета восхитительна,— сказал он подчеркнуто унылым голосом, чтобы увериться, что его начальник понял суть дела.— Поступай во флот и увидишь Вселенную, а?

— Эта территория не типична,— коротко ответил Рошфор.

Скиммер низко летел над плато Скорпелуна. Навесы были опущены, чтобы воспрепятствовать проникновению обжигающего воздуха. Защитные костюмы гораздо лучше помогали им в битве, нежиди защищали от жары раскаленного неба, в котором плавало раскаленное солнце. Их уши улавливали только шум мотора, смешанный со свистом рассекаемого воздуха. Вдали виднелись горные пики. Голубоватые, они казались какими-то нереальными. В остальном здесь царила пустота. На красноватой земле лишь кое-где росли низкие кусты с красноватыми листьями, распространявшие сильный медицинский запах. Земля не была по-настоящему плоской. Она то поднималась, то опускалась и казалась иссеченной шрамами. Вдали можно было увидеть несколько шестиногих животных, пасущихся в тени своих похожих на зонты перепонок. И больше ничего, кроме звенящей жары залежей песка.

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, когда мы отсюда уберемся? — спросил Разутион, протягивая руку к бутылке с водой.

— Когда будем готовы,— ответил Рошфор.— Полегче с питьем! Нам осталось еще несколько часов, тебе и мне.

— Почему же враг не сдастся, сэр? Парни из нашей палатки поймали их передачу на англичке. Я не слишком ее хорошо понял, у них акцент какой-то странный. Еще они услышали фразу: «У имперцев в руках не больше пяди земли». Нужно остановиться и обдумать такую фразу, а тем временем болтовня продолжается. Но самое главное, сэр, ведь в том, что мы не хотим причинять им вред. Неужели они не могут быть благоразумными и...

— Ш-ш-ш! — Рошфор поднял руку. Из мониторингового приемника донесся звук сигнала. Он настроился на эту волну.

— Помогите! О, боже, помогите!... Инженерная группа три... дикие животные... три-четыре километра к северо-западу от лагеря... Помогите!

Рошфор развернул скиммер.

Он прибыл на место через несколько минут. Группа в десять человек в наземной машине проводила геологические исследования, выясняя глубину проникновения в почву лучей крупных орудий. Они были вооружены, но не ожидали никаких неприятностей, только отсутствие комфорта. Стая генсеподадных скакунов

размерами с собаку напала на них в нескольких сотнях метров от машины.

Два человека были повержены на землю и разорваны. Трое в ужасе бежали, пытаясь добраться до машины, и были окружены поодиночке. Один из них погиб на глазах Рошфора и Разутиона. Остальные держались твердо, стоя спиной к спине и непрерывно ведя огонь. Однако этих чешуйчатых существ, казалось, было невозможно убить. Их было много, и они постепенно продвигались вперед.

Рошфор выстрелил, но попал в передатчик. Разутион стрелял более точно. И все же, прежде чем твари были убиты, погибло еще два человека.

После этого каждая группа, покидающая лагерь, сопровождалась воздушным прикрытием, и это неизбежно замедляло все операции...

— Нет, доктор, я перестал верить в то, что дело здесь в психогенетике.— Майор бросил взгляд в диспенсерное окно, на слишком быстрый закат, который песчаные шторы окрасили в кровавый цвет. Ночь должна была избавить от ужасной жары и принести жуткий холод.— Вначале я готов был в это поверить, но ваши психонаркотики больше не помогают. И у все большего и большего числа людей появляются такие симптомы, но об этом вам известно лучше, чем мне. Боль в животе, раздвоение сознания, боль в мускулах, постоянная мучительная жажда. А сверх того дрожь и головокружение. Мне просто жутко говорить, как важна работа, которую я сегодня испортил.

— Я сам не способен думать как следует,— офицер-медик провел ладонью по виску. Осталась полоска сажи.— Иногда неясные видения, да?

— Считаете ли вы, что в окружающей среде есть яд?

— Конечно. Вы не были в первой волне, майор! Я был! Разведка, как и история, уверила нас в том, что Авалон достаточно безопасен. И все же поверьте моему слову, мы едва разбили лагерь, а ученые уже начали работать.

— Что насчет расспроса авалонских пленных?

— Я уверен, что это было сделано. Собственно, был произведен ряд вылазок именно для того, чтобы получить их больше для этой цели. Но кто, кроме нескольких специалистов, может знать флору и фауну самой трудной части этого континента, на которой никто не живет?

— И, конечно, этих экспертов авалонцы заботливо держат вне пределов нашей досягаемости.— Майор тяжело перевел дыхание.— Так что вам удалось обнаружить?

Медик потянулся за стимулирующей таблеткой к стоящей на столе открытой коробке.

— Речь идет о высокой концентрации тяжелых металлов в местной почве. Но здесь не о чем беспокоиться. Эту соль можно вдыхать в течение нескольких лет, прежде чем станешь испытывать потребность в лечении. Кустарник, растущий вокруг, использует эти элементы в процессе своего метаболизма, как этого и следовало ожидать, и мы предупредили о том, что его нельзя жевать или жечь. Ни одно органическое соединение не проявило себя при испытаниях как аллерген. Послушайте, биохимическое строение людей и итриан настолько сходно, что они могут есть большую часть еды друг друга. Если эта территория скрывает в себе что-то особенно смертоносное, то не считаете ли вы, что средний колонист должен был по крайней мере слышать об этом? Я с Земли, из средней части Западного побережья Северной Америки... О, боже...— на мгновение мыслями он был очень далеко от Скорпелуны. Он стянул с себя оцепенение.— Мы жили среди олеандров. Мы выращивали их ради цветов. Олеандры ядовиты. С ними нужно было быть очень осторожными.

— Но должна же быть какая-нибудь причина,— настаивал майор.

— Мы исследуем,— сказал медик.— Если кто-то предвидел, что эта планета настроена против оккупации, то это должно было быть изучено перед началом войны, но теперь уже поздно!

Случайная маленькая лодка из остатков авалонской эскадры скользила между блокирующих земных судов на высокой скорости при максимально возможном ускорении. Примерно половина из них была уничтожена. Остальные благополучно миновали заслон и вернулись в космос. Было известно, что они обменивались посланиями с землей. При удобном коде и помощи лазерных лучей за секунду могло быть пропущено большое количество информации.

— Очевидно, моих солдат раздражают эти лодки,— ворчал на свой штаб Кайал.— Так очевидно же, что если мы попытаемся охотиться на них, они разбегутся и исчезнут в огромном космосе, среди бесчисленных астероидов и лун, как делали это и раньше. И у них есть планы на будущее. Я не хочу раздвоения, джентльмены! Мы должны сосредоточить здесь всю нашу силу!

Все увеличивающееся количество данных указывало на то, что на земле и на море, под водой и в небесах колонисты готовились к решающему сражению.

Рошфор осознал вопль на несколько секунд раньше, прежде чем он отозвался в нем. Мысли ползли медленно, с трудом: «Господи, что меня мучает?» Его мускулы протестовали против сидения в скиммере. Пальцы превратились в сосиски, застывшие на приборной доске. Рядом с ним Разутион застыл в молчании.

Он был таким уже несколько дней. Мягкие щеки мальчика втянулись и были покрыты черным пухом.

И все же судно Рошфора отправилось на помощь наземному патрулю и вскоре кружило над ним в воздухе. Беда была в том, что больше ничего они сделать не могли. Энергетическое оружие убивало одной вспышкой сотни тараканоподобных существ в двадцать сантиметров длиной, чьи туловища чернели на поверхности земли среди кустарника. Но они не могли спасти людей, которых эти твари уже настигли и сожрали.

Рошфор старался, насколько это возможно, не смотреть на это зрелище. Сам он опускался ниже и подбирал на борт выживших. Разутион был слишком болен, чтобы что-то сделать.

Почувяв запах мяса, столь редкий в этой голодной стране, к главной базе устремились каккелеки. Они не могли летать, но прыгали с удивительной быстротой. Все усилия затрачивались на то, чтобы создать против них действенный кордон.

Тем временем авалоняне высадились у Экватории. Они так быстро заняли огромную территорию, что бомбардировка была бы бесполезной. Все, кто высадились на Скорпелуну, были итрианами.

Старшие офицеры-медики и планетологи собрались на военный совет. За стенами вздыхала и кружилась беззвездная ночь равноденствия. Пыль билась о вздрагивающие металлические стены. Волны жара казались объемными сухими взрывами.

— Да, сэр,— сказал глава медиков. Его чин по рангу был почти равен адмиральскому.— Мы доказали это почти наверняка.— Он вздохнул, звук этот потерялся в общем шуме.— Если бы у нас было лучшее оборудование, другой состав... В общем, подробности я сохраню для следствия и суда. Факт же состоит в том, что плохая информация завела нас в смертельную ловушку.

— Слишком много миров.— Гражданский планетолог покачал головой.— И каждый так велик! Кто может все знать?

— Пока вы болтаете,— сказал командующий,— люди лежат в горячке и конвульсиях. И с каждым днем таких все больше. Говорите,— голос его дрожал от гнева и едва сдерживаемых рыданий.

— Мы, конечно, подозревали отравление тяжелыми металлами,— сказал офицер-медик.— Мы провели повторные испытания. Концентрация все время казалась в пределах установленных норм. Потом вдруг...

— Неважно,— прервал его планетолог.— Вот результаты. Кусты, растущие здесь повсюду... Мы знали, что они содержат элементы, подобные мышьяку и сере. И в литературе содержались

описания адского кустарника, в картинках, где говорилось о том, что он испускает отравляющие пары. Чего мы не знали, так это того, что здесь имеются образцы этого растения. Он казался точной копией своих соседей. Подумайте о розах и яблоках! Кроме того, мы понятия не имели о том, как действует этот токсин. Это, должно быть, было установлено уже после того, как было опубликовано описание, когда было выявлено какое-то органическое соединение. Объем информации в любой отрасли науки очень велик — настоящий потоп... — он внезапно замолчал.

Командующий ждал.

Вступил офицер-медик:

— Пары несут в себе металл в свободной комбинации с... с молекулярным соединением, о котором не слышал ни один из известных мне ученых. Действие их заключается в том, что они блокируют действие некоторых ферментов. Собственное действие защитной одежды аннулируется. Ни один атом металла не отталкивается. Каждый микрограмм проникает в живой организм. В то же время пациент добавочно ослабляется тем, что часть его протеиновых соединений не работают как нужно.

— Мне... понятно... — сказал командующий.

— Эвакуация, — сказал глава медиков. — И я не рекомендую ее, а говорю, что у нас нет другого выбора. Наши люди должны немедленно получить должный уход.

Командующий кивнул. Сам больной, чудовищно усталый, он ждал этого ответа уже несколько дней и потихоньку начал приготовления.

— Мы не сможем взлететь до завтра, — сказал он все тем же лишенным эмоции голосом. — У нас нет достаточного количества судов. Большая их часть вернулась в космос. Кроме того, панический взлет мог бы превратить нас в мишени для авалонцев. Но мы предпримем меры против худшего. Соберем всех людей в лагере. Согласно приказу, вниз будет спущено достаточное количество кораблей. — Он не смог сдержать дрожь верхней губы.

Имперцы отступали, а их враги наносили удары.

Они не стреляли из орудий земля-земля. При создании обороны их больше интересовало оружие ближнего действия, занимающее гораздо меньше места, и воздушные суда небольших размеров с ограниченным числом членов команды. Самым крупным объектом было сосредоточение энергетических проекторов в пиках, смотрящих на Скорпелуну.

Тем временем итрианские партизанские отряды устремились на плато. Члены их, гораздо менее чувствительные к странному токсину, были в полном здравии и не таскали на себе груз из

космических костюмов, респираторов и платков, как это приходилось делать людям.

Крылатые, они не нуждались в машинах с радарам, гразарами и магнетоскопами. Вместо этого они неожиданно могли появляться из укрытий и создавать целый заслон из огня и металла, закидывать гранатами наземные машины, прошивать пулями скиммеры и исчезать раньше, чем будет организован действенный отпор.

Но и они неизбежно несли потери.

— Хэй-ай-а-ай! — испустил вопль Драун из Высокого Неба и устремился с утеса вниз. На дне сухого оврага брела к лагерю колонна землян, уходящая от наполовину свернутой огневой точки. Пыль, клубящаяся вокруг каждого из людей, делала их больше похожими друг на друга, чем остатки униформы. Несколько бронированных машин и воздушных судов сопровождали их. Грависани везли за собой ослабевших.

— Отправить их к Адскому ветру! — Итриане устремились вниз, испуская воинственные кличи.

Драун видел, как падали люди, словно пустые мешки. Но он видел и то, как их товарищи отбивались от нападающих под прикрытием бронированной машины. «Они еще сохранили храбрость», — подумал он. Но тут ему пришла мысль о том, что при втором заходе нужно применить против них тортопитовую бомбу, сбросив ее в самую гущу людей. Вновь устремился вперед итрианский отряд. «Я иду, ребята!» — Драун помчался за остальными. Найссан упал на землю. Кровь его окрасила песок в алый цвет. Вторая атака оказалась неудачной, но, верные своим принципам, итриане отбивались от землян до последнего. Дошла очередь и до Драуна. Он стоял над Найссаном и стрелял, пока мог.

— Перевести все, что осталось, на орбиту, — сказал Кайал. — Нам нужна свобода для маневра!

Глава его штаба прочистил горло:

— Гм... адмиралу известно о вражеских кораблях?

— Да! Они на внутреннем ускорении. Совершенно ясно, что все те из них, что способны сесть на планету, попытаются это сделать. Остальные будут действовать в космосе.

— Не следует ли нам организовать перехват?

— Мы не можем расходовать силы. Очистка этих фортов опустошила бы большую часть наших складов. Нашим первейшим долгом является вывод людей из того кошмара, в который мы... я... их послал.

Лицо Кайала застыло.

— Если какие-нибудь соединения смогут быть освобождены от работы на орбите без ущерба для дела, то пусть уничтожают всех, кого смогут, полагаясь на энергетическое оружие. Я сомневаюсь, что в их распоряжении имеется достаточное его количество. Большая часть судов все равно последует своим путем, к нашему огорчению. — Он криво усмехнулся. — Как в нашу бытность в Академии любил говорить старый профессор На-Ту, — помнишь, Джим? — «Лучшим основанием для получения верного решения является наше ошибочное суждение о предмете...»

Тропические штормы Авалона были более яростными, чем того можно было ожидать от планеты с замедленным вращением. На сутки была отложена погрузка раненых и больных. Помимо возможности потери грузового судна, существовала вероятность того, что струи дождя убьют некоторых больных, пока они будут подниматься по трапу.

Более-менее здоровые солдаты, недавно прибывшие, сражались с водой, пытаясь сохранить дамбу. Доклады, неясные, и без конца прерываемые треском в эфире, неслись по радио один за другим.

Но все это не касалось Рошфора. Он относился к среднему классу: слишком больной, чтобы работать, но слишком хорошо себя чувствующий для немедленной эвакуации. Он покачивался на стуле среди сотен своих товарищей в вонючем жарком бункере, борясь с ознобом и тошнотой, иногда видя перед собой лицо Табиты, иногда — Ахмеда Разутиона, умершего тремя днями раньше...

Оставшиеся авалонские суда опустились в Экватории, где офицеры охраны распределяли их по местам.

Буря утихла. Первые Имперские суда поднялись с разрушенной базы. То были военные корабли, обеспечивающие бозорасность полета кораблей с ранеными и больными.

Навстречу им с орбиты двинулись другие суда землян.

Авалонская воздушная и наземная защита открыла огонь. В битву вступила и космическая ее часть.

Дэннел Холм сидел у сканнера. Тот передавал его слова и изображение на большинство мощных передатчиков планеты. Невозможно было не услышать этой передачи.

«...мы перекрыли их пути к отступлению. Вы не можете взорвать нас, не убив при этом людей, число которых мы оцениваем в четверть миллиона. Даже если мы не станем сопротивляться, половина из них не проживет до тех пор, пока вы не прекратите войну с нами. И мне просто не хочется думать

об участии остальных: органические, нервные, мозговые поражения, действие которых необратимо. Вот что их ждет!

Мы можем их спасти. Мы располагаем целой сетью специальных лечебных заведений, рассредоточенных по всей планете. Постели, обслуживающий персонал, диагностическое оборудование, болеутоляющие средства, поддерживающие лечение. Мы будем рады принять у себя группы ваших инспекторов и медицинский персонал. Мы не хотим смешивать политическую игру с жизнью живых людей! В ту же минуту, как вы согласитесь на прекращение огня и вывод вашего флота из нашей системы, наши спасательные отряды направятся к Скорпелуне».

ГЛАВА 18

Палата была чистой, с достаточным количеством обслуживающего персонала, но в нее пришлось поместить сорок человек, и в ней не было экрана, впрочем, местная программа и не заинтересовала бы никого из больных. Так что у них не было другого развлечения, кроме радио и болтовни. Большинство предпочитало последнее.

Вскоре Рошфор попросил принести ему пару наушников, чтобы пользоваться данными ему книгами.

Таким образом он отключился от разговоров. Он вернулся к окружающей действительности лишь тогда, когда кто-то тронул его за плечо. «Ах,— подумал он.— Уже лечь». Он поднял глаза от «Людей Ганалы» — и увидел Табиту.

Сердце ухнуло в его груди и куда-то покатилося. У него так тряслись руки, что он едва смог снять наушники.

Она стояла среди шума и антисептических запахов как картина, рамой для которой служило открытое окно, голубизна неба и цветение весны. Простой комбинезон скрывал изгибы ее тела и природную силу. Даже по лицу ее было заметно, как она похудела. Кости выступали отчетливее, чем раньше, под более темной кожей, а волосы совсем выгорели.

— Тэбби,— прошептал он и потянулся к ней.

Она подержала его руку в своей, не сжимая ее, и почти не улыбалась.

— Хэлло, Фил,— сказала она знакомым грудным голосом.— Ты выглядишь лучше, чем я ожидала.

— Ты бы посмотрела на меня вначале.— Он плохо слышал собственные слова.— Как ты? Как все?

— Я?! Хорошо. Большинство из тех, кого ты знаешь — тоже! Драун и Найссан погибли.

— Мне жаль, — солгал он.

Табита отпустила его руку.

— Я бы пришла раньше, — сказала она, — но пришлось ждать отпуска, и потом, немало времени ушло на то, чтобы проверить длинный список пациентов, перевезенных сюда. У нас еще много проволочек и неорганизованности. — Глаза ее были очень серьезными. — Я была уверена, что ты на Авалоне, живой или мертвый. Хорошо было узнать, что живой.

— Как же я мог остаться вдали от тебя?

Она закрыла глаза:

— Как твое здоровье? Персонал слишком занят, чтобы ухаживать за всеми.

— В общем, когда я стану несколько сильнее, меня хотят забрать в регулярный имперский госпиталь, вырезать у меня печень, а взамен дать мне новую. На это может понадобиться год — земной год, — пока я полностью не поправлюсь. Обещают, что поправлюсь.

— Великолепно! — Тон ее голоса был почти официальным. — С тобой здесь хорошо обращаются?

— Насколько это возможно. Но... мои товарищи по палате не совсем отвечают моему типу, а врачи и их помощники не могут сдерживать их страсть к болтовне. Я был чертовски одинок, Тэбби, пока ты не пришла.

— Я постараюсь навестить тебя снова. Ты же понимаешь, что я постоянно занята, а большую часть остающегося времени я вынуждена проводить в Сент-Ли, поддерживая дело.

Слабость охватила его. Он опустил на подушки, руки его упали на одеяло.

— Тэбби... ты согласилась бы подождать этот год?

Она медленно покачала головой, и снова перевела взгляд на него.

— Может быть, мне следовало притвориться, пока ты не станешь достаточно здоровым, Фил. Но я не слишком умна для этого, не слишком умею притворяться, кроме того, ты заслуживаешь лучшего обращения.

— После того, что я сделал...

— После того, что я сделала. — Она наклонилась и положила руки на его плечи. — Нет, мы не позволим ненависти встать между нами, правда?

— Тогда не можем ли мы оба простить?

— Я думаю, что мы уже сделали это. Разве ты сам не видишь? Когда боль умерла, там, где я ее чувствовала, и я снова смогла думать, я поняла, что больше ничего не осталось. О, дружба, уважение, воспоминания... Но это все!

— Разве этого недостаточно... чтобы снова начать строить?

— Нет, Фил! Теперь я понимаю тебя лучше, чем раньше. Если бы мы попытались, я знаю, что сделала бы с тобой раньше или позже. Я хочу, чтобы наши отношения остались чистыми.

Она нежно поцеловала его и встала.

Они еще немного поговорили, смущенные, а потом он отпустил ее под тем, не совсем правдивым, предлогом, что ему нужен отдых.

Когда она ушла, он закрыл глаза, предварительно надев наушники, так что поток голосов землян сразу прервался.

«Вероятно, она права,— думал он.— И моя жизнь не кончена. Надеюсь, я преодолею и это».

Он вспомнил девушку из Флервиля и понадеялся, что попадет в госпиталь на Эсперансу, когда прекращение огня превратится в мир.

Табита остановилась перед зданием больницы, держа в руках взятый ею в комнате гравипояс. Силуэт здания враждебной громადой высился на фоне очертаний Грея.

Она вспомнила протесты, когда маршварден Холм рассредоточил все промышленные объекты, начиная военными и заканчивая медицинскими, когда возобновление битвы казалось неизбежным. Комментаторы указывали, что то, что эти меры не спасут от случайностей бомбардировки и слишком громоздки, если страхи окажутся напрасны.

«Мы делаем, что можем»,— ворчал он и проводил свой проект в жизнь.

Это означало, что офицеры домашней охраны должны были ему повиноваться. Они знали, что действительно у него на уме.

Там, где она стояла, склон холма полого опускался, покрытый ковром смарагдинов, розовыми кустами и чашами Будды. С холма открывался ясный вид на город и сверкающий залив Фалькэйн.

Маленькие, как будто ватные, облака колыхались под бормочущим ароматным ветром.

Она вдыхала в себя его прохладу.

После Экватории он казался просто целебным. Или должен был казаться. Она почувствовала удивительную пустоту внутри.

Зашелестели крылья. Рядом с ней опустился итрианин.

— Доброго полета тебе, Хилл,— сказал женский голос.

Табита моргнула. Кто это?

— Айат! Доброго тебе приземления!

«Как монотонен ее голос, как тускло ее оперение. Я не видела ее с того дня на острове...» Табита взяла в обе руки ее когтистую руку:

— Просто удивительно, дорогая! Как ты?

Голос Айат, ее поза и мембраны дали ответ. Табита обняла ее.

— Я искала тебя,— пробормотала Айат.— Я провела всю битву дома, а потом я пасла стада, я нуждалась в одиночестве, и мне сказали, что стране нужно мясо.— Она прильнула головой к животу Табиты.— Потом я освободилась и отправилась на поиски...

Табита все гладила и гладила ее по спине.

— Я узнала, где ты служишь, и о том, что ты говорила, будто собираешься остановиться в Грее во время отпуска,— продолжала Айат.— Я ждала. Я расспрашивала в отелях. Сегодня мне сказали, что ты здесь и будешь позже. Я подумала, что ты можешь прийти сюда, а попытка лучше, чем бесконечное ожидание.

— Что я могу сделать для тебя, подруга по цели, скажи мне:

— Это трудно.— Айат, не поднимая глаз, до боли вцепилась в руки Табиты.— Аринниан тоже здесь. Уже несколько дней он работает в штабе своего отца. Я искала его и...— Звук подавленного рыдания, хотя итриане не плачут.

Табита догадалась:

— Он тебя избегает?

— Да! Он пытается быть добрым. Это самое худшее, то, что он должен пытаться.

— После того, что случилось...

— Кр-а-ах! Для него я уже не та.— Айат собрала все свои силы.— И для себя. Но я надеюсь, что Аринниан понимает это лучше, чем я.

— Неужели он единственный, кто может помочь? А как твои родители, сиблинги, товарищи по часу?

— Они ко мне не изменились. Почему им было меняться? Во Вратах Бури такая, как я, рассматривается именно как неудача, а не позор или ущербность. Они не могут понять моих переживаний.

— А ты чувствуешь себя так из-за Аринниана, понимаю.— Табита посмотрела вдаль. В этот прекрасный день особенно ощущалась жажда жизни.— Что я могу сделать?

— Не знаю. Может быть, ничего. И все же, если бы ты могла с ним поговорить... объяснить... попросить у него за меня прощения...

В груди Табиты всколыхнулась волна гнева.

— Попросить? У него? Где он?

— На работе, наверное. Его дом...

— Я знаю адрес.— Табита выпустила ее из объятий и выпрямилась.— Пойдем, девочка, хватит разговоров. Сегодня прекрасный день для полета, и у меня с собой все, что нужно,

а когда день кончится, я останусь с тобой там, где ты скажешь. Я посмотрю, как ты засыпаешь.

...Опустился сумрак, мазнул шафраном по серебристой глади воды, зажег ранние звезды. Табита приземлилась возле двери дома Аринниана. Окна были освещены. Она не стала звонить, просто постучала.

Он открыл. Табита увидела, что он тоже похудел. Волосы цвета черного дерева казались особенно темными в сочетании с изможденным лицом. Одет он был небрежно.

— Хилл! — воскликнул он. — Я никак... я не мог... Проходи же, проходи!

Она прошла мимо него. В комнате царил беспорядок. По-видимому, ее использовали только для того, чтобы спать и иногда торопливо есть. Он неуверенно подошел к ней. Их разговоры были короткими, чисто деловыми, и общались они только по фону, пока не началась новая битва. После этого они знали только о том, что оба живы.

— Я... я рад тебя видеть, Хилл, — выдохнул он.

— Не знаю, чувствую ли я то же самое, — сухо отозвалась она. — Сядь. Я хочу хорошенько щелкнуть тебя по носу. Дурная твоя голова!

Некоторое время он продолжал стоять, потом повиновался. Она увидела, как он напряжен, и внезапно растеряла все слова. Текли минуты, а они продолжали молча смотреть друг на друга.

Дэннелъ Холм сидел перед экранами, на которых виднелись изображения Льзу из Тарнов, Мэттью Викери из Парламента и Хуана Кайала из Империи. Четвертый только что потемнел. Он передал записанное на пленку сообщение Траувея, высшего Вивана Итри. Он умолял Авалон сдать, прежде чем случится самое худшее и всему Доминиону будут продиктованы самые жесткие условия Империи.

— Вы слышали, господа? — спросил Кайал.

— Мы слышали, — ответил Льзу.

Холм ощущал биение пульса в груди и висках. Не то чтобы он ускорился, но превратился в громкое и твердое тиканье.

Ему страшно хотелось сигару — недоступно, или выпить — нежелательно, или проспать год, чтобы никто не тревожил! «Во всяком случае, — пронеслось у него в голове, — мы в лучшей форме, чем адмирал. Если мне когда-то и приходилось видеть голову мертвеца, то именно на этих плечах».

— Что вы говорите? — Кайала говорил голосом старика.

— Мы не испытываем желания драться, — объявил Льзу, — или усиливать страдания наших братьев. И все же мы не можем предать свой народ, проявивший к нам такое доверие.

— Марчварден Холм?

— Вы не посмеете возобновить нападение, пока здесь находятся ваши люди,— жестко сказал человек.— Я не хочу сказать, что мы станем их держать вечно. Я говорил вам раньше, мы не делаем заложников из мыслящих существ. И все же время и обстоятельства их освобождения должны быть хорошо продуманы.

Кайал перенес взгляд на следующий экран:

— Президент Викери?

Политик сопровождал свой ответ улыбкой.

— События вынудили меня изменить свое мнение в отношении стратегической картины, адмирал! Я остаюсь в оппозиции к абсолютистским интересам. Мой уважаемый коллега, губернатор Саракоглу, всегда производил на меня большое впечатление своей благоразумностью. Вы недавно вернулись после продолжительных переговоров с ним. Несомненно, в них принимало участие много умных, хорошо информированных особ. Неужели нет возможности достичь компромисса?

Кайал вздохнул.

— Я могу каждый день вести споры дюжинами,— сказал он.— Что в этом толку? Я использую данные мне полномочия и сразу выложу перед вами тот максимум, который мне предложено вам сообщить.

Холм крепко вцепился в ручки кресла.

— Губернатор указал, что можно рассматривать Авалон как уже побежденный,— продолжал адмирал.— Его орбитальные укрепления больше не существуют. Его флот, как и было предложено, являет собой ряд отдельных звеньев, не имеющих для вас особого значения. Но что самое важное, имперские соединения находятся сейчас на вашей планете!

Не остается ничего, кроме нескольких формальностей технического характера. Наши раненые и медики могут получить название оккупационных сил. За вашими военными приспособлениями может быть установлен надзор: один-два человека на каждой стадии могут провести соответствующие переделки и взять их под контроль. И так далее. Вам должна быть понятна основная мысль.

— Спасение собственной карьеры,— буркнул Холм.— Ладно. Почему бы нет? А что потом?

— Необходимость сформулировать условия мира остается в силе,— произнес измученный голос.— Могу сказать вам под строгим секретом, что губернатор Саракоглу послал в Империю самые настоятельные рекомендации относительно неаннексирования Авалона.

Викери начал было что-то бормотать.

Льзу сидел как каменный.

Холм перевел дыхание и откинулся на спинку кресла.

Они это сделали. Им удалось.

Болтовня, конечно, будет продолжаться и дальше, с бесконечными кивками. Неважно! Авалон останется итрианским — останется свободным!

«Я мог бы зарыдать,— подумал он.— Может быть, потом, сейчас я слишком устал».

Огромным счастьем, спокойным и глубоким, было сознание того, что сегодня он сможет отправиться домой, к Ровене!

ГЛАВА 19

Не было никаких откровений, драматических признаний и примирений, но этот час врезался в память Аринниана.

Работа для отца перестала быть всепоглощающей. Он обнаружил, что и сам может использовать свободное время, которое заработал, и вернуться к своим занятиям. Потом он решил, что нет ничего более непрактичного, чем практичность, неверно понятая.

Табита согласилась с ним. Она тоже перестала быть чрезмерно занятой. Однако она вынуждена была вернуться на свой остров и заняться приведением в порядок дел, и не столько своих, сколько дел семьи своего компаньона.

Крис зашел за Айат в комнату, которую она снимала.

— Э... не хотела бы ты... э... немного поплавать?

— Да,— ответила она каждым своим движением.

Когда лодка оставила бухту, пошел дождь. Чайки низко летали над оливково-темными волнами, выхватывали из воды разную живность. Волны бугрились под низко нависшим небом и опускались, поднимая кучу брызг, которые потом бежали по спине холодными струями.

— Стоит ли плыть дальше? — спросил он.

— Я бы хотела.— Айат старалась не смотреть на Криса. Других кораблей не было видно, как и флайеров.— Так приятно побыть здесь одним.

Он кивнул. Он отдохнул, волосы его были чистыми, свежесть вернулась к его лицу.

Она посмотрела на него поверх разделявшей их кабины.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — произнесла она с помощью двух слов и тела.

— Да.— Тиллер дрогнул в его пальцах. Планх освобождал его от необходимости произносить еще какие-то слова.

— Мой товарищ по цели, мой товарищ по цели,— вздохнула она.— Я рада.— Она распростерла крылья и сразу же их убрала.

— Навсегда,— сказал он с благоговением.

— Я не желала бы для тебя ничего лучше, чем Хилл,— проговорила Айат и, придвинувшись немного ближе, сказала: — Но тебя что-то волнует?

Он закусил губу.

Айат ждала.

— Скажи мне,— он слегка подался вперед, глядя на палубу.— Ты видишь нас со стороны. Могу ли я быть тем, что она заслуживает?

Она ответила не сразу. Удивленный тем, что не получил тут же «да», Аринниан молча поднял глаза. Он не осмелился прервать течение ее мыслей.

Волны гудели, дождь смеялся.

Наконец она сказала:

— Я верю, что она сможет сделать так, что ты будешь ее достоин!

Он почувствовал боль от этих слов.

Она стала извиняться, что получилось не совсем то, что она хотела сказать.

— Мне давно казалось,— сказала она ему,— что тебе нужен кто-то, как Хилл, чтобы показать тебе... показать тебе, как... что-то, что неверно для моего народа, но верно и полно смысла жизни для вашего.

Он собрал все свое мужество, чтобы ответить ей:

— Я знаю продолжение этой теории. Теперь она вплотную подошла к блистательному факту. О, я ревновал раньше! Это есть и сейчас, будет, может быть, до самой моей смерти, я не могу помочь себе. Айат, сестра моя, все дело в том, что она не ты, а ты — не она, и это так хорошо, что вы обе — то, что вы есть!

— Она дала тебе мудрость,— итрианка сгорбилась под дождем. Аринниан увидел ее печаль и воскликнул:

— Позволь мне продолжить! То, что произошло с тобой...

Она подняла голову и дико глянула на него.

— Было ли это хуже, чем то, что произошло с ней? — бросила она с вызовом.— Я не прошу жалости из-за глупости в прошлом, но я действительно считаю, что судьба моя была гораздо тяжелее, чем ваша. Годами я думала, будто физическая любовь может быть дурной.

— Айат, теперь мы можем сказать правду друг другу. Я хочу, чтобы ты разделила со мной мои надежды.

Она спрыгнула с кабины, подошла к нему и обняла крыльями. Голову она положила ему на плечо. Капли дождя блестели на ее гребешке, как корона.

Договор был подписан во Флервиле в один из последних зимних дней. Церемонии были самыми скромными, и итрианская делегация отбыла почти в тот же самый час.

— Они не были очень уж обижены,— объяснил Экрэм Саракоглу Луизе Кайал, отклонившей его предложение присутствовать на церемонии.— Они принимают потерю философски. Но мы не можем попросить их придерживаться наших взглядов.— Он потянулся за сигаретой.— Честно говоря, сам я был только рад избавиться от этих проволочек!

Собственно, он сделал заявление по телевидению и тем избежал всяческих церемоний. Общество, подобное элсперанскому, имело обыкновение отмечать формальное окончание периодов враждебности долгими парадами и хвалебными службами.

Все это было позади. Погода продолжала оставаться прохладной, и Луиза согласилась пойти пообедать. Она сказала, что отец нездоров, что, хотя он любил и уважал этого человека, не слишком расстроило Саракоглу.

Они прошли в сад, он и она, как часто делали это раньше. Вокруг расчищенных тропинок снег белел на клумбах и кустах, на вершине стены, но уже потихоньку таял. Кое-где вода собиралась в ручейки. Цветов не осталось, воздух хранил холодную сырость, небо было мрачно-серого цвета. Под ним царила такая тишь, что звуки шагов казались неправдоподобно громкими.

— Кроме того,— добавил он,— было большим облегчением видеть, как Авалон и его когорта грузилась на свой корабль. Люди из секретной службы, которых я нанял для охраны, тайно ликовали!

— Вот как? — она посмотрела вверх, и он залюбовался ее блестящими глазами, чуть вздернутым носом, губами, как всегда немного приоткрытыми, как будто в детском изумлении. Но говорила она честно — слишком искренне и слишком много, черт подери! — Я знаю, что против них было высказано несколько идиотских анонимных угроз. Вы поэтому беспокоились?

Он кивнул:

— Я достаточно знаю свою драгоценную Эсперансу. Вы и сами достаточно повидали и наслушались разговоров об «оголтелых милитаристах».

Он подумал: «Интересно, меховая шапка прикрывает его лысину или напоминает ей о ней. Может быть, следовало решиться на скальповую операцию?»

Встревоженная, она спросила:

— Забудут ли они когда-нибудь... Обе стороны?

— Нет,— ответил он.— Но острота ощущений уйдет. У нас слишком много общих интересов, у Земли и Итри, чтобы

превращать семейную схватку в кровавую вражду. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Мы ведь были более великодушны, чем должны были бы быть. Ведь правда? Мы позволили им сохранить Авалон! Разве это не считается?

— Должно считаться.— Саракоглу криво усмехнулся, последний раз затянулся сигаретой и отбросил ее в сторону.— Хотя всем понятно, что в игру вовлечены вопросы практической политики. Авалон доказал свою неудобоваримость. Аннексия вызвала бы бесконечные неприятности, тогда как сейчас им положен конец. Более того, при таких условиях Империя выигрывает некоторые ценные пункты, которые помогут торговле. В противном же случае настаивать на них было бы просто невозможно.

— Я знаю,— сказала она чуть нетерпеливо.

Он усмехнулся:

— Вы уже знаете, что я люблю слушать собственные разглагольствования.

Вид у нее был все более задумчивым.

— Я бы хотела посетить Авалон.

— Я тоже. Особенно с точки зрения социологических исследований. Мне интересно, не является ли эта планета знамением будущего?

— Каким образом?

Он продолжал медленно идти вперед, не забывая о том, что ее рука покоится в его.

— Из-за барасиальной культуры, которую они создают. Или которая создает себя. Нельзя планировать или направлять новое течение в истории. Мне интересно, не явилось ли это источником их сопротивляемости... как сплав, во много раз более крепкий, чем любая его составляющая, взятая отдельно. У нас есть Галактика, космос, полный...

«Боже! Что за каша из метафор!» — пронеслось в его мозгу. Он внутренне рассмеялся и закончил:

— Я вовсе не считаю, что пришел к какому-то правильному решению. Я не предполагаю даже, что встречу с радостью тот факт, что Авалон должен быть оставлен с Итри.

— Как же это так? — недоуменно спросила Луиза.— Вы ведь сами только что сказали, что это был единственный путь!

— Конечно, может быть, я всего лишь выражал естественный пессимизм человека, выполнившего задание Правительственного Дома просто неудовлетворительно. И все же от раздумий никуда не денешься. Авалонцы, обе расы, похоже, считают себя более итрианами, чем жители самого Итри. Мне кажется, что будущие их поколения дадут Доминиону несоразмерно большую долю руководителей, особенно адмиралов. Будем надеяться, что они не

принесут с собой добавочный груз — реваншизм! И в мирных условиях Авалон, единственный по своей уникальности мир, несомненно может дать много большее, чем просто большую долю в торговле — он может дать свой мозг! И последствия предвидеть невозможно.

Она сильно сжала его руку:

— Ваши слова заставляют меня радоваться, что я не политик!

— Но ваша радость не может и наполовину быть равной той, которую я испытываю по этому же поводу, — сказал он. — Давайте же оставим эту, хоть и столь важную, тему. Давайте поговорим хотя бы о вашей поездке на Авалон. Я уверен, что это можно устроить через несколько месяцев.

Она повернулась и посмотрела прямо ему в лицо. Потом она отвернулась снова. Прошла минута, а она все молчала.

— В чем дело? — спросил он, испугавшись.

— Я уезжаю, Экрэм, — сказала она. — Скоро — и навсегда!

— Что? — он едва сдержался, чтобы не вцепиться в ее руку.

— Отец! Сегодня он послал прошение об отставке.

— Я знаю, что он... был подвергнут низким обвинениям. Помните, я писал в адмиралтейство Центра?

— Да. Это было очень мило с вашей стороны. — Она снова встретила с ним взглядом.

— То был не просто мой долг, Луиза, — страх не оставил его, но он был рад тому, что говорит твердо. Ему даже удалось улыбнуться. — Империи нужны хорошие люди. Никто не мог бы предугадать ужас Скорпелуны, никто не мог бы потом сделать больше, чем сделал Хуан Кайал. Обвинять его, отдавать под суд, несомненно, бессмысленно, и я уверен, что ничего этого не будет.

— Но он сам себя винит, — она тихо заплакала.

«На это у меня ответа нет», — подумал он.

— Мы возвращаемся в Нью-Мехико, — сказала она.

— Я принимаю, что ему должно было быть невыносимо трудно, — попытался объяснить он. — Но должны ли ехать вы?

— Кто еще у него есть?

— Я. Возможно, мне удастся получить пост на Земле и...

— Мне жаль, Экрэм, — ресницы ее бросили тень на нежные щеки. — Земля тоже не подойдет. Я не позволю ему мучиться одному. Дома, среди ему подобных, ему будет легче. — Она не слишком уверенно улыбнулась губернатору и кивнула. — Нам подобных! Думаю, я и сама стосковалась по дому. Навестите нас как-нибудь. — Она старательно подбирала слова. — Я, конечно, выйду замуж. Думаю, вы не будете возражать, если я назову мальчика в вашу честь?

— Что вы, это такая честь, которую не могла бы мне дать Империя, повесь она на мою грудь все возможные награды, —

автоматически ответил он. — Не пройти ли нам в дом? Сейчас как раз время для коктейлей. К тому же, у нас особый случай.

«Что ж,— думал он сквозь щемящую боль,— дивная мечта — приятная гостья, но теперь я свободен от обязанностей хозяина. Я могу расслабиться и насладиться играми в губернаторство, рыцарство, высокородство, лорда-советника, государственного деятеля на покое, пишущего мемуары.

Завтра я должен исследовать местные возможности соседей. В конце концов, средний возраст бывает только раз в жизни!»

В Грее царило лето, когда известие достигло Авалона. Сначала было некоторое напряжение — кто может полностью доверять Империи? — но потом радость взяла свое и вылилась в общее празднество.

Птицы Кристофер Холм и Табита Фалкайн скоро оставили веселье. Соглашение, церемония, празднество могли подождать.

Они решили, что ночь окончательного мира станет их брачной ночью.

Но у них не было потребности спешить. Это было не в обычаях часа.

Сначала нужно оставить все заботы позади, иначе они не найдут способ стать единым целым в их мире, их судьбе, их смерти, иначе они не смогут свободно слиться друг с другом.

За северными землями холмы не были еще заселены, хотя растения, чьи семена прибыли с пионерами, давно уже перестали быть чужими. Крис и Тэбби приземлились на закате, чьи красные и золотые лучи сверкали над спокойным морем.

Они разбили лагерь, поели, выпили по маленькому бокалу вина, поцеловались.

Потом рука об руку они пошли по тропинке, ведущей к гряде.

Слева от них густо покрытая травой земля круто обрывалась к воде. Это сверкающее безмолвие, уходящее к горизонту, казалось совсем темным вдали, фиолетовым, почти черным. Среди дремлющих созвездий поднялась вечерняя звезда. Справа от них был лес, наполненный сладковатым запахом сосны. Теплый ветерок перебирал ветви.

— Айат? — спросила она однажды.

— Дома,— ответил он.

Его тон и то, как он скользнул губами по ее неясно светлеющим в полутьме волосам, сказало ей: «Я должен исцелить ее, как ты исцеляешь меня, дорогая».

Ее пальцы, тронувшие его щеку, ответили: «К моей радости, которая все растет и растет».

И всё же он почувствовал ее невысказанный вопрос. Он подумал, что знает, в чем дело. Он часто поднимался в нем

самом, но он — читатель, философ, поэт — мог вопрошать столетия лучше, чем она, чьим даром было понимание настоящего.

Он не побуждал ее к тому, чтобы она произнесла его вслух. Достаточно этого часа — и она будет с ним.

Поднималась Моргана, усеянная темными пятнами, и менее яркая, чем раньше, так велики были ее раны. Тэбби остановилась.

— Стоила ли она этого? — спросила она.

— Война, ты имеешь в виду? — проговорил он.

— Да. — Она высвободила руку. — Посмотри! Посмотри вокруг: на наш мир, на эти солнца; смерть, увечья, агония, траур, руины, потери — вещи, о которых мы рассказываем своим детям — и все это ради политики.

— Я тоже спрашиваю себя, — признался он. — Вспомни, однако, что мы сохранили для детей нечто такое, что иначе потеряли бы. Мы сохранили их право быть самими собой.

— Ты имеешь в виду, быть теми, кем являемся мы? Предположим, мы бы потерпели поражение. Мы были так близки к этому! Следующее поколение выросло бы благоразумными, умеренными подданными Империи. Разве нет? Так имели ли мы право делать то, что сделали?

— Я пришел к выводу, что да, — сказал он. — Дело не в том, что существует какой-то принцип или что я не могу ошибиться. Но мне кажется, что то, чем мы являемся, наше общество или культура, или как ты хочешь назвать их, имеют право на жизнь. — Он перевел дыхание. — Ненаглядная моя! — сказал он. — Если общества не будут сопротивляться порабощению, они скоро будут проглочены самыми большими и прожорливыми. Разве нет? И восторжествует смертоносное однообразие. Никаких вызовов, никаких отклонений от нормы. Какую службу сослужило бы все это жизни во вселенной, позволь мы этому случиться? И ты знаешь, вражда не должна быть вечной. И у губернатора Саракоглу, например, и у адмирала Кайала есть прародители на противоположных сторонах Лапанто. — Он видел, что она не поняла его слов, но следует общему течению мыслей. — Суть в том, что обе половины наступали, обе сопротивлялись, обе выжили, чтобы что-то дать расе, нечто особое, что не может быть дано ничем другим. Можешь ли ты поверить в то, что здесь, на Авалоне, мы спасли часть будущего?

— Погрязнув в крови, — сказала она.

— И, это не было необходимым, — согласился он. — Но все же, принимая во внимание, что мы такие, какие мы есть, это было неизбежным. Может быть, когда-нибудь где-нибудь путь истории

будет лучше. Может быть, даже это наше «я», крылатое и бескрылое одновременно, поможет нам. Мы можем попытаться.

— И у нас есть мир на некоторое время,— прошептала она.

— Разве не можем мы быть в нем счастливы? — спросил он.

Тогда она улыбнулась сквозь блестящие в лунном свете слезы и сказала:

— Да, Крис, Аринниан, самый дорогой на свете,— и потянулась к нему...

Айат оставила Грей до наступления зари. В этот час после отступления ночи, она имела все небо в своем распоряжении.

Поднявшись, она поймала ветер и помчалась в его течении. Он струился и пел.

Последние звезды, опустившаяся луна превращали море и землю в таинственный мир. Впереди на белом фоне ясно поднимались горы и дома.

Было холодно, но этот холод лишь вливал жизнь в ее кровь.

Она подумала: «Он, который заботился об мне, он, который утешал меня, разделяя со мной эту участь. И этого довольно».

Мускулы ее танцевали, крылья били, до краев наполненные жизнь. Планета летела навстречу утру.

ЗВЕЗДНЫЙ МОЛОТ

ГЛАВА³ 1

Вы обычный человек, нормальный индивидуум. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня все вокруг вас рушится, расплывается, как промокашка под дождем, и вы открываете, что шагнули прямо отсюда в бездонные черные глубины космоса, не имеющего ни начала, ни конца, ни одной знакомой истины — соломинки, за которую можно было бы зацепиться.

Именно это и случилось с Нейлом Бэннингом. Ему исполнился тридцать один год, он работал коммивояжером нью-йоркского издателя, был здоров, хорошо сложен и доволен своей работой. Он ел три раза в день, был недоволен налогами и временами подумывал о женитьбе. Но все это было до его поездки в Гринвилль.

Все получилось совершенно случайно. Деловая поездка по западному побережью, осознание того факта, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя ярким весенним днем Нейл Бэннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубую равнину неба с пятнышками облаков на ней, перевел взгляд на широкую сонную главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвилль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло одинокое такси. Водитель, скуластый молодой человек, с неопишуемой кепкой на затылке, положил багаж Бэннинга в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший.

— Отвезите туда багаж. Я пройду пешком, — ответил Бэннинг.

Молодой человек посмотрел на него:

— В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Бэннинг заплатил водителю:

— И все-таки я пойду пешком.

— Деньги ваши, мистер, — пожал плечами водитель, и машина отъехала.

Бэннинг зашагал по улице, а свежий ветер прерии трепал полы его пальто.

Бакалейная лавка, дом лесозаготовительной компании, железоскобяные изделия старого Хортон, парикмахерская Дела Паркера. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной закусочной появилась новая реклама — колоссальное изображение конусообразного стаканчика мороженого, а Хивэй-гараж стал больше: добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Бэннинг шел медленно, растягивая время. Встречные смотрели на него с дружелюбным любопытством жителей Среднего Запада, и он сам вглядывался в их лица, но ни одно не показалось знакомым. Да, десять лет отсутствия — это много. Однако должен же встретиться хоть один знакомый, должен же хоть кто-то поприветствовать его в родном городе! Десять лет — это все-таки не так уж много.

Он повернул направо у здания старого банка и пошел вниз по Холлинз-стрит. Два больших, редко застроенных квартала. Дом-то, во всяком случае, должен стоять по-прежнему.

Дома не было.

Бэннинг остановился, огляделся по сторонам. Все верно. То же самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был бы стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря.

«Сгорел, — подумал он. — Или перенесли на другое место».

Но сам с беспокойством чувствовал, что здесь что-то не так. Дом не так-то просто стереть с лица земли. Всегда что-нибудь остается: груда булыжника в том месте, где засыпан подвал, контуры фундамента, следы старых дорожек, деревья и цветочные клумбы.

Здесь же ничего похожего — лишь заросший сорняками пустырь. Казалось, здесь никогда и не бывало ничего другого. Бэннинг огорчился — дом, в котором ты вырос, становится частью тебя самого, это центр вселенной твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но кроме огорчения он чувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Грегги должны знать, — подумал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. — Если только они все еще живут здесь».

На стук из-за угла, с заднего дворика, вышел незнакомый старик, 'розовощекий веселый маленький гном, держащий в руках садовую мотыгу. Он был не прочь поговорить, но, похоже, совершенно не понимал вопросов Бэннинга. Продолжая покачивать головой, он наконец сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил никакой Джесс Бэннинг.

— Это было десять лет назад,— объяснил Бэннинг.— Наверное, до вашего приезда сюда...

Старик перестал улыбаться:

— Послушай, я Мартин Уоллес. Я живу в этом доме сорок два года, спроси кого угодно. И я слыхом не слыхивал о каком-то Бэннинге. К тому же на этом пустыре никогда не было дома. Я-то уж знаю. Этот участок — мой.

Холодок неподдельного страха коснулся Бэннинга.

— Но я жил в доме, который там стоял! Я провел в нем все свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Грегги, у них была дочь с двумя соломенного цвета «поросычьи хвостики» на голове и мальчик по имени Сэм. Я играл...

— Слушай,— прервал старик. Вся его дружелюбность исчезла, теперь он выглядел наполовину рассерженным, наполовину встревоженным.— Если это шутка, то она не смешная. А если ты не шутишь, значит ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Бэннинг глядел на старика и не двигался.

— Как же так,— сказал он,— вот и яблоня — на краю вашего участка,— я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье, такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился в дом.

— Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию.— С этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Бэннинг свирепо смотрел на дверь, злясь на себя из-за того, что холодные иглы страха стали острее и вонзались в него все глубже.

— Этот старый маразматик просто свихнулся,— пробормотал он и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом напротив и направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Льюисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что же случилось.

— Льюисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок.— Нет, Льюисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Бэннинг. — Здесь тогда жили они, а там, где теперь пустырь — Бэннинги.

Женщина удивленно посмотрела на него:

— Я сама живу тут шестнадцать лет, а до того жила в том сером доме, вон, третий отсюда. Я в нем родилась. И здесь никогда не жили ни Льюисы, ни Бэннинги. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Бэннинг. Тогда она пожала плечами и закрыла дверь. Бэннинг еще некоторое время смотрел на закрытую дверь, готовый грохнуть в нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую женщину и потребовать объяснений, что это значит: ложь, безумие или еще что-то. Потом он подумал, что нелепо выходить из себя. «Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! Может, дело в дынном участке, может, они боятся, что я имею на него какие-то права. Возможно, поэтому мне и лгали. Пытаясь убедить в том, что я ошибся».

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Бэннинг быстро пошел обратно к главной улице, а по ней — к мэрии.

Там он объяснил девушке-служавшей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась, и Бэннинг нервно закурил. Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, она была раздражена.

— Дома рядом с номером триста тридцать четвертым по Холлинз-стрит никогда не было, — сказала она. — Вот выписка о владении...

Бэннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У. Уоллейс приобрел дом и участок № 346 по Холлинз-стрит вместе с прилегающим пустырем у Уолтера Бергстрандера, сделка тогда же и была юридически оформлена. Пустырь так никогда и не застраивался.

Бэннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте, — обратился он к девушке, — посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве. — Он нацарапал на бумажке имена. — В списке умерших. Джесс Бэннинг и Илэй Робертс Бэннинг. — Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, то уже не казалась раздраженной. Она была очень рассерженной.

— Вы что, смеетесь? — спросила она. — Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок Бэннингу и отвернулась.

Дверца в барьере была тут же. Бэннинг толкнул ее и прошел внутрь.

— Посмотрите снова, — сказал он. — Пожалуйста... Они должны быть там.

— Вам сюда нельзя, — пятась от него, сказала девушка. — Что вы делаете? Я же вам сказала, что там нет...

Бэннинг схватил ее за руку:

— Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Бэннинг не пытался удержать ее, и она выбежала в холл, вопя:

— Мистер Харкнесс! Мистер Харкнесс!

Бэннинг, стоявший в архиве, беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми книгами. Не понимая значения маркировки на них, он решил свалить все книги с полок и искать в них доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги, на его плечо легла рука. Рука принадлежала невозмутимому крупному мужчине, сжимавшему в зубах сигару. Вынув сигару изо рта, мужчина сказал:

— Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Бэннинг сердито начал:

— Слушайте, кто бы вы ни были...

— Харкнесс, — прервал его невозмутимый мужчина. — Меня зовут Рой Харкнесс, и я шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Бэннинг сидел в офисе шерифа и заканчивал рассказывать свою историю в третий раз.

— Это заговор, — устало сказал он. — Не понимаю, почему, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощник, ни репортер-фотограф из городской газеты не засмеялись открыто, но Бэннинг увидел усмешки, которые они не слишком скрывали.

— Вы обвиняете, — сказал шериф, — всех жителей Гринвилля в том, что они собрались и умышленно фальсифицировали записи в архиве. Это серьезное обвинение. И какая же у нас была для этого причина?

Бэннинг вдруг почувствовал тошноту. Он знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему бессмысленным кошмаром.

— Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? — Он потряс головой. — Не знаю. Но я

знаю, что этот старый мистер Уоллейс лгал. Может быть, за всем стоит именно он.

— Тут есть одна закавыка, — произнес шериф. — Дело в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И я могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года, и что там никогда ни было сооружения крупнее куриной клетки.

— Выходит, вру я? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами.

— Может, вы разработали какой-то план для вымогательства. Может, вам зачем-то нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Бэннинг вскочил на ноги.

— Значит так, подтасовать все факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — и он кинулся к двери.

Шериф подал знак — и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Бэннинга и сноровисто затащил его сначала в тюремную пристройку, примыкавшую к офису, а потом в камеру.

— Псих, — сказал репортер, глядя на Бэннинга через прутья решетки. — Ты не смог придумать ничего более правдоподобного, верно?

В каком-то оцепенении Бэннинг смотрел на людей по ту сторону решетки, не в состоянии поверить в случившееся.

— Обман, — хрипло сказал он.

— Никакого обмана, сынок, — отозвался шериф. — Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас — хорошо, тогда вам придется остаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой. — Он повернулся к помощнику. — Телеграфируйте этому нью-йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание — рост шесть футов, волосы черные, ну, и так далее, как всегда в таких случаях.

Он вышел, а за ним и остальные. Бэннинг остался один в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Бэннингу все вокруг казалось мрачнее чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И вот перед ним стоит вопрос: «Кто же лжет, кто же сошел с ума?» И он не может ответить.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Бэннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа. Шериф не приходил. Бэннинг спросил об адвокате, и ему

ответили, чтобы он не беспокоился. Он снова сел и продолжал ждать. И беспокоиться.

Не имея других занятий, он перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были и провалы, и смутные, неопределенные воспоминания, но они есть у каждого. Кто запомнит все будничные дни своей жизни, в которые ничего не случилось! Его зовут Нейл Бэннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвилле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнесс.

— Я получил ответ из Нью-Йорка, — сказал он, — здесь с вами все ясно.

Он внимательно рассматривал Бэннинга через решетку.

— Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почему бы вам не рассказать, что все-таки это значит?

— Если бы я сам знал... — хмуро отозвался Бэннинг.

Харкнесс вздохнул:

— Правда Пита, вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

— До чего?

— Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Бэннинги. Не было и Греггов. А единственные Льюисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слыхали о вас. — Шериф развел руками. — Что же я должен думать?

Бэннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете, — сказал он. — Убирайтесь.

— О'кей, — Харкнесс сунул что-то сквозь прутья. — В любом случае это должно заинтересовать вас. — И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Бэннинг решился поднять брошенное Харкнессом. Это была местная газета за вчерашний день, вечерний выпуск. Там видное место занимал веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький небрасский городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Бэннинг начал думать, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смиренная рубашка.

Перед самым заходом солнца к камере подошел шериф и сказал:

— К вам посетитель.

Бэннинг вскочил на ноги. Кто-то его вспомнил, и докажет, что все, им рассказанное — правда!

Но человека, вошедшего в коридор, он не знал.

Это был смуглый мужчина средних лет. Одежда плохо сидела на нем, и казалось, что он чувствует себя в ней неловко. Мужчина шагнул через порог коридора, двигаясь удивительно легко для владельца такого большого тела. Его очень темные глаза напряженно всматривались в Бэннинга.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины не меняло своего выражения, но тем не менее что-то неуловимое менялось во всей его массивной фигуре по мере того, как он изучал Бэннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидавшего чего-то долгие годы, и теперь, наконец, увидевшего то, что он так долго ждал.

— Валькар, — тихо сказал он, скорее не Бэннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба. — Кайл Валькар. Минуло много времени, но я нашел тебя.

Бэннинг удивленно смотрел на незнакомца:

— Как вы называли меня? И кто вы? Я никогда раньше не встречал вас.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я Рольф. А ты — Валькар. И горькие годы миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руку через решетку и, взяв правую ладонь Бэннинга, положил ее на свой склоненный лоб жестом глубокого почтения.

ГЛАВА 2

Несколько секунд Бэннинг, слишком изумленный, чтобы двигаться, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

— Что вы делаете? — спросил он, отскочив от решетки. — В чем дело? Я не знаю вас. И я не этот, как там вы меня называли? Меня зовут Нейл Бэннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Бэннинга больше, чем если бы это было выражение явной враждебности. Его лицо выражало любовь, такую, какую мог бы испытывать отец к сыну, или старший брат к младшему. Глубокую любовь, странно смешанную с почтением.

— Нейл Бэннинг, — сказал человек, назвавший себя Рольфом. — Да. Рассказ о Нейле Бэннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация. Человек, у которого отняли прошлое. — Он тихо засмеялся. — Жаль, что они не знают правды.

У Бэннинга появилась дикая надежда.

— А вы знаете правду? Скажите мне — скажите им, — зачем это сделано?

— Я могу сказать тебе, — Рольф подчеркнул местоимение. — Но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

— Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это. — Бэннинг испытующе посмотрел на Рольфа. — Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

— Да, — ответил Рольф, — я знал тебя ребенком — и взрослым мужчиной. Но ты не сможешь вспомнить меня. — Лицо Рольфа изказил мрачный гнев, и он с дикой яростью воскликнул: — Твари! Из всех зол, что они могли причинить тебе, худшее — это лишение памяти... — Он прервал себя. — Нет. Они могли сделать и хуже. Они могли убить тебя.

Бэннинг от изумления раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились в его мыслях: старый Уоллейс, Харкнесс, краснотелая женщина...

— Кто мог убить меня?!

Рольф произнес два имени, очень тихо. То были очень странные имена.

— Тэрэния, Джоммо. — Рольф внимательно наблюдал за Бэннингом. Внезапно Бэннинг понял и отскочил от двери.

— Вы, — сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка, — безумны, как Шляпник.

Рольф усмехнулся:

— Естественно, что ты думаешь так, так же думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, он совершенно прав — Нейл Бэннинг не существует. — Он склонил голову в удивительно гордом поклоне и повернулся. — Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Бэннинг успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Бэннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут у него была надежда, несколько минут он был уверен, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем большее было убедиться в своей ошибке.

«Пожалуй, — саркастически подумал он, — теперь все лунатики страны будут набиваться мне в брата».

Вечером ничего не было слышно о том, чтобы кто-нибудь собирался внести за него залог. Впрочем, Бэннинг на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Бэннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасное. Теперь он мрачно размышлял обо всей этой дьявольской подтасовке и о

том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец Бэннинг забылся беспокойным сном.

Его разбудил металлический лязг открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь, и только коридор был освещен. На пороге, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

— Идем,— сказал он.— Путь свободен.

— Как вы попали сюда? И где взяли ключи? — спросил Бэннинг и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на свой стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Бэннинг закричал:

— Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен?! — Он бросился к двери, пытаясь вытолкать незнакомца и закрыть ее снова.— Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! — Бэннинг начал звать на помощь.

С явным сожалением Рольф разжал левую руку, открывая маленький яйцеобразный предмет с линзой на конце.

— Прости меня, Кайл,— сказал он,— но на объяснения нет времени.

Линза засветилась тусклым мерцающим светом. Бэннинг не ощутил боли, лишь легкий толчок, и начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти. Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Очнулся Бэннинг в автомобиле. Он полулежал на сиденье, а рядом сидел Рольф и смотрел на него. Машина мчалась по степной дороге, и все еще была ночь. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, а снаружи была лишь безграничная тьма, которую не только не рассеивал, а наоборот, казалось, еще более сгущал свет далеких звезд.

На заднем сиденье тоже было темно, и Бэннинг лежал, не шевелясь. Он подумал, что, возможно, Рольф не заметил, как он очнулся. Бэннинг решил, что если он нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

Он готовился, стараясь не изменять даже ритма своего дыхания.

— Я не хотел бы снова делать это, Кайл,— сказал вдруг Рольф.— Не вынуждай меня.

Бэннинг заколебался. Со своего места ему было видно, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив металлическое яйцо, он решил подождать, пока появится другой шанс. Бэннинг чувствовал разочарование — с каким удовольствием он стиснул бы руки на горле Рольфа.

— Вы убили помощника шерифа, а, может быть, и других,— сказал он.— Вы не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

— Ты ведь не умер?

— Да, но...

— Никто из тех людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам, и было бы бесчестно убивать их.— Рольф усмехнулся.— Тэрэния удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Бэннинг сел прямо:

— Кто такая эта Тэрэния? Что это за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете? И вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Бэннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеной скоростью по ночной прерии похититель-лунатик и его сообщник.

— Пожалуй,— сказал Рольф,— ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг, и что тебе нечего бояться.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал,— вздохнул Рольф.— И боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо, он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Бэннинг вцепился в край сиденья, пытаясь контролировать себя.

— А кто такой Джоммо?

— Правая рука Тэрэнии. А Тэрэния — верховная и единственная правительница Новой Империи... А ты — Кайл Валькар, а я — Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был...— Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Бэннингу.

— Новая Империя,— повторил Бэннинг.— Ясно. Маня величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас.

— Цереброшокер,— произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремущка». Не сводя глаз с Бэннинга, он заговорил с водителем на этом непонятном иностранном языке. Скоро вновь воцарилось молчание.

Дорога стала хуже. Автомобиль замедлил ход, но недостаточно для планов Бэннинга. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Бэннинг сомневался в действительности металлического яйца. Цереброшокер, как же. Скорее всего в камере его чем-то ударили сзади, чем-нибудь вроде ружейного приклада или кастета. Было темно, а дверь в камеру

открыта. Сообщник-водитель легко мог войти внутрь и встать за спиной Бэннинга, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнул сильный порыв ветра.

Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение.

Бэннинг чутко улавливал движение машины, и когда она поначалась по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Оно действовало.

На этот раз Бэннинг не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было контролировать, и Рольф не хотел, чтобы Бэннинг совсем лишился чувств. Бэннинг по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя и не как обычно. Все, что он видел и слышал, было словно бы кадрами из кинофильма, никак не связанного с ним.

Он видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец машина остановилась, и он услышал голос Рольфа, мягко уговаривающий его выйти. Бэннинг ухватился за руку Рольфа, словно ребенок за руку отца, и позволил вести себя. Его тело двигалось, но сейчас оно не было его собственностью.

Снаружи дул порывистый холодный ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете стал виден автомобиль и трава прерии. Стали видны водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. Стала видна металлическая стена, блестящая, как зеркало. Она тянулась футов на сто по горизонтали и выпукло поднималась вверх.

В стене были отверстия. Окна, иллюминаторы, двери, люки — кто знал верное название? Это была не стена. Это была наружная обшивка корабля.

Из корабля вышли люди, одетые в странные одежды и говорившие на странном языке. Они шли вперед, а Рольф, водитель и Нейл Бэннинг двинулись им навстречу. Вскоре они встретились и остановились на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Бэннинг смутно понял, что все смотрят на него, и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар»! Как ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу Бэннинга при звуке голосов, повторяющих это слово тоном, в котором дико смешались почтение и ярость, отчаяние и надежда.

Рольф подвел его к открытому люку.

Он тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Кайл, я везу тебя домой.

ГЛАВА 3

Комната, в которой оказался Нейл Бэннинг была больше и намного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем не менее это тоже была тюрьма. Он обнаружил это, как только полностью очнулся — кажется, он снова на некоторое время терял сознание, но не был вполне уверен в этом. Так или иначе, он поднялся и принялся обследовать двери. Одна вела в довольно странно оборудованную ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не было вовсе. Металлическая стена была цельной и гладкой. Комната освещалась сверху, каким-то невидимым источником света.

Несколько минут Бэннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и пытаясь думать. Он вспомнил загадочный кошмар: свет в прерии и огромный серебряный корабль. Кошмар, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, который называет себя Рольфом. Черт возьми, кто же такой этот Рольф, и почему именно он, Бэннинг, стал жертвой его мании?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как — что за имя там было? — да, как Валькара. Наверняка, сон. Правда, яркий, но всего лишь сон.

Или все-таки это было наяву?

Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков — впрочем, если прислушаться, один можно различить. Скорее, это была едва заметная вибрация, словно где-то билось огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате.

Внезапно все чувства Бэннинга ненормально обострились, и он понял, что все в комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы — все, начиная с водопровода и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже собственное тело казалось незнакомым, его вес изменился. Бэннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель, и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-водитель поклонился Бэннингу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Бэннинг не мог напасть на обоих сразу или обойти их. Теперь на них были такие же одежды, что

и на людях из кошмара: нечто вроде туники, а на ногах облегающие гамашы. Одежда выглядела удобной, функциональной, если угодно,— и совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив другого снаружи. Бэннинг успел увидеть узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в комнате, прежде чем Рольф закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Бэннинг.

— К настоящему моменту,— ответил Рольф,— мы преодолели довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют для тебя большое значение.

— Не верю,— сказал Бэннинг. Он и в самом деле не верил. Но в то же самое время он подсознательно понимал, что Рольф не лжет. Сознание этого было ужасно, и мысли его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл,— сказал он,— ты должен поверить мне. И моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал на скрытую кнопку, и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

— Это окно не настоящее,— продолжал Рольф,— это видеозэкран, на который очень сложное и умное электронное устройство репродуцирует истинную картину, которую невооруженный глаз не в состоянии воспринять.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которую с воплем падал его корчившийся мозг, затерявшийся в равнодушной бесконечной бездне. Но свет...

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их очертания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове Бэннинга. Громовым раскатом он падал и падал в глубины блеска и тьмы, он...

Бэннинг зажал ладонями уши и отвернулся. Он упал на постель и остался лежать там, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор:

— Теперь ты мне веришь?

Бэннинг что-то простонал.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логически ты должен поверить и в существование цивилизации, способной строить такие корабли, и в культуру, для которой звездные корабли и обычны, и необходимы.

Бэннинг, чувствующий себя больным и разбитым, сел на постели, цепляясь за ее успокаивающе неподвижную поверхность. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул свой последний аргумент:

— Мы не движемся. Если бы мы двигались быстрее света — а это само по себе невозможно, уж настолько-то я разбираюсь в физике! — то было бы ощущение ускорения.

— Это не механическое движение, — ответил Рольф, становясь так, чтобы ему было видно лицо Бэннинга. — Тут нечто вроде силового поля, и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности... — Он усмехнулся. — Пока я искал тебя на Земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, провозглашавшую скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики замечали частицы, движущиеся быстрее света, и их объяснения-отговорки, что, мол, это только фотоны, не имеющие массы — лишь попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Бэннинг недоверчиво воскликнул:

— Но звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю, и никто на Земле не знает об этом — такое невозможно!

— Просто, — сухо сказал Рольф, — в тебе говорит земной эгоизм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения, сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотки. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами: слишком много хлопот, а толку почти никакого.

— Ладно, — сказал Бэннинг, поднимая руки, — сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая — как вы сказали? — Новая Империя. Но я-то тут причем?!

— Ты часть всего этого. Очень важная, я бы даже сказал, самая важная.

— Вы ошибаетесь, — устало произнес Бэннинг. — Говорю вам: меня зовут Нейл Бэннинг, я родился в Гринвилле, штат Небраска...

Он умолк, услышав смех Рольфа.

— Ты провел веселенькие два дня, пытаюсь доказать это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар, и родился ты в Катууне, древнем Городе Королей, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память, — ответил Рольф. — Ученые Новой Империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки и тебя, пленного, привезли туда уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он тщательно имплантировал синтезированную память в твой мозг, и когда тебя отпустили, у тебя уже было новое имя, новый язык, новая жизнь! Кайл Валькар исчез навсегда, остался

землянин Нейл Бэннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

— Угрозы? — протянул Бэннинг.

— О да, — глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем. — Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой Империи. — Он начал нервно ходить, словно не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Бэннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил слишком много потрясений одно за другим, и теперь его ничто уже не удивляло.

— Новой Империи, — повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство. — В ней правит эта копка Тэрэния, и искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар — угроза для них.

— Но почему?

Рольф загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой Империи — звездной империи, правившей половиной Галактики девятью тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих законных повелителей.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя такое воспринимать серьезно и дальше.

— Итак, я не земной Нейл Бэннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я император?

— Нет, Кайл. Еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором. Бэннинг решительно сказал:

— Я Бэннинг. Я это знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились:

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

— Ничего ты не расскажешь, — смуглый гигант говорил сквозь зубы. — Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они так же считают, что память к тебе вернулась — и в этом они ошибаются.

— Значит вы признаете, что обманываете их?

— Только в этом, Кайл, они не отважились бы на такое предприятие, знай, что к тебе все еще не вернулась память! Они не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

— К Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову: если они узнают, что ты не помнишь, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. На этот раз тебя не отправят в изгнание, а убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Бэннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да, Джоммо проделал над тобой дьявольски чистую работу.

— Так как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл, — уклончиво ответил Рольф. — Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое, и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду я.

Несколько мгновений Бэннинг не мог понять, потом уловил суть:

— Вы имеете в виду, что я узнаю язык от вас?

— Вспомнишь язык. Да.

— Хорошо, — после секундного раздумья сказал Бэннинг. — Если это все, что я должен сделать...

Говоря эти слова, он поворачивался и, внезапно прыгнув, оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

— Извини, Кайл, — чуть задыхаясь, сказал Рольф. И тогда его массивные мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямляющимся тугим пружинам, а Бэннинг обнаружил, что летит в сторону стены. От удара у него перехватило дыхание, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Перед тем, как выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем Городе Королей с меня бы заживо содрали кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. — И он вышел.

Оставшись один, Бэннинг сел у металлической стены и долго сидел так, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что его рассудок мутится, пытаясь вырваться из тисков окружающей действительности.

«Я Нейл Бэннинг, и я сплю, а все, что я вижу — только сон...»

Он с размаху ударил кулаком по стене. Боль в костяшках была достаточно убедительной, и на них показалась кровь. Нет, это не помогало.

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальна и эта Новая Империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но все-таки я Нейл Бэннинг!»

Не Кайл Валькар — о, нет! Если он только позволит себе поверить в то, что он был совершенно другим человеком, человеком со звезд, с прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное «я» заколеблется и исчезнет как дым, и он станет никем...

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о звездной империи, но о Земле знают, знают земные обычаи, языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такое тайное посещение. Они прилетели, захватили Нейла Бэннинга, а теперь летят обратно. Все это делается с какой-то определенной целью...

Для какой-то грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных королей. И он, Нейл Бэннинг, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром подошел на эту роль. Он стал пешкой в этой игре, а для того, чтобы эта пешка была как можно лучше, Рольф и пытался доказать, что он и есть Кайл Валькар!

Бэннинг отчаянно пытался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от столкновения со вновь открытой Вселенной, от понимания того, что он и в самом деле находится в космическом корабле. Но он должен даже и в этом невероятном положении драться за себя.

«Сначала нужно как можно больше узнать,— подумал он.— Прежде чем что-либо предпринимать, надо узнать, куда они доставят меня, что собираются со мной делать. Мне нужно знание...»

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную.

Белая туника была изготовлена из великолепной материи; на груди драгоценные камни образовывали стилизованный рисунок — ярко пылающее солнце. Бэннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном: надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара,— довольно проворчал Рольф.— Ты должен и говорить как он. Ну, время пока еще есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в каюте на своем языке. Потом Бэннинг выучил слова, означавшие «звезда», «король», «Империя».

— Рольф.

— Да?

— Эта самая Старая Империя, которой правили Валькары... Вы говорили, что это было девяносто тысяч лет тому назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впадших в совершенную дикость, как, например, Земля.

Бэннинг вздрогнул:

— Земля? Она была частью Старой Империи?

— Да, как и половина Галактики,— хмуро ответил Рольф.— Когда произошла катастрофа, когда пала Старая Империя, контакты с отдаленными окраинными мирами совершенно прекратились. Неудивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьян. Так было и на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в этот и в следующие визиты, начали складываться для Бэннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя, Империя Валькаров! Они правили из Катууна на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики, и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти этих галактических господ, и не однажды захлебывались неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части Галактики Валькары готовят таинственное ужасное средство, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в Галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнью и смертью. Разгорелось восстание, а потом гражданская война, которая разрушила межзвездную цивилизацию и уничтожила Старую Империю. Множество далеких систем и миров, в которые больше не приходили звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако несколько звездных миров сохранили свою цивилизацию и технику. У них оставалось несколько исправных звездных кораблей. И эти несколько миров, центром которых была система Ригеля, стремились собрать вновь все больше и больше миров в единую цивилизацию. Это и было началом Новой Империи, которая провозгласила отказ от помпезности и гордости воинственной Старой Империи и наступление новой эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул:

— Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое-кто все же помнит древних королей, Валькаров, подставками для ног которых служили звезды!

— А эта вещь, из-за которой началось восстание,— спросил Бэннинг,— то, что вы называли Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него:

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот, и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты — единственный, кто ее знает.

Бэннинг изумленно взглянул на Рольфа:

— Так вот почему Кайл Валькар — такая важная фигура!

— Именно так,— сурово ответил Рольф.— Ты рассказал мне — только мне,— что Молот находится на одной из планет, затерянных в скоплении Лебеда. Ты сказал, что имея карты тысячелетней давности, ты сможешь найти эту планету.— Переведя дыхание, гигант угрюмо продолжал: — Ты почти добился успеха, Кайл. Ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле и отправился в скопление Лебеда. Но Тэрэния и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую Землю. И теперь никто не знает тайны, где спрятан Молот.

Для Бэннинга все это звучало дико и неправдоподобно. Он так и сказал, и добавил:

— Почему же они, для пушей надежности, не убили человека, знающего такой секрет?

— Джоммо так бы и сделал, и с радостью,— сардонически ответил Рольф,— но Тэрэния не решилась. Женщина — даже такая, как Тэрэния — не может править Империей.

— И ты пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? — решил прозондировать почву Бэннинг.— С той горсткой людей, что на этом корабле?

— Будут и другие, Кайл. Им отправлено послание, и они соберутся у Катууна. Немного, но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

— Но его у вас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл. Но, возможно, скоро будешь знать.

Когда Бэннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже. А пока, прежде всего, ты должен выучить язык. Я рассказал остальным, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю, и что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое,— напомнил Бэннинг.

— Ивайр? Он не опасен, это мой человек. Но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты скоро должен показаться перед ними как Кайл Валькар.

Язык давался Бэннингу легко. Слишком легко. Язык был страшно сложен, выдавая каждым словом свой огромный возраст.

Тем не менее Бэннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для произнесения звука, словно знания уже были в его мозгу, дремлющие и лишь ожидающие пробуждения.

Бэннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвилле говорили правду, что Нейл Бэннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то трюк, Рольф как-то сумел загипнотизировать людей в городке, только умный заговор, вот и все.

На корабле для Бэннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, обучался; наконец Рольф сказал:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди. Твои люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я сказал им, что ты выздоровел.

Бэннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой каюте, он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

«Вперед! — сказал он себе. — Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-либо предпринимать».

Дверь открылась. Рольф встал в стороне, пропуская его вперед. Бэннинг вышел в коридор.

— Сюда, — прозвучал в его ушах неприятный шепот Рольфа. — Направо. Подними голову. Веди себя как подобает сыну королей.

Коридор вел в офицерскую кают-компанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф громко объявил:

— Валькар!

Они глядели на Бэннинга голодными, отчаявшимися глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде чем успел произнести хоть слово, человек с лицом, напоминавшим волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Бэннингу:

— Ты не Валькар.

ГЛАВА 4

Тишина, следовавшая за этими словами длилась, казалось, вечно. И в этой тишине Бэннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося... Ну, вот и все. Его раскусили. Что же теперь?

Бэннинг вспомнил предостережения Рольфа: плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что если сумеет наболтать что-нибудь высокопарное, то, может, удастся выкрутиться, но язык отказывался повиноваться. Он еще не смог заставить себя выдать хоть какой-то звук, как волчелицый поднял бокал с вином и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя прежде, мы будем сражаться за тебя снова! И на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем тебе по праву. Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели в металлических стенах. Напряжение покинуло Бэннинга, но зоркие, сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение, и вновь разразились восторженными приветствиями. Из потайных уголков сознания Бэннинга неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может и быть иначе, что эти люди по праву и чести приветствуют его как своего вождя. Бэннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях. Я... — он запнулся. Прошло несколько секунд, и он увидел, как на лице Рольфа выражение удовольствия быстро сменяется тревогой. Неожиданно Бэннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучится, пусть попотеет, пусть преданно и верно послужит Валькару. — Дайте вина. Я дам ответ на тост моих офицеров.

Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Бэннинга бокал.

— Господа! Я дам вам в ответ Старую Империю и свободу звездам!

Гром новых приветственных кликов едва не оглушил его. Бэннинг повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

— Коротко, но эффектно, не правда ли? — и осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Бэннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него нечто приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасны. Несмотря ни на что Валькар остался Валькаром. Я знаю. Я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Одного за другим Рольф представлял Бэннингу офицеров. Скраин, Ландольф, Кирст, Фелдер, Бурри, Тави. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Бэннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Бэннинг из штата Небраска. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогая

находить нужные слова и властно держаться. Бэннинга изумило, как легко ему удавалось быть гордым и властным.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Бэннингу почудилось, что он слышит, как в теле юноши от напряжения лопаются жилы.

— Капитан Бехрент шлет свои приветствия, — сказал ординарец, — и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в Облако...

Резкий свист, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене громкоговорителя заглушил последние слова. Голос, раздавшийся после свистка, приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться, смеясь и говоря:

— Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через Облако пройдем легко, раз у руля будет Валькар...

— Будем входить в Облако, — повторил ординарец, — и капитан уступает...

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали ему договорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Бэннинга, сказал просто:

— Сэр, мы все будем чувствовать себя увереннее в своей безопасности, если сейчас вы будете нашим пилотом.

«О, господи», — подумал Бэннинг и в отчаянии взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся и, когда ординарец шагнул назад, сказал:

— О да, ты один из величайших космических пилотов. Для того, чтобы быть королем звезд, ты должен быть хозяином космоса, и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу... — пробормотал Бэннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь, и времени на разговоры не оставалось. Бэннинг вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку.

Они вошли в рубку.

Здесь впервые цельная и обыденная подлинность космического корабля, подавляя, навалилась на него. Раньше, в каюте, был всего лишь беглый взгляд в это невероятное окно и принятие рассудком того, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой люди жили и работали.

Невысокое большое помещение было буквально забито приборами, за показаниями которых напряженно наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, склонившийся к большому экрану, по которому непрерывным потоком бежал ручеек цифр и символов. Перед офицером стоял предмет, похожий на клавиатуру органа, и Бэннинг догадался, что это и

есть сердце и мозг корабля. Бэннинг надеялся, что этот мужчина хорошо умеет «играть» на «органе». Он очень на это надеялся, потому что вид межзвездного пространства, открывающийся на огромном изогнутом видеозэкране, который шел по двум боковым и передней стенам рубки, внушал тревогу даже такому совершенно зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом, коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Бэннингу. На нем была темная туника со знаками ранга на груди, и, судя по его виду, навряд ли он привык доверять кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не было ни следа иронии или недовольства, когда он сказал Бэннингу:

— Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Бэннинг покачал головой. Он по-прежнему смотрел на видеозэкран. Корабль мчался под острым углом к облаку, протянувшемуся через все пространство. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него просвечивали мерцающие точки света, танцующие огненные искры, и Бэннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях об астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. И тут его осенило: они направляются туда!

Капитан глядел на него. Офицер за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Бэннинга же начинало подташнивать, он очень боялся.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту:

— Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас кого бы то ни было из них. — Бэннинг сделал вид, что изучает показания приборов, цифры на экране, пульт, словно ему это все давно знакомо. — И пусть даже я сяду за пульт, — продолжал он, — все равно я не сделаю больше, чем вы уже делаете. — Он шагнул назад, делая неопределенный снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно. Бэннинг надеялся, что дрожание его рук не слишком заметно.

— Вне сомнения, — сказал он, — капитан Бехрент не нуждается в моих наставлениях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Его глаза ярко сверкнули.

— По крайней мере, — сказал он, — окажите мне честь, останьтесь.

— Только как зритель. Благодарю вас. — Он сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеозэкраном, а Рольф встал рядом. Бэннинг заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на

видеоэкран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но потом он подумал: «нет, лучше уж остаться здесь, где, по крайней мере, можно увидеть, как все происходит».

Они приближались к темному Облаку, в котором виднелись лишь блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть от сети имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не слишком хочется рассказывать о своих делах.

Черная волна Облака, казавшегося твердой стеной мрака, нависла над ними. Бэннинг крепко стиснул челюсти, сдерживая вопль.

Они врезались в стену.

Удара не последовало. Естественно, ведь то была всего лишь пыль, с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, вовсе не похожая на пыль, поднятую в воздух ураганом.

Потемнело. Небо, до того сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Бэннинг, напряженно всматривающийся в видеоэкран, внезапно увидел слабое мерцание, скала размерами с большой дом, кувыркаясь, неслась на них. Он вскрикнул, но на пульте шевельнулась рука офицера — и обломок пролетел мимо, точнее, корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции, ее погасило силовое поле.

— Ты знаешь,— спокойно сказал Рольф,— тот мальчик говорил правду, ты здесь лучший пилот.

— О нет,— прошептал Бэннинг,— только не я.

Он вцепился в подлокотники потными руками. Казалось, что в течении долгих часов он наблюдал, как корабль, уклоняясь от обломков и петляя, чуть ли не опущью шел сквозь Облако, проносясь мимо одинаково смертельных при столкновении — были ли они меньше пули или больше Луны — обломков. Но ни один из них не столкнулся с кораблем, и страх Бэннинга сменился благоговейным трепетом. Если капитан Бехрент может вести здесь корабль и тем не менее преклоняется перед Валькаром-пилотом, то, должно быть, Валькар действительно мог совершать нечто необыкновенное.

Наконец, они вышли из Облака на «тропу», чистую полосу между двумя протянувшимися щупальцами космического мусора. Подошел Бехрент и остановился перед Бэннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо сделано,— ответил Бэннинг. Эти слова слабо отражали то, что он думал. Он был готов пасть ниц перед этим невероятным звездным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, нам следует отдохнуть,— сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Бэннинга и коротко кивнул.

— Ты совершишь это. Я боялся, что Джоммо вместе с памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что ему это не удалось.

— Ты ужасно рисковал,— сказал Бэннинг,— тебе следовало хоть немного подготовить меня...

— Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Нет, я должен был выяснить, остались ли у тебя прежние выдержка и ум. Ты доказал это.

Собираясь выйти, он повернулся к двери с полупечальной улыбкой.

— Теперь тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, а тебе следует быть там отдохнувшим.

— Почему? — спросил Бэннинг с внезапным предчувствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно.

— Еще одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Бэннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов Бэннинг вновь стоял рядом с Рольфом в рубке, наблюдая за своей первой посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизвестностью. Вид Антареса подавлял: огромное красное солнце, рядом с которым совершенно терялся его спутник, звездный карлик. В этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившем четверть неба, казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны кровью, и Бэннинг внутренне содрогнулся. Он мечтал побыстрее приземлиться в Катууне.

Бэннинг захотел этого еще больше, когда наконец увидел планету, летящую к ним через мрачный свет — тусклый призрачный мир, выглядевший так, словно люди оставили его давным-давно.

— Когда-то это был могущественный мир,— как будто прочитав его мысли, тихо сказал Рольф.— Сердце и мозг Старой Империи, которая правила половиной Галактики, тронный мир Валькаров. Он может снова стать таким.

Бэннинг взглянул на Рольфа:

— Если вы найдете Молот и используете его против Новой Империи, не так ли?

— Так, Кайл. Это то, что ты должен сделать.

— Я?! — воскликнул Бэннинг. — Ты безумец! Я не ваш Валькар! Даже если бы я и был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо, — свирепо сказал Рольф, — он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Бэннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, все более густой и плотный туман. Бэннинг почувствовал удушье.

Начали появляться детали планеты: горные хребты, темные леса, сплошь покрывавшие континенты, утрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти полностью пустынен, но человеку с Земли трудно представить картину целого мира, совершенно лишенного городов, звуков, людей. Глядя вниз, пока корабль опускался по длинной спирали, он нашел этот мир невыразимо суровым и печальным. Это ощущение возросло еще больше, когда он увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов, обширные проплешины в лесах, где деревьям мешали мостовые или могильники поваленных камней. Одно такое огромное бесплодное пятно — он знал это инстинктивно — когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд.

Впереди выросла горная цепь, вздымающаяся к небу острые пики. Корабль снижался, теряя скорость, и наконец без всякого толчка или сотрясения замер на плато, тянувшемся у подножия гор и служившего естественной посадочной площадкой.

Казалось, все ждали от Бэннинга, что он первым выйдет наружу, в свой мир. Он, сопровождаемый Рольфом, так и сделал. Бэннинг шел медленно, и снова все ему казалось сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные запахи, почва под ногами — все кричало о том, что он здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ними, и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

— Других еще нет, — сказал он.

— Скоро будут, — отозвался Рольф. — Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время. — Он повернулся к Бэннингу. — Отсюда, — сказал он по-английски, — мы с тобой пойдем одни.

Бэннинг посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу — город. Лес вырос вновь, где только было возможно — чащи чужих деревьев, увитых неземными лианами, заросли кустарника. Но он все же не мог спрятать огромный город. По-прежнему возвы-

шались колонны ворот, а за ними виднелись проспекты и площади, дворцы с провалившимися крышами, мощные арки и стены — и все безмолвное в красном свете на берегу спокойного, печального озера.

Они молча шли по дороге. Когда они спустились с возвышенности, ветер стих, и только звук их шагов нарушал тишину. Антарес тяжело нависал над горизонтом, «на западе», как определил для себя Бэннинг. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромаждающим небо.

В долине было теплее. Он ощущал запахи леса, но в них не было и признака чего-либо, сделанного человеком. Город теперь был гораздо ближе. В нем не было заметно ни малейшего движения, не доносилось ни звука.

— Судя по твоим словам, — сказал Бэннинг, — я считал, что кто-то по-прежнему здесь живет.

— Идем к воротам, — только и ответил Рольф.

Бэннинг повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего-то боишься?

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за воротник туники, едва не задушив. — Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершенно белым. Он не поднял руку, не напряг мускулы, чтобы освободиться от хватки Бэннинга. Он только сказал голосом чуть громче шепота:

— Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради Бога, дай мне идти, пока еще...

Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Бэннинга.

— Будь осторожен, Кайл, — прошептал он. — Будь осторожен во всем, что станешь делать, иначе мы оба пропали.

ГЛАВА 5

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Бэннинга поверить, что это не трюк. Он ослабил хватку, чувствуя, как по спине бегут мурашки от сознания того, что сзади кто-то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф сказал:

— Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они тебя видели последний раз. Дай им время и ни в коем случае не беги.

Бэннинг и не думал бежать. Оцепеневший, он недвижимо стоял и смотрел на существа, выходящие из городских ворот. Существа двигались очень тихо, пока он занимался с Рольфом, и теперь за их спинами полукругом стояла целая толпа, делая бесполезной любую попытку к бегству. Это были не люди. Однако это были и не животные. Они не походили ни на что, что Бэннингу приходилось видеть в кошмарах или наяву. Но они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека они смогли бы без особых усилий.

— Они твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, — прошептал Рольф. — Заговори с ними.

Бэннинг во все глаза смотрел на них. Существа были ростом со взрослого человека, но форма тела не была человеческой. Узловатые, горбатые тела, несколько ног. Больше всего они походили на гигантских быстрых пауков. Они были безволосы, только на гладкой сероватой коже ярким цветом выделялся прихотливый узор, не то — естественный, не то — татуировка. Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только ее поискать. Почти во всем...

— Что мне сказать?

— Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и лица, детские лица с круглыми подбородками, небольшими глазами... Что было во взглядах этих устремленных на него глаз?

Существа зашевелились и подняли свои тонкие руки. Бэннинг мельком заметил, что руки заканчиваются безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди, как предводитель, внезапно заговорил неожиданно мелодичным свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота. Вы умрете.

И Бэннинг ответил:

— Смотри внимательно! Или твоя память так коротка?

Что было в этих взглядах? Мудрость? Жестокость? Мысли иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Молчание. Огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымались вверх свои разрушенные верхушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей-пауков, что окружали их теперь.

Они с сухим клананием зашевелились, множество рук потянулось к Бэннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут разорвать его на части с невероятной быстротой. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось одно — продолжить

эту отчаянно опасную игру. Бэннинг заставил себя приветственно раскрыть объятия.

— Мои верные паучата,— сказал он.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, лежавшего за их спинами, и сейчас Бэннинг совершенно ясно увидел, что за чувство было в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. И их вид вдруг перестал казаться таким отвратительно чуждым. Вождь схватил руку Бэннинга и прижал ее к своему прохладному лбу, и прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в Бэннинге никакой брезгливости. Но, с другой стороны, именно это испугало его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски. Рольф облегченно рассмеялся.

— Сохмсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине. Почему ты боишься его?

— Нет,— упрямо сказал Бэннинг,— нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него:

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас можешь сомневаться, но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда Арраки с далеких окраин галактики, из мира умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам, и только им. То, что в эту минуту ты все еще жив, доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сохмсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Бэннингу:

— Я знаю этого, называемого Рольфом. Будет ли твоя воля на то, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля,— ответил Бэннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он усвоил язык, инстинктивное понимание, как надо вести себя, приходившее временами из подсознания, загадка Гринвилля — так, может, все правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города, повелитель павшей империи, которая некогда правила мириадами звезд?

Нет, нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе он погиб. Настоящим был Нейл Бэннинг, настоящей была его жизнь. Пусть Арраки нелюди, но их так же, как и людей, могло одурачить внешнее сходство. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски, и Рольф покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком,— сказал он.— Спроси хоть у Сохмсея.— Перейдя на свой язык, он продолжил: — Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь.

Остальные скоро придут, и я должен встретить их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал Арраки и пошел обратно по разрушенной дороге. Бэннинг недолго смотрел ему вслед и, отвернувшись, тут же забыл о Рольфе. Все его страхи исчезли, и он страстно хотел осмотреть город.

— Ты пойдешь домой сейчас, господин? — негромко спросил Сохмсей.

— Да, — ответил Бэннинг. — Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сохмсеем, который шел по его правую руку. Их окружала шумящая, обожающая толпа, и Бэннинг почти физически ощущал это обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей, верных и преданных. Насколько — это он выяснит позже.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Бэннинга проплывали воображаемые картины посольств, идущих вниз по этой, теперь разрушенной дороге, принцев Цефея, королей Бетельгейзе, вождей наполовину варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса, спешащих преклонить колени в Городе Королей, городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет, — прошептал Сохмсей, — теперь ты дома.

И Бэннинг коротко ответил: «Да».

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Бэннинг шел вперед, ступая по вдавленным плитам, а ноги его свиты клацали и шаркали по камням. В конце проспекта, у самого озера, возвышался дворец из белого мрамора, возвышался над всем городом, подавляя своими размерами и мощью. Бэннинг шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Бэннинга. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшихся стоять изувечила жестокая рука Времени. Но когда они все стояли — целые и невредимые, мощные фигуры, устремленные к звездам, держащие солнца в своих могучих руках, — их вид должен был внушать трепет, доказывать посольствам их ничтожество перед непреодолимой мощью Империи, так что тронного зала посольства достигали, уже подготовленные должным образом.

Теперь руки статуй сломались, и звезды выпали из них, а глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью веков и слепы.

— Господин,— обратился Сохмсей к Бэннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице,— за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась. Мы пойдем тут.

Он повел Бэннинга к меньшей боковой двери. За ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки попадали, обрушился и главный свод, и над головой теперь было открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. Главный зал, подумал Бэннинг, мог бы вместить не меньше десяти тысяч человек.

В дальнем конце зала в тусклом кровавом свете он разглядел трон. И изумился, ощутив, как от вида этого запустения в нем поднимался горячий гнев.

Сохмсей быстро шел впереди, и Бэннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Бэннинг догадался, что здесь располагались личные апартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, как если бы долгие усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду чисто, все заботливо прибрано, обстановка на месте, металлические орнаменты и детали сверкали.

— Мы держали все наготове,— сказал Сохмсей,— мы знали, что придет день — и ты вернешься.

Бэннинг медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо в городе, он ощутил груз столетий непрерывного правления, гордости и традиций, неизгладимый отпечаток человеческих индивидуальностей мужчин и женщин, создавших все это. Ощущение усилилось при виде безделушек, портретов, антикварных вещей и всевозможных коллекций, собранных на других мирах. Их вид, заброшенных и забытых всеми, за исключением охраняющих их Арраки, наводил грусть...

Из высокого окна одной из комнат открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без излишеств: книги, карты, обычные и звездные, модели кораблей и многое другое. Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Бэннинг опустился в кресло, и изношенная обивка приняла его тело со знакомым удобством. Через дверь в правой стене он увидел в другой комнате высокое ложе; на пурпурном пологe был изображен символ солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост — его портрет.

Ужас охватил Бэннинга. Он почувствовал, как Нейл Бэннинг начинает исчезать, словно снимают маску, скрывающую другое лицо. Он вскочил и отвернулся от портрета, от слишком удобного для него кресла, от ложа с королевским пологом. С трудом удерживая в себе Нейла Бэннинга, он вышел на террасу за окном, где смог дышать свободнее и думать яснее.

Сохмсей последовал за ним. Бэннинг смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сохмсей заговорил:

— Ты пришел домой, как когда-то пришел твой отец. И Стражи возликовали, ибо многие поколения наших повелителей не было с нами, и мы были так одиноки.

«Одиноки?» Странные пафос этих слов тронул сердце Бэннинга. Эти полулюди-полупауки, пронесшие преданность своим повелителям Валькарам через все мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения империи, ждавшие в своем разрушенном мире, ждавшие и надеявшиеся. И наконец Валькар возвращается. Рольф рассказал ему, как отец Кайла вернулся в древний тронный мир, который другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии Валькаров.

— Господин,— продолжал своим свистящим шепотом Сохмсей,— в ночь твоего рождения твой отец положил младенца в мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сохмсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сохмсей.

— Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе. Я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим искусствам, а я — нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Бэннинг взглянул на него:

— Другой?

— Да, господин. Твое тело то же самое. Но разум уже не тот.

Бэннинг смотрел в странные темные глаза, нечеловечески мудрые, любящие глаза, и дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху донесся звук. Он взглянул на небо и увидел сверкающую искорку, пересекающую огромный диск Антареса и снижающуюся к западу. Искорка, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Бэннинг знал, что корабль опустится на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

— Сохмсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился,— прошептал он.— Если это узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато. И еще один. Быстро темнело.

— Они не узнают, — сказал Сохмсей.

Бэннингу по-прежнему было холодно. Эти Арраки, не обладают ли они какими-то парапсихическими особенностями? И, может, благодаря им Сохмсей ощущает, что он не Валькар?

Вскоре в темнеющую комнату быстрыми шелестящими шагами вошел еще один Арраки. Он был меньше и светлее Сохмсея, с более тусклым узором на коже.

— Это Киш, мой сын, — сказал Сохмсей. — Он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин, — сказал Киш и склонил голову, — Человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должны ли Стражи позволить им войти?

— Пусть войдут, — ответил Бэннинг. — Веди их сюда.

— Не сюда, — возразил Сохмсей. — Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на своем троне.

Киш умчался прочь. Сохмсей провел Бэннинга через темные комнаты и развалины. Бэннинг радовался, что у него есть проводник, иначе бы он непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные глыбы. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили Арраки с факелами.

Неровный багровый свет факелов почти не освещал мрачные руины, но через большой пролом в потолке две желтые луны лили слабый призрачный свет. В этом обманчивом свете Бэннинг проследовал за Сохмсеем к черному каменному трону. На нем совершенно не было резьбы — и это отсутствие украшающего орнамента говорило о величии, не нуждающемся в подчеркивании. Бэннинг уселся на трон, и среди Арраки раздался свистящий восторженный шепот.

Пожалуй, подумал Бэннинг, легко, сидя здесь на троне, вообразить себя королем. Он смотрел через разрушенный вход вдоль широкого проспекта колоссов и видел факелы других Арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было вообразить, что это идут великие принцы далеких звезд, аристократы и купцы могущественной галактической империи древних времен, несущие дань из дальних миров своему повелителю...

Повелителю? Повелителю теней этого мертвого города в разрушенном, затерянном мире. Его подданные — лишь Арраки, псы Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за это время родились и умерли звезды. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя...

Руки Бэннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком долго думал так, как, по его мнению, думал бы Валькар.

«Ты-то не король из рода королей,— свирепо сказал он себе.— Ты просто человечешко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах — если ты ему это позволишь».

В огромный зал вошли Рольф и по крайней мере еще человек двадцать, сопровождаемые факелоносцами. Вошедшие искоса поглядывали на Арраки. Страх перед Стражами по-прежнему был жив, и нетрудно было догадаться, почему этот древний королевский мир так редко посещается.

Сейчас Бэннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все остальные были незнакомы ему и представляли довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели честными войками, солдатами, служившими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды предать кого угодно и что угодно. Все они остановились шагах в десяти и устремили взгляды вверх, на черный трон, где сидел Бэннинг, а рядом с ним укрылся в тени Сохмсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент, и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Бэннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю,— спокойно ответил Рольф.— Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Бэннинга ошеломила невероятная дерзость задуманного Рольфом. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи — да это же совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль: раз Рольф предложил такой план, значит он все-таки... Впрочем, возможно, что Рольф ведет более тонкую игру, чем он думал...

Рольф церемониально поклонился Бэннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись! — внезапно прошептал Сохмсей.— Среди них предательство — и смерть!

Бэннинг вздрогнул. Он вспомнил странные параспсихические особенности Арраки и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загредел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоём замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

ГЛАВА 6

Слова Рольфа вызвали рев одобрения, и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил колено перед троном с улыбкой на лице, настолько явно выдававшей порочность его владельца, что это прямо-таки очаровало Бэннинга.

Капитан воскликнул:

— Я последую за любим, кто поведет меня похитить Императрицу! И Джоммо сам по себе — немалая задача, но Тэрэния! Если ты справишься с этим, Валькар, ты сможешь легко сесть на трон!

Лишь благодаря настороженности, разбуженной в нем шепотом Сохмсея, Бэннингу удалось скрыть свое изумление. Одно дело совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать. Но совсем другое — поднять руку на суверена. А из темных уголков подсознания выплыла другая мысль: «Тэрэния — вот ответ! Получить ее — значит получить звезды!»

Бэннинг решил, что какие бы не были у Рольфа недостатки, в отсутствии смелости его упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножия трона поднялся:

— Я Хорик, и я команду легким крейсером «Звездный поток», команда — сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Бэннинг взглянул на Сохмсея:

— Этот?

Арраки покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Бэннинг наклонился и сказал Хорику:

— Положим, я захватил власть в Империи, что ты потребуешь за свою помощь?

Хорик расхохотался:

— Во всяком случае, не благодарность. Я следую за тобой не по зову сердца, но по зову золота. Это понятно?

— Достаточно честно, — ответил Бэннинг и пожал протянутую руку.

Хорик отступил обратно, и Бэннинг обратился к Рольфу:

— Ты не говорил им о деталях плана?

Рольф отрицательно покачал головой:

— Это отложено до окончательного совета, который состоится после того, как они свяжут себя обязательством.

— Мудро, — цинично сказал Бэннинг.

Рольф взглянул на него:

— Я мудр, Кайл. И не так уж много времени понадобится, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

— Конечно, я его помню,— солгал Бэннинг.— Добро пожаловать, Вартис.— И он подал руку.

Вартис был одним из честно выглядевших капитанов, старых солдат, верных до последнего дыхания. Бэннинг вспомнил о Красавчике Принце Чарли* и понадеялся, что его собственная авантюра будет иметь лучший исход. Потому что сейчас это была его авантюра, нравилась ему она или нет. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Тэрэния, Джоммо, Новая Империя — в конце концов, для Бэннинга это были всего лишь слова.

Ему начинало нравиться это восседание на троне. Капитаны подходили один за другим и пожимали его руку. Некоторые выглядели негодяями, другие честными людьми, и каждый раз Бэннинг бросал взгляд на Сохмсея, который наблюдал за подходившими и как будто к чему-то прислушивался. Наконец осталось только четверо. Бэннинг вглядывался в их лица — трое, судя по виду, могли продать собственную мать, и Бэннинг решили, что предатель — один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике уже преклонил колено, и Рольф говорил:

— Зурдис прикрывал твое отступление и...

Внезапно Сохмсей прыгнул вперед с пронзительным криком, от которого кровь стыла в жилах, и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале раздались восклицания ужаса, и люди подались к трону. Арраки тоже зашевелились в темных нишах и двинулись вперед. Бэннинг встал:

— Спокойно! И вы, мои верные Стражи, стойте!

Водарилось напряженная, как тетива натянутого лука, тишина. Бэннинг слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис. Сохмсей улыбнулся:

— Господин, вот он!

— Пусть он встанет,— приказал Бэннинг.

Сохмсей неохотно убрал руки. Там, где когти прокололи кожу на толстой загорелой шее капитана, выступили капельки крови.

* Красавчик Принц Чарли — одно из прозвищ принца Карла Стюарта (1720-1788), неудачно пытавшегося захватить шотландский трон.

— Так,— сказал Бэннинг,— значит, один из моих людей, моих честных капитанов предал меня.

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сохмсея, на далекую дверь и снова на Бэннинга.

— Рассказывай,— приказал Бэннинг,— рассказывай, и побыстрее, Зурдис.

— Это клевета! — воскликнул тот.— Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право...

— Сохмсей,— мягко сказал Бэннинг.

Арраки протянул руки, и Зурдис с воплем скорчился. Он снова упал на колени.

— Ладно,— быстро заговорил он.— Ладно, я вам все расскажу. Да, я продал тебя, почему бы и нет? Что я могу достичь здесь, кроме ран и изгнания? Когда я получил от Рольфа известие о этой встрече, я обо все сообщил Джоммо. И теперь над Катууном летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто с тобой — и, кроме того, в самом ли деле вернулся истинный Валькар, или ты самозванец, марионетка, нитки от которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Бэннинг. Его сердце внезапно забилось быстрее.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и свирепое, исказилось пародией на улыбку.

— Ты Валькар, все верно. И, полагаю, ты доставишь своим грязным Арраки удовольствие поиграть со мной живым. Но это мало что даст тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но если его не будет, они все равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса «А». Не думаю, что вам удастся сильно ему повредить.

Среди капитанов раздались возгласы, в которых изумление смешивалось со страхом. Бэннинг услышал, как Рольф ругается сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

— Надо попытаться по-тихому убраться отсюда, пока на крейсере ждут его рапорт!

Началось общее движение к двери. Бэннинг понимал, что если они уйдут, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен в совершенстве играть роль Валькара. Он закричал, останавливая капитанов:

— Погодите! Вы что, хотите, чтобы за нами охотились по всему космосу?! Слушайте, у меня есть идея получше! — Он повернулся к Рольфу.— Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно, вы, идиоты, называющие себя капитанами: мы хотим добраться до самого трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, нежели проделать все это на их собственном корабле?

Понемногу они начали понимать идею Бэннинга. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравились ее неожиданность и смелость. Зурдис недоверчиво посмотрел на Бэннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесение,— продолжал Бэннинг.— и они его получат! — Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдуса, указал на него: — Тащи его, Сохмсей! Живого! Ты и другие Арраки, следуйте за мной, и я объясню, как вы можете услужить Валькару.— Он повернул голову и вызывающе ухмыльнулся в лицо Рольфу, все еще стоявшему на ступенях трона.— Ты идешь?

Из груди Рольфа вырвался ликующий смех.

— Я,— сказал он,— последую за тобой, как тень, господин! — Впервые он назвал Бэннинга так.

Хорик, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно заорал:

— Мы твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительными криками поддержали Хорика и, следуя за Бэннингом, вышли на ночные улицы, сопровождаемый факельщиками Арраки. И у Бэннинга, глядевшего на руины и поваленных колоссов, залитых тусклым светом бледных лун, слышавшего шаги и возгласы капитанов, готовящихся к предстоящей схватке, невольно мелькнула мысль: «Это безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока...»

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

— У тебя был план?

— О да! Тщательно разработанный и умный, который возможно и удался бы — но мы потеряли бы много кораблей.

— Рольф.

— Да?

— Что ты им рассказал, что бы втянуть в такое?

— Полуправду. Я сказал, что у Джоммо есть ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть этот ключ. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ — твоя память, уже вернувшаяся к тебе, по их мнению.

— Гмм. Рольф.

— Что еще?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Теперь не буду,— спокойно сказал Рольф.— Пожалуй, я могу довериться твоим способностям.

«А пока, подумал Бэннинг,— самозванец, или нет, я должен играть роль Валькара, если хочу спасти от смерти Нейла Бэннинга».

Они прошли главные ворота города. За воротами Бэннинг остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, освещенного

светом многих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца, и пламя факелов казалось мрачным издевательским напоминанием о жизни в этом мертвом заброшенном мире. Бэннинг кивнул и заговорил, отдавая приказы Арраки и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в джунглях. Наконец рядом с Бэннингом остались лишь Рольф, Бехрент и двое Арраки — Сохмсей и Киш,— державшие Зурдиса.

Они пошли вверх на плато по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Бэннинг инструктировал Зурдиса, который внимательно его слушал.

— Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его,— сказал Рольф, и Бэннинг кивнул.

— Бехрент и Хорик справятся с этим, за ними будут и все другие команды. Немногим нравятся предатели,— сказал он.

— Я действовал один,— угрюмо произнес Зурдис.— К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

— Хорошо,— сказал Бэннинг и повернулся к Бехренту,— но ты это проверь!

На плато Бэннинг, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя Арраки, прошел прямо в радиорубку своего корабля. Дремавший дежурный радист испуганно вскочил и начал бешено работать. Бэннинг посадил Зурдиса за микрофон. За спиной капитана встал Сохмсей и прижал когти к его горлу.

— Сохмсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух,— сказал Бэннинг.— Если ты задумаешь измену, то умрешь, не успев сказать ни слова.— Он сделал повелительный жест.— Начиная.

Голос уже подтвердил получение вызова. Медленно, очень ровным голосом Зурдис заговорил в микрофон:

— Здесь Зурдис. Слушайте. Рольф привез не Валькара и половина капитанов поняла это. Сейчас они спорят в тронном зале дворца. Они дезорганизованы, и охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете сейчас в джунглях у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо,— ответил голос.— Ты уверен, что этот человек не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо, это успокоит его. Но, пожалуй, мне слегка досадно: для меня было бы большой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все заговорщики — тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Ты держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Зурдис посмотрел на Бэннинга, тот обратился к Сохмсею:

— Что в его мыслях?

— Господин,— ответил Арраки,— он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и нет среди этих мыслей хороших.

— Убрать его! — резко приказал Бэннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Бэннинг круто повернулся к Рольфу:

— Я не желаю убийств без необходимости, когда появится крейсер! Запомни это!

Когда они вышли из рубки, Рольф вручил ему оружие. Цереброшокеры не годились для такого горячего дела, у них был слишком ограниченный радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, наминало кургузый пистолет и стреляло разрывными пулями. Бэннинг не был вполне уверен, что сможет стрелять из «пистолета», хотя Рольф и объяснил, как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Кипи и Сохмсей заняли свои места за спиной Бэннинга. Они вернулись одни.

— Прекрасно,— сказал Бэннинг.— Быстро сделано.

Отряд в призрачном лунном свете углублялся в темную чашу долины. Вдруг Бэннинг крикнул:

— Скройтесь! Они спускаются!

Не успели люди укрыться в черных зарослях, как над головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Бэннинга охватила паника, ему показалось, что огромная масса опускается прямо на них, грозя раздавить и его самого, и всех его людей. Потом он понял, что это только оптическая иллюзия, крейсер, ломая деревья, опустился в зарослях несколькими сотнями ядров дальше, как Бэннинг и планировал, как раз между двумя его отрядами. Порыв ветра обрушился на лес, хлестнул ветви над головами, и перед их лицами закружились листья и ветки. Потом воцарилась тишина, и Бэннинг во главе отряда двинулся дальше.

Люди из крейсера в полном вооружении уже вышли наружу и построились, но, не ожидая здесь ничего опасного, больше были озабочены тем, как в темноте, через завалы добраться до цели. И когда внезапно появившиеся отряды Бэннинга ударили по ним, они оказались словно между молотом и наковальней. Из крейсера выскакивали новые люди, началась стрельба, пули взрывались, как маленькие звезды, и многие остались лежать мертвыми среди деревьев. Вспыхнули прожектора крейсера, превратив ландшафт в путанный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантазмагорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и Арраки. Сохмсей издал долгий завывающий вопль, и все больше Арраки появлялось на этот зов. Они мчались, как дети, которых позвали играть, и их странные глаза ярко сверкали.

С Бэннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше в коридоры, гоня перед собой

перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выметая их из корабля, как метлой. Несколько Арраки убили, нескольких ранили. Но теперь Бэннинг знал, что его предположения оказались правильными, что его слуги — полулюди-полупауки — оказались сильнейшим оружием против людей, которые слышали о них только в легендах и старых бабьих сказках. Внезапное появление из мрака народа Сохмсея, их вид и вопли — этого оказалось вполне достаточно, чтобы деморализовать всех, кроме самых храбрых, но и храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Арраки, повинувшись приказу Бэннинга, избегали убийств, если в этом не было необходимости, но вымели корабль они чисто, и Сохмсей с Кишем ворвались в радиорубку прежде, чем радист понял, что происходит.

Бэннинг вернулся к люку. Он тяжело дышал, легкая рана слегка кровоточила, а голова кружилась от такого дикого возбуждения, о котором он и не подозревал в старые дни на Земле. Подошел Рольф, тоже с трудом переводящий дыхание, и Бэннинг сказал:

— Здесь все сделано.

Рольф, вытиравший кровь, сочившуюся из уголка рта, усмехнулся:

— И там тоже. Мы как раз заканчиваем.

Бэннинг засмеялся. Он протянул руку, Рольф — свою, и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

Арраки начали выгонять людей из крейсера, присоединяя их к тем, которых люди и другие Арраки захватили в джунглях. Пленники выглядели сбитыми с толку и возмущенными, как будто они до сих пор не поняли, что же произошло.

— И что теперь? — спросил Бэннинг.

— Теперь, — ответил Рольф, — перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, и в твоей руке будет Молот.

Бэннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не подозревающая планета — сердце Империи — шла извечным путем вокруг своего светила.

ГЛАВА 7

Тяжелый крейсер «Солнечное пламя» через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, чем был всегда — одним из самых быстрых и мощных космических кораблей со знаками Империи, блестящими на борту, с полной командой, одетой в

имперскую униформу и вооруженной имперским оружием. Но на самом деле все это было лишь уловкой.

— Вот руководство,— сказал Рольф.— Сигналы, коды и прочее. Немного везения — и...

Тщательно составив послание, Бэннинг отправил его по почти мгновенной гиперпространственной связи.

**ВОЗВРАЩАЮСЬ С ЗАГОВОРЩИКАМИ. ПОЧТИТЕЛЬНО
ПРОШУ ПОЛНОЙ СЕКРЕТНОСТИ. ЖДУ ИНСТРУКЦИЙ.**

Он подписался именем капитана «Солнечного Пламени», который остался на Катууне под охраной Арраки. Ответ пришел быстро.

СЛЕДУЙТЕ ПРЯМО К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.

И подпись — ТЭРЭНИЯ.

Рольф зло усмехнулся:

— Зимний Дворец, лучше и не придумаешь! Это там они, по их мнению, уничтожили Валькара, но теперь они увидят! Дворец в отдаленном, тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

— И очень прочные темницы,— заметил Хорик.— Не забывай и об этом.

— Тебе лучше остаться на корабле,— сказал Бэннинг.— Если увидят твое честнейшее лицо, то мы все окажемся под замком.— И он рассмеялся. Его возбуждение росло с каждой пройденной звездной лигой. Сама авантюра была достаточно дикой, чтобы привести в возбуждение любого человека, но было и что-то еще, предчувствие — и имя, Тэрэния. Бэннинг не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и движается.

— Дерзость побеждает,— тихо проговорил Рольф.— Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться, настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему, как главе Совета, это было бы необязательно, он все равно бы пришел. У него есть свои причины. Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду.— Рука Рольфа сделала хватательное движение.— И у нас будут оба.

Напоминание о Джоммо заставило Бэннинга вздрогнуть. Он не хотел встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор: реален или нет Нейл Бэннинг, а Бэннинг этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он настоящий Нейл Бэннинг, и никто не сумеет отнять у него его «я». Но страх оставался.

Хорик улыбнулся, как человек, подумавший о чем-то приятном.

— Когда они будут у нас,— сказал он,— у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им...— и жестом он показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Бэннинг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и наводимые гиперпространственными радарами. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему ужасным. Так насколько же ужаснее был таинственный Молот, которого страшилась целая галактика!

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло напряжение. Бехрент, который когда-то служил в Имперском Флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды управлению оружием корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их умения. Бэннинг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хориком или другими капитанами. Часто бывал он и в рубке. И всегда за его спиной были Сохмсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

— Господин,— сказал Сохмсей,— однажды ты ушел без меня и годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой Империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, но каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбудил подозрения мельчайшая деталь. Но всякий раз после того, как они называли себя, корабль получал разрешение на проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель, и крейсер, сбрасывая скорость с таким расчетом, чтобы попасть к Зимнему Дворцу вечером, мчался к третьей планете системы.

— Нам нужна темнота,— заметил Рольф.— Это даст нам определенные преимущества.

После того как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Бэннинг отправил сообщение:

«СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ» СЛЕДУЕТ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ. СИГНАЛ ОДИН!

Ответ на заставил ждать:

ПРОХОДИТЕ, «СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ», ВСЕМ ДРУГИМ КОРАБЛЯМ ОЖИДАТЬ КОНТРОЛЯ.

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Бэннинга достигло предела и исчезло, оставив его странно холодным и спокойным. Нейл Бэннинг или Кайл Валькар — он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу люди, все при оружии, были наготове.

— Дежурные офицеры и команда остаются на борту,— сказал Бэннинг,— готовые к немедленному взлету. Повторяю: к немедленному, в любую не только минуту, но и секунду.— Он обернулся к Рольфу, Хорику, другим «заговорщикам» и Ландольфу с Тавном, игравшим роль офицеров охраны.— Я дал вам все необходимые распоряжения. Остается выполнить их, когда мы выйдем. Да сопутствует нам удача!

— Приготовиться к посадке,— сказал металлический голос из громкоговорящего.

Бэннинг посмотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу тянулся огромный город, сверкавший разноцветными огнями и занимавший, казалось, половину континента. В стороне от города среди окружающей тьмы виднелось еще одно пятно света.

— Зимний Дворец,— сказал Рольф, и сердце Бэннинга бешено застучало. Тэрэния! Он негромко сказал:

— Мы должны быть наготове. Всем проверить оружие и хорошенько его спрятать. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Тэрэния и Джоммо нужны нам живые и невредимые!

Обращаясь к Арраки, он продолжил:

— Вас не должны заметить сразу, оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тавн и Ландольф вызвали охрану, сильную охрану, необходимую для таких важных пленников. Бэннинг накинул на голову капюшон и ждал. Его сердце билось учащенно, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Быстро, под звуки четких команд и ритмичного топота ног охрана вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились «пленники». К ним присоединился отряд дворцовой охраны, и все двинулись через открытое посадочное поле, которое, очевидно, освободили для их большого крейсера. Так что явных препятствий для бегства не было.

Их двойной эскорт быстро проследовал через открытый участок прямо к белому портику, где был вход во Дворец, великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Бэннинг оглядывался по сторонам, чувствуя нервное возбуждение. Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука Джоммо лишила памяти. Сейчас, через десять лет, сюда пришел другой человек, Нейл Бэннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но все же...

Хоть ночь и была теплой, дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо, — наклонившись к Бэннингу, шепнул Рольф, — в западном крыле, вон там.

— Прекратить болтовню! — приказал Ландольф, и Хорик грубо выругался.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Бэннинг бросил взгляд через плечо, и ему показалось, что он заметил две тени, скользящие среди деревьев.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивала облицовка из светлого камня и пол из полированного мрамора, черного, словно горное озеро зимой, и казавшегося таким же глубоким. Через равные промежутки в нишах виднелись высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом взвивалась вверх роскошная лестница. В зале их ожидал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

Бэннинг увидел сначала мужчину, и в нем внезапно вспыхнула острая ненависть. Лицо Бэннинга по-прежнему наполовину закрывал капюшон, и он смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, согбенного годами и знаниями ученого. Этот человек был рослым и мускулистым, с высокоскулым лицом. Ему бы больше подошел меч, чем пробирка.

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж, и ученый. Глядя в эти серые, пристально смотревшие сверкающие глаза, Бэннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом — вполне возможно, далеко превосходящим его собственный.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Бэннинга шепнуло: «Посмотрим!»

Охрана отсалютовала, клацая оружием и грохоча ботинками по мраморному полу. Бэннинг перевел взгляд на лестницу и увидел женщину. Он забыл обо всем, кроме Тэрэнии.

Бэннинг рванулся вперед так внезапно, что едва не прорвал цепь дворцовой охраны, прежде чем они удержали его. Бэннинг сбросил капюшон, скрывавший его лицо, и услышал короткий вскрик Джоммо. Тэрэния шагнула вниз по лестнице и назвала имя.

Она была прекрасна. Она вся горела от гнева и ненависти. Казалось, внутри нее пылал костер, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же Бэннинг почувствовал, что кроме ненависти было что-то еще...

Тэрэния спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Бэннинг — свободно и грациозно. Он двинулся было вперед — встретить ее, — но охрана не пустила, и он сам

тоже почувствовал гнев и ненависть. Впрочем, ненависть его была смешана с совершенно другим чувством.

Но ведь он — Нейл Бэннинг, и что может значить для него Тэрэния со звезд?

— Глупец,— сказала она.— Я подарила тебе жизнь. Почему ты не захотел удовлетвориться этим?

Бэннинг мягко спросил:

— Найдется ли человек, который смог бы в моем положении довольствоваться этим?

Она смотрела на него, и Бэннинг подумал, что если бы у нее в руках был кинжал, она немедленно заколола бы его.

— На этот раз,— сказала она,— я не могу спасти тебя. И на этот раз я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подождал Джоммо, встал рядом с Тэрэнией, и вдруг Бэннинг вспомнил рассказ Рольфа — достаточно, чтобы представить, как обстояли дела с ними, всеми тремя — не в деталях, но в общих чертах, общую ситуацию. И он рассмеялся.

— Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хоть и не должна была. И ты ждала меня все эти годы. Не так ли, Джоммо? Несмотря на свои уговоры взять ее в супруги, за все эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее, или на ее трон?

Даже не глядя в полные холодной ярости глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. Но все же не совсем точно, что-то было в этом человеке, поражающее и неизбежное. И Бэннинг понял, что. Это была честность. Джоммо был искренен. Не тронем он хотел овладеть, а Тэрэнией.

Бэннинг бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Он сделал это так быстро и с такой яростью, что охрана не успела помешать ему — и люди Бэннинга тоже набросились на охрану. Бэннинг закричал, и дикий крик, подхваченный его «охраной» отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!» Дворцовая охрана, «пленники» и люди с крейсера смешались в яростной схватке. Бэннинг увидел на лице Джоммо выражение изумления, впрочем, тут же исчезнувшего. Он закричал:

— Беги, Тэрэния! Им нужна ты! Мы задержим их! Зови подмогу!

Бэннинг сдвинул горло, и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Тэрэния повернулась и, словно лань, помчалась к лестнице. Ее лицо стало белым и дрожало, но она не боялась. Она бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В нишах стены, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы. Тэрэния на бегу сбросила вниз одну из них, потом другую. Бэннинг расхохотался. Ее волосы

цвета пламени выбились из-под удерживающей их тонкой сетки и теперь метались по ее плечам. Бэннинг хотел поймать ее сам, поскорее, до того, как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. А пока он должен покончить с Джоммо.

Но Джоммо был силен. У него не было оружия, и он понимал, что ему нельзя допустить, чтобы Бэннинг воспользовался своим. Сейчас они боролись за его, который Бэннинг пытался вытащить из-под туники, и боролись на равных, особенно после того, как Бэннинг выронил шокер. Вокруг них кипела битва, дробясь на отдельные группы сражающихся, и Бэннинг увидел, что эти группы отрезают его от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавший, что главные силы Бэннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во Дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он даже мог надеяться, но им необходимо заполучить Тэрэнию. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать весь Дворец, и кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о том, чтобы у них всегда была возможность ускользнуть.

Но сильные руки Джоммо держали его, и Джоммо свирепо рычал прямо в его ухо: «Ты безумец, Валькар! Тебе не догнать ее!»

Бэннинг внезапно резко выгнул спину, и ему удалось освободить одну руку. Он сильно ударил Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь, и ноги его подкосились, но Джоммо все же устоял. Тэрэния уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл! — выдохнул Джоммо.

Взбешенный Бэннинг снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой и Бэннинга, а упав, вцепился в его горло. Они покатались по полу под ногами сражавшихся. Слепая ярость охватила Бэннинга, наружу вырвалось что-то настолько древнее и примитивное, чего он в себе никогда и не подозревал. Его руки сомкнулись на жиластой шее Джоммо, и они боролись насмерть на мраморном полу, пока Рольфу и Хорику не удалось их растащить.

Сейчас зал был полон людьми Бэннинга. Дворцовая охрана сложила оружие. Бэннинг вздохнул, и вздох болезненно отозвался в его груди. Он посмотрел на лестницу — Тэрэния исчезла.

— Нам необходимо найти ее, — сказал Рольф. — И быстро.

— Арраки помогут, — отозвался Бэннинг и хрипло позвал. Снова обернувшись к Рольфу, он продолжал: — Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может нам понадобиться. — И Бэннинг побежал вверх по лестнице. Там его догнали Арраки. — Ищите ее! — приказал он. — Ищите! — И они, как две большие гончие, бросились вперед по следу императрицы.

В верхних коридорах было тихо. Слишком тихо. Здесь должны были бы находиться стражники, слуги и вообще бесчисленные безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Бэннинг бежал, напряженно вслушиваясь в эту тишину, а Киш и Сохмсей, бегущие гораздо быстрее его, многоногими тенями метались во все ответвляющиеся проходы.

— Не здесь,— резко бросал Сохмсей на бегу.— Не здесь. Не здесь. Не... Да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как и все остальные. Бэннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

— Они ждут,— сказал он.— Внутри.

Бэннинг вынул пистолет, от души надеясь, что им не придется воспользоваться. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянул из него наружу. Сейчас внизу все было спокойно, крейсер мирно лежал на посадочной площадке. Футы в двадцати от Бэннинга в стене было другое окно. Он подумал, что окно может вести в ту комнату, и указал на него Сохмсею:

— Сможешь добраться до туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом:

— Сосчитай трижды до десяти, господня, прежде чем ломать дверь. Киш!

Оба Арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карнизу. Бэннинг слышал доносившееся снаружи сухое дробное кланение когтей по камню. Он начал считать. Как раз подбегали Рольф и Хорик, держащие Джоммо, и с ними еще шесть-семь человек. Бэннинг встал перед дверью.

— Здесь у нас Джоммо! — крикнул он.— Вы, там, не вздумайте стрелять, если не хотите его смерти!

— Нет,— завопил Джоммо.— Стреляйте!

Рольф ударил его в зубы. Бэннинг наклонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же, как и наши.— Ему показалось, что он услышал голос Тэрэнии, отдающий какой-то приказ. Тридцать. Сейчас.

Он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не последовало ни одного выстрела. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной женщины, потом нескольких других. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины дворцовых стражников, вооруженных, но держащих оружие опущенным, за ними — слуги и женщины. Киш и Сохмсей ворвались с тыла через окно, и охрана была ошеломлена воплями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от Арраки. Тэрэнии среди них не было.

За группой перемещавшихся слуг и стражников была дверь, ведущая во внутренние покои. Бэннинг ударами и пинками расчищал к ней дорогу, но Арраки были ближе и достигли ее

первыми. Они широко распахнули высокие белые створки, и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, завешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу и удобная мебель. Стены были белыми, с высокими панелями, отделанными желтой парчой под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась — она только что была открыта, а теперь закрывалась.

Ни один человек не успел бы достичь этой сужающейся щели до того, как она закроется, но Арраки не были людьми. К тому времени, когда Бэннинг с трудом пробился в комнату, они вновь открыли панель и исчезли в проходе, закрывшимся за ней. Бэннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сохмсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Тэрэнии. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин,— сказал он,— мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое случается часто.

Бэннинг улыбнулся.

— Она скоро придет в себя,— сказал он и протянул руки.— Прекрасная работа, Сохмсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход,— ответил Сохмсей, осторожно передавая Тэрэнию Бэннингу.— Он почувствует, если там есть что-нибудь опасное.

Бэннинг кивнул.

В его руках лежала Тэрэния. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и сильной, огненные волосы тяжелой массой свисали с рук Бэннинга, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он хотел только одного: бесконечно стоять вот так, держа в руках Тэрэнию.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной:

— Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать.

Вернулся тяжело дышавший Киш.

— Ничего,— сказал он.— Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся Арраки, Кайл,— сказал Рольф.

Бэннинг вздрогнул, и холодок пробежал по его спине. Пришло время — время, прихода которого он так боялся.

ГЛАВА 8

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Бэннингом прежде. Машины и оборудование были упрятаны под щиты и кожухи, и можно было только догадываться об их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было тихо и чисто.

Бэннинг понял, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в этой огромной звездной империи. Сейчас Рольф быстро и резко говорил что-то этому человеку, Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отослал Хорика проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба Арраки стояли здесь. Они, держась очень настороженно, внимательно смотрели по сторонам.

Тэрэния уже очнулась. Она сидела в кресле, и на ее совершенно белом лице горели раскаленными сапфирами глаза, смотревшие на Бэннинга. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

— Нет,— сказала Тэрэния и с силой добавила: — О нет! Мы не вернем вашему Валькару его память, он может уничтожить Империю!

— Ваш выбор ограничен,— зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Тэрэнии не отрывался от лица Бэннинга. Она с горечью заговорила, обращаясь к нему:

— Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в древних архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

— Я?

— Ты, и ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

— Тэрэния...— начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть-чуть промедлил. И это чуть-чуть спасло Империю! Мы схватили тебя, и Джоммо стер твою память. Нам следовало стереть тебя.

— Но вы этого не сделали,— сказал Бэннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидим убийство — этого не понять сыну Старой Империи. Мы оказались настолько глупы, что дали тебе ложную память, отправили на окраинную планету — Землю — и решили, что ты убран с пути и безопасен. Я оказалась настолько глупа.

Рольф сердито сказал:

— Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара, мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Тэрэния медленно перевела взгляд на мрачного гиганта:

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполучить и его память, а потом и Молот?

— Да,— отрезал Рольф, словно волк клал лапы.— Слушай, Джоммо,— повернулся он к ученому.— Ты можешь восстановить его память. И ты сделаешь это. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Тэрэнию мертвой.

— Я знал, что ты скажешь это,— ответил Джоммо.

— Так как?

Джоммо посмотрел на Тэрэнию. Через несколько секунд его плечи опустились, и он склонил голову:

— Ты сам сказал, мой выбор ограничен.

Бэннинг похолодел, а сердце его бешено застучало. Он хрипло спросил:

— Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить «я» человека? Предположим, что весь этот невероятный сон — правда, и Нейл Бэннинг — всего лишь имя, фикция, воплощенная ложь. Что останется от него? Сохранится ли память человека, в действительности не существовавшего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом он ответил:

— Час, возможно, меньше.

Тэрэния недоуменно смотрела на него. Казалось, она не верила своим ушам. Потом она яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо, слышать? Я запрещаю! Пусть они...

Сохмсей легонько положил когтистую руку на ее плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А Арраки сказал:

— Господин, пока ее рот кричит гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Здесь притворство, между этими двумя.

Рольф с неприятным звуком втянул воздух между зубами:

— Я так и думал: Джоммо слишком легко согласился.— Он поочередно посмотрел на них.— Прекрасно, все равно все выйдет наружу. С Арраки ложь бесполезна.

Тэрэния отпрянула от Сохмсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало. Бэннинг восхищался его выдержкой.

— Арраки,— сказал Джоммо,— вне сомнения, хорошие слуги, но уж слишком они усердствуют.— Он посмотрел на Бэннинга.—

Ты хочешь вернуть память. Я согласен. Я не могу сделать большего.

— Час,— сказал Бэннинг,— возможно, и меньше.— Он шагнул к Тэрэнии.— Что может случиться в течение следующего часа, чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. И прошу, прикажи существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что-то должно появиться,— задумчиво сказал Бэннинг.— Что-то достаточно сильное, чтобы помочь.

Сохмсей тихо произнес:

— Мысли ее скачут. Язык ее не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Бэннинга. Он тряхнул Тэрэнию за плечи:

— Что должно появиться?!

— Подожди и увидишь!

— Тэрэния! — предостерег Джоммо, и Сохмсей усмехнулся:

— Они думают о корабле.

Рольф выругался:

— Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решить нашу судьбу. И если только обычаи не изменились, это означает тяжелый крейсер класса «А» под командованием адмирала.— Он повернулся к Джоммо.— Скоро?

— Пять минут, час — я не могу ответить точно.

— Но вы по-прежнему остаетесь заложниками,— свирепо сказал Рольф.

Джоммо кивнул:

— Это должно сделать ситуацию забавной.

— Но не благоприятной,— откликнулся Бэннинг.— Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него:

— Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо,— решительно произнес Бэннинг,— сможет сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим! — Он повернулся.— Киш, передай приказ Хорику и остальным готовиться к отлету. И приведи сюда несколько человек, поскорее. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы!

Складка вокруг рта Джоммо стала глубже, и в первый раз за все это время он ослабил свой железный самоконтроль. Он посмотрел сначала на Сохмсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Бэннинга взглядом,

горящим такой искренней ненавистью, что Бэннинг чуть не вздрогнул, и, наконец, на Тэрэнию.

— Не берите с собой хоть ее,— сказал он.— Умоляю вас.

— Она будет в такой же безопасности, как и мы,— ответил Бэннинг и добавил, обращаясь к Тэрэнии: — Поверьте, я сожалею. В мой план это не входило.

Тэрэния прошептала:

— Не думаю, чтобы я отказалась, если бы мне предложили сначала посмотреть на твою смерть, а потом умереть самой.— Похоже, она говорила то, что думала.

Внезапное сомнение и чувство вины охватили Бэннинга. Он позволил себе идти к цели напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные императоры и императрицы, Валькар и Молот, все эти интриги чуть ли не столетней давности, в конце концов, казались не более чем словами, не более чем невероятным сном, а человек не слишком-то задумывается о своем поведении в сновидении. Но теперь слова перестали быть словами. Слова превратились в людей, живых, реальных людей. Это были и Тэрэния, и Джоммо, и он сам стал реальной силой, Валькаром, если даже он всего лишь его тень. Его действия могли повлечь невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллиардов людей, обитающих на мирах, о которых он и слыхом не слыхивал.

Бэннинга испугала гигантская тяжесть легшей на него ответственности. И теперь, в эту последнюю минуту он понял, что такая ноша ему не по силам.

— Рольф,— начал он,— я...

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

— Сообщение, господин: радар «Солнечного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт!

Бэннинг беспомощно взглянул на Тэрэнию. У него не было выбора. Тэрэния необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через космические патрули. Позже, может быть, у него появится время подумать об этике.

— Ладно,— резко бросил Бэннинг.— Передай капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь, господин.

— Хорошо.— Он повернулся к Джоммо.— Поторопись, и не пытайся умничать. Сохмсей будет наблюдать.

Бэннинг снял свою накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Тэрэнии.

— Сейчас я отведу тебя на корабль.

Теперь она уже не смотрела на него и ничего не сказала.

Когда Бэннинг взял ее за руку и повел вперед, Тэрэния пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было — правда, Бэннинг чувствовал, как она вздрагивала, когда он касался ее почти обжигающего тела.

В нижних залах дворца и снаружи царила напряженная, но не суетливая спешка. Люди Бэннинга длинными колоннами бегом возвращались на корабль, а разоруженная и беспомощная дворцовая охрана угрюмо толпилась в стороне. Они зашевелились, несмотря на угрожающее им оружие, когда увидели Тэрэнию, но Хорик окружил ее и Бэннинга сильной охраной, и они без помех прошли мимо.

Свежий ночной воздух охладил щеки Бэннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что там, вдали, к ним, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Тэрэнию. Деревья и фонтаны остались позади, и они вышли на посадочную площадку, где лежал крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Бэннинг, крепко державший Тэрэнию, тревожно думал, закончил ли сборы Рольф, найдут ли они все нужное оборудование, далеко ли вражеский корабль, и сколько минут у них осталось.

В воздушном шлюзе дежурил Скраанн. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидав Бэннинга, он сказал:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Бэннинг грубо затащил Тэрэнию внутрь, не утруждая себя извинениями. Заметив свободную каюту, он бесцеремонно толкнул ее туда, запер дверь и поставил охрану. Потом он поспешил в рубку.

Бехрент, шагавший взад и вперед по рубке, выглядел свирепее, чем когда-либо раньше. То и дело вбегали и выбегали ординарцы. Техники беспокойно ерзали у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Бэннинг.

Бехрент поднял вверх одну руку и рубанул ей по ладони другой.

— Уже сейчас, — сказал он, — нам придется влетать прямо под их орудиями. — Он посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу. — Что они там делают? — прорычал он. — В игрушки, что ли, играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец, у которого глаза выпрыгивали от нервного возбуждения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Бэннингу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке, и что он присмотрит за пленными.

— Хорошо,— сказал Бэннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор.— Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой. Взлет в два...

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Записку взял Бехрент, и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно уставшим. Он протянул записку Бэннингу:

— Если сейчас вы посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

— Пусть прилетает! — дико рявкнул Бэннинг.

Бехрент взглянул на него:

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда...

— Две минуты,— прервал Бэннинг,— время вполне достаточное, если мы будем двигаться быстро.

Лицо Бехрента озарилось мрачным светом:

— Вы по-прежнему Валькар! Это должно сработать, но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

— Будем думать о патрулях, когда дойдем до них,— ответил Бэннинг.

Бехрент заорал в микрофон систем оповещения:

— Расчеты световых орудий, по местам!

«Вы по-прежнему Валькар! Какая ирония»,— подумал Бэннинг. Он по-прежнему Нейл Бэннинг. Он отсрочил последнее испытание истинности своего «я», но это была всего лишь отсрочка.

В рубку, нахмутив свое крупное лицо, втиснулся Рольф:

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться,— ответил Бэннинг.— По крайней мере, мы попытаемся. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Тэрэнией и оставил охрану,— сказал гигант.— Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин,— добавил Сохмсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом.— Я читал его мысли.

— Надеюсь, что мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее,— сквозь зубы произнес Бэннинг. Он смотрел вверх через видеозэкран на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже смотрел вверх. Сейчас все на корабле стихло. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию. Не слышалось ни звука, кроме глубокого, еле уловимого жужжания механизмов, создающих поле.

Высоко в небе появилось темное пятно, закрывшее звезды. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, несущуюся вниз, создавая впечатление, что это сам небосвод рушится на них. «Солнечное пламя» слегка

качнулось, когда тяжелый крейсер в сотне ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над самой площадкой.

— Старт! — рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда другой крейсер коснулся площадки. Бэннинг смотрел на картины, проносившиеся через большой изогнутый экран так, словно пытался разглядеть среди них свою будущую жизнь или смерть. Он смотрел на дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента: «Огонь!»

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера — все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослаб и исчез. Их собственный корабль мчал их прочь так быстро, что в краткий миг эта сцена внизу съехала и пропала из виду.

— Сделано! — ликующе воскликнул Рольф. — Команда невредима, они не могут догнать нас!

Теперь «Солнечное пламя» летело через теневой конус планеты, и Бэннинг слышал из радиорубки вопли оператора: «Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...»

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось за их спинами, и они мчались в открытый космос, а мимо проплывали шары-лампы внешних планет.

— Вываться, с самой Тэренией на борту! — заорал Рольф и с силой хлопнул Бэннинга по плечу. — Мы им покажем, что Старая Империя оживет!

— У капитана, — шепнул Сохмсей, — в мыслях нет радости.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался, с невеселой усмешкой на изборожденным морщинами лице.

— Я не собираюсь, — угрюмо сказал он, — праздновать сейчас что бы то ни было. Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

— Проклятье! — взревел Рольф. — Тогда режь прямо сквозь заслон, там ведь только легкие крейсеры!

— Погоди, — прервал его Бэннинг. — Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

— Все зависит... — начал Бехрент, но тут же замолчал, а через секунду продолжил: — Стоит попытаться. Им не сообщили, почему нас приказано задержать, иначе они могли бы отважиться. Но не зная... — не закончив, он подошел к

микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принялся отдавать приказы.

«Солнечное пламя» прошло не больше чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что этот мирок показался грязно-белым кегельным шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь отметила их залп, снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Но Бэннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие пустоту впереди и по сторонам, танцующие искры на фоне бесконечных бесчисленных звезд. По мере того, как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон: «Полный ход!»

— Они трусили! — воскликнул Рольф. — Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

— Но тяжелые суда, линейные крейсера и вспомогательные средства изменили свои курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений, — закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Бэннингу, на его лице агонизировала улыбка:

— Имперские силы получили приказ. И они получают нас. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

ГЛАВА 9

В пустоте, в бездне, для которой миллионы миллионов звезд значат не больше, чем серебристая рябь на поверхности для глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечно крохотные металлические зерна, отмечая свой путь периодическими всплесками энергии, выбрасываемой для преодоления искривлений континуума. Вскоре многие из этих металлических зерен достигнут одно, убегающее от них — и тогда смерть сделает прыжок, и межзвездный мрак на миг озарится яркой вспышкой. Если только...

Бэннинг сказал:

— Тэрэния — единственный козырь, который у нас есть.

Рольф кивнул:

— Если мы сможем убедить их, что она у нас. Сохмсей, приведи ее и Джоммо.

— Нет, подожди,— остановил Бэннинг Арраки.— Тебе и Кишу лучше держаться в стороне, она приходит в ужас от вашего вида и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана, и жестом приказал открыть. Потом, помятуя жгучую ненависть, горевшую в глазах и Джоммо, и Тэрэнии, Бэннинг вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Тэрэния, и сразу следом за ней — Джоммо. Тэрэния выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но ни грана гордости не оставило ее. Взглянув на оружие Бэннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

— О да,— сказал Бэннинг,— я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

— Куда?

— Узнаете. Пока просто вперед.

С монархами таким тоном не разговаривают, и Бэннинг почувствовал легкое удовлетворение, увидев изумленный гнев на ее лице.

Пока они шли к рубке, Бэннинг восхищался, глядя на грациозную походку Тэрэнии, на ее стройное тело.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Тэрэния последовала за ним, но споткнулась о порог и опрокинулась назад, прямо на Бэннинга. То, что это не случайность, Бэннинг понял на долю секунды позже, чем следовало бы, уже когда Тэрэния схватила его за предплечья и закричала:

— Пистолет, Джоммо! Хватай пистолет!

Все случилось так быстро, что люди не сразу поняли, что происходит, а Арраки, следуя приказу Бэннинга, оставили рубку. Но Джоммо среагировал мгновенно и круто повернулся. Лицо его искажилось от внезапно появившейся надежды.

Бэннинг рывком поднялся на ноги. Резко вздернув как можно выше руки, он поднял легкую Тэрэнию, качнул ее в воздухе и швырнул прямо на Джоммо.

Он надеялся, что Джоммо не даст Тэрэнии упасть, даже рискуя упустить момент, и оказался прав. Джоммо поймал ее, и они оба снова очутились под прицелом пистолета Бэннинга.

— Хорошо придумано,— сказал он.— Я восхищен твоей храбростью. Но я бы на вашем месте больше не пытался сделать что-нибудь в этом роде.

Они смотрели на Бэннинга ненавидящими взглядами, как два василиска, и он не мог осуждать их за это. Но как он хотел бы этого избежать! Тогда все было бы намного проще.

К месту схватки начали сбегаться люди, и куда быстро шел Рольф, с лицом, черным от гнева.

— Так, значит, ты не хотел пугать ее видом Сохмсея? — саркастически спросил он у Бэннинга.

Бэннинг покачал головой:

— Похоже, без них не обойтись.

Он позвал Арраки и сказал Тэрэнии:

— Они не причинят тебе вреда, если только ты сама не вынудишь их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, теперь подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но заговорил он довольно хриплым голосом:

— Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах досягаемости огня батарей полной эскадры линейных крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Бэннинг увидел, как глаза Тэрэнии сверкнули, и решил быть твердым.

— Так вот, Тэрэния, — сказал он. — Сейчас ты пройдешь в радиорубку и прикажешь этим крейсерам уйти.

— Нет!

Бэннинг посмотрел на Джоммо:

— Тебе лучше уговорить ее, и быстро. От этого зависит ее жизнь.

— Ты не сможешь убить ее, — ответил Джоммо.

— Не смогу? Возможно, ты и прав. Ну, а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например? — сквозь зубы спросил Рольф.

Джоммо заколебался, и Тэрэния воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение молчаливого упорства. Задние видеозкраны внезапно осветились ослепительным взрывом пламени, бушующее сияние которого заставляло потускнеть звезды. Казалось, будто в небесах позади их корабля выросла и разрушилась огненная стена.

— Они начали пристрелку, — сказал Бехрент. — Мы можем попытаться драться, но при таком их преимуществе долго не выдержим.

— Тэрэния остановит их, — сдержанно произнес Бэннинг. — Я пойду в радиорубку подготовить все для передачи. Ждите. — Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд Бэннинг вернулся и взял Тэрэнию за руку. — Сейчас, Тэрэния, ты пойдешь и прикажешь этим кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Тэрэния рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Ты не погибнешь — не таким способом, — сказала она. — Тебе придется сдаться.

— Джоммо, уговори ее, и постарайся поскорее,— сказал Бэннинг.

Снова видеозэкраны озарились этим ужасным пламенем, на этот раз ближе, так близко, что огненная стена закрыла все небо.

— Тэрэния...— начал Джоммо.

— Разве ты не видишь,— воскликнула она,— что они уже побеждены и не могут заставить меня повиноваться!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость! Она по-прежнему следует за нами, но на большем расстоянии, и батареи прекратили огонь.

— Этого не может быть! — закричала Тэрэния. — Ты лжешь! Бэннинг довольно улыбнулся:

— Они были достаточно близко, и это сработало. Они больше не будут стрелять, раз теперь они знают, что их императрица у нас на борту.

— Но узнали они об этом только сейчас, не так ли? — спросил Рольф.

Бэннинг кивнул:

— Я приказал радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей станции. На каждом корабле должны были слышать голоса Тэрэнии и Джоммо.

Джоммо вскрикнул голосом, хриплым от ярости. Во взгляде Тэрэнии смешались удивление и ненависть, но она ничего не сказала.

Бэннинг подвyal пистолет:

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

— Я пойду с тобой,— проворчал Рольф.

Женщина молчала всю дорогу, не сказала она ни слова и тогда, когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Ландольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседнюю каюту, заговорил, прежде чем Бэннинг и Рольф вышли.

— Мы можем заключить сделку,— сказал он, обращаясь к Бэннингу.— Освободи Тэрэнию, отправь ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Бэннинг расхохотался. Он подумал, что теперь понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал слова,— голос Джоммо звучал ровно.

— Я не сомневаюсь в этом. Но также я не сомневаюсь и в том, что на этот раз ты слова не сдержишь, ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо премо́лчал, но бро́шенный им взгляд сам по себе был достаточно красноречивым ответом.

— Пока еще у тебя есть время, — сказал Рольф. — Но скоро ты сделаешь то, что мы хотим. И с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в одно определенное место. Скопление Лебеда. Мы идем к нему — и в него.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Бэннинга, настолько много — и это было совершенно очевидно — оно значило для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

— Так, значит, Молот там?

— Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в галактике. На какой именно — я не знаю, и тем более я не знаю, как безопасно до нее добраться. Я погублю корабль, если попытаюсь войти в скопление. Но кое-кто знает все.

Джоммо перевел взгляд на Бэннинга:

— Все знает Валькар. Так?

Рольф кивнул:

— Да, Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти и, безусловно, погубит нас там — но когда он вспомнит, то мы все будем в достаточной безопасности. Ты. Я. Тэрэния.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал: «Проклятье!» Прошептал так горько, что это потрясло Бэннинга. Они с Рольфом вышли и заперли дверь.

— Пусть попотеет, — сказал Рольф и внимательно посмотрел на Бэннинга. — Я думаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее — пойти в свою каюту и выспаться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

— Спать? — воскликнул Бэннинг. — Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о Скоплении впереди, о...

— Пока ничего не произойдет, — грубо прервал его Рольф. — Эти корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Тэрэния и в самом деле у нас, и будут только сопровождать «Солнечное пламя». А до Скопления Лебеда все еще долгий путь. — Он помолчал и значительно добавил:

— И впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Бэннинга. В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в мозг Нейла Бэннинга.

— Входи. — Рольф отворил перед Бэннингом дверь каюты. — Я приготовлю что-нибудь выпить, вино поможет тебе расслабиться.

Бэннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая совсем о другом: о Тэрэнии, о себе и о грозном Скоплении

Лебедя. Откинувшись на подушки постели, он еще немного поговорил с Рольфом и незаметно заснул.

И увидел сон.

Во сне он был двумя разными людьми. Он был собой, и он же был Валькаром, чья неясная зловещая фигура с жестокими глазами, одетая в дикий одежды, росла все больше и больше, а сам Нейл Бэннинг одновременно сокращался в гномика, в тварь не больше мыши. И тот — Валькар — гнал прочь Бэннинга, неслышно кричавшего в окутывающей его огромной тьме.

Сон пугал, и Бэннинг обрадовался, когда проснулся.

Рядом с постелью его пробуждения ожидал Сохмсей, терпеливый, как статуя. На вопрос Бэннинга он ответил:

— Ты спал долго, господин, очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который он положил в твоё питье.

— Выходит, он дал мне наркотик? — сердито сказал Бэннинг. — Он не имел права...

— Так было правильно, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не будет закончено.

Что-то в тоне Арраки заставило Бэннинга вздрогнуть.

— Сохмсей, — спросил он, — ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Нет ли среди них способности предсказывать будущее?

Сохмсей покачал головой:

— Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда, через трещины в стене... — Он прервал себя. — Мы, как и люди, видим сны. Возможно, и это не более чем сон.

— Нет, расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещины!

— Господин, я видел небо в огне.

Бэннинг поднялся с постели:

— Что это должно значить?

— Я не знаю. Но, несомненно, мы все это узнаем. — Сохмсей подошел к двери и отворил ее. — А сейчас иди, господин. Валькара ждут в командной рубке.

Бэннинг отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеозэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками головы поприветствовали Бэннинга, а когда он присоединился к ним, Рольф, положив одну руку ему на плечо, указал другой на экран.

И там Бэннинг увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но тем не менее все еще увеличивающееся по мере того, как он

наблюдал, сверкающее звездное облако, ошеломляющее невообразимое величие солнц — алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых, — раскинувшееся в бесконечности, как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близки друг к другу, что образовывали мягко светившиеся пятна, и каждое такое пятно окружало черное облако, поглощавшее свет — казалось, что мрак пытается пограть звезды.

— На Земле, — тихо сказал Рольф, — это скопление, надо полагать, называют «Америка», из-за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там, — совершенно искренне ответил Бэннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни прекрасным — для него оно было вызовом, на который — и он знал это — он не может ответить.

— Буря звезд, — сказал он. — Ревущий вихрь несущихся звезд, пыли, обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками. Самое бешеное скопление в Галактике. — Он обернулся к ним. — И Молот — там?

— Да, — ответил Рольф. В его голосе сейчас звенел металл. — Молот — там.

Что до Бэннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано здесь. Чем он мог быть, этот странно названный Молот, о котором в Галактике боязливо шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сохмсея: «Господин, я видел небо в огне», и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Бэннингу едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там, — свирепо повторил Рольф, — и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Бэннинг, чувствуя себя слабым и разбитым, повернулся к нему:

— Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Но даже шагая по коридорам позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. Ему — Нейлу Бэннингу ли, Валькару ли, или обоим им вместе — провести крейсер через звездные джунгли? Невозможно!

Джоммо поднял взгляд, когда они вошли в кабину. Его ненависть и гнев не уменьшились ни на волос, и все же Бэннинг опутил, что что-то в Джоммо изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеозэкране, хотя он и был направлен не прямо по курсу, все-таки хорошо виднелась картина звездного штора впереди.

— Не будь со мной столь утонченным, Рольф,— с легким презрением сказал Джоммо.— Я уже видел.

— Во мне нет утонченности,— возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным.— Я просто иду вперед и делаю, что могу. Ты знаешь это. Ты знаешь: если я сказал, что мы собираемся идти в Скопление, мы пойдем туда. В своем уравнении ты можешь принять это за константу. 4

Джоммо внимательно посмотрел на Бэннинга:

— Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли получим свободу мы с Тэрэнией?

— О нет,— насмешливо ответил Рольф,— не сразу... Проклятые крейсера все еще тащатся позади, и мы сразу окажемся в их власти. Нет — пока мы не выберемся обратно из Скопления.

— Он не хочет этого. Он бьется,— внезапно сказал Джоммо, не отрывавший взгляда от Бэннинга.

Бэннинг знал, что это правда, и почувствовал ненависть к Джоммо.

— Я не боюсь,— солгал он.— И должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой:

— Я не могу допустить гибель Тэрэнии, я все сделаю.— Обращаясь к Рольфу, он добавил: — Но не принимай близко к сердцу, если выйдет не так, как ты рассчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хотя это и казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты можешь играть с разумом человека как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернется к Валькару полностью, если его разум не будет здоровым и мощным, без изъянов и слабостей — и Тэрэния, и ты долго не проживете!

— Обещаю,— сказал Джоммо,— что все будет по твоим словам. И все же я знаю о разуме больше, чем ты. И думаю, что ты не ведаешь, что творишь.

Он встал — и внезапно превратился в ученого, спокойного, педантичного, уверенного. Он сказал, какое оборудование необходимо, и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Бэннинг остался, его сердце бешено колотилось. Ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, и ему вообще все это не нравилось.

Машина, принесенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в далеких звездных мирах воплотились в эту вещь, но Бэннинг в своем невежестве видел только кубический ящик с ручками и странными круглыми шкалами на лицевой стороне, и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку и указал Бэннингу на кресло. Бэннинг молча уселся, и Джоммо опустил огромный шлем ему на голову.

Бэннингу вдруг в голову пришла мысль, что, должно быть, сейчас он здорово смахивает на женщину, сушащую волосы под громадным колпаком фена в земном салоне красоты, и он едва не закатился истерическим смехом. И тут на него обрушилось это.

Что именно на него обрушилось, он не знал, возможно, электромагнитные волны вида, неизвестного науке Земли, успел подумать Бэннинг. Чем бы оно ни было, оно вторглось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой неевклидовой геометрии и кружиться волчком над невероятной бездной. Боли не было. Было хуже, чем боль — безумие скорости, света, полета, мрака, свистящий водоворот, который вращался в его черепе, он был достаточно велик, чтобы засосать в себя всю вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучение освобождения памяти по мере того, как барьеры сторали один за другим и нейроны отдавали запертые в них знания.

...Руки Сохмсея, обнимающие его, лицо Сохмсея — очень большое — над ним, и он сам — очень маленький и плачущий, потому что порезал колено...

...Женщина. Тэрэния? Нет, нет, не Тэрэния, волосы женщины золотые, а лицо ласковое. Мама. Давно...

...Сломанное запястье, но сломано оно не при падении с яблони в Гринвилле, что было одним из фальшивых воспоминаний, рушившихся и исчезающих под напором настоящих. Запястье сломано во время неудачной посадки на одну из планет Алгола...

...Руины. Багровый Антарес в небе, он сам, полубогаженный подросток, бегущий наперегонки с Арраки среди поверженных статуй Катууна, играющий со звездами, выпавшими из их рук...

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни и выздоровления, похвалы, наказания, учеба. ТЫ — ВАЛЬКАР, ЗАПОМНИ ЭТО! И ТЫ БУДЕШЬ ПРАВИТЬ СНОВА. Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов деталей, слов, взглядов, поступков, мыслей.

...Тэрэния. Девочка Тэрэния, моложе его — прекрасная, остроязычная, ненавистная. Тэрэния в дворцовом саду — но это

не Зимний Дворец, а громадное суровое здание в столице,— обрывающая лепестки пурпурного цветка и насмехающаяся над ним, потому что он — Валькар, и он никогда не сядет на трон...

...Прекрасная Тэрэния. Тэрэния в его объятиях, смеющаяся, пока он губами щекотал ее губы, и переставшая смеяться, когда он поцеловал ее. Тэрэния, не подозревавшая, как он ее ненавидел, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревавшая, как неистово он хотел сокрушить ее.

Тэрэния, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь — это было легко, потому что кто мог не любить Тэрэнию, не быть ее добровольным рабом? — допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы, и в них — потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров...

Воспоминания: о звуках и цветках, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимому пластику страниц древних-древних книг...

...Развалины тронного зала, открытые небу. Задумчивое озеро, звезды, ночь, и Отец. Скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. В ту ночь Отец рядом с ним, указывающий на звезды.

— Сын мой, Молот Валькаров...

Воспоминания, воспоминания, ревущие, грохочущие! Слова и знания!

Слова и поступки, факты — все аккуратно упаковано, а потом — пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Бэннинг.

Теперь, через десять долгих лет Валькар вновь родился. Но не исчезли ни Нейл Бэннинг, ни те десять лет, когда он один был реален. Эти десять лет теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Бэннинг закричали вместе, как один человек:

— Я вспомнил! Я вспомнил! О, Боже, я знаю, что такое Молот!

ГЛАВА 10

Он очнулся.

Теперь он знал, кто же он. Он — Кайл Валькар. **НО ОН ТАКЖЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ И НЕЙЛ БЭННИНГ!** Воспоминания Бэннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет по-

прежнему оставались с ним, гораздо более сильные и живые, чем воспоминания Валькара о двадцати предшествующих годах.

Невозможно в один миг отбросить свое «я» последних десяти лет. Он продолжал ДУМАТЬ о себе как о Нейле Бэннинге.

— Кайл! — Голос Рольфа, хриплый от волнения. — Кайл?

Бэннинг открыл глаза. Шлема на голове уже не было, и он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял пристально глядевший на него Джоммо. На его лице невозможно было прочесть что-либо.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф кричал. — Где он, как добраться, что это?

Бэннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо! Он вспомнил своего отца, Валькара давних лет, обучающего его по звездной карте, висящей на стене разрушенного дворца.

«...желтое солнце по соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака — только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Да, он вспомнил это. И не только это. Он вспомнил то, о чем предпочел бы забыть — тайну Молота, о которой во всей Галактике знал только он.

Часть его, оставшаяся Нейлом Бэннингом, в ужасе отшатнулась от того, что помнил Кайл Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначенное для разрушения основ Галактики, для разрушения...

Не следует думать об этом, ему нельзя думать сейчас об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Да это и не могло быть правдой! Даже Валькары древности, шагавшие по Галактике как полубоги, не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи:

— Кайл, вернись! Мы подходим к Скоплению, остались минуты, и все зависит от тебя. Ты вспомнил?

Бэннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

— Да... Я вспомнил... Достаточно, чтобы провести корабль через Скопление... я так думаю...

Рольф поднял его на ноги:

— Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Бэннинг, все еще не полностью оправившийся, ковылял за Рольфом, но когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян во тьме водоворота времени, «Солнечное пламя» мчалось на предельной скорости к Скоплению

Лебеда, и теперь они уже вошли в его дальние окраины. Миллионы солнц поглотили корабль, и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном пчелином рое.

К счастью, Мрак был в этом квадранте. Мрак, за которым тройная звезда, а рядом с ней — желтое солнце, а на одной из планет желтого солнца — Вещь, настолько ужасная, что...

Нет. Сейчас для этого нет времени, нет времени дрожать в тисках страха. Позже, если ты останешься жив. Позже ты сможешь взглянуть в лицо немыслимому.

НО СМОЖЕШЬ ЛИ? И ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, КОГДА НЕЛЬЗЯ СТАНЕТ И ДАЛЬШЕ УКЛОНЯТЬСЯ И ОТКЛАДЫВАТЬ, КОГДА ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬ В РУКУ МОЛОТ И...

Бехрент смотрел на него. На него смотрел и Рольф, и техники, и их лица странно блестели в сиянии Скопления.

— Корабль ваш,— тихо сказал Бехрент.

Бэннинг кивнул. На миг его часть, бывшая Нейлом Бэннингом, отпрянула в ужасе и неведении, но Валькар — вновь разбуженная половина — сначала бросил взгляд на окружавшее корабль множество звезд, а потом на экран в рубке, на который выводились данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Бэннинга, по его лбу текли крупные капли ледяного пота.

— Встань,— приказал ему Бэннинг и занял место мужчины.

Под его руками теперь были клавиши пульта. И память вернула его в прошлое, оживила умершие навыки и забытые знания, и ожили пальцы и ощутили каждую клавишу, пульс и дрожь корабля.

Он знал, что делать. Он снова был Валькаром. Он снова был молод и швырял бешено мчавшийся корабль между дикими солнцами Геркулеса, несясь через туманность Ориона, обучался мгновенно и хладнокровно вычислять и принимать единственно верное решение — обучался всему, что когда-нибудь поможет ему пройти через Скопление Лебеда к...

Нет! Не думай об этом. Управляй кораблем. Веди его вперед. Теперь на тебе долг, и тебе нельзя умереть. Твоя смерть обеспечит настоящее, но не будущее. Это создали Валькары, и теперь на тебе долг.

И, кроме того, здесь Тэрэния. Ты ведешь корабль, на котором находится и она, ты отвечаешь и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его вперед!

«Солнечное пламя» летело вперед, крошечная пылинка устремилась в горнило Скопления. Там, снаружи, за звездами, окаймляющими Скопление, корабли имперских сил замедлили ход и недвижимо повисли в пустоте. В сотне командных рубок сотня

капитанов бессильно смотрели, как маленькая блеска уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане.

Внутри «Солнечного пламени» царило молчание. Тысяча мужчин и одна женщина затаились внутри металлической скорлупки и ждали: жизнь ли им уготована или аннигиляция и смерть.

Под руками Бэннинга — под руками Валькара — напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя ужасное тяготение звезд — чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем, — мчавшихся в диком танце за иллюминаторами. Тишину нарушала лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец, а тем временем корабль плыл в гравитационных потоках, как плывет листок в стремнине между огромными зловещими скалами, грозящими разломить его в пыль.

Понемногу толчея звезд уходила в сторону и перед ними открылся Мрак, черное облако, глубоко врезавшееся в тело Скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты, с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад — сложная ткань окольного пути в Скоплении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

— Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Даже просто войти в Скопление — самоубийство, а дальше такой танец...

Корабль вышел к дальней границе Мрака, и появился новый ряд звезд. И среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфирово-синим. А там, за тройной звездой — желтое солнце.

— «...только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Звезда типа G при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого солнца. Бэннинг направил к ней корабль, думая о жестокой иронии совпадения — эта звезда, затерянная в глубинах дикого скопления, так сильно напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, была так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, и под ним проплывало западное полушарие планеты, ошестившееся горными пиками.

Горной гряды прежде не было, но сразу за ней половину полушария занимало плато очень древней формации, настолько

стабильное, насколько вообще что-либо может быть стабильным в этой изменчивой вселенной. Плато было ровным и пустынным, а в центре его стояло сооружение.

Бэннинг посадил «Солнечное пламя» рядом с сооружением. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, раздались слегка истеричные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники, другие люди столпились вокруг Бэннинга. Он поднялся, встряхнул головой и отстранил собравшихся. Рольф начал было выкрикивать какие-то слова триумфа, но Бэннинг посмотрел на него, и Рольф умолк.

— Возьми Джоммо и Тэрэнию, — сказал ему Бэннинг. — Они имеют право увидеть конец. Они проделали долгий путь, чтобы увидеть это.

Бэннинг повернулся и пошел один вниз по коридору к воздушному шлюзу, один, не считая своей двойной тени, обоих Арраки. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат девственного воздуха мира, которым никогда не пользовался человек.

За исключением одного раза.

Бэннинг пошел по бесплодной равнине. Солнце висело высоко в чистом голубом небе, на котором кое-где виднелись пятнышки небольших облаков. «ИМЕННО ТАКОЕ НЕБО, — подумал он, — БЫЛО В ТОТ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ НАД ГРИНВИЛЛЕМ». Он содрогнулся, воздух вдруг показался холодным. А перед ним, под плывущими облаками, возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячелетия назад созданное человеком.

— Конечно, человеком, — негромко сказал Сохмсей, зхом отзываясь на мысли Бэннинга. — Какое еще существо способно додуматься до такого?

Бэннинг повернулся к нему.

— Теперь я знаю, что значит увиденное тобой небо в огне. — Лицо Бэннинга было совершенно белым, и на его плечах лежала тяжесть миров — миров, звезд, жизней людей, полулюдей — всех живых существ в галактике.

Сохмсей склонил голову:

— Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Тэрэнии вышел Рольф. Они направились к Бэннингу. Свежий ветер развеивал их волосы и трепал одежды.

Лицо Бэннинга исказилось, словно в агонии. Он снова двинулся к Молоту.

Тот вздымался ввысь, стоя высоко на платформе величиной с Манхеттен — по крайней мере, такой она показалась ошеломленному Бэннингу. Чем-то Молот походил на оружие, чем-то на...

Нет, он ни на что не походил. Только на себя. Он был первым и единственным Молотом, началом, экспериментом, вынесенном в затерянное секретное место, где было достаточно материала для создания Молота, и откуда он мог достичь...

Бэннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то кудесником из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем плато, на котором она стояла.

Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривание, ни коррозия. Внутрь Молота вела дверь из металлокерамического сплава, и за ней были пульта управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сохмсею, Бэннинг резко приказал:

— Не впускай их сюда!

Арраки посмотрел на него. Что — любовь и вера, или отвращение и ужас — светилось в его странных глазах? У самого Бэннинга в мыслях не было определенности. Горло его болезненно сжималось, руки тряслись, как у старого паралитика.

Сейчас, теперь! Быть Старой Империи и трону Валькаров под сенью знамен с изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Тэрэнии не только себя, но и Рольфа, и Бехрента, и всех остальных?

Бэннинг положил руку на грудь и нащупал на тунике сверкавший драгоценными камнями символ, пылающее солнце. И внезапно рванулся в тишину комнаты прямо к рычагам вечных машин, удерживающих в своих недрах мощь Молота.

Он помнил все знания, тысячелетия передававшиеся от отца к сыну, и все записи древних книг из архивов. Они горели в его мозгу, глубоко вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все, и руки его работали быстро.

Вскоре он вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз, где его ждали Джоммо, Тэрэния, Рольф и оба Арраки — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Бэннинг сказал: «Подожди». Он смотрел вверх.

С колоссального указательного пальца Молота сорвалась длинная молния угрюмого темно-красного цвета. Гигантская молния метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу — и исчезла.

И больше ничего.

Бэннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас свершения великого святотатства. Он сделал то, чего никогда не делал ни один человек — и ужаснулся.

К нему повернулся Рольф, его лицо выражало дикое нетерпение. Тэрэния и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

— Что, он не работает?! — спросил Рольф. — Молот, он...

Бэннинг заставил себя говорить. Он не смотрел на Рольфа, он смотрел на растущее солнечное пятно, появившееся на желтом диске и особенно подчеркнувшее яркость солнечного пламени. В нем рос ужас от своего поступка.

— Он работает, Рольф. О Боже, он работает...

— Но как?! Что...

— Молот, — хрипло сказал Бэннинг. — ЭТОТ МОЛОТ РАЗБИВАЕТ ЗВЕЗДЫ.

Они не смогли сразу вместить знание в свой мозг, так дико и страшно оно было. Да и как могли это сделать они, если его собственный разум отшатывался от него все эти жуткие часы?

Он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть — все зависит теперь от этого.

— Звезды, — трудно начал он, — практически любая звезда потенциально нестабильна. Ее ядро служит топкой, где в ядерных реакциях горит, главным образом, водород. Ядро окружает массивная оболочка из гораздо более холодной материи, с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной точки удерживает холодную оболочку от коллапсирования.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он должен заставить их понять — или погибнуть.

Бэннинг закричал:

— Молот выбрасывает открывающий луч — почти ничто в сравнении с массой звезды, — но этого укола достаточно, чтобы открыть путь энергии ядра на поверхность. А без давления, создаваемого этой энергией, и удерживающего оболочку...

Выражение понимания, смешанного с благоговейным ужасом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь, — прошептал он.

— Да. Да, и ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

— Холодная оболочка, обрушивающаяся в сверхгорячее ядро — причина появления Новой...

— Новой?! — Рольф наконец понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его. — Так Молот может сделать любую звезду Новой?!

— Да.

Несколько секунд ужасающая дерзость такой мысли не позволяла Рольфу думать о чем-либо еще.

— Господи, Молот Валькаров, он может уничтожить звезду и все ее планеты...

Но Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности.

Он смотрел на Бэннинга.

— Ты использовал его для этой звезды? И эта звезда станет Новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Бэннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не сможем взять его, он слишком огромен... Значит, он погибнет, когда погибнет планета?

— Да, Рольф.

— Ты... уничтожил Молот?

— Да. Когда этот мир погибнет — через несколько часов — вместе с ним погибнет и Молот.

Бэннинг ожидал от Рольфа крика, отчаянных упреков, удара, даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, проведенной в служении Валькарам, жизнью, стержнем которой была надежда достигнуть Молота, который поможет вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом: все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа понуро опустились. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

— Ты должен был сделать так, Кайл.

Сердце Бэннинга подпрыгнуло.

— Рольф, ты понял?

Рольф кивнул, медленно и тяжело:

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, не-удивительно, что галактика восстала против Старой Империи! Убивать звезды — слишком ужасно, слишком неправильно...— После секундного молчания он с трудом добавил: — Но это нелегко, отказаться от мечты...

Тэрэния смотрела на них широко открытыми изумленными глазами, и краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Бэннинга.

— Кайл Валькар, — нерешительно сказал Джоммо, — не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас так же и другой человек, землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За это время, такое краткое, но показавшееся таким долгим, вокруг потемнело. Бэннинг посмотрел вверх.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль, так облачко служит предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете.

Сохмсей и Киш, уродливые и спокойные, молча ждали. Очертания злобешей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

— У нас мало времени,— принудил себя говорить Бэннинг.— Его может оказаться меньше, чем я рассчитывал — нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к «Солнечному пламени». И вдруг страх охватил Бэннинга, страх, которого никогда не приходилось испытывать человеку. Звезда вот-вот взорвется, и тогда планета, по которой они сейчас идут, сторит в расширяющейся оболочке умирающего светила, как бабочка сгорает в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Бэннинг, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожание рук, теперь от них снова зависели жизни всех людей на корабле. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускнело, и...

— НЕ СМОТРЕТЬ! — крикнул Джоммо.— Светофильтры на экраны! Светофильтры, быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю и корабль вышел из повиновения. Бэннинг, яростно нажимающий на клавиши, мельком увидел звезды, в безумном хороводе мчавшиеся через теперь затемненные экраны. И по мере того, как корабль вращался, в поле зрения попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свои смертоносные лепестки с невообразимой скоростью. Она заставила поблекнуть сияние Скопления, а Мрак дико вспыхнул отраженным светом. Казалось, вся галактика, содрогаясь, отшатнулась от нестерпимого блеска взрывающейся звезды.

Звезды, которую убил он...

Корабль продолжало крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло из виду.

Тройка звезд — зеленая, красная, голубая — возникла в грозной близости, и крейсер несло на них. Бэннинг ударил по клавишам и рванул корабль вверх, но крейсер сорвался обратно, и снова Бэннинг дрался за освобождение, и снова, и снова...

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумевшими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Потом медленно, очень медленно сознание Бэннинга начало воспринимать что-то помимо клавиш под его пальцами; медленно, очень медленно он понял, что сильнейшие волны энергии прошли, что «Солнечное пламя» практически обрел устойчивость и

удаляется от внушающего трепет пожара, охватившего небо позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Бэннинг его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался слеп и глух.

Но наконец Бэннинг все же услышал голос — голос из древних, древних времен, всего лишь шепот, но этот шепот проник сквозь броню, которую не смогли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Бэннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сохмсея. Он перевел взгляд на видеозэкран. Крейсер мчался через окраины Скопления, и впереди открывались широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Бэннинг понял: они боялись, что он слегка помешался.

Он поднялся и за пульт сел Бехрент. Бэннинг обвел взглядом белые лица вокруг него и посмотрел на задний видеозэкран. Там, позади, теперь далеко позади, он увидел за дальней границей Мрака великолепный погребальный костер.

— Кайл,— хрипло сказал Рольф.— Кайл, послушай...

Бэннинг не слушал. Он убил звезду, теперь на нем бремя космической вины, и ему было невыносимо видеть их лица и слышать их слова. Он прошел мимо них, проковылял по коридору в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там, позади, дело своих рук.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось, прошли долгие годы, прежде чем открылась дверь и вошла Тэрэния.

— Кайл. КАЙЛ!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и странным, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

— Тэрэния, Рольф и Хорик, и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они шли за мной. А я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для всей галактики!

— Знаю — но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего флота, который ждет нас там. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Тэрэния, скажи об этом Рольфу сама.

Она вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо и Сохмсей. Рольф быстро глянул на Бэннинга и вздохнул.

— Так, значит, он пришел в себя. Ну, неудивительно, что...

Тэрэния заговорила с ним, и брови Рольфа сердито сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару?! Нет!

— В своих мыслях она не желает смерти Валькару, — шепнул Сохмсей.

— Нет, — сказала Тэрэния. — О нет!

Бэннинг посмотрел на нее. Он в первый раз за это время разглядел ее лицо и увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Тэрэния?

В ее глазах появились слезы, но голос оставался твердым.

— Не человек из прошлого, не только Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну что ж... — Он отвернулся с опечаленным лицом. Потом повернулся обратно и протянул руку. — Я ненавижу Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них, на Бэннинга и Тэрэнию.

— Но я думал, что, в лучшем случае, вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю, — сказала Тэрэния. — Когда-нибудь — и не так уж долго осталось ждать — Империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд — как и все вы. Добро пожаловать, если пожелаете, к себе домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю — в просто Империю.

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф. — Так, значит, Валькар все же может сесть на трон?

Старая имперская гордость вспыхнула в глазах Тэрэнии.

— Не на трон, нет! — Но на ее лице, обращенном к Бэннингу, было написано волнение.

Он взял Тэрэнию за руку. Они не были влюбленными, пока они были лишь знакомыми, раз он теперь не тот человек, которого она когда-то любила. Но, может быть, новый человек, Бэннинг-Валькар, сможет завоевать то, что завоевал и отбросил Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его и, как он думал, не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих межзвездных просторах, была его родина, его будущее, его дом.

СОДЕРЖАНИЕ

Пол Андерсон	ЩИТ.	3
Пол Андерсон	ЛЮДИ ВЕТРА.	111
Эдмонд Гамильтон	ЗВЕЗДНЫЙ МОЛОТ.	273

ЩИТ

Сборник научно-фантастической прозы

Редактор А. Лютиков

Технический редактор Ю. Жихарев

Художественные редакторы А. Тарасова, В. Рошаль

Сдано в набор 25.03.92. Подписано в печать 26.04.92. Формат 60×86 1/16. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 22,00. Уч.-изд.л. 22,56. Тираж 50000 экз. Заказ № 293. Цена договорная. Издательство «Библиотека «Звезды». 190031, Санкт-Петербург, ул. Пржевальского, 18/69, корп. «В» при участии АО «ЭГОС». Набор произведен в Агентстве «Сфинкс СПб», 193167 Санкт-Петербург, Невский пр., 176, а/я 875. Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова издательства «Финансы и статистика» Госкомпечати СССР, 195273, Санкт-Петербург, Руставели, 13.

